

ЗЕМЛЯ КУРГАНСКАЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Выпуск 23

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
«Курганская область в истории России»
12 апреля 2023 г.

Курган, 2023

Министерство науки и высшего образования РФ
Управление культуры Курганской области
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»
ГБУК «Курганская областная универсальная научная
библиотека им. А. К. Югова»

Совет отделения Российского исторического общества в Курганской области

ЗЕМЛЯ КУРГАНСКАЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Выпуск 23

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
«Курганская область в истории России»

12 апреля 2023 г.

Курган 2023

УДК 91(471.5)+9(471.5)
ББК 26.890(2Рос-4Кур)+63.3(2Рос-4Кур)
3-53

Земля Курганская: прошлое и настоящее : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Курганская область в истории России», 12 апреля 2023 г. / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Л. Авдеенко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. – Вып. 23. – 222 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

В. М. Костомаров, канд. ист. наук, директор института социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»;

А. А. Насырова, генеральный директор ГАУК «Курганское областное музейное объединение».

Издание представляет собой сборник докладов и сообщений, составленный по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Курганская область в истории России» и состоящий из трех разделов: «Проблемы региональной истории», «Краеведческие исследования», «Фольклорно-литературное краеведение».

Научные изыскания участников конференции будут интересны начинающим и опытным исследователям истории родного края.

ISBN 978-5-4217-0670-0

© Курганский государственный университет, 2023
© Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова, 2023
© Авторы, 2023

**Д. Н. Маслюженко,
Р. О. Виноградов,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган**

ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МЕНЩИКОВА

3 июня 2022 года, недожив несколько недель до своего 57-летия, скончался один из самых любимых и уважаемых студентами и коллегами преподавателей-историков Владимир Владимирович Менщиков.

Оба автора этой статьи являются его учениками. Первый (Д. Н. Маслюженко) познакомился с ним в 1995 году после поступления тогда еще на историко-филологический факультет КГПИ на 1 курсе в ходе прохождения учебного курса, посвященного средневековой истории Руси. В 2000 году он стал его аспирантом, а в 2004 году защитил под его руководством кандидатскую диссертацию о средневековой истории лесостепного Приоболжья. Второй (Р. О. Виноградов) писал под руководством Владимира Владимировича свою магистерскую диссертацию по историографии русской колонизации Зауралья, которую защитил в 2015 году.

На основании личного дела В. В. Менщикова из архива КГУ можно реконструировать его жизненный путь [1].

Он родился 20 июня 1965 года в г. Кургане, окончил среднюю школу № 29. Был членом ВЛКСМ с 1979 года. После окончания школы в 1982 году поступил и в 1987 году окончил Пермский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «История» с квалификацией «Историк. Преподаватель истории и обществоведения». В период обучения был председателем студенческого научного общества. Затем был распределен на кафедру истории КПСС Пермского политехнического института в качестве ассистента. Спустя год после увольнения по собственному желанию стал референтом Правления Курганской областной организации общества «Знание», откуда в 1989 году переведен в КГПИ в качестве ассистента на кафедру истории СССР (с 1991 года – истории России).

Его первыми дисциплинами стали «Источниковедение», «Историческое краеведение» и «История России (период феодализма)». В 1990 году впервые принял участие в научной конференции «IX Бирюковские чтения» в Челябинске, опубликовал свою первую статью (наверное, в каком-то смысле она символично вышла в первом выпуске сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее») и принял участие в редактировании альбома «Краеведы Зауралья», который в тяжелых условиях 1991 года так и не был издан. Одновременно с этим был лектором общества «Знание» и заместителем декана факультета.

С 1 октября 1992 года зачислен в целевую аспирантуру при КГПИ, которую окончил 3 апреля 1995 года в связи с защитой кандидатской диссертации «Южное Зауралье в XVII–XVIII вв.» (научный руководитель, д-р ист. наук, проф. Н. Ф. Емельянов) по специальности «Отечественная история» 24 февраля 1995 года в диссертационном совете КГПИ. Во время обучения за достижения в научно-исследовательской деятельности удостоен стипендии Президента РФ и дважды стал лауреатом Молодежной премии администрации Курганской области. В 1994 также стал членом-корреспондентом Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, которая была основана ООН.

После окончания аспирантуры В. В. Менщиков занял ту же должность ассистента кафедры и стал заместителем декана историко-филологического факультета по учебной работе. Кстати, именно в 1995 году им был разработан новый курс «Историческая география», который он читал и в последующие годы, как и курс по истории России (с древнейших времен до конца XVI века). С 30 мая 1995 года он избран старшим преподавателем кафедры истории России, а спустя ровно семь месяцев – доцентом той же кафедры. Одновременно активно занимался общественной деятельностью, в том числе стал членом Русского географического общества и председателем Курганского регионального отделения общества «Энциклопедия российских деревень».

С 1 апреля по 30 июня 1996 года В. В. Менщиков проходил стажировку в университете г. Лозанна (Швейцария). 22 апреля 1998 года решением Министерства общего и профессионального образования РФ ему было присвоено звание доцента. После этого он стал ученым секретарем диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук. С 1 сентября 2001 года переведен на должность старшего научного сотрудника для завершения собственной докторской диссертации.

С сентября 2003 года в связи с разделением историко-правоведческого факультета на исторический и юридический Г. Г. Павлуцких, который был заведующим кафедрой отечественной истории, назначен деканом истфака. Его предыдущую должность занял именно В. В. Менщиков. Большим событием для региональной исторической науки стало получение 1 ноября 2003 года на базе уже имеющегося совета при истфаке КГУ

разрешения на проведение защит диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук. Именно в данном совете в январе 2005 года и была защищена докторская диссертация самого Владимира Владимировича по теме «Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии».

С 12 апреля до 30 сентября 2005 года В. В. Меншиков являлся исполняющим обязанности декана юридического факультета КГУ, оставаясь по совместительству профессором кафедры отечественной истории. Осенью 2005 года в составе юридического факультета были созданы новые кафедры, в том числе кафедра теории и истории государства и права, которую также возглавил В. В. Меншиков.

Еще одной вехой в его карьере стало присвоение Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки 15 октября 2008 года ученого звания профессора по кафедре отечественная история. К этому времени у него было уже два собственных защитившихся аспиранта В. В. Пестерев и Д. Н. Маслюженко. Несмотря на основную работу именно на юридическом факультете, он не разрывал отношения с истфаком, оставаясь профессором кафедры отечественной истории и документоведения. В конце ноября 2015 года он окончательно вернулся именно на истфак и был избран заведующим этой кафедрой.

28 декабря 2018 года была проведена реструктуризация всего университета, факультеты были объединены в институты, эта реформа коснулась и некоторых кафедр. В результате Владимир Владимирович был переведен на должность профессора кафедры «История и документоведение», которым и оставался до трагического события.

На основании отчетов кафедры, списков научных работ Владимира Владимировича, которые он подавал в отдел кадров университета в рамках процедуры переизбрания, и базы данных российской научной электронной библиотеки eLibrary.Ru был воссоздан список его научных, научно-популярных работ. Всего им было, в том числе в соавторстве, подготовлено 174 тезисов, статей и разделов в монографиях, энциклопедиях, учебных и краеведческих пособиях. Не для всех из них удалось установить точные страницы, однако в целом они показывают широту интересов автора в изучении колониционных процессов на Урале и в Западной Сибири, вопросах историко-географического районирования, истории отдельных населенных пунктов Курганской области, проблем теории и методологии исторической науки [12], а также истории региональной исторической науки. В период его работы на юридическом факультете заметен крен работ в сторону проблем теории государства и права (см. Список трудов в конце статьи). Причем много внимания им уделено не только написанию этих работ, но и участию в подготовке и редактировании сборников материа-

лов всероссийских конференций «Зырянские чтения» и «Емельяновские чтения», а в последние годы и воссозданного при его участии сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее».

В. В. Меншиков, несмотря на широту исторических интересов, в первую очередь был специалистом по вопросам колонизации Зауралья и юга Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Уже в самой первой своей работе на данную тематику он делает попытку указать на народный характер колонизации, которая проводилась слободчиками: «Царская администрация в этих случаях лишь узаконивала действия частных лиц. Частному лицу выдавалась воеводская наказная памятка, тем самым это лицо становилось под контроль воеводской администрации. Слободчик становился низшим представителем администрации» [3, с. 69].

Далее большинство его работ будут посвящены именно данному вопросу. Особенно хорошо это прослеживается в его монографии «Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII веках. Общее и особенное в региональном развитии». Им был проведен подробный анализ работ, формирующих историографию данного вопроса, особенно относительно анализа факторов сопротивления местного населения. По его мнению, «явствует, что южная часть Зауралья в первой половине XVII века хотя и входила в сферу интересов Российского государства, но еще не стала зоной активной русской колонизации. Эта территория была своего рода буферной зоной между освоенными районами Зауралья и территорией основных кочевий калмыков, кучумовичей и чуть дальше - ногайский татар» [3, с. 79]. Следует отметить и изучение им не только русского расселения на территории Зауралья, но и башкирской колонизации: «Во второй половине XVII века в Зауралье происходят изменения в системе межэтнических отношений. На первый план в отношениях с русскими переселенцами выходят взаимоотношения с башкирами и киргиз-кайсаками (казахами). Башкирское население начинает постепенно перемещаться на восток. Начинается башкирская колонизация Зауралья» [3, с. 81]. По его мнению, эта колонизация несет в себе скотоводческую специфику и, хотя и сталкивается с наступающими с севера русскими колонистами, все же расходитсся с последней в своих поселенческих структурах. Ему удается выяснить, что башкиры оседают в основном по берегам озер, что кардинально расходитсся с характером русской колонизации, занимающей в основном приречные участки. Эти выводы очень важны, так как в работах ученых, занимавшихся историей заселения Зауралья ранее, вопросам синхронизации русской и башкирской колонизации уделялось довольно мало внимания, особенно в свете имеющихся собственно в башкирской историографии концепций этногенеза зауральской группы этого народа. Историки воспринимали постройку городов, деревень и сло-

бод, прежде всего, с точки зрения развития русской колонизации в данный период. Рассмотрение же заселения данной территории инородцами как колонизаторами фактически не проводилось. В. В. Меншиков в рассматриваемой работе также дает описание причин и хронологии смещения русских оборонительных линий [3, с. 83].

Рассматривая вопрос о характере русской колонизации в среднем течении Тобола, автор проводит математический анализ, им отмечается начальная незначительная доля служилого населения, затем ее возрастание по мере присоединения сибирских пространств и превращения слободы из передовой крепости в военную базу. Тщательно он подходит и к вопросу о взаимодействии официального правительства и местного населения: «С одной стороны, государство постоянно провозглашало миролюбивое и покровительственное отношение к аборигенам, пытаясь оградить их от злоупотреблений и лихоимств, к которым прибегали местная администрация и служилые люди. Но, с другой стороны, оно же требовало безусловного объяснения иноземцев, рекомендуя воеводам и приказчикам использовать для этого любые способы и меры вплоть до силовых». Затрагивая тему существования простых деревень, автор также указывает, что, несмотря на мирный характер их жизни, постоянная военная опасность диктовала необходимость строительства укрепленных деревень. Тесную связь развития поселений с внешней политикой В. В. Меншиков прослеживает и при рассмотрении подданства Казахских Жузов, фактически выдвигая тезис о вынужденной колонизации окраин Южного Зауралья в ответ на набеги кочевых племен [7, с. 91].

Говоря о путях переселений, автор выделяет, опять же в отличие от предыдущих исследователей, четыре направления: из Поморья, из Предуралья, из центральных районов и местную колонизацию. Во многом это является прорывом, так как чаще всего выделялось лишь одно-два направления.

Особой вехой в трудах В. В. Меншикова служат его работы, посвященные хронологии основания различных населенных пунктов, в частности дате основания слободы Царево Городище. В своих работах он оспаривает дату основания, предложенную А. А. Кондрашенковым и Н. А. Лапиным, находя архивные документы, которыми пользовались авторы, и доказывая несостоятельность их концепции [9, с. 159]. Вместе с коллективом авторов исторического факультета КГУ им была подготовлена наиболее объемная на данный момент монография по истории слободы [11]. К сожалению, обсуждавшаяся аналогичная работа по истории слободы Белозерской так и осталась ненаписанной.

Продолжая исследовать процесс колонизации Зауралья, автор дает подробную оценку формирования поселенческой структуры: в начале

основывалась крепость или острог, а затем по концентрической структуре начинали образовываться деревни, при этом слободы служили еще и перевалочными базами для создания новых укрепленных линий и поселений. В. В. Меншиков отмечал постепенный переход от речной поселенческой структуры к водораздельной, связывая это с уменьшением военной опасности [10, с. 99].

С середины 2010-х годов В. В. Меншиков, став научным руководителем магистратуры по истории, совместно со своим магистрантом и позднее аспирантом Н. В. Перцевым обращается к ранней истории колонизаций Сибири [6]. В нескольких работах исследуется вопрос раннего проникновения русского населения за Уральский хребет, в том числе преимущественно представителей новгородского княжества [4], а также роли отдельных городов в этом процессе [5].

Одной из последних работ В. В. Меншикова совместно с одним из авторов этой статьи Р. О. Виноградовым стала статья «В поисках слободы Царево Городище на р. Исеть». В ней была сделана попытка вернуться к более ранним работам, в которых подвергалась критике дата основания Царево Городища, но уже с целью поиска одноименной слободы на р. Исеть, по всей видимости, разрушенной во время башкирского восстания, жители которой впоследствии переселились в Шадринск [2]. Автор считает необходимым начать археологический поиск этой слободы, предвещая проект курганских археологов при поддержке Российского исторического общества по выявлению остатков русских крепостей как объектов культурного наследия.

В лице В. В. Меншикова региональная историческая наука потеряла не только крупнейшего исследователя XVII–XVIII вв., но и популяризатора науки, который умел выступать перед школьниками и обсуждать даже самые сложные вопросы с представителями СМИ.

*Список научных, краеведческих и научно-популярных трудов
доктора исторических наук, профессора
В. В. Меншикова за 1990–2022 годы*

1 Меншиков В. В. Заселение русскими Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Вып. 1. – Курган, 1990. – С. 68–73.

2 Меншиков В. В. К вопросу о соотношении правительственной и вольнонародной колонизации в Южном Зауралье в XVII–XVIII веках // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Вып. 2. – Курган, 1991. – С. 9–13.

3 Меншиков В. В. Особенности заселения Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Материалы научно-краеведческой конференции, посвященной 50-летию Курганской области. Вып. 3. – Курган, 1992. – С. 56–61.

- 4 Меншиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А. Заселение Южного Зауралья в XVII–XIX вв. – Курган, 1992. – 92 с.
- 5 Меншиков В. В. Особенности демографических процессов в Южном Зауралье в XVII–XVIII вв. // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции. – Москва, 1992. – С. 47–48.
- 6 Меншиков В. В. Особенности землевладельческого освоения Южного Зауралья в XVII веке // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Вып.5. – Курган, 1993. – С. 11–14.
- 7 Меншиков В. В. Влияние природно-географического фактора на русскую и западноевропейскую колонизацию в эпоху позднего средневековья (к постановке проблем) // Россия и Западная Европа: диалог культур. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Курган, 1993. – С. 46–47.
- 8 Меншиков В. В. Роль казачества в освоении Южного Зауралья в XVII в. // Казачество на государственной службе. Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 1993. – С. 20–22.
- 9 Меншиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А. Освоение Южного Зауралья в XVII–XIX вв. – Курган, 1993. – 107 с.
- 10 Меншиков В. В. Воинские ресурсы Южного Зауралья в середине XVIII века. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Материалы научно-практической конференции. Вып.7. – Курган, 1994. – С. 34–38.
- 11 Меншиков В. В., Павлуцких Г. Г., Никитин В. А. Социально-политическая история Южного Зауралья в XVII–XIX веках. – Курган, 1994. – 82 с.
- 12 Меншиков В. В. Взаимоотношения русских переселенцев и местного населения в Южном Зауралье в XVII–XVIII вв. // Одиннадцатые Бирюковские чтения. Материалы конференции. – Шадринск, 1994. – С.111–113.
- 13 Меншиков В. В. Основные тенденции развития системы местного управления в Южном Зауралье в феодальную эпоху // Вестник Курганской областной Думы. 1994. – № 1. – С. 3–4.
- 14 Меншиков В. В. Переписи как источник по истории заселения Южного Зауралья в XVII–первой половине XVIII века // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Архивной службы Курганской области. Вып.8. – Курган, 1994. – С. 87–90.
- 15 Меншиков В. В. Особенности межэтнических конфликтов в Южном Зауралье в XVII–XVIII вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч.2 – Челябинск, 1995. – С.35–37.
- 16 Меншиков В. В. География русского населения Южного Зауралья во второй половине XVII в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Вып.12. – Шадринск, 1995. – С. 81–84.
- 17 Меншиков В. В. Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. // История Курганской области (с древнейших времён до 1861 года). Т.1. – Курган, 1995. – С. 103–194.
- 18 Свищев П. А., Меншиков В. В. Из опыта работы Курганского регионального общества «Энциклопедия российских деревень» // Летопись уральских деревень. Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1995. – С. 226–227.
- 19 Меншиков В. В. Основные этапы заселения Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. // География: приложение к газете «Первое сентября». – 1996. – № 8.
- 20 Ершов М. Ф., Меншиков В. В. Проблемы обособленности в период формирования региона // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. – Екатеринбург, 1996. – С. 65–67.
- 21 Меншиков В. В. Итоги и задачи энциклопедического описания сельских населённых пунктов Зауралья // Итоги и задачи регионального краеведения. Материалы Всероссийской конференции. Ч.1. – Курган, 1997. – С. 6–9.
- 22 Меншиков В. В. Основные проблемы историографии истории феодального Зауралья // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Вып.20. – Курган, 1997. – С. 35–50.
- 23 Свищев П. А., Меншиков В. В., Павлуцких Г. Г. Русское пьянство как социокультурный феномен: к постановке проблем // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. Материалы второй областной научно-практической конференции. – Курган, 1997. – С. 47–51.
- 24 Меншиков В. В. К итогам работы курганских краеведов // Вопросы краеведов. – 1998. – № 3. – С. 70–71.
- 25 Меншиков В. В., Ершов М. Ф. Историко-географические аспекты формирования Зауральского региона // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 1998. – С. 290–291.
- 26 Меншиков В. В. Далматово в XIX–XX вв. // История Курганской области (Города Южного Зауралья в досоветский период). Т.3. – Курган, 1998. – С. 45–64.
- 27 Меншиков В. В. Слобода Царево Городище // История Курганской области (Города Южного Зауралья в досоветский период). Т.3. – Курган, 1998. – С. 157–166.
- 28 Меншиков В. В. К вопросу об историко-географическом районировании Исетского земледелия в XVII веке // Шадринская провинция. Материалы второй региональной краеведческой конференции. – Шадринск, 1998. – С. 56–57.
- 29 Меншиков В. В., Никитин В. А. Роль городов в пространственной локализации Южно-Зауральского региона в XVII–XIX вв. // Культурное

наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1998. – С. 208–210.

30 Бубнов С.Е., Менщиков В.В. Использование анализа ценностных ориентаций при изучении беломестного казачества Южного Зауралья в XVII в. // Катанаевские чтения-98. Материалы докладов Второй Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 1998. – С. 202–204.

31 Менщиков В. В. Далматово // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 172.

32 Менщиков В. В. Утятское // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – С. 552.

33 Менщиков В. В. Историко-географические исследования Зауралья в 1990-х годах // Известия Русского географического общества. – 1999. – Т. 131. – № 6. – С. 62–62.

34 Менщиков В. В. Основные проблемы историографии истории культуры Зауралья XVIII–XIX веков // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сборник научных трудов. Вып. 2. – Курган, 1999. – С. 9–12.

35 Менщиков В. В. Русско-казахские отношения в Южном Зауралье в XVIII в. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 42–43.

36 Горин Н. И., Ершов М. Ф., Менщиков В. В. Три облика Шадринска: социодинамика города // Шадринская старина: краеведческий альманах. Вып.8. – Шадринск, 2000. – С. 4–8.

37 Менщиков, В.В. Зауралье в контексте исторического развития территориальных структур // Урал на пороге третьего тысячелетия. Материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2000. – С. 78–79.

38 Менщиков В.В. Государственная власть и народы Урала в XVII – начале XX века // Православие и культура этноса. Международный научный симпозиум: тезисы докладов. – Москва, 2000. – С. 43–49.

39 Менщиков В.В. Проблемы развития исторической регионалистики на примере изучения Зауралья // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетия. Четвёртые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2000. – С. 359–362.

40 Менщиков В. В. Использование методов синергетики в цивилизованной интерпретации российского исторического процесса // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Материалы Всероссийской научной конференции. – Тюмень, 2000. – С. 31–32.

41 Горин Н. И., Ершов М. Ф., Менщиков В. В. Анализ социодинамики процессов градообразования на примере исторической судьбы города Шадринска // Монопрофильные города и градо-

образующие предприятия: аналитическое исследование проблемы градообразующих предприятий и моногородов в национальном масштабе. Т. 2. – Москва, 2000. – С.90–101.

42 Менщиков В. В. Перспективы историко-географического изучения сельских населенных пунктов Зауралья // Географическая наука и образование, геополитика и история. Тезисы докладов XI съезда РГО. – Санкт-Петербург, 2000.

43 Менщиков В. В. Общее и особенное в процессах колонизации: системно-функциональный аспект // Музей – ты мир! Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию Курганского областного краеведческого музея. – Курган, 2001. – С. 72–75.

44 Менщиков В. В. Древняя и Московская Русь: проблема преемственности // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования. Шестые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2002. – С. 80–82.

45 Менщиков В. В. Юридический аспект исторической регионалистики // Юрист XXI века: реальность и перспективы. Всероссийская научно-практическая конференция. – Екатеринбург, 2002. – С. 497–500.

46 Менщиков В. В. Достоинства и недостатки избирательной системы по одномандатным округам (на примере выборов в Курганскую областную Думу) // Роль федеральных политических партий в формировании и управлении российской политической системы. Бюллетень Консультативного совета при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в УрФО. – Екатеринбург, 2002.

47 Менщиков В. В. К вопросу о цивилизованной интерпретации российского исторического процесса в X–XVII вв. // Система ценностей человека как социокультурная реальность: сборник научных трудов. – Курган, 2002. – С. 44–50.

48 Менщиков В. В. Сельские населенные пункты как объект исторического исследования (вместо предисловия) // История сел и деревень Зауралья: сборник научных трудов. – Курган, 2002. – С. 3–4.

49 Жданов В. П., Менщиков В. В. Переписи начала XVIII в. как источник по истории Крутихинской слободы // История сел и деревень Зауралья: сборник научных трудов. – Курган, 2002. – С. 37–41.

50 Менщиков В. В. О дате основания города Кургана (источниковедческий аспект) // 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2002. – С. 36–38.

51 Менщиков В. В. Государственно-правовые аспекты российской исторической регионалистики // Юридическая наука и практика: проблемы теории и истории: сборник научных статей. – Курган, 2002. – С. 16–20.

52 Менщиков В. В. Евразийство в контексте цивилизованной парадигмы // Межкультурный диалог на Евразийском пространстве. История народов, государства и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. – Уфа, 2002. – С. 114–116.

53 Абдулин Р. С., Бушмакин А. Н., Менщиков В. В., Филонова О. И. Становление органов юстиции и института судебных приставов на территории Южного Зауралья. Т.2. Послереволлюционный период. Монография. – Курган, 2002. – 47 с.

54 Менщиков В. В. Характер этнических взаимодействий в Южном Зауралье в XVII–XVIII вв. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. – Челябинск, 2002. – С. 172–174.

55 Менщиков В. В. Зауральская деревня: народные промыслы и ремесла // Ветер времен. – Курган, 2003. – С. 58–63.

56 Менщиков В. В. Павлуцких Геннадий Геннадьевич // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2003. – С. 271.

57 Менщиков В. В. Историческая локализация (микроистория) в системе гуманитарного знания // Историко-педагогические чтения. – 2003. – № 7. – С. 132–134.

58 Менщиков В. В. Историческое краеведение в контексте современного гуманитарного знания // Регионоведение. – 2003. – № 3 (44). – С. 293–300.

59 Менщиков В. В. Использование методов наукометрии в историографическом анализе // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: сборник научных трудов. Вып.5. – Курган, 2003. – С. 251–255.

60 Менщиков В. В. Противоречия евразийства как качественной характеристики национальной идентичности российского общества // Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2003. – С. 93–96.

61 Менщиков В. В. Историческая локализация и краеведение // Краеведческо-патриотическое образование в современных условиях: материалы областной научно-практической конференции. – Курган, 2003. – С. 9–11.

62 Менщиков В. В. Межэтнические конфликты и их последствия в Зауралье в период русской колонизации // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. – Москва, 2003.

63 Менщиков В. В. Историческая регионализация в контексте юридических проблем // Междисциплинарные связи в преподавании дисциплин гуманитарного и юридического циклов. Материалы научно-практического семинара. – Екатеринбург, 2003.

64 Менщиков В. В., Никитин В. А. Города Зауралья в системе межрегиональных связей в XVIII–XIX вв. // Зыряновские чтения. Материалы

межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2003. – С. 43.

65 Менщиков В. В. Евразийство как характеристика социокультурной идентичности российского общества // Историческое пространство России: инерция и трансформация. – Челябинск, 2003. – С. 16–18.

66 Менщиков В. В. Региональный контекст изучения социальной структуры Зауралья (на примере беломестного казачества) // Зыряновские чтения. Материалы II межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2004. – С. 49–50.

67 Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Монография. – Курган, 2004. – 200 с.

68 Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В. Этнополитические условия падения Сибирского ханства Кучума и начало освоения Сибири русскими // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2005. – № 3. – С. 62–65.

69 Менщиков В. В. Русское освоение Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. и формирование новой культурной среды // История культуры Южного Зауралья. Т.1. – Курган, 2005. – С. 98–113.

70 Менщиков В. В. Этнополитические взаимодействия в Зауралье в XVIII веке // Зауралье в панораме веков: межвузовский сборник научных трудов. – Курган, 2005. – С. 96–107.

71 Менщиков В. В. Историко-юридические проблемы взаимодействия центральной власти и регионов // Актуальные проблемы российского права XXI в. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Курган, 2005. – С. 3–8.

72 Менщиков В. В. Евразийство в контексте национальной и цивилизационной идентичности России // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2006. – № 7. – С. 69–72.

73 Менщиков В. В. Проблема межэтнической толерантности в процессе русской колонизации Зауралья // Система ценностей человека как социокультурная реальность: сборник научных трудов. Вып.2. – Курган, 2006. – С. 89–96.

74 Кислицын В. А., Менщиков В. В., Совков Д. М. Курганская область: Зауралье, Урал или Сибирь? // Зыряновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «VI Зыряновские чтения». – Курган, 2006. – С. 11–13.

75 Горин И. Н., Менщиков В. В. Культурно-исторические символы и историческая память // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества. XI международные историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2007. – С. 67–71.

76 Менщиков В. В. Концепт локальности в историческом познании // Вестник Курганского

государственного университета: Гуманитарные науки. – 2007. – № 10. – С. 38–40.

77 Менщиков В. В. Историческая регионалистика в контексте методологических проблем // Как изучают историю в высшей школе: опыт, перспективы, дискуссии. – Москва, 2007. – С. 210–211.

78 Менщиков В. В. Локальная история в региональном измерении // Историк и его эпоха. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Данилова. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 70–72.

79 Менщиков В. В. Возрастная структура населения Зауралья в начале XVIII века // II Емельяновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2007. – С. 61–62.

80 Менщиков В. В. Евразийство и национальная идентичность России // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2007. – С. 406–410.

81 Менщиков В. В. Государственность как политико-юридическая категория: к постановке проблемы // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2007. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Ч.1. – Челябинск, 2007. – С.174–176.

82 Менщиков В. В. Эвристическое поле исторической локалистики и регионалистики // Теоретико-методологические проблемы современного социогуманитарного знания: сборник научных трудов. – Курган, 2007. – С. 21–25.

83 Менщиков В. В., Бубнов С. Е. Специфика агропромышленных структур казачества Зауралья XVII–XVIII вв. // Русский вопрос: история и современность. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Омск, 2007. – С.437–438.

84 Менщиков В. В. Концепт другого и диалог с источником // История идей и история общества. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2008. – С. 205–206.

85 Менщиков В. В. Миграционные процессы в Зауралье в XVII–XVIII вв. // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2008. – С. 8–9.

86 Менщиков В. В. Культура землепользования русского населения Зауралья в XVII–XVIII веках // История и этнология: на перекрестке времен и культур. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2008. – С. 80–85.

87 Менщиков В. В., Горин И. Н. Концепт «Исторической памяти» в современной историографии // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы Международной научной конференции. – Москва, 2008. – С. 318–320.

88 Менщиков В. В. Категория возраста в тра-

диционной культуре // Время в координатах истории: тезисы международной научной конференции. – Москва, 2008. – С. 174–176.

89 Менщиков В. В. Структура и продуктивность аграрного производства в Зауралье в XVII–XVIII вв. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ч.1. – Омск, 2008. – С. 168–171.

90 Менщиков В. В. «Историописание» и отечественная историческая традиция // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2009. – № 16. – С. 27–32.

91 Менщиков В. В., Никитин В. А. Далматово // Историческая энциклопедия Сибири. Т.1. – Новосибирск, 2009. – С. 447.

92 Менщиков В. В., Пестерев В. В. Далматовский Успенский монастырь // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. – Новосибирск, 2009. – С. 447–448.

93 Менщиков В. В. Зауралье // Историческая энциклопедия Сибири. Т.1. – Новосибирск, 2009. – С. 587.

94 Менщиков В. В., Никитин В. А., Резун Д. Я. Катайск // Историческая энциклопедия Сибири. Т.2. – Новосибирск, 2009. – С. 44.

95 Менщиков В. В., Никитин В. А., Резун Д. Я. Курган // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. – Новосибирск, 2009. – С. 237–238.

96 Кислицын В. А., Менщиков В. В., Пундани В. В., Романов Р. Е., Христолюбский В. С., Шилов С. Н. Курганская область // Историческая энциклопедия Сибири. Т.2. – Новосибирск, 2009. – С. 239–243.

97 Комлева Е. В., Менщиков В. В., Никитин В. А. Куртамыш // Историческая энциклопедия Сибири. Т.2. – Новосибирск, 2009. – С. 247–248.

98 Менщиков В. В., Никитин В. А. Макушино // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. – Новосибирск, 2009. – С. 312.

99 Менщиков В. В., Никитин В. А. Шадринск // Историческая энциклопедия Сибири. Т.3. – Новосибирск, 2009. – С. 518–519.

100 Менщиков В. В., Никитин В. А. Щучье // Историческая энциклопедия Сибири. Т.3. – Новосибирск, 2009. – С. 556.

101 Менщиков В. В. «Историописание» и отечественная историческая традиция // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 5. – С. 27–32.

102 Менщиков В. В. «Локальность» в гуманитарном познании // Социально-экономические аспекты управления регионами в посткризисный период. Сборник научных трудов. – Курган, 2009. – С. 226–229.

103 Менщиков В.В. Начало русского земледельческого освоения Зауралья // IV Емельяновские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2009. – С. 7–9.

104 Менщиков В. В., Горин И. Н. Историческая память в современном историческом дискурсе // SALIVONICA: сборник научных статей памяти А. Н. Саливона (1949–2007 гг.). – Курган, 2009. – С. 54–61.

105 Менщиков В. В. Ценности общественного сознания и историческое осмысление государства // Правовые вопросы современности: теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2009. – С. 13–15.

106 Менщиков В. В. Концепт пространства в историческом познании // Сибирская, Тобольская, Тюменская губернии: исторический опыт и современные управленческие практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2009. – С. 120–122.

107 Менщиков В. В. Восприятие возраста в традиционных обществах // Формы и способы презентации времени в истории. Сборник научных статей. – Москва, 2009. – С. 145–154.

108 Менщиков В. В. Историческое познание и ценности общественного сознания // Историк и его эпоха. Вторые Даниловские чтения. – Тюмень, 2009. – С. 182–187.

109 Менщиков В. В. Основные формы землепользования русского населения Зауралья в XVII–XVIII веках // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2010. – № 19. – С. 41–43.

110 Менщиков В. В. Ценностные функции историописания // История как ценность и ценностные отношения к истории. XIV всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург, 2010. – С. 142–146.

111 Менщиков В. В. Курган (история) // Большая Российская энциклопедия. Т.16. Крещение Господне – Ласточковые. – Москва, 2010. – С. 386–388.

112 Менщиков В. В. Историография и историописание: взаимодополняющие или конкурирующие понятия? // Терминология исторической науки. Историописание. – Москва, 2010. – С. 37–57.

113 Менщиков В. В. Историописание в советской исторической науке // Емельяновские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2010. – С. 12–15.

114 Глебов А. Н., Коков А. И., Менщиков В. В. Конструирование юридического и исторического знания. – Курган, 2010. – 94 с.

115 Архипов Б. В., Менщиков В. В. Историческое кино как фактор формирования исторического сознания // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2011. – № 22. – С. 58–61.

116 Менщиков В. В. Конструирующая роль локального объекта в историческом познании // Методологические аспекты современного историописания и исторической локалистики: сборник научных трудов. – Курган, 2011. – С. 15–25.

117 Менщиков В. В. Этнополитические конфликты в Зауралье в XVII–XVIII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. – Курган, 2011. – С. 121–126.

118 Менщиков В. В. Места выхода переселенцев в Зауралье в XVII–XVIII веках // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2012. – С. 79–81.

119 Архипов Б. В., Менщиков В. В. Задачи исторического образования // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Н. Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ. – Курган, 2012. – С. 6–7.

120 Менщиков В. В. Николай Алексеевич Абрамов: к 200-летию со дня рождения // X Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2012. – С. 5–6.

121 Менщиков В. В. К вопросу о дате основания слободы Царево Городище на реке Тобол // Сибирские исторические исследования. – 2013. – № 2. – С. 6–14.

122 Архипов Б. В., Дружкова С. А., Менщиков В. В. Фальсификации и интерпретации в историческом знании // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (31). – С. 63–66.

123 Азнабаев Б. А., Анисимов М. Ю., Артамонов В. А., Бахтин А. Г., Виноградов А. В., Зайцев И. В., Колесников И. Н., Кучумов И. В., Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Овсянников Д. В., Побережников И. В., Таки В. В. Империиография Бориса Нольде // Нольде Б. Э. История формирования Российской империи / отв. ред. акад. РАН В. А. Тишков. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 11–114.

124 Менщиков В. В. Предисловие // XI Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2013. – С. 4.

125 Менщиков В. В. Пундани – штрихи к портрету ученого на фоне современной историографии // XI Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2013. – С. 5–6.

126 Менщиков В. В. О дате основания слободы Царево Городище // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. XXIII том. Курган. – Тобольск, 2014. – С. 28–32.

127 Менщиков В. В., Павлуцких Г. Г. Население и экономика Кургана в эпоху буржуазный трансформаций (1861–1917 гг.) // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. XXIII том. Курган. – Тобольск, 2014. – С. 91–100.

128 Менщиков В. В. Творчество Николая

- Абрамова // Тобольск и вся Сибирь. Альманах. XXIII том. Курган. – Тобольск, 2014. – С. 231–215.
- 129 Менщиков В. В. Формирование поселенческой структуры в Зауралье в XVII–XVIII веках // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных залежных земель. Ч.1. – Омск, 2014. – С. 99–103.
- 130 Менщиков В. В. Петухово // Большая Российская энциклопедия. Т.26. Перу – полуприцеп. – Москва, 2014. – С. 138.
- 131 Кучумов И. В., Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Сахибгареева Л. Ф. Покорение Западной Сибири в изложении Б. Э. Нольде // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). – Курган, 2014. – С. 24–27.
- 132 Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Перова М. А. Этнонациональный фактор в демографии Курганской области (по данным переписей советского времени) // Вестник Курганского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5 (39). – С. 61–70.
- 133 Менщиков В. В., Перцев Н. В. О локализации летописной Югры // Сибирский сборник. Вып.3. – Курган, 2015. – С. 24–27.
- 134 Менщиков В. В., Перцев Н. В. Русское проникновение в Сибирь в контексте Новгородско-московских отношений // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в средневековье и в настоящее время. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской Научно-практической конференции с международным участием, посвященной 310-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера. – Нижневартовск, 2015. – С. 18–22.
- 135 Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Пузанов В. Д., Рябинина Е. А. Курганская область // Православная энциклопедия. Т.XXXIX. – Москва, 2015. – С. 349–399.
- 136 Менщиков В. В. Актуальные проблемы исторических исследований в региональном измерении // Историческая локализация Урала и Западной Сибири. Учебное пособие. – Курган, 2015. – С. 4–19.
- 137 Менщиков В. В., Маслюженко Д. Н. Введение. Слобода Царево Городище в контексте исторической науки и процессов заселения // Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография. – Курган, 2015. – С.3–10.
- 138 Менщиков В. В. Основание слободы: историографическая традиция и исторические источники // Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография. – Курган, 2015. – С.20–25.
- 139 Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Новиков И. К., Первухина А. А. Хозяйство, домостроительство и материальная культура слободы // Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.). Монография. – Курган, 2015. – С.193–210.
- 140 Менщиков В. В. Основные тенденции и факторы формирования русского населения Зауралья в XVII – начале XX в. // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2015. – С. 13–15.
- 141 Менщиков В. В., Тетюева О. В. Влияние ссыльных декабристов на социокультурное пространство города Кургана // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. № 2. – С. 29–31.
- 142 Менщиков В. В. Конструирование исторического пространства: кто и когда изобрел Зауралье? // Экология древних и традиционных обществ. Материалы V Международной научной конференции. – Тюмень, 2016. – С. 214–217.
- 143 Менщиков В. В., Перцев Н. В. Новгородская эмансипация на Восток в XII–XV веках // Вестник Пермского университета: История. – 2017. – № 1 (36). – С.129–135.
- 144 Менщиков В. В., Перцев Н. В. Роль Устюга в раннем проникновении русских на Урал: письменные и археологические источники // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 85–86.
- 145 Менщиков В. В. Революции и синергетическая интерпретация исторического процесса // Философские и исторические исследования. Материалы Четвертых Ильинских чтений. – Шадринск, 2017. – С. 144–145.
- 146 Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Козельчук Т. В., Пузанов В. Д., Тершукова Е. В. Тимофей Невежин и русское освоение Юго-Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в. Научно-популярное издание. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. – 98 с.
- 147 Менщиков В. В., Менщиков И. С. Введение // История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года). Краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов. – Курган, 2017. – С. 3–6.
- 148 Менщиков В. В. Слободское строительство. Начало русского заселения края // История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года). Краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов. – Курган, 2017. – С.69–74.
- 149 Менщиков В. В. Хозяйственная жизнь и социальная структура // История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года). Краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов. – Курган, 2017. – С. 81–88.
- 150 Менщиков В. В., Никитин В. А. Ускорение экономического развития в конце XIX – начале XX века // История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года). Краеведческое пособие для обучающихся, студентов и педагогов. – Курган, 2017. – С. 117–125.
- 151 Менщиков В. В. Предисловие // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской

научно-практической конференции. – Курган, 2017. – С. 4.

152 Менщиков В. В. Вклад Н. Ф. Емельянова в развитие сибирского краеведения: к 80-летию со дня рождения // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2017. – С. 5–6.

153 Менщиков В. В. Досоветская отечественная историография истории Западносибирской тюрко-татарской государственности // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Курган, 2017. – С. 41–45.

154 Менщиков В. В. Вклад Н. А. Абрамова в развитие сибирского краеведения (к 250-летию со дня рождения) // Четвертые Ядринцевские чтения. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. – Омск, 2017. – С. 412–414.

155 Архипов Б. В., Козельчук Т. В., Менщиков В. В., Менщиков И. С., Путилин С. В. Современное общество и задачи исторического образования // Вестник Курганского государственного университета. – 2018. – № 1 (48). – С. 53–55.

156 Сорогин Е. И., Менщиков В. В. Мамай и Шибаниды // Вестник Томского государственного университета: История. – 2018. – № 55. – С. 43–47.

157 Менщиков В. В. К. Д. Носилов: к 160-летию со дня рождения // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XVI Зырянские чтения». – Курган, 2018. – С. 5–6.

158 Менщиков В. В. Дореволюционная отечественная историография // Тюменское и Сибирское ханства. Коллективная монография. – Казань, 2018. – С. 14–19.

159 Менщиков В. В. Н. Ф. Емельянов как представитель томской исторической школы // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Томск, 2019. – С. 50–54.

160 Менщиков В. В. Историческое краеведение в Кургане в XX веке // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «XIII областной день краеведа». – Курган, 2019. – С. 3–5.

161 Менщиков В. В., Перцев Н. В. Русская экспансия на Урал и в Западную Сибирь в XII–XV веках: причины, характер пути проникновения (к историографии проблемы) // VIII Емельяновские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию образования Курганской области. – Курган, 2019. – С. 7–11.

162 Менщиков В. В. К 340-летию города Кургана (слободы Царево Городище) //

Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2019. – С. 5–6.

163 Менщиков В. В. Итоги и перспективы развития курганского исторического краеведения // Пятые Ядринцевские чтения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2019. – С. 50–53.

164 Менщиков В. В. История курганского краеведения в контексте социокультурного развития провинциального города // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практика). Материалы X Всероссийского научного симпозиума. – Омск, 2020. – С. 69–77.

165 Менщиков В. В., Новиков И. К. Археология города Кургана: итог и перспективы комплексного подхода в изучении памятников нового времени // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. Сборник статей. – Москва, 2020. – С. 410–415.

166 Менщиков В. В., Козельчук Т. В. Предисловие // Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Монография. – Курган, 2020. – С. 3–8.

167 Менщиков В. В. И. Н. Юшков о сибирских татарах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. – Курган, 2020. – С. 14–15.

168 Менщиков В. В., Менщиков И. С. Проблема предельного исторического региона в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета: История. – 2021. – № 70. – С. 31–36.

169 Менщиков В. В. Основные тенденции развития краеведческих исследований в Кургане // Земля Курганская: прошлое и настоящее: краеведческий сборник. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Курган, 2021. – С. 3–5.

170 Менщиков В. В., Филимонова О. А. Особенности промышленного развития Кургана в годы Великой Отечественной войны // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: сборник научных статей. – Челябинск, 2021. – С. 76–84.

171 Менщиков В. В. Предисловие // Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2021. – С. 4.

172 Менщиков В. В., Виноградов Р. О. В поисках слободы Царево Городище на р. Исеть // VI Ядринцевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2021. – С. 413–416.

173 Менщиков В. В., Федоров С. Г. Рецензия на монографию В. Б. Безгина «Мужицкая правда. Обычное право и суд российских крестьян» // История: факты и символы. – 2022. – № 1(30). – С. 121–124.

174 Новиков И. К., Менщиков В. В., Менщиков И. С., Первухина А. А., Петров М. С. Православные погребения в селе Карачельском Курганской области (в печати).

Библиографический список

1 Личное дело Менщикова Владимира Владимировича // Архив отдела кадров Курганского государственного университета.

2 Менщиков В. В. В поисках слободы Царево Городище на р. Исеть / В. В. Менщиков, Р. О. Виноградов // VI Ядринцевские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск : Омский государственный историко-краеведческий музей, 2021. – С. 413–416.

3 Менщиков В. В. Заселение русскими Южного Зауралья в XVII–XVIII вв. / В. В. Менщиков // Земля Курганская: прошлое и настоящее : краеведческий сборник. – Курган, 1990. – Вып. 1. – С. 68–73.

4 Менщиков В. В. Новгородская эмансипация на Восток в XII–XV веках / В. В. Менщиков, Н. В. Перцев // Вестник Пермского университета: История. – 2017. – № 1 (36). – С. 129–135.

5 Менщиков В. В. Роль Устюга в раннем проникновении русских на Урал: письменные и археологические источники / В. В. Менщиков, Н. В. Перцев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 85–86.

6 Менщиков В. В. Русское проникновение в Сибирь в контексте Новгородско-московских отношений / В. В. Менщиков, Н. В. Перцев // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в средневековье и в настоящее время : тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 310-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера. – Нижневартовск, 2015. – С. 18–22.

7 Менщиков В. В. Проблема межэтнической толерантности в процессе русской колонизации Зауралья / В. В. Менщиков, // Система ценностей человека как социокультурная реальность : сборник научных трудов. – Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2006. – Вып.2. – С. 89–96.

8 Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии : монография / В. В. Менщиков. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – 200 с.

9 Менщиков В. В. Слобода Царево Городище / В. В. Менщиков, // История Курганской области (Города Южного Зауралья в досоветский период). – Курган, 1998. – Т.3. – С. 157-166.

10 Менщиков В. В. Формирование поселенческой структуры в Зауралье в XVII–XVIII веках / В. В. Менщиков // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию освоения целинных залежных земель. – Омск : Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. – Ч.1. – С. 99–103.

11 Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.) : монография / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. – Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. – 254 с.

12 Пундани В. В. Менщиков Владимир Владимирович // Историки Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург : УрО РАН, 2003. – С.228–229.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*В. Д. Афонасьев, Д. Н. Маслюженко,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган*

МЕМУАРЫ М. П. ЯКОВЛЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КУРГАНЕ И КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ

Революция 1917 года и последовавшая Гражданская война, включая крестьянские восстания начала 1920-х гг., коренным образом изменили облик всей страны. При этом конкретные процессы могли иметь очень специфические региональные черты, которые сложно изучить только по официальным документам. После распада СССР началось переосмысление многих событий в его истории, сопровождавшееся поиском новых подходов и источников. Как ни странно, но интересующие нас годы именно в региональном измерении долгое время оставались вне поля зрения историков.

Только в последние 10 лет ситуация начинает меняться, чему в значительной степени способствовало трёхтомное исследование О. А. Винокурова, посвящённое так называемой «битве на Тоболе» [2–4], в рамках которой в том числе впервые были исследованы соответствующие оборонительные сооружения и соотнесены данные полевых наблюдений и архивных источников. В 2017 году в КГУ был проведён всероссийский круглый стол «Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов» [7], в рамках которого впервые были собраны все специалисты по этой теме в регионе. В 2019 году почти одновременно вышли монографии А. М. Васильевой [1] и В. В. Подливалова [6], которые при всей схожести темы показали возможности разных подходов к источникам, причём у известного курганского краеведа А. М. Васильевой особенно ценным оказалось обращение именно к микроисторическому измерению, судьбам и историям отдельных людей.

В то же время этот подход, при всей его несомненной ценности, требует поиска и публикации имеющихся эго-источников по данной теме, причём именно применительно к нашему региону.

В сентябре 2001 года при подготовке к ремонту гаража одним из авторов этой статьи (Д. Н. Маслюженко) между несущей балкой и крышей была найдена старая папка. При её разборе оказалось, что она содержит собранные его прадедом Михаилом Панкратьевичем Яковлевым в 1950-х гг. документы и воспоминания. Сам гараж принадлежал его зятю Михаилу Панкратьевичу Королёву, который был женат на одной из его трёх дочерей Тамаре Михайловне. В конце жизни по

разным причинам отношения М. П. Яковлева с дочерями были очень натянутыми. К сожалению, Т. М. Королёва (Яковлева) к моменту обнаружения этих документов уже скончалась, и в результате никто не мог объяснить время и причины сокрытия документов. Отметим, что, хотя Тамара Михайловна была медиком, она увлекалась историей, передавая это увлечение внуку (то есть Д. Н. Маслюженко). Возможно, именно хобби стало причиной того, что, несмотря на сложные отношения с отцом, она не выбросила его папку, а только спрятала в гараже. В папке содержатся оригиналы документов М. П. Яковлева за 1918–1950-е гг., а также блокноты с его воспоминаниями об участии в событиях Гражданской войны в Кургане и уезде. Все они на данный момент хранятся у Д. Н. Маслюженко, но после подготовки к публикации будут переданы в архив.

Мемуары – специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность. Эта документальность основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Воспоминания помогают восстановить множество фактов, которые не отразились в других источниках и могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события [5, с. 634].

Характерные черты, особенности опубликованных советских мемуаров состоят в следующем: идеологическая заданность и «выдержанность» – эти качества на всех уровнях контролирующих инстанций соблюдались особенно строго; выбор тем и набор сюжетов; не личные переживания автора, а событие или вождь-объект воспоминаний; стремление быть сопричастным к тому или иному событию; стандартизация в характеристиках ситуаций, людей; формирование образа врага; недоговорённость, наличие фигуры умолчания, эзопов язык [5, с. 635].

Однако очевидно, что воспоминания, написанные в стол и необработанные, могут не иметь данных признаков. М. П. Яковлев написал их в процессе одной из попыток получения так называемой «персональной пенсии». Об этом свидетельствует его обращение в Курганский областной партархив 7 мая 1957 года, в котором он пишет: «За данный период мне необходимы документы для возбуждения вопроса о назначении персональной пенсии. Ввиду этих обстоятельств прошу вас о

наведении справок и выдачи документов». На данный момент не известно, получил автор персональную пенсию или нет, но сохранилось множество запросов в архив с целью подтверждения рабочего стажа. Представляется, что время и причины написания мемуаров принципиально важны для понимания публикуемого текста. Во-первых, они написаны спустя почти 40 лет после событий, причём нет основания считать, что были какие-то более ранние черновики. Во-вторых, они созданы с целью выстраивания стратегии получения конкретной материальной помощи от государства, что могло привести к фиксации несколько более позитивного облика деятельности.

Мемуары сохранились в трёх версиях, был проведён их сравнительный анализ. Выяснилось, что различия между ними минимальны и нет смысла публиковать все. В результате за основу была взята первая, причём самая обширная, версия мемуаров, в неё в квадратных скобках были внесены значимые фрагменты из двух других (в тех случаях, когда они дополняли, корректировали или противоречили первому тексту).

В данной статье мы публикуем фрагмент от рождения автора до 1919 года. Обращаем внимание, что воспоминания публикуются в авторской редакции с сохранением стилистики, грамматики и синтаксиса.

«Я родился в 1894 году, в деревне Носково, Варгашинского района, Курганской области, в семье крестьянина м/средняка. В январе месяце 1915 года призван на военную службу в г. Омск 4-й сапёрный батальон, в нём окончил сапёрный класс и в мае месяце уехал на фронт в 31-й сапёрный батальон, в последствии переименованный 31-й инженерный полк, служил в дорожно-мостовой роте младшим унтер-офицером, наш полк находился при 34-м армейском корпусе 1915–1917 г. [в варианте 2 (1915–1916 г.)]. В момент февральской революции 1917 г. служил в выше указанной части в должности, зам. ком. взвода и ком. отделения. В период выборов: полковых комитетов и комсостава частей, был избран членом полкового комитета и пом. Ком. Роты и командиром 1-й полуроты 31 инженерного полка, дорожно-мостовой роты. В это время был принят в члены Р.К.П. (большевиком). В июльское наступление 1917 г. организованного Керенским в Карпатах, на реках: Гнилая и Золотая липа, члены полковых комитетов всех полков 34 арм [вариант 2 (солдаты частей 34-го армейского корпуса)]. Корпуса вели агитационно-разъяснительную работу, среди солдат о прекращении братоубийственной войны и заключении мира, в результате, солдаты частей корпуса, отказались идти в наступление а поэтому корпус был снят с позиции как политически ненадежный и отведен в тыл Каменец-Подольскую губ. Проскуровский уезд. Местечко Меджибож, на этой территории заменили командиров: корпуса, диви-

зий и полков, из ставки Керенского прислали командира корпуса, гетмана Скоропадского последний и стал украинизировать корпус, для ухода на охрану петлюры Украинская Рада 1917 год [вариант 2 (октябрь-ноябрь 1917 год)]. Наш полковой комитет отказался украинизироваться [вариант 2 (и признать Украинскую Раду)], мотивируя тем, что мы признаем ЦИК сов. раб. крест. и солдат. депутатов. К нашему комитету [вариант 2 (31 инж. Полка)] примкнули другие полковые комитеты военных частей, не украинцы 34-го армейского корпуса и на объединенном заседании всех комитетов был избран: военно-революционный объединенный комитет, всех не украинских частей корпуса [вариант 2(34 армейского корпуса)]. Членом и секретарем комитета был избран я, одновременно я заведовал кино-театром Меджибожа арендованного полком у частного лица местечка [вариант 2 (Меджибож)]. Наш военно-революционный объединенный комитет как обособленная красногвардейская часть был подчинен военно-революционному комитету 7-й армии, находящемуся в гор. Проскурове Каменец-Подольской губ. Закончив украинизацию корпуса гетман Скоропадский ушел с корпусом из местечка Меджибож, в распоряжения Украинской Рады. Уходя, корпусная охрана ночью сделала погром, разбивая и разграбляя могозины и мастерские местечке Меджибожа. Наш военно-революционный объединенный комитет своими вооруженными силами ликвидировал погром и остался в м-ке Меджибож. На этой территории в последствии мы и были отрезаны немецкими войсками, идущими на помощь Петлюре Украинская Рада и занявшими даже г. Киев, таким образом наши части остались в глубоком тылу немецких войск, г. Проскуров. Оказавшись в крайне тяжелом, финансовом и в вооруженном положении Военно-Революционный объединенный комитет Решил: Что бы выйти из тыла немецких войск провести демобилизацию, для этого:

1) заготовить и выдать всем солдатам, комсоставу и членам революционного комитета документы, как солдат идущий по демобилизации.

2) Продать имущество, лошадей и снаряжение местному населению, а вырученными деньгами снабдить демобилизованных.

3) Оружие сдать местной [вариант2 (подпольной)] партийной организации

Это решение рев/комитета было выполнено. Таким путем с документами “Солдат едущий по демобилизации” мы вышли из тыла немецких войск группами через немецкую заставу стоящую на цепном мосту реку днепр гор. Киева, от Киева мы пешком порядком шли до станции Гребенкино, так как железнодорожный мост через реку Днепр был в Киеве взорван и движение с Полтавой прервано, со ст. Гребенкино по телеграфу связались с г. Полтавой и нам послали Бронепоезд который и перевез всех в г. Полтаву.

Из г. Полтавы я приехал в г. Курган 22–23 апреля 1918 г. Побывал в Крестьянской секции Совдепа, где работал мой односельчанин Меньщиков Иван Васильевич заместителем Пичугина Дмитрия, повидавшись я уехал в своё родное село Носково бывшей Марайской волости при встрече с родными и братьями, меня пришло навестить (вероятно завербовать) руководитель местной группы социал-революционеров Миронов Михаил Филиппович и мы с ним за первым столом и стаканом разошлись во взглядах, как два члена, двух враждебных друг другу партий и с первого дня моего приезда началась политическая борьба, вскоре с фронта приехал мне в помощь член Р.К.П.(б) Иванов Михаил Иванович и мы стали выступать на собраниях крестьян с разъяснением политики партии большевиков и власти советов по крестьянскому вопросу, проводя разницу по этому вопросу, с партией социал-Революционеров. В результате чего мы стали пользоваться большим авторитетом а группа социал-Революционеров потеряла его. В мае м-це 1918г. в с.Мазайском по инициативе Курганского Совдепа был созван съезд фронтовиков волости по вопросу стать на защиту Совдепа [вариант 2 (Совета Рабоча-Крестьян) Кургана [вариант 2 (И солдатских депутатов Кургана)], так как Чехи предъявили ультиматум Совдепу сложить оружие, на этом съезде выступали: Карельцев Фёдор Прохорович (дер. М-Молотова), Яковлев Михаил Панкратьевич и Иванов Михаил Иванович (дер. Носково) и другие фронтовики. На этом съезде социал-Революционеры не выступали, трусили громовых выступлений большевиков и приехавших с фронта солдат фронтовиков.

Второго июня 1918 года [вариант 2 (23-го июля 1918 г)] в г. Кургане Чехословаки и буржуазия с непосредственным участием социал-Революционеров, власть советов свергли, так как вооруженные силы Кургана были незначительны, плохо вооружены, разрознены и отсутствовало опытное командование.

3-го или 4-го июня 1918 г. в с. Марайском в последний раз я встретил Пичугина Дмитрия, едущего в Ялуторовский уезд, организовывать вооруженные отряды. Разговор между нами был коротким [вариант 2 (но конкретный)], его последние слова: “Подготовляйтесь и примыкайте к нам, пойдем на Курган” После этого я его не видал, так как его поймали и у Белого-яра расстреляли.

С этого времени в Кургане у власти стала буржуазия и Эссеры, начались аресты большевиков как в Кургане так и по волостям и слам, ожила и в нашем селе группа Эсеров [вариант 2 (социалистов-революционеров)], последняя решила с нами расправиться, [вариант 2 (члены группы эсеров 1, Кузьмин Гермоген Николаевич, 2 Григорьев Тимофей Емельянович.)] написали донесение в Курганскую контрразведку о на-

ших большевистских выступлениях на собраниях, т. е. на меня Яковлева Михаила П и Иванова Михаила И. горя желанием ареста нас, но это намерение не удержали в секрете, нам сообщили сочувствующие люди большевикам и мы скрылись в дер. Тростная к гр-ке Кучиной Натальи Парфеновне потом перебрались в село Заложное, к Проскуряковой Александре Ивановне, она жива и здравствует в гор. Кургане ул. Пролетарская № 40, дальше в дер. Р-Золожное к Астаховым Семюну Милентьевичу и Ивану Милентьевичу (Имели при себе оружие два нагана связ из подполья осуществлялась через моего брата Яковлева Георгия моих племянников Андрея и Никонора Яковлевых, братьев Иванова, Ивана и Кузьму Ивовича последний сейчас работает на Кургансельмаше отдел снабжения [вариант 2 (и его брата Ивана)], такое перекочование с одного места на другое продолжалось долгое время, на конец поступило предписание Уряднику Симутину Марайской волости об аресте меня и Иванова М. И. [вариант 2 (но к нашему несчастью, случайность появилась, гласит народная пословица «Бывает и вилы стреляют»)]. В этот момент мой брат Яковлев Георгий П. будучи в с. Марайском случайно встретились с Урядником Симутиным как коллеги оне служили в гор. Кургане в 34 запасном полку писарями [вариант 2 (вместе выживали и к девкам ходили)] и выпивали при разговоре, Урядник узнал адрес брата, вспомнив адрес в предписании, спросил Георгия, кто Яковлев М. П. и Иванов М. И.? Брат ответил мои младший брат и его товарищ друг, Урядник спросил оне большевики брат ответил – нет, после разговора брат пригласил его приехать в гости к другу завтра вечером с ночевой, он Урядник с удовольствием пообещался быть гостем старого друга писаря.

Возвращаясь из с. Марайского, Яковлев Георгий, заехал к нам в Заложное сообщить о случившемся и наметить план действий, мы решили ночью перебраться в своё Носково, сделать встречу с Урядником, когда он подоьет пристрелить его, забрать документы печать, сфобриковать документы что бы уехать в Сибирь, в партизанские отряды [вариант 2 (Щатинкина, Мухина или Голубева)]. Ночью перебрались в дер. Носково, первым делом решили зайти к Семёнову Фёдору Прохоровичу моему сродному брату, вмянать у его маленький “Браунинг” на наш “Наган” он не согласился промянать, мотивируя, что он зарегистрирован и в случае мы подем, тогда и его посадят а у него дети, мы согласились с ним. В обещанное время Урядник Симутин приехал, угостился хорошо, брат Георгий условлено послал за мной, с моим приходом познакомил с Урядником и в знак этого, мы выпили по стакану, У охмелевшего Урядника язык разболтался что он соц-Революционер, что ихнего [вариант 2 (лидира партии)] эссера Новоселова в Омске во временном сибирском

правительстве убили, что им эссерам, так же как большевикам придется уходить в подполье, но тут же спросил меня: ты большевик? Я ответил – нет, тогда Урядник раскрыв свою переписку цитирует на таком-то собрании говорили то то, там то то. Я отвечаю говорил и что же, Урядник сказал так говорят большевики. Я отвечаю что все сказанное мной и кем бы то не было, есть вырождение его мысли, как он понимает тот или другой вопрос и если сказанное сродственно с разговором какой либо партии, по этому только разговору совершенно не правильно причислят и считать его какой то партии, даже к той какой не существует в данной местности сейчас и не было в прошлое время.

Урядник сделал паузу раздумья.....
 Ответил, Я вас понимаю и советую, уезжайте от сходов [вариант 2 (уезжайте пожалуйста от сюда)], вам здесь жить нельзя-опасно и открыл тайну по дружбе что на нас доносят местная группа Эссеров доли сказал что мы с вами из разных враждебных друг другу партий, но я вас предовать не буду, так как я сам уволюсь и так же уйдй в подполье, продолжить разговор посоветовал, в момент скорой будущей мобилизации фронтовиков, уехать мне от сходов, на этом наш разговор, окончился и мы его не патрогали растались как хорошие знакомые. В феврале м-це 1919 года правительство Колчака объявило мобилизацию старших возрастов солдат фронтовиков, так как взятых ранее молодых годов и добровольцев кулацких сынков оказалось не достаточно и ненадежно.

Так в г. Кургане появились и мы: Я и мой помощник Иванов Михаил Иванович [вариант 2 (доставили нас мой брат Яковлев Георгий Панкратьевич и Морусьяк жена Иванова М. И.)]

Влившись в среду мобилизованных бывших фронтовиков мы повели групповую агит-разяснительную работу в этот момент мы встретились с негативным нам рабочим железнодорожником большевиком (по разговору) и решили провести митинг, среди мобилизованных 1-й группы размещавшихся как в казарме в доме Шука по улице бывшей троицкой, выступал не известный железнодорожник, я стоял на карауле у входной двери, с условны сигнальным знаком в случае появления ищеек офицеров.

Митинг прошол удачно, тема речи была следующей. Просить командования сформировать из фронтовиков особые части, как опытных в военной тактике (что-бы не попасть в среду мобилизованных, ранее молодых гадов и добровольцев сынков кулаков и буржуазии) и знающих ещё на фронте империалистической войны, как и кого защищать. Служившие отнеслись одобрительно с возгласами правельно, были выкрики надо идти к 2-й группе, после митинга пошли групповые разговоры все говорили одно [вариант 2 (групповые разговоры, все говорили)], идти к 2-й группе расположенной в бывшем

магазине Кочурова, на Нижн-Базарной площади, мы с неизвестным и Ивановым внимательно наблюдали за разговорами и движением в казарме и решили подать команду "Пошли к 2-й группе" все кинулись к выходу обгоняя друг-друга. Кто подал команду в магазин Кочурова "выходи все". Не известно, перед магазином [вариант 2 (Кочурова)], лежала большая куча дров. Я залес на её и потворил ту же тему Речи, что и в доме Шука.

После митинга, я зашёл быстро в магазин и меня кто-то толкнул локтем под бок сказав предупредительно "берегись схватят" Я быстро поднял воротник пальто, выправил шапку украинку востряком, ударив в лоб кулаком и бежать сколько есть сил мимо магазинов на бывшей Троицкий переулоч пробираясь к брату живущему возле станции, в последствии переехали в домик стоящий против военного начальника, сейчас ул. Красноармейская № 76 Эти митинги всколыхнули всю власть в Кургане, были выставлены пулемёты на церквках города заездили вооруженные солдаты и жандармы по улицам. Видимо ожидали восстания а мы об этом не вооружённые и не думали, наша цель была вооружить солдат фронтовиков праведной мыслью, что бы они поняли кого они идут защищать, чьи права и интересы и как они должны защищать свои и Рабочего класса, тогда как Колчак вернул всё отобранное, прежним владельцам собственникам, Землю и предприятия. (5-го июля 1917 года нашёлся человек толкнувший меня под бок предупредить у магазина Кочурова "берегись схватят" Это Лихачёв Пётр Денисович проживающий в г. Курган ул. Зои-Космодемьянской № 38, из участвующих на митинге: прожив в г. Кургане ул. Омская № 79 [вариант 2 (Омская № 77)] Плотников Яков Алексеевич и в Варгашинском р-не Носковский с/совет гр-не Дмитриев Маркел Захарович, Меринов Инокентий Иванович и Михайлов Захар Яковлевич).

После митинга я всё время сидел в домике № 76 по ул. Красноармейской [вариант 2 (до отезда из Кургана)], так как показатся на улице мне было нельзя, меня искали арестовать, от хозяина дома все было скрыто [вариант 2 (от хозяина квартиры мы скрыли что мне на улицу показатся не лзя что меня ищут)], связь со мной держал Иванов М.И. и Яковлев Г.П. И как только отправляемые сапёры [вариант 2 (военского управления)] пошли на станцию, я выбежал стал в ряды и уехал из Кургана в г. Челябинск, при перекличке на ст. Челябинск меня в списке мобилизованных не было и меня дописали».

Мемуары М. П. Яковлева дают нам несколько интересных деталей событий 1917–1919 годов:

1 Ситуация в армии накануне Революции 1917 года с точки зрения обычного солдата, а потом и члена партии большевиков;

2 Организация агитационной работы в рядах армии и возвращения солдат домой;

3 Организация и настроения участников митингов рабочих в 1918–1919 гг.;

4 Осуществление связей в подполье в первый период Гражданской войны.

Несомненно, предстоит большая работа по сравнению этого текста с иными источниками, в том числе и оригиналами документов М. П. Яковлева.

Хотя часть сведений так или иначе уже фигурирует в научных работах, но ценность подобных воспоминаний в том, что они показывают именно взгляд рядового участника, который пережил эти события. Стоит отметить, что на данный момент известно очень небольшое количество воспоминаний о Гражданской войне в регионе. Каждая новая работа позволят нам расширить понимания политической ситуации с точки зрения обычных граждан на события 1917–1919 годов.

Библиографический список

1 Васильева А. М. Курган. Так было / А. М. Васильева. – Курган : Курганский дом печати, 2019. – 444 с.

2 Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области : в 3 кн. Кн. 1. «Даёшь Сибирь!». Вступление Красной Армии в Зауралье в августе 1919 года / О. А. Винокуров. – Шумиха : Велес, 2013. – 271 с.

3 Винокуров О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области : в 3 кн. Кн. 2. Тобольская кадрили. Отступление Красной Армии в Зауралье в сентябре 1919 года / О. А. Винокуров. – Шумиха : Велес, 2013. – 463 с.

4 Винокуров, О. А. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области : в 3 кн. Кн. 3. «...наш последний и решительный бой...» / О. А. Винокуров. – Шумиха : Велес, 2013. – 509 с.

5 Источниковедение / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое общество». – Москва : РГГУ, 2004. – 701 с.

6 Подливалов В. В. Мы мир, мы старый мир разрушим до основания, а затем... : Революция 1917 года. Гражданская война и зауральская провинция / В. В. Подливалов. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 339 с.

7 Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов : материалы Всерос. круглого стола, посвящен. 100-летию Великой Рос. Революции и 95-летию окончания Гражд. войны / Курганский гос. ун-т [и др.] ; под ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – 233 с.

Н. А. Бухарова,
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск

ПРОИЗВОДСТВО ВАЛЯНОЙ ОБУВИ (ПИМОКАТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО) В Г. ШАДРИНСКЕ И ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ В XIX–XX ВВ.

Кустарные промыслы по производству валяной обуви, войлочных стелек и кошмы появились на Шадринской земле в конце XIX – начале XX в. Они стали важным промыслом крестьянского хозяйства, что способствовало втягиванию крестьян в ремесленное производство.

Историография кустарных промыслов на основе пимокатного производства в Пермской губернии (а именно в г. Шадринске и Шадринском уезде), как комплексное социально-экономическое явление, было объектом исследования видных советских историков, изучавших особенности капиталистического развития дореволюционной России, а также современных исследователей. В 1966 г. была издана книга П. Г. Рындзюнского «Крестьянская промышленность пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.)», в которой упоминается крайне низкий технический уровень крестьянских промыслов [14]. Основную причину такого положения автор видит в стремлении крестьян к максимальному ограничению затрат, а также тех затрат, которые были недоступны большинству производителей.

В очерке кустарных промыслов Шадринского уезда Пермской губернии отмечается, что овчинный промысел в Шадринском уезде носил характер более крупного производства [11].

А. А. Пашков в своей книге «Зауральское Приисетье – земля Шадринская (до февраля 1917 года)» повествует о значительных размерах развития пимокатного производства. Существовали как заводы, так и множество хозяйств, раздающих промысел на дом [12].

Пимокатное производство на территории Шадринского уезда получило широкое распространение во второй половине XIX в. Развитию шерстобитно-пимокатных артелей способствовали потребности населения в тёплой обуви, наличие сырьевой базы и приток переселенцев, которые и занесли этот промысел в наши земли.

Что же из себя представлял этот вид мелкотоварного производства? Обычно в небольших крестьянских шерстобитно-пимокатных мастерских работали по 2 человека, редко 3–4 работника. Вот как описывает процесс производства валенок наш известный историк Е. И. Соловьёва:

«Один взбивал шерсть, другой её укладывал и катал. Как правило, работы велись в жилом помещении. В избе устанавливались плита с 1–2 котлами для замочки пимов, широкая скамья для катания, решётка у стены для отсева из шерсти пыли, лук и биток для взбивания шерсти на решете. Технологический процесс состоял

из нескольких операций, которые в мелких мастерских не выделялись в самостоятельные, а выполнялись последовательно одним и тем же мастером. Из мягкой взбитой шерсти легко катались войлок и валяная обувь. Чтобы получить нужный размер обуви, мастер вырезал из клеёнки форму. По ней обводил рабочий контур, на который накладывал слой шерсти и обрабатывал её до образования войлока. Затем мастер сгибал войлок вдвое, выкладывал подошву и катал до тех пор, пока не получался черновой неотделанный валенок. Далее проводили обработку валенок в котлах с кипящей водой и укатывали до настоящих размеров. Просушка, очистка от ворса завершали длительный и трудоёмкий процесс изготовления валяной обуви» [15].

Пимокатные заведения относились к кустарному ремеслу, поскольку в них применялся только ручной труд. Чаще всего трудился сам хозяин заведения (мастерской) с кем-нибудь из родственников, отчего промысел носил и семейный характер. Иногда привлекались наёмные работники со стороны.

Также приведём описание, каким же способом изготовлялись пимы в нашей местности. Так, упоминавшаяся в этой статье историк Е. И. Соловьёва писала об этом следующее: *«Шерсть, разбитую на луке особой струной, расстилают на тряпицу слоем в 2 вершка толщины, навёртывают, слегка смачивая водой, на вале́к и, при помощи последнего, катают на полке (возвышение, лавка). Полученную таким образом кошму складывают, придавая ей форму пима и покрывая спайки свежим слоем шерсти. Пим внутри набивается тряпьем и катается руками, после чего опускается на 1 час в чан с кипящей водой и после вынимания катается руками на четырёхгранном железном пруте длиной 10 вершков, толщиной ¼ дюйма. Остывая, пим делается жёстким, поэтому во время катания его несколько раз спускают в горячую воду. Внутрь пима затем вкладывают колодку с выемкой посередине и снова “откатывают”, чтобы сделать углубление между пяткой и носком. Для окончательной отделки пим катается на рубанке (деревянный брус с полукруглыми зарубками), в последний раз опускается в горячую воду, после чего выглаживается на колодке литовкой, чистится пемзой и сушится» [15].*

А. Н. Зырянов уже изучал промыслы Шадринского уезда и выявил их многообразие. Хотя ремесла и промыслы не играли ведущей роли в хозяйстве, они достигли в крае высокого

уровня и устойчивости. Он назвал двенадцать наиболее «замечательных» из них: 1) кожевенное производство (выделка конских и яловых кож); 2) шитьё из них обуви; 3) валяние чулков, пимов, войлоков и подхомутников из овечьей и коровьей шерсти; 4) выделка кожевенной сыромяти; 5) выделка пряников; 6) выделка глиняной посуды; 7) выделка щетей (свиной щетины); 8) выделка овечьих овчин; 9) выделка колёс; 10) шитьё шапок; 11) мыловарение; и 12) кузнечество [2]. Таким образом, можно констатировать, что пимокатное производство играло не последнюю роль в жизни Шадринского уезда того времени.

Во второй половине XIX века Шадринск прочно становится одним из промышленных и торговых центров Зауралья.

Город – крупный поставщик хлеба для горнозаводского Урала и Европейской части России. В 1870–1880 гг. отсюда ежегодно вывозится от 10 до 13 миллионов пудов хлеба, до 100 тысяч пудов мяса и других сельскохозяйственных продуктов. Немалый вклад в объёмы производимых в Шадринске товаров вносили и различные ремесленники.

Яркую и точную характеристику Шадринска дал писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Хлеб»: «Маленький уездный городок с 15-ю тысячами жителей и больше ничего. Купечество составляет здесь всё... Сообразно этому купеческому складу устроен весь город».

В городе работает более 1500 человек кустарей-ремесленников. По развитию кустарных промыслов Шадринский уезд занимает второе место в Пермской губернии. В 1913 году было зарегистрировано 5635 хозяйств с 12631 работником, занимающихся кустарным промыслом, или 9,07 % к общему числу хозяйств в уезде [14].

Наиболее распространённым были пимокатный, кожевенный, сапожный, гончарный, ткацкий, кружевной промыслы. Особое место в уезде занимал пимокатный, который был в основном сосредоточен в Ольховской и Веденниковской волостях, свыше двух тысяч хозяйств имели мастерские, в них были заняты 4345 человек. Ежегодно производилось более 400 тысяч штук валяной обуви. 70 % кустарей работали на скупщиков. Главным рынком сбыта была Сибирь, одним из основных посредников торговли с Сибирью являлась Крестовско-Ивановская ярмарка, проходившая в с. Кресты Шадринского уезда с 1 августа по 1 сентября. По своему значению и торговым оборотам она занимала третье место после Нижегородской и Ирбитской ярмарок [4].

В. И. Ленин в своей работе «Кустарная перепись 1894–1895 годов в Пермской губернии и общие вопросы “кустарной” промышленности» относит Шадринский уезд к уездам с сильно развитой кустарной промышленностью. На примере Шадринского и группы уездов Пермской губернии показывает вторжение капитализма в кустарные промыслы и превращение большей части куста-

рей в наёмных работников и жестокую их эксплуатацию скупщиками. Используя материалы Шадринского земского врача И. И. Моллесона, В. И. Ленин обращает внимание на тяжёлый изнурительный труд кустарей в пимокатном промысле Шадринского уезда [7].

Библиографический список

- 1 Васильева А. М. *Забывтый Курган* / А. М. Васильева ; Курганский обл. краевед. музей. – Курган : Зауралье, 1997. – 359 с.
- 2 Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. Р-395 (Шадринский пимокатный завод Шадринского пимкуста, г. Шадринск, Шадринского округа Уральской области, 1919–1930 гг.).
- 3 ГАШ. Ф. Р-473 (Шадринская городская управа) ; Ф. Р-474 (Шадринская городская дума).
- 4 ГАШ. Ф. Р-492 (Шадринская уездная земская управа).
- 5 Егоровская Р. А. *Пимокатный промысел в Шадринском уезде Пермской губернии* / Р. А. Егоровская. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва Внутр. Дел, 1913. – 36 с.
- 6 Зырянов А. Н. *Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии* / А. Н. Зырянов ; сост. С. Б. Борисов. – Шадринск : Исеть, 1997. – 88 с.
- 7 Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. – Курган : Окр. плановая комис., 1925. – XV, [1], 538, [4] с.
- 8 Лейбович О. Л. *Модернизация в России : к методологии изучения соврем. отечеств. истории* / О. Л. Лейбович ; Западно-Уральский учеб.-науч. центр. – Пермь : ЗУУНЦ, 1996. – 156 с.
- 9 *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния.* – Иркутск, 1893. – Т. 4. – Вып. 6. – 374 с.
- 10 *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века* / отв. ред. В. В. Алексеев. – Москва : Наука, 2000. – 244 с.
- 11 *Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда, Пермской губернии* / Оценочно-стат. бюро Пермского губ. земства. – Пермь : Тип. Губ. земства, 1915. – [1], VIII, 124, III с.
- 12 Пашков А. А. *Зауральское Приисетье – земля Шадринская (до февраля 1917 года)* / А. А. Пашков ; Шадринское движение за культур. возрождение. – Шадринск : Шадринский дом печати, 2011. – 524 с.
- 13 Поткина И. В. *Индустриальное развитие дореволюционной России : концепции, проблемы, дискус. в амер. и англ. историографии* / И. В. Поткина ; Ин-т рос. истории. – Москва : ИРИ, 1994. – 231 с.
- 14 Рындыонский П. Г. *Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.)* / П. Г. Рындыонский. – Москва : Наука, 1966. – 261 с.
- 15 Соловьева Е. И. *Крестьянская промышленность в Сибири во второй половине XIX в. : (пособие к спецкурсу по истории СССР)* / Е. И. Соловьева ; Новосибирский гос. пед. ин-т. – Новосибирск, 1975. – 198 с.
- 16 Ядринцев Н. М. *Кустарные промыслы в Сибири и значение их* / Н. М. Ядринцев // *Русская мысль.* – 1881. – № 10.

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ КУРГАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История медицины периода Великой Отечественной войны давно привлекает внимание исследователей. Успешная противоэпидемическая работа являлась главным достижением органов советского здравоохранения. Особенно ярко это проявилось в годы войны, когда, несмотря на все сложности и нехватку врачей, материалов и оборудования, удалось избежать возникновения крупных очагов инфекций – как на фронте, так и в тылу.

Отдельных исследований, посвящённых медико-санитарному состоянию только г. Кургана в годы Великой Отечественной войны, фактически нет. Все имеющиеся работы рассматривали Курганскую область в целом, не выделяя отдельно Курган. При этом исследования зачастую носили поверхностный характер. В частности, стоит упомянуть работу В. В. Подливалова «Южное Зауралье в годы Великой Отечественной войны» [6]. В данной монографии рассмотрена Курганская область в целом, однако ряд данных, приведённых автором, вызывает вопросы по причине отсутствия ссылок и расхождения с архивными данными. Также стоит выделить статью Т. В. Васильевой и В. И. Кочариной «Здравоохранение Курганской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: по страницам документов» [1]. Однако авторы подробнее останавливаются на описании судьбы зауральских медиков на фронте, и работе эвакуированных медиков на фронте, и работе санитарно-эвакуационных госпиталей, работе городской системы здравоохранения и санитарному состоянию Кургана уделено меньше внимания. При этом в статье отсутствует список источников.

Курган в начале войны – это небольшой город с населением в 54 тыс. человек [2, оп. 26, д. 11, л. 29–32], который испытывал определенные проблемы с медико-санитарным состоянием. Город не благоустроен, занавожен, заболочен; на улицах свален мусор, отходы, которые никто не вывозит [3, оп. 3, д. 127, л. 20–22]. Уборные, помойные ямы находятся в разрушенном состоянии, не очищаются [2, оп. 16, д. 155, л. 43]. В городской больнице недостаточно топлива; врачи зачастую не могут поставить диагноз; в городе не хватает мыла; бани и прачечные работают с перебоями; смертность среди населения высокая, столовые города находятся в антисанитарном состоянии [2, оп. 4, д. 105а, л. 602–603, 605–606]. Смертность в городской больнице в определённые периоды 1941–1942 гг. могла достигать 95 % [2, оп. 16, д. 235, л. 23–27]. В городской поликлинике даже в 1942 году не было рентгена, специализированных врачей не хватало [2, оп. 16, д. 155, л. 42].

Эвакуация предприятий и учреждений в Курган, образование области привели в Курган большое число новых жителей. На 1 января 1943 года, несмотря на убыль населения из-за призыва в армию, с учётом эвакуированных, по данным областного статистического управления, население города выросло до 75913 человек [3, оп. 1, д. 207а, л. 4]. При этом в определённые моменты население города достигало 109 тыс. чел. [2, оп. 26, д. 11, л. 29–32]. И это только официальные данные, в первые месяцы эвакуации в Кургане растёт количество случаев «самовольного выхода из эшелонов эвакуированных и оседания их в г. Кургане без направления», что также не улучшало санитарное состояние города [2, оп. 4, д. 105а, л. 402].

Город не справлялся с таким наплывом населения. Больше всего страдали рабочие различных предприятий города. Проверки рабочих общежитий фиксируют раз за разом одни и те же проблемы, которые не решались: грязь, вши, отсутствие горячей воды, возможность стирать бельё [3, оп. 1, д. 255, л. 56]. С похожими проблемами сталкивались и общежития ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, только там часто ещё и не хватало одежды и была низкая температура [3, оп. 7а, д. 38, л. 36].

При этом частые вспышки таких заболеваний, как сыпной и брюшной тиф или дизентерия, происходили как раз в рабочих общежитиях, а ситуация усугублялась отсутствием карантинных помещений, низким качеством питания и редкими приёмами пищи. Рабочие повсеместно сталкивались с проблемами, которые опосредованно влияли на их здоровье и санитарное состояние города в целом: отсутствие одежды и обуви, неутепленные общежития и неисправность отопления, невозможность постирать бельё [2, оп. 4, д. 111а, л. 20–24].

Качество работы медучреждений оставляло желать лучшего. Так, в марте, апреле и мае 1943 года была проверена работа городской больницы и выявленные нарушения так и не были устранены: чистые вещи хранились с вещами тифозных больных, значительная завшивленность больных, больные не проходили санитарную обработку, нательное и постельное бельё грязные, в больнице периодические вспышки дизентерии, сыпного и брюшного тифа, в том числе среди медицинских работников [3, оп. 1, д. 166, л. 72–74]. Плохо велась работа по госпитализации инфекционных больных и снижению детской смертности, питание больных имело низкую калорийность и плохое качество [2, оп. 4, д. 111а, л. 299–302].

В декабре 1941 – феврале 1942 г. в городе растёт заболеваемость сыпным тифом [2, оп. 4, д. 111а, л. 97–104]. В августе 1942 г. в городе повсеместно фиксируются проблемы, связанные с перенаселенностью: сокращение работы бань, прачечных, санпропускников, вспышки различных инфекционных заболеваний [2, оп. 4, д. 111а, л. 15–19, 97].

Отрицательно влияла на медико-санитарное состояние города и некачественная работа столовых и рынков Кургана. Блюда часто готовили из испорченного мяса, в котором запекали и мух; скоропортящиеся продукты хранились с нарушениями, в местах хранения продуктов было грязно и сыро [2, оп. 4, д. 111а, л. 225–232].

При этом война серьезно «подтянула» количество медицинских учреждений города, врачебного персонала и качество оказания медицинской помощи. За период войны количество врачей увеличилось с 20 в 1940 г. до 60 врачей и 260 специалистов среднего медицинского персонала в 1945 г [3, оп. 3, д. 27, л. 55–59]. И это несмотря на тот факт, что врачи постоянно подвергались мобилизации, из-за чего в начале войны планы оказания медицинской помощи и вакцинации часто срывались [2, оп. 16, д. 235, л. 1–2].

Появились здравпункты на всех предприятиях, производственный травматизм снизился на 18 % [3, оп. 3, д. 27, л. 55–59]. На большинстве заводов обязательно работали зубной врач и акушер, что объяснялось большим количеством рабочих-женщин [2, оп. 16, д. 248, л. 246, 247].

На 1 июня 1943 года в Кургане была 1 больница на 250 коек, 1 роддом на 30 коек, 22 поликлиники, 4 консультации, пункт скорой помощи [3, оп. 1, д. 207а, л. 77–78]. При этом к концу 1944 года в городе уже будут 3 больницы на 500 коек [3, оп. 2, д. 150, л. 42]. В 1943 году в Кургане заработал участково-территориальный принцип организации амбулаторной помощи населению, в городе появились 7 участковых врачей. Население активнее обращалось за медицинской помощью, количество обращений в 1944 г. выросло почти вдвое по сравнению с довоенным 1940 г. Количество проведенных анализов выросло с 2117 до 9958, переливаний крови с 50 до 215, проведенных операций с 517 до 960 [2, оп. 5, д. 74а, л. 76–78]. Резко снизилась смертность в медицинских учреждениях с 6,7 % в 1940 до 3,3 % в 1944 г [3, оп. 3, д. 27, л. 55–59]. Однако многие проблемы так и не были решены: высокая детская смертность, большое количество инфекционных заболеваний, тяжелое санитарное состояние города [2, оп. 5, д. 74а, л. 76–78].

Качественные изменения произошли в детском здравоохранении. Если в 1940 г. в Кургане был 1 детский врач и три патронажных сестры, то уже в 1944 г. – 16 детских врачей и 14 патронажных сестёр. Процент детской смертности снизился с 33 % в 1940 до 11 % в 1944 году. Роддом расширили на 15 коек по сравнению с довоенным уровнем [3, оп. 3, д. 27, л. 55–59].

Но изменения произошли не сразу. Процент детской смертности за 1942 г. вырос вдвое с довоенным уровнем, большая часть умирала от воспаления лёгких и желудочно-кишечных заболеваний, истощения и рахита. Детям не хватало питания и витаминов [2, оп. 4, д. 111а, л. 357–358]. Даже в 1945 году санитарное состояние городского роддома оставалось плохим. Новорождённые дети часто подхватывали там сыпные заболевания и гнойничковые опухоли, судна не мылись и не дезинфицировались, температура в помещениях 15 градусов, питание неполноценное – свёкла во всех видах [2, оп. 26, д. 27, л. 23].

Санитарное состояние детских учреждений также оставляло желать лучшего. Особенно это характерно для пионерских лагерей, где даже официальные проверки подчеркивали неудовлетворительное санитарное состояние, больше половины детей имели вшей, выглядели грязно и неряшливо. Основную задачу – откормить и подлечить детей – пионерские лагеря не выполняли [2, оп. 4, д. 111а, л. 221]. В школах и яслях города дополнительно фиксировались нехватка посуды и горшков, отсутствие у детей стрижки волос и ногтей [2, оп. 16, д. 155, л. 41–44].

К февралю 1945 года в городе работали туберкулёзный и венерический диспансеры, малярийная и эпидемическая станции. В городе вновь открылись глазное и гинекологические отделения [3, оп. 3, д. 27, л. 55–59].

Выросло количество и санитарных учреждений: на 1 июня 1943 года в Кургане было 7 бань на 310 мест, 14 прачечных, 16 дезкамер [3, оп. 1, д. 207а, л. 84]. Однако качество их работы оставляло желать лучшего. Некоторые бани не работали, работающие были плохо обеспечены инвентарём, прачечные работали с переборами и только для предприятий [3, оп. 1, д. 166, л. 272]. К февралю 1945 года в городе будет фиксироваться только 2 бани на 208 мест (без учёта бань на предприятиях), появится общегородская прачечная на 5 стиральных машин общей загруженностью в 170 кг. При этом санитарные учреждения города не будут выполнять план и на 50 % из-за плохого технического состояния зданий и некачественной работы водопровода [3, оп. 3, д. 127, л. 16–18].

Несмотря на все сложности, в Кургане проходила и научная работа в медико-санитарной сфере. В 1942 году в Кургане прошла межрайонная научная конференция врачей и средних медицинских работников, посвящённая диагностике и лечению брюшного тифа, дизентерии и летних детских поносов [5, с. 2]. Только в 1943 г. в городе прошёл семинар-совещание ведущих хирургов госпиталей, где разрешались текущие вопросы и проблемы очередных задач, обсуждались новейшие методы лечения. Раз в 2 недели проходили межгоспитальные конференции. В июле 1943 года проведена терапевтическая конференция [3, оп. 1, д. 255, л. 60–63]. Из тематики проводимых конференций можно понять, какие проблемы интересо-

вали курганских врачей чаще всего: инфекционные заболевания и хирургические операции.

Отдельно стоит сказать о работе эвакуо-госпиталей. В Кургане их старались надолго не задерживать. Сказывались и нехватка площадей для размещения, и проблемы с санитарным состоянием, и всё большее превращение города в промышленный центр. Эвакогоспитали как можно быстрее отправляли в районы области, где климат и экология были получше. После 12 августа 1944 года из Кургана и области увезли большую часть эвакуогоспиталей в западные части страны, в самом городе остался только один госпиталь № 1729 на 325 коек [3, оп. 4, д. 109, л. 5].

При этом эвакуогоспитали сталкивались с такими же проблемами, что и остальные помещения города. Один из пациентов госпиталя № 3976 так описывал состояние учреждения в жалобе в ЦК: «От таяния снега затекла одна из стен, около которой лежат больные. Кухня и уборная располагаются рядом. Вода для приготовления пищи привозится из мест для купания на Тоболе, больные в ней же умываются и моют руки. Перевязочного материала недостаточно» [3, оп. 1, д. 160, л. 25–26]. Выездная проверка подтвердила указанные проблемы, добавив к ним ещё ряд: нерабочая канализация, посуда моется без смены воды, нерегулярные врачебные обходы, не хватает постельного белья, палаты не убираются [3, оп. 1, д. 160, л. 29].

При этом сами больные отнюдь не стремились поддержать своё выздоровление и медицинское состояние госпиталя. Они часто отлучались за пределы палат в поисках алкоголя, играли в азартные игры с другими больными, не заботясь об их состоянии, устраивали драки с медперсоналом и даже медсёстрами. Некоторые пропадали на несколько дней и с лёгкостью могли принести инфекции в госпиталь [2, оп. 1б, д. 163, л. 1].

Эвакогоспитали также постоянно сталкивались с коррупцией – бывшие пациенты договаривались с руководством госпиталей и назначались на несуществующие должности или отправлялись в дома отдыха, некоторым меняли категорию годности на нестроевую [3, оп. 1, д. 160, л. 25–26, 29]. Некоторые больные целенаправленно затягивали своё лечение, промывая раны водой из ржавых банок [2, оп. 1б, д. 163, л. 29–31].

В городе в 1942 году открылась платная поликлиника при комитете помощи раненым бойцам. При поликлинике имелись рентген, физиотерапия и лаборатория, притом, что этих средств не хватало обычным больницам [4, с. 2]. За 1943 год платная поликлиника заработала более 400 тыс. руб., из которых 50 тыс. было выдано инвалидам войны [3, оп. 2, д. 209, л. 37–40].

В целом медико-санитарная сфера Кургана в годы Великой Отечественной войны развивалась двойственно. С одной стороны, в город было по эвакуации большое количество врачей и среднего медперсонала. С другой стороны, сани-

тарное состояние Кургана и медицинских учреждений города находилось в упадке, причём проблемы фактически не решались.

Однако в целом война дала качественный скачок для медицинской сферы города. Снижается смертность (в том числе детская), увеличивается количество операций и других медицинских процедур, начинают работу будущие великие врачи, в том числе Г. А. Илизаров и Я. Д. Витебский.

Для Кургана развитие медицины было очень важно, так как гарантировало бесперебойную работу оборонных предприятий. Однако санитарное состояние жилых и медицинских зданий и улиц города практически не изменилось, что будет влиять на состояние здоровья курганцев.

Библиографический список

- 1 Васильева Т. В. *Здравоохранение Курганской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : по страницам документов / Т. В. Васильева, В. И. Кочарина // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы регион. науч.-практ. конф. (Курган, 2015) / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. А. Кислицына. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – С. 63–78.*
- 2 Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 10 (Курганский городской комитет КПСС (горком)).
- 3 ГАСПИКО. Ф. 166 (Курганский областной комитет КПСС (обком)).
- 4 Красный Курган. – 1942. – 16 июня.
- 5 Красный Курган. – 1942. – 24 мая.
- 6 Подливалов В. В. *Южное Зауралье в годы Великой Отечественной войны : монография / В. В. Подливалов. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 220 с.*

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЗЕМСТВА В ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Первые земства в Российской Империи появились в 1865 году. В 1870 году первые земские собрания прошли в Вологодской и Пермской губерниях. Этим же годом датируется и начало работы земства Шадринского уезда как составной части Пермской губернии.

Территории Шадринского уезда Пермской губернии второй половины XIX века сегодня приблизительно соответствует совокупность территорий Шадринского, Далматовского, Катайского, Шатровского, Каргапольского, части Щучанского районов Курганской области, части Красноармейского и Кунашакского районов Челябинской области и часть Талицкого городского округа Свердловской области.

На 1870 год в уезде числились 104100 податных душ (без учёта женщин, детей и жителей города Шадринска) [1, с. 7, 10].

Опираясь на журналы (или, говоря современным языком, – протоколы) и доклады первого и третьего очередных Шадринских уездных земских собраний 1870 и 1872 годов, посмотрим, какая ситуация сложилась в уезде к началу работы Шадринского земства и каковы были первые шаги уездного земства по преломлению ситуации в лучшую сторону.

Первая проблема – организация системы **земской «ямской гоньбы»**.

На момент проведения уездного собрания информация о количествах поездок на ямских лошадях отсутствовала, поскольку особые билеты, на основании которых предоставлялись лошади, были отправлены «господину начальнику губернии на ревизию», а записей «по разгону» на ямских станциях не велось [1, с. 7, 10].

По мнению гласных (= депутатов) уездного земского собрания, стоимость 1 подводы волостными правлениями указана произвольно (от 25 копеек до 1 рубля). По этой причине земская управа отметила, что стоимость проезда 1 подводы с проводником не может быть дешевле 50 копеек серебром, и после приблизительных подсчётов установила ямскую повинность в размере 61,25 копейки на каждую душу, записав при этом: «Повинность очень тяжёлая!» [1, с. 7].

Чтобы облегчить эту повинность, управа предложила ввести строгий учёт выдачи лошадей и упразднить систему нарочных, которых должностные лица, привлекая общественных лошадей, могли несколько раз в день отправлять в одном и том же направлении, тем самым нерационально увеличивая разбег лошадей.

Чтобы сделать систему перегонов прозрач-

ной, Шадринское собрание предложило земских лошадей в количестве 347 (без учёта г. Шадринска) [1, с. 10] держать при волостных правлениях, где будет находиться выданная земскою управою книга, в которой будет фиксироваться каждая выдача лошади, подтверждаемая росписью получателя. При этом волостные правления ежемесячно обязаны предоставлять выписки из этих книг: кому, когда и на какие расстояния выдавались лошади.

Параллельно управа ежеквартально обязалась рассылать должностным лицам особые билеты на взимание лошадей. Данные билеты должны возвращаться «командированными» для отчёта, поскольку на документе будет отмечаться количество лошадей, время и расстояние.

Фактически таким образом был предложен двойной, не зависимый один от другого контроль: через ямскую книгу и через подотчётные билеты.

Для устранения института нарочных и облегчения нагрузки на лошадей Шадринское земское собрание поручило управе создать сельскую земскую почту, которая бы функционировала параллельно, но не в ущерб правительственной, и соединила бы город Шадринск с волостными правлениями.

С февраля 1871 года земская почта на территории уезда начала действовать [2, с. 107].

По документам земских собрания и управы 1872 года, видим, что земская почта активно функционирует: два раза в неделю по пяти маршрутам почтальоны с бумагами местных инстанций отправляются по всем станам и волостям уезда [2, с. 107]. При этом, чтобы хоть как-то оправдать земские затраты на организацию местной почты, параллельно перевозится и частная корреспонденция: по 5 копеек с письма, за газеты и журналы – по 60 копеек в год. С 1872 года земская почта также начала доставлять денежные переводы на сумму до 15 рублей (налог по 1 копейке с 1 рубля), страховые письма (10 копеек за 1 письмо), посылки весом до 20 фунтов (20 копеек за каждую посылку) [2, с. 107]. Благодаря этому за первое полугодие 1871 года земство получило 48 рублей 81 копейку, с 1 сентября по 31 декабря 1871 года – 69 рублей 91,75 копейки, а за первое полугодие 1872 года – уже 99 рублей 45,5 копеек [2, с. 44, 108]. Всего за первые полтора года земство получило около 218 рублей¹.

Для получения дополнительного дохода и для облегчения нужд населения земское собрание 1872 года предложило увеличить прием денежной

¹ Для сравнения: в 1872 г. содержание только почтарей стоило 720 рублей в год [2, с. 110].

частной корреспонденции до 25 рублей, казённой – до 100 рублей [2, с. 110]. Также для большей сохранности корреспонденции земство разрешило постройку летних и зимних простых экипажей с рогожными кибитками [2, с. 111].

Развитие земской почты сдерживалось, с одной стороны, тем, что частные лица, чтобы не платить местные почтовые сборы, отправляли свою корреспонденцию через полицию, благочинных и сельское духовенство, которые свою почту отправляли бесплатно; а с другой – разнообразными, нередко противоречащими друг другу распоряжениями от пермского губернатора, почтового департамента и министерства внутренних дел [2, с. 109–110].

Вторая проблема – **дорожная повинность**, которая состояла в надлежащем содержании 299 верст (примерно 319 км) дорог следующих трактов, проходящих по территории Шадринского уезда: Исетского почтового, Ялуторовского и Челябинского коммерческих, участка тракта от г. Далматово до станции Тамакульская; части почтового тракта из Екатеринбургa в Челябинск [1, с. 17].

Также члены собрания предложили добавить в этот список Петропавловский коммерческий тракт протяжённостью на территории уезда в 77 вёрст (около 82 км), содержать который надлежащим образом местные жители не могут, но который очень важен для постоянного торгового сообщения между городами Шадринск – Петропавловск – Курган и прогона скота из Киргизской степи в Пермскую и внутренние губернии Российской Империи [1, с. 20].

В докладе 1870 года отмечено, что полотно дороги на всех трактах более года не подправлялось и почти везде нуждалось в надсыпке и утрамбовке: «Мосты, гати и трубы везде в полуразрушенном состоянии, требуют немедленной перестройки, иначе остановится проезд» [1, с. 18].

Традиция, выполняя натуральную дорожную повинность, ремонтировать дорогу в чужой волости привела к тому, что в своём родном селении крестьяне «...почти везде разрушают её [дорогу] стоками воды со дворов, накоплением навозу и нечистот и держанием скота летом на дороге...» [1, с. 18].

При подсчёте подушного налога на содержание дорог было указано, что на 1 душу приходится 2,5 сажени (5,334 м). По сообщению волостных правлений, стоимость содержания в денежном эквиваленте – 30 коп. на 1 душу. И снова первое земское собрание, как и в ситуации с «ямской гоньбой», отмечает: «...цифра ни на чём не основанная» [1, с. 17].

На первом собрании были предложены следующие меры:

- из общей протяжённости дорог исключить те части, которые проходят через селения, дабы жители данных селений сами следили за сохранностью своих дорог (т. е. сделать исполнение до-

рожной повинности «по месту жительства»);

- нанять техника, который будет наблюдать за дорогами и мостами, предлагать их более рациональное устройство и составлять проекты новых;

- все мосты на Исетском, Ялуторовском и Челябинском трактах перевести с натуральной повинности на денежную, определив стоимость содержания мостов на скидку (без грамотной оценки) в 10 000 рублей;

- отозвать 19 832 души Шадринского уезда от исправления дорожной повинности на Екатеринбургских дорогах (поскольку расстояние от дома до нужного участка Екатеринбургского уезда доходит до 250 вёрст, что вызывает многочисленные жалобы) и приписать всех снова к содержанию дорог в собственном уезде [1, с. 18–20].

По первому пункту на третьем собрании отметили, что натуральная повинность малоэффективна, поскольку на работы являлись единицы. Попытка надавить на крестьян через полицейских и сельских старост результата не дала. Тем не менее дорожную повинность на 1873 год оставили натуральной, «...так как желает этого большинство уездного населения» [2, с. 140], хотя дороги так и остались в плачевном состоянии. Видимо, сохранение натуральной повинности было необходимо для сохранения спокойствия крестьянских масс.

По отчёту за 1871 год видно, что появился техник (жалованье и подъёмные – 800 рублей), для которого куплены инструменты и книги (268 рублей 20 копеек) [2, с. 5]. за первое полугодие 1872 года жалованье технику составило 333 рубля 30 копеек [2, вкладной лист 3].

На устройство и исправление дорожных сооружений в 1871 году потрачено 10817 рублей 69,25 копейки [2, с. 5], за первую половину 1872 года – уже 13007 рублей 30 копеек [2, вкладной лист 3]. В общей сложности за полтора года на постройку и обновление мостов и дренажных труб на всей территории уезда было потрачено более 24 тысяч рублей.

Одновременно земское собрание отметило, что далеко не все случаи ненадлежащего содержания дорог можно решить на местном уровне. Поэтому уездное собрание обратилось в губернскую земскую управу:

- узаконить на Исетском тракте объезды, расположенные в более пригодных для проведения дорог местах [1, с. 21–22];

- построить на Ялуторовском тракте постоянный мост через реку Ичкина, поскольку «дальнейшее же существование временного моста по случаю ежегодного следования здесь транспортов с золотом, серебром и другими казёнными тяжестями допущено быть не может» [1, с. 22];

- на Челябинском тракте, чтобы избежать больших трат по постройке трёх мостов и двух дренажных труб, узаконить предложение Шадринской дорожной комиссии о проведении дороги «... выше рвов на полверсты по ровному

и плотному местоположению, отчего протяжение дороги увеличивается на 1 версту...» [1, с. 22–23].

Третья проблема – **ничтожный запас продовольствия в сельских общественных магазинах** (= складах) на случай голода: ржаного хлеба – 2 четверика 6 гарнцев (около 72,14 л) на 1 податную душу, «...т. е. не больше как на один месяц продовольствия, если бы довелось в случае несчастья народу кормиться этим хлебом» [1, с. 25], овса и того меньше – 1 четверик 4 гарнца (около 39,35 л) на одну душу [1, с. 25]. Причём 12 лет подряд взыскания хлеба в склады не было, хранящийся старый хлеб не обновлялся, т. е. фактически уже не годился в пищу.

Для восполнения запаса «...в предупреждение народных бедствий от неурожаев голода» [2, с. 116] было рекомендовано немедленно взыскать в полном объёме недоимки, ссуды и ежегодный взнос хлеба, исключив из списков должников умерших и явных бедняков. При этом было разрешено заменять один злак другим, например, рожь – пшеницей. По настоянию управы медленно и неохотно, но начались постройка и ремонт складов, стала проводиться замена старого хлеба новым. Сделана проверка хранящегося зерна в магазинах, выявлено большое количество недостач, а потому заведено много дел против вахтёров и волостных начальников.

Несмотря на то, что взыскание хлеба проходило с трудом (скрытый бойкот на местах), в 1872 г. на 1 душу уже приходилось наличного и ссудного запаса озимого хлеба 1 четверть 6 четвериков 5 гарнцев (около 383,64 л), а ярового – 5 четвериков 2 гарнца (137,72 л).

Но земство не стало останавливаться только на полицейских мерах: оно планировало поднять урожаи «...через улучшение культуры, через изменение севооборотов и улучшение всего хозяйства через приискание и указание новых промыслов, возможных с занятиями земледелием и скотоводством» [2, с. 116].

Также было установлено принять следующие меры к обеспечению лучшей сохранности хлебных запасов:

- размер и необходимость ссуды будет определяться уездным земским собранием в сентябре, когда уже ясны объёмы урожая;
- общественные склады должны иметь печати на запорах и охраняться сторожами или вахтерами (= старшими сторожами);
- сельские общества обязаны два раза в год проверять магазины, о чём докладывать в уездную управу через волостные правления [1, с. 25–26].

Четвёртая проблема – **народное образование**.

В 1870 году отмечалось, что «в 20 волостях с населением 36.067 душ мужского пола нет вовсе никаких училищ» [1, с. 26]. На остальные волости приходилось 13 штатных сельских училищ, 8 частных школ православного исповедания, 27 школ магоме-

танского исповедания [1, с. 26–27]. В 1872 году числилось уже 20 штатных училищ – 18 мужских и 2 женских [2, вкладной лист 4], при этом появились ходатайства об открытии новых училищ (с. Петропавловское, Красномыльское, Замараевское) [2, с. 91, 102–103].

В общей сложности в 1870 году в сельских штатных училищах обучались 489 мальчика и 40 девочек. В 1872 году мальчиков числилось уже 770 (+ 57,5 %) человек, девочек – 64 (+ 60 %) [2, с. 92].

В 1870 году наставников-священнослужителей было 8, светских (окончивших курс Пермской семинарии и учительниц) – 6 [1, с. 81–83]. Как мы видим, в 1870 году занятия преимущественно вели местные священнослужители, отвлекаясь этим от своей основной службы. Поэтому было решено отдать предпочтение светским учителям.

В 1872 году наставников-священнослужителей так и осталось 8 человек, зато количество светских (окончивших курс Пермской семинарии, учителей, законоучителей, учительниц) увеличилось и стало уже 17 [2, с. 92]. Решение поддержать светских учителей отразилось и в изменении размера жалованья: священникам на 1873 год оставили 240 рублей, а 60 рублей, освободившихся от каждого священнослужителя, решили перераспределить как вознаграждение между светскими учителями, поскольку «...преподавание последними ведётся далеко успешнее» [2, с. 102].

В 1870 году земская управа отметила, что сведений о состоянии училищ не имеет и «... не может положительно доложить, насколько штатные училища удовлетворительны относительно народного образования» [1, с. 27]. В протоколах 1872 года уже имеется составленный членами училищного совета подробный отчет о состоянии сельских училищ: количество учащихся по списку и налицо, успехи учеников в предметах, количество окончивших курс, количество удостоенных наград [2, с. 92–99]. Как мы видим, к осени 1872 года уже был налажен надзор за училищами, хотя сами члены собрания признали его ещё недостаточным. В итоге было решено сделать ревизии училищ ежемесячными, поскольку деньги на обучение отпускались значительные, например, в первом полугодии 1872 года на содержание сельских училищ (18 мужских и 2 женских) было израсходовано 3814 рублей 35 копеек [2, вкладной лист 4].

В уездном городе Шадринск были уездное и приходское училища, но в силу их перегруженности земская управа в 1872 году ходатайствовала перед членами земского собрания об открытии прогимназии и женского двухгодичного училища. В протоколах 1872 года имеется подробная программа преподавания предметов в Шадринском женском училище [2, с. 77–86]. Помимо задач «религиозного, умственного и нравственного образования» уездное земское собрание, планируя открыть Шадринское женское училище, надеялось

дать выпускницам «право на сельских учительниц» [2, с. 76], тем самым в перспективе решая кадровые вопросы в новоотрываемых волостных училищах.

При управе стали проводить съезды народных учителей для обмена опытом, причём съезды учителей решено сделать постоянными [2, с. 101]. На съездах принимались прогрессивные методические решения, в частности, о введении звукового обучения чтению, которое используется и поныне. Также на съездах раздавались заранее купленные книги, в которых в училищах был недостаток, а также аспидные доски, грифели к ним, счёты и т. д. [2, с. 88].

Также земством закладывались значительные суммы на усиление и обновление училищных библиотек: вторым съездом для этих целей было ассигновано 600 рублей, из этих денег только в первом полугодии 1872 года было выписано учебных книг на 275 рублей 12 копеек [2, вкладной лист 4, с. 88]. На 1873 год на выписку учебных пособий была заложена сумма уже в 1000 рублей [2, с. 91].

В отчёте за 1871 год и первую половину 1872 года прозвучало практически революционное: «...Совет полагает учение сделать для всех обязательным» [2, с. 90, 101]. Но далее земское собрание «сдаёт назад» и поясняет: «При чтении отчёта член училищного совета, гласный Первушин, заявил, что употреблённое в нём выражение “сделать для всех учение обязательным” означает не то, чтобы заставить учиться всех без исключения мальчиков и девочек, а только то, чтобы поступившие по желанию родителей в сельские училища мальчики и девочки не были отвлекаемы от учения на домашние работы в течение полугодичного курса с 1-го октября по 1-е апреля» [2, с. 106–107].

Пятая и одновременно шестая проблемы – **народное призрение и народное здравие**, представленные в уезде одним учреждением – городской больницей, находившейся в ветхом здании, рассчитанном всего на 10 кроватей при ежедневном приёме в 20–40 больных.

Устройство больницы «...не соответствует требованиям Устава для лечебных заведений Гражданского ведомства, ...многих самых необходимых принадлежностей вовсе нет, как то: ледника, бани, помещения для умерших и др. ...многих вещей недостаёт даже для 10 кроватей; ...в течение нескольких последних лет городской врач снабжал медикаментами больных за свой счет безвозмездно... О библиотеке и говорить нечего, так она мала и недостаточна, даже инструментов хирургических удовлетворительных нет; а для терапевтической цели вовсе никаких нет» [1, с. 28]. На весь уезд один врач, 14 фельдшеров и 29 оспопрививателей. «Ветеринаров и повивальных бабок нет» [1, с. 85]. Как итог, в уезде «значительная смертность, развитие хронических болезней, ...постоянные поварные болезни на животных и обеднение... ...в близлежащих селе-

ниях к городу более 357 человек были неработники почти целое прошедшее лето от болезни лихорадки... Скота же погибло в течение лета 12.378» [1, с. 31]. В 1871 году в уезде была холера [2, с. 13].

К 1872 году остро встал вопрос о выделении или постройке нового здания больницы с сопутствующими служебными постройками. Но пока вопрос с новым зданием не решён, земство вкладывало значительные суммы в ветхую больницу: в 1871 году на её обустройство потрачено 4079 рублей 66 копеек [2, с. 5]. В том числе на покупку 20 железных кроватей – 130 рублей, приобретение медицинских книг – 157 рублей, «на отопление, освещение и окуривание» – 407 рублей 36,5 копеек, на пищу больным – 755 рублей 79,5 копеек, «на мытьё, постройку и починку белья, набивку тюфяков и на постройку разных других ношебных вещей и проч.» – 1670 рублей 55,5 копеек [2, с. 17, 19].

В первое полугодие 1872 года продолжается пополнение требуемого для медицинского обеспечения: закуплены различные медицинские инструменты на сумму 476 рублей 26 копеек; израсходовано на покупку разных хозяйственных вещей для больницы на Ирбитской ярмарке 54 рубля 37 копеек [2, с. 27, 29], куплены 2 аптекарских ящика, выписано инструмента на 225 рублей 91 копейку (в том числе гигроскоп, гигрометр), выкуплено медикаментов для планируемой аптеки 269 рублей 49 копеек [2, вкладной лист 3]. В целом же на будущую аптеку и медикаменты в 1872 году запланировано 6552 рубля [2, вкладной лист 3].

Как мы видим, лекарства начали закупать на земские средства [1, с. 28]. Дополнительный лекарственный расход был вызван холерой 1871 года: на медикаменты для борьбы с этой болезнью сверх сметы было потрачено 512 рублей 59 копеек [2, вкладной лист 5].

По итогам целенаправленной работы в области «народного здравия» в отчёте 1872 г. говорится: «В хозяйственном отношении больница обеспечена; совершенно необходимое, за весьма немногими исключениями имеет всё, начиная с кухонных мелочей и кончая хирургическими и терапевтическими инструментами, пища для больных очень хороша и достаточна, уход за больными удовлетворителен, бельё, кровати с принадлежностями не оставляют ничего желать лучшего» [2, с. 162].

Очень остро в уезде стоял вопрос с кадрами. Помимо больницы в городе Шадринске в уезде планировалось открыть 3 санитарных участка, где будет по 1 врачу, 1 повивальной бабке и 4 фельдшера [2, с. 129]. В течение двух лет через печать земство приглашало на службу в уезд врачей (с жалованьем 1500 рублей), однако отклика не получило [2, с. 130]. Через «Губернские ведомости» также давалась информация о нужде в уезде повивальных бабок [2, с. 33, 130].

Если повивальных бабок удалось привлечь

[2, с. 5, 130], то с врачами было очень плохо: на весь уезд так и оставался 1 врач. Поэтому одним из способов получить все же врачей на свои территории стало учреждение стипендии для лучших и способных студентов, выходцев из Пермской губернии. В 1872 году Шадринское земство предоставляет стипендии в размере 300 рублей двум студентам медицинских факультетов Казанского (3 курс) и Московского (2 курс) университетов с условием позднее отработать в уезде не менее 5 лет. Земское собрание 1872 года также предусмотрело ассигнование трех стипендиатов по 150 рублей в Екатеринбургской фельдшерской школе, когда та откроется, с последующей отработкой в уезде не менее 4,5 лет с жалованьем 300 рублей [2, с. 60–65].

В заключение хочется отметить, что с самого начала своего функционирования Шадринское земство, отлично зная наиболее больные местные точки, очень энергично и довольно эффективно занималось решением проблем крайне запущенного местного хозяйства.

Библиографический список

1 Журналы первого очередного Шадринского уездного земского собрания сентябрьской сессии 1870 года и доклады уездной земской управы. – Шадринск, 1877. – [2], 87 с.

2 Журналы третьего очередного Шадринского уездного земского собрания и доклады Шадринской уездной земской управы 1872 года. – Ирбит, 1873. – [2], IV, 210 с.: 9 вкл. л. табл.

*А. В. Гильдерман, ЦИКИ «Астра»,
г. Екатеринбург;*

И. К. Новиков, Г. Н. Сауков,

*ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган*

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТЕКЛЯННЫХ КУВШИНОВ ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»

В ходе многолетнего исследования археологического памятника «Культурный слой города Кургана», выделенного в 2005 г. в исторической части города, в разное время были найдены фрагменты стеклянных кувшинов, имеющих схожие декоративные, морфологические и технологические особенности. Определённая специфичность находок и неоднократность их обнаружения поставили вопрос о необходимости их интерпретации. Настоящая статья является попыткой атрибутировать и датировать данную категорию находок.

Первая находка была сделана весной 2013 г. при проведении раскопок дворовой части бывшей купеческой усадьбы Даниловых-Шишкиных-Смолиных по адресу: ул. Пролетарская, 11 (ранее пер. Шишкинский) [12, с. 145]. Были найдены фрагменты горла, верхней части тулова и придонной части, а также ручки, по которым удалось реконструировать целый кувшин.

Стекло светло-зелёного цвета, полупрозрачное, в стекле фиксируются пузырьки воздуха (рисунок 1, 1). Венчик округлой формы, край венчика выпуклый, слегка расширяется к устью, данное расширение носит технологический характер и сформировано загибом стеклянной массы при производстве. Фрагменты венчика не совпадают по изгибу, что может свидетельствовать об асимметрии устья. Толщина стенки горлышка – 0,2–0,3 см, предполагаемый диаметр венчика – 10 см, высота шейки – 9 см. За основание шейки принято место, где начинается расширение тулова. По основанию шейки проходит декоративный элемент в виде стеклянной нити диаметром от 0,2 до 0,4 см. Место спайки двух концов нити отмечено круглым расширением. Горлышко декорировано восемью горизонтальными прямыми линиями. Дно вогнутое, сферическое, круглой формы, толщина дна 0,4–0,9 см, в центре технологический элемент. Стенка украшена фигурными вертикальными выступами (предположительно 24 шт.), создающими рельеф и внутри, и снаружи. К основанию шейки рельеф становится еле заметным. Реконструируемый диаметр дна – 11 см, при этом тулово раздуто, реконструируемый диаметр наибольшего расширения тулова – 15–16 см. Техника изготовления – выдувание. Реконструируемая высота кувшина – 32 см. На последнем этапе изготовления к горловине и верхней части тулова была приделана ручка. Ручка рельефная, располагалась по вертикали оси сосуда, на верхнем изгибе имеется выступ

для пальца. Выступ сформирован вытягиванием, отчего остались характерные уплощения с обеих сторон. Выступ развернут под углом 45 градусов по отношению к оси ручки, что делает его удобным для закладывания большого пальца левой руки. Сама ручка состоит из трёх гладких прутьев, которые идут от основания шейки (отмечено стеклянной нитью) вверх, потом загибается и идёт вниз до верхней части тулова. С внутренней стороны шейки, в месте соприкосновения с ручкой, фиксируется след от тонкого шпателя с овальным концом, которым прижимали место присоединения ручки и оставили углубление. Также характерным можно назвать загиб нижней части ручки в месте крепления к верхней части тулова. Несмотря на то, что в ранних публикациях сосуд был атрибутирован как «пивная кружка» [33, с. 33] и как «графин» [12, с. 157], вышеприведённое описание морфологии всё же позволяет определить его как кувшин.

В 2013 г. с первого взгляда сложилось ощущение, что данные находки (в сравнении с остальным стеклом из раскопа) побывали в пожаре и оплавившись. С момента первой реконструкции было отмечено плохое качество изготовления кувшинов, большая разница в толщине стенок, асимметрия, небрежность декорирования, нескрываемые технические элементы и т. д.

Наиболее узнаваемыми частями остаются шейка с рельефом в виде линий или припаянными стеклянными нитями и рельефная ручка с характерным выступом сверху и загибом снизу. Оставаясь малочисленными, подобные находки в разной степени сохранности были зафиксированы на 5 раскопах из 14 (на 2022 г.) в разных частях города. Всего было зафиксировано около 20 кувшинов. Проблемой остаётся соотнесение разных частей кувшинов из-за их сильной фрагментированности и схожести технологических приёмов. Обычно кувшин выделяется по шейке и её декору, фрагменты дна соотнесены в единичных случаях. Приведём описание некоторых из них.

В том же раскопе был обнаружен фрагмент горла светло-зелёного цвета из прозрачного стекла. Край венчика выпуклый, декорированный восемью горизонтальными линиями.

В 2014 г. на раскопе по адресу: Куйбышева, 27 был обнаружен один край венчика с утолщением, декорированный шестью горизонтальными линиями.

1 – раскоп 2013 г. по адресу: ул. Пролетарская, 11; 2 – раскоп 2019 г. по адресу: ул. Куйбышева, 135

Рисунок 1 – Стекланные кувшины из раскопок «Культурного слоя города Кургана»

Фрагменты не менее чем от семи кувшинов, разных по качеству исполнения, были найдены в 2014 г. в результате раскопок на ул. Советской, 148 – на месте бывшей усадьбы купца П. И. Ноева [33, с. 33].

Фрагмент шейки и верхней части тулова с верхней частью ручки светло-зелёного цвета, стекло непрозрачное. Под ручкой была навита стеклянная нить, от которой, как и в вышеописанном кувшине, начинается расширение тулова.

Фрагмент верхней части ручки (рисунок 2,1) зелёного цвета, стекло полупрозрачное, на изгибе имеется выступ под левую руку.

Фрагмент горла светло-зелёного цвета, стекло непрозрачное, округлой формы, край венчика выпуклый, вертикальный. Венчик декорирован пятью непараллельными линиями в горизонтальной плоскости.

Фрагмент венчика светло-зелёного цвета, стекло непрозрачное, округлой формы, край венчика выпуклый, вертикальный. Горло декорировано девятью горизонтальными (непараллельными) линиями.

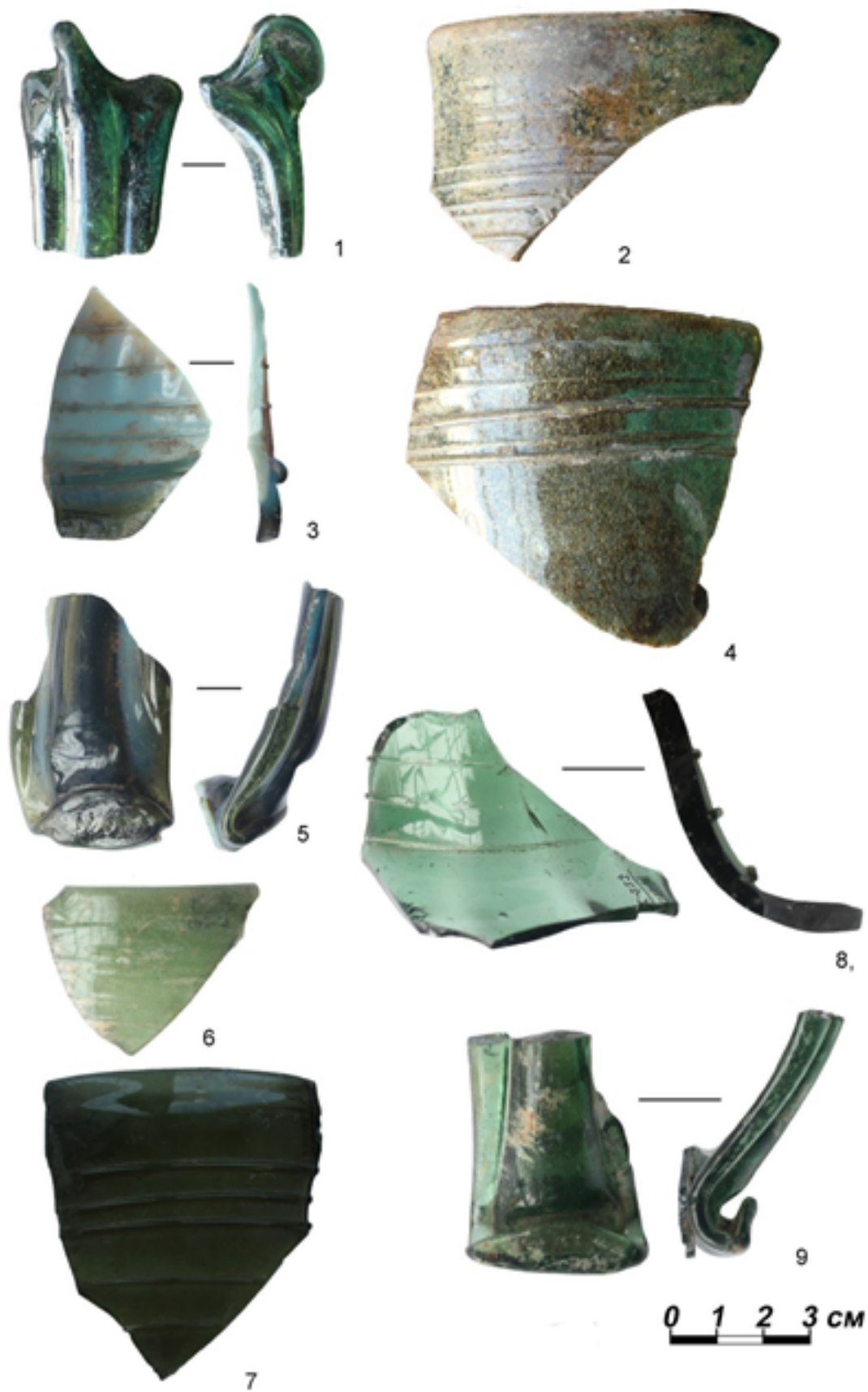
Фрагмент нижней части ручки и шейки голу-

бого оттенка, стекло непрозрачное, имеется характерный загиб (рисунок 2, 5). По шейке навиты горизонтальные линии из стеклянной нити, диаметр нити – 0,1 см (фиксируется 7 рядов), по основанию шейки проходит толстая стеклянная нить толщиной до 0,4 см (рисунок 2, 3).

Фрагмент шейки (рисунок 2, 6) светло-зелёного цвета, стекло непрозрачное, венчик декорирован семью непараллельными линиями в горизонтальной плоскости (рисунок 2, 2).

Фрагмент основания шейки (рисунок 2, 8) и верхней части тулова из прозрачного голубоватого стекла, декорирован тремя горизонтальными навитыми стеклянными нитями. К этому же кувшину отнесён фрагмент нижней части ручки с характерным загибом (рисунок 2, 9).

В 2016 г. при археологических раскопках на ул. Куйбышева, 21-23 были обнаружены фрагменты горла, верхней части тулова и низ ручки, предположительно от одного кувшина зелёного цвета из прозрачного стекла, край венчика с утолщением, декорирован восемью горизонтальными линиями, верх тулова с навитой стеклянной нитью, характерная ручка с нижним загибом.

1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 – раскоп 2014 г. на углу ул. Советская – Пичугина;
7 – раскоп 2016 г. по адресу ул. Куйбышева, 21–23

Рисунок 2 – Стекланные кувшины из раскопок «Культурного слоя города Кургана»

В 2019 г. на раскопках по адресу: ул. Куйбышева, 135 были обнаружены фрагменты предположительно от четырёх кувшинов.

Целая верхняя часть кувшина до наибольшего расширения тулова темно-зелёного цвета, стекло полупрозрачное, округлой формы, край венчика выпуклый, декорирован восемью горизонтальными прямыми линиями. Ручка рельефная в сечении, в верхней части ручки выступ для пальца, выступ повёрнут под углом по отношению к оси ручки (рисунок 1, 2). Снизу ручка имеет характерный загиб. По основанию горлышка навита стеклянная нить, которая не стыкуется, а продолжает идти на другом уровне. На сегодняшний день это самый целый образец верхней части стеклянного кувшина из раскопок «Культурного слоя города Кургана», однако нижняя часть полностью утрачена.

Фрагмент дна кувшина с характерным рельефом. Дно слабо вогнутое.

Край венчика с утолщением, декорирован шестью горизонтальными линиями.

Фрагмент горлышка с переходом на верхнюю часть тулова, сохранившаяся часть горлышка декорирована четырьмя горизонтальными линиями [1, с. 124, 155].

Фрагменты реконструированного кувшина с раскопа по ул. Пролетарской, 11, как и основная масса предметов представительной коллекции стеклянной посуды, были найдены при исследовании третьего строительного горизонта усадьбы и разборе пола деревянного сооружения. Данный горизонт был соотнесён с Ф. В. Шишкиным, купившим усадьбу в 1859 г. у своей супруги, а также с их зятем – Д. И. Смолиным, ставшим в 1881 г. правопреемником после смерти тестя. Оба, помимо прочего, занимались производством и торговлей алкогольными напитками. Информация о наличии на усадьбе в 1886 г. деревянного одноэтажного дома на каменном фундаменте, водочного завода, флигеля в улицу, оптового каменного склада и деревянного магазина в трёх отделениях позволила сделать предположение, что обнаруженное сооружение являлось частью последнего. На это же указывает большое разнообразие видов бутылок от алкогольной и безалкогольной продукции местного и не только производства (в том числе зарубежного). Коллекция была датирована концом 1870-х – началом 1890-х гг. [12, с. 146–157].

Изображение кувшина, очень похожего на найденные, было обнаружено в альбоме акварельных рисунков историко-этнографического содержания «От Тобольска до Обдорска» тобольского художника, уроженца г. Кургана М. С. Знаменского (1833–1892 гг.). На рисунке под названием «Внутренний вид станции» (почтовой) на переднем плане изображён стол, на котором кроме прочего стоит кувшин из зеленоватого прозрачного стекла с характерными ручкой и горлом. Альбом на сайте Госкаталога музейного фонда РФ датирован 1880–1891 гг. [10, № 32813895].

Возможно, нижняя граница обусловлена тем, что автор в эти годы собрал свои разрозненные северные рисунки в альбом, посвящённый 300-летию присоединения Сибири к России, которое праздновалось в октябре 1881 г., а также в альбом «От Тобольска до Обдорска» [28, с. 77]. Верхняя дата, вероятнее всего, связана с информацией о том, что последний альбом был показан губернатором В. А. Троицким наследнику престола Н. А. Романову во время его проезда через г. Тобольск в июле 1891 г. [17, с. 206–207]. Однако известно, что многие наброски и законченные рисунки, позднее вошедшие в названные альбомы, были созданы художником ещё в 1860-х гг. во время экспедиций на север Тобольской губернии [28, с. 77]. Таким образом, рисунок или эскиз с кувшином можно датировать периодом не ранее 1863 г. (первое участие М. С. Знаменского в экспедиции на север) и не позднее 1891 г. (показ готового альбома цесаревичу Николаю Александровичу).

Судя по изображённому на рисунке интерьеру добротной деревянной избы печью, окнами и различными атрибутами быта русского дома, а также по внешнему виду хозяйки [10, № 32813895], можно с большой долей вероятности предположить, что это одна из почтовых станций Тобольского округа. В пользу этого свидетельствует описание К. М. Голодниковым своего путешествия в статье 1881 г. с аналогичным названием – «От Тобольска до Обдорска»: «...почтовые станционные дома в Тобольском округе сносны <...> и я самодовольно благодумствовал, пока дорога лежала татарскими юртами да крестьянскими селениями; но лишь возок мой ввалился в Берёзовский округ – путевая обстановка резко изменилась. Станции, содержимые остяками, состоят из чумов; на одних из них нет окон, на других нет печей, а на некоторых так и не оказалось ни окон, ни печей. Роскошь эту заменяют здесь небольшие прорубы в стене, приблизительно в квадратную четверть и нечто похожее на камин, но увы! плохо освещающий и ещё хуже того согревающий» [8, с. 6].

По совокупности археологических и визуальных источников бытование описываемых кувшинов можно датировать 1860–1890-ми гг. в Курганском и Тобольском округах. Следовательно, возможных производителей данной продукции следует искать среди заводов, действовавших в это, а также чуть более раннее время, и прежде всего – в указанных и близлежащих округах.

Вероятно, самое раннее упоминание о производстве кувшинов в Курганском округе Тобольской губернии относится к фабрике, основанной в 1815 г. братьями Семёном и Павлом Москвиными на р. Нияп (Мияп) в Чимеевской волости. В XIX в. она специализировалась на изготовлении посуды из зелёного стекла, в XX в. – из полубелого [7, с. 33–35]. За некоторые годы есть данные о количестве изготовленных кувшинов: 1819 г. – 400 шт., 1823 г. – 5 000 шт., 1825 г. – 3 000 шт.,

1826 г. – 4 000 шт., в 1854 г. – 8 000 шт. [7, с. 33–34; 20, оп. 2, д. 393, л. 206]. 1854 г. – не только пик их производства, но и последнее известное упоминание данной категории продукции в ассортименте предприятия.

В 1819 г. вся посуда была продана в г. Кургане и округе на торжках и ярмарках. В 1825 и 1826 гг. изделия продавались в г. Кургане Тобольской губ. и г. Шадринске соседней Пермской губ., а также в их уездах на местных торжках и ярмарках. В 1854 г. продукция сбывались «преимущественно на существующих ярмарках и торжках по разным местам» [7, с. 33–34].

Также на р. Нияп (Ниап) в Курганском округе, но в трёх верстах от с. Боровлянского, изготавливали кувшины на заводе купца А. И. Палаумова, начавшем выпускать продукцию с 1835 г. [32, с. 105–106]. Вскоре он вышел на первое место по размерам производства среди стекольных предприятий Западной Сибири [14, с. 108]. Мастером художественных изделий на заводе был Пётр Науменко-Параженко. Он занимался изготовлением кувшинов, графинов, пепельниц, корзиночек, подсвечников, бус, на которые имелся большой спрос среди купцов и чиновников Кургана, Тюмени, Шадринска, Ялуторовска. Скончался мастер в 1847 г. [11, с. 182]. Неизвестно, был ли он единственным подобным специалистом и продолжилось ли изготовление художественных изделий после его смерти, но согласно ведомости, за 1854 г. к этому времени произошло значительное сокращение ассортимента изделий. Теперь на фабрике производилось «от одной печи оконечное листовое стекло», которое сбывалось «преимущественно в Томской губернии» [9, оп. 41, д. 303, л. 225 об.–226].

В 1870 г. И. А. Палаумов, сын умершего к тому времени основателя Боровлянского стеклозавода, продал его курганским купцам Д. И. и И. И. Меньшиковым. Братья перенесли завод на новое место, и в 1873 г. он дал первую продукцию [32, с. 106]. Уже к 1876 г. завод Меньшиковых выделялся по объёму производства среди стекольных заводов Тобольской губ. [29, с. 2]. Здесь применялась варка цветного стекла (в том числе тёмно-зелёного), т. к. изделия из него – кувшины, графины, чашки, блюдца, рюмки и бокалы – пользовались большим спросом. Завод под управлением Меньшиковых работал до лета 1919 г., когда они были вынуждены покинуть его в связи с приближением Красной армии, после чего предприятие перешло в собственность государства [32, с. 106].

И. Н. Юшков в статье 1876 г. писал, что в это время на заводах Тобольской губ. выделялось большей частью листовое стекло, на предприятии Меньшиковых посуда изготавливалась только по заказу, преимущественно же она производилась на заводах Брылинской волости Курганского округа на сумму от 500 до 1 000 руб. на каждом [29, с. 2]. В каталоге Сельскохозяйственной и ку-

старно-промышленной выставки, проходившей в г. Кургане в 1895 г., упомянуты два производителя из этой волости, в ассортименте которых, помимо прочей посуды из зелёного стекла, присутствовали и кувшины. Первый – крестьянин с. Могильного И. В. Бархатов, представивший на выставку, кроме разной посуды, и два кувшина. Его завод был открыт не ранее 1877 г. и не позднее 1887 г., а прекратил существование предположительно на рубеже XIX и XX вв. [5, с. 495–496]. Вторым экспонентом – крестьянин с. Чинеевского (Чимеевского) Ф. Я. Благинин, представивший кувшин с одной ручкой (3 шт.), два кувшина с двумя ручками и др. посуду [13, с. 2]. Даты открытия и закрытия завода неизвестны, но последнее произошло не ранее 1910-х гг., т. к. завод упоминается в издании «Фабрично-Заводские предприятия Российской империи» за 1914 г. [27, № 1517]. Посуда обоих в отчёте о выставке получила положительный отзыв за «добротность» и «дешевизну» [5, с. 495–496].

Нельзя исключать происхождение курганских находок из других округов Тобольской губ., тем более, что М. С. Знаменский зафиксировал бытование кувшина вероятнее всего в Тобольском округе. В с. Верхние Аремзяны в окрестностях г. Тобольска, по крайней мере, в 1837 г. кроме прочей посуды из зелёного стекла производили и кувшины. Сбыт производился в города Екатеринбург, Каинск, Омск, Сарапул, Семипалатинск, Тару, Тобольск, Тюкалинск, Усть-Каменогорск, часть изделий продавалась на одной из крупнейших ярмарок России – Ирбитской. [6, с. 28–29]. Кроме того, известно, что И. П. Менделеев после удачно проведённой в 1838 г. операции на зрение, помогал своей жене – М. Д. Менделеевой, управлявшей в те годы фабрикой, – продавать готовую продукцию. С этой целью он посещал, помимо гг. Екатеринбурга, Ирбита, Ишима, Омска, также и г. Курган [2, с. 36]. Фабрика прекратила существование в связи с пожаром в июне 1848 г. [6, с. 29].

В соседнем с Тобольским и Курганским округами Ялуторовском кувшины выпускал Петровский стеклоделательный завод братьев Злоказовых, расположенный в д. Заводо-Петровской Томиловской волости в 35 верстах от г. Ялуторовска. Посуду «разных колеров» (белого, бирюзового, мраморного, светло-зелёного и др.) он начал производить с 1887 г. В статье 1897 г. среди прочей посуды перечислены и кувшины. При этом отмечалось, что «выделка стеклянной домашней посуды для завода является побочным занятием, а главным образом все силы направлены на выделку винных бутылок и листового стекла, сбываемого отчасти на местных рынках, а главным образом далее в Сибири» [15, с. 2]. Завод был национализирован после революции 1917 г.

Ещё в одном соседнем с Курганским округе – Ишимском – стекольных заводов в XIX в. не было, а в одном из ближайших – Тюменском, хотя и было развито стеклоделие, но информации о производстве кувшинов обнаружить не удалось.

Учитывая, что Курганский округ граничил также с Петропавловским округом Акмолинской области, Шадринским уездом Пермской губ. и Челябинским уездом Оренбургской губ., нельзя полностью исключать возможность производства кувшинов в соседних губерниях и импорт их оттуда. Однако синхронные источники свидетельствуют об отсутствии стекольных заводов в Петропавловском округе и Челябинском уезде в XIX в. Также не удалось обнаружить информацию об изготовлении кувшинов на стекольных предприятиях других уездов Оренбургской губ. [20; 22; 24; 25; 26].

Ничего не известно об изготовлении кувшинов и на стекольных предприятиях Пермской губ. во второй и последней трети XIX в. При этом многочисленные источники свидетельствуют, что Пермская и Оренбургская губернии в данное время являлись импортёрами стекольной продукции из Тобольской губ. Так, стекольные заводы Пермской губ. с конца 1820-х до середины 1890-х сбывали свою продукцию внутри Пермской, а также в Оренбургскую и Уфимскую губернии [22, с. 524–546; 3, с. 149–160; 16, с. 348–349; 18, с. 37; 24, с. 353; 25, с. 316; 21, оп. 12, д. 156, л. 134 об., 146 об.]. В то же время, как уже отмечалось выше, в 1820–1840-х гг. продукция стекольных предприятий Курганского и Тобольского округов Тобольской губ. продавалась в Пермской, Вятской, а также в различных сибирских губерниях [7, с. 34; 11, с. 182; 6, с. 29]. Кроме того, в начале 1840-х гг. стекло, произведённое в Ялуторовском округе Тобольской губ. «в значительном» количестве вывозилось «в Ирбит и прочие города Пермской и Оренбургской губерний» [31, с. 502–503]. В середине 1870-х гг. стекольные заводы Тобольской губ. сбывали часть своей продукции на ярмарках г. Шадринска и г. Ирбита Пермской губ. [29, с. 2].

При атрибуции стекольной продукции заводов Тобольской губ. необходимо учитывать то, что их изделия могут иметь ту или иную степень схожести между собой и изделиями других губерний в связи с наймом заводчиками мастеров из европейской части России, переходом специалистов с одного завода на другой, обучением и т. д. Д. И. Копылов, исследуя развитие стеклоделия в Тобольской губ. в XVIII в. – первой трети XIX в. писал, что «крестьяне, обучившись стекольному делу на первых заводах, открывали сами подобные заведения» и именно так «появились заводы ялуторовских и курганских крестьян Тита Полых, Спиридона Бархатова и Семёна Москвина» [14, с. 95]. В 1835 г. А. И. Палаумов отправил несколько рабочих из с. Боровлянского для обучения на Коктюльский стекольный завод И. П. Медведева, расположенный в Ялуторовском округе [32, с. 105–106]. Тот ранее нанял специалистов из центральных губерний России [14, с. 104]. Также поступили братья Злоказовы, у которых в 1897 г. на Петровском заводе из 150 чел. до 50 были мастерами из европейской части России [15, с. 2]. В 1841 г. А. И. Палаумов безуспешно пытался

переманить двух вольнонаёмных мастеров – Маршанова и Шитова – с фабрики Корнильевых под Тобольском [4, с. 25–26].

Для интерпретации описываемых кувшинов небезынтересны и бытовые подробности – их стоимость, для чего они могли использоваться и т. д. В декабре 1889 г. на ялуторовской Никольской ярмарке цена стеклянного кувшина местного производства составляла 2 коп. за шт. Причём отмечалась его значительная дешевизна. Для сравнения: «большая глиняная корчага» местного же производства (и тоже охарактеризованная как очень дешёвая) стоила 10 коп. за шт., свинина тушами – от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 90 коп. за пуд (16,38 кг), т. е. приблизительно от 7 коп. до 11 коп. за кг [30, с. 2]. Следовательно, можно предположить, что обычная его стоимость в другое время и/или в другом месте могла быть выше, чем на данной ярмарке. В пользу этого свидетельствует то, что кувшин, изготовленный на Петровском стекольном заводе в Ялуторовском округе, в 1897 г. стоил 30–50 коп. за шт. При этом также отмечалось, что цены на изделия завода отличались «более, чем умеренностью» [15, с. 2]. Хотя, безусловно, следует учитывать возможную существенную разницу в качестве и размерах кувшинов, а также временной промежуток между этими сообщениями.

Специалисты-искусствоведы, изучающие творчество М. С. Знаменского, отмечают, что его работы представляют большую историко-культурную ценность и интересны в качестве исторических документов эпохи, поскольку многие из них – детально проработанные линейные рисунки. Будучи художником-реалистом, он всегда шёл от натуральных зарисовок, как в пейзаже, так и в бытовом жанре, никогда не расставаясь с карандашом и кистью во время своих дальних экспедиций и прогулок по городу и окрестностям. Знаменский целенаправленно занимался этнографией Зауралья, одним из первых обратившись к теме настоящего и прошлого сибирских городов, к всестороннему изучению быта и обрядов сибирских крестьян, татар и северных народов [19, с. 17; 28, с. 76–77].

В связи с этим вышеупомянутый рисунок М. С. Знаменского значим не только точностью изображения кувшина, совпадающего с реконструкциями археологических находок, но и контекстом, в который он помещён, бытовыми подробностями окружающей обстановки. Коротко по нему можно охарактеризовать кувшин как один из предметов повседневного быта довольно зажиточного домохозяйства и сделать предположение о наливаемом в него напитке. На рисунке сквозь горло кувшина видна одежда сидящих за столом мужчин, при этом через тулово не проглядывается яркая цветная скатерть, на которой он стоит. Сквозь зеленоватое стекло виднеется содержимое белого цвета – вероятно, налитое в кувшин молоко или простокваша [10, № 32813895]. О подобном предназначении кувшинов свидетельству-

ет и статья 1897 г., посвящённая Петровскому стекольному заводу в Ялуторовском округе, где они названы «кувшинами для молока» [15, с. 2].

Исходя из того, что кувшин из раскопа на усадьбе Шишкиных-Смолиных был найден в сооружении, интерпретируемом как магазин, где хранилась и продавалась алкогольная и безалкогольная продукция, можно предположить, что он использовался при продаже напитков на разлив. Косвенно это подтверждается тем, что торговой мерой кваса в центральных областях России, помимо питейного стакана, служил и кувшин. А в питейных заведениях России квас подавали не только в квасниках и графинах, но и в кувшинчиках, вместимость которых колебалась в разных местностях от 1/16-1/8 до 1/3-1/4 ведра (12,299 л), т. е. приблизительно от 0,76–1,5 до 3–4 литров [23, с. 104]. Кроме того, в 1853 и 1854 гг. кувшины, изготовлявшиеся на фабрике Москвиных в Курганском округе, самими фабрикантами в документах были названы «квасными» [7, с. 34].

Исходя из всего вышеизложенного, можно с высокой степенью вероятности предположить, что кувшины, фрагменты которых были найдены в культурном слое г. Кургана, произведены в Курганском округе Тобольской губ. На это указывает не только близость производства к месту их обнаружения, но и максимальное сосредоточение в данном округе заводов, специализирующихся на производстве посуды, ассортимент которых включал кувшины. Кроме того, время производства на них данной категории посуды совпадает с хронологией культурного слоя, в котором были сделаны некоторые находки (конец 1870-х – начало 1890-х гг.). Завод Корнильевых (Тобольский окр.) прекратил своё существование раньше – в 1848 г., а на Петровском заводе (Ялуторовский окр.) посуду начали производить лишь во второй половине указанного периода – с 1887 г. Вероятность производства и привоза подобной продукции во второй половине XIX в. из соседних губерний – Акмолинской, Оренбургской и Пермской – крайне незначительна, т. к. в это время они сами являлись импортёрами стекольной продукции из Тобольской губ. Кувшин на рисунке М. С. Знаменского может иметь более раннюю датировку – начало 1860-х гг., поэтому он мог быть произведён как в Курганском округе, так и в Тобольском (в силу возможного длительного бытования). В последнем случае схожесть с курганскими кувшинами может объясняться передачей технологий посредством обучения специалистов, их перехода с одного предприятия на другое, общими истоками.

Библиографический список

1 Берсенева Н. А. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой города Кургана» в зоне строительства магазина на территории земельного участка с кадастровым номером 45:25:070415:33 в г. Курган по ул. Куйбышева, 135 в 2019 году. / Н. А. Берсенева. – Челябинск : Науч.-образоват. центр

«Развитие», 2020. – Т. 2 : Иллюстрации. – 162 с.

2 Бухарова О. В. Родители Д. И. Менделеева / О. В. Бухарова, В. С. Сулимов. – Тобольск, 2019. – 68 с.

3 Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. – Санкт-Петербург : в Тип. Департамента Генер. штаба, 1852. – Т. 14. – Ч. 1. Пермская губерния. – 212 с.

4 Гильдерман А. В. История стекольной фабрики при озере Пустынном купцов Палаумовых / А. В. Гильдерман // Земля курганская: прошлое и настоящее : краевед. сб. / Курганская обл. универс. науч. б-ка им. А. К. Югова [и др.] ; ред.: Д. Н. Маслюженко, Н. А. Катайцева. – Курган, 2021. – Вып. 22 : материалы межрегион. науч.-практ. конф. XIV обл. День краеведа, 28 апреля 2021 г. – С. 21–29.

5 Гильдерман А. В. История стекольных фабрик крестьян Бархатовых / А. В. Гильдерман // XXIII Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета (Нижневартовск, 2021) / под общ. ред. Д. А. Погоньшева. – Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2021. – Ч. 7 : Философия. Культурология. Социология. Документоведение. Всеобщая история. История России. – С. 491–498.

6 Гильдерман А. В. Стекольная продукция фабрики Корнильевых / А. В. Гильдерман // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч. конф. «XVIII Зырянские чтения» (Курган, 2020). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 28–29.

7 Гильдерман А. В. Стекольные фабрики крестьян Москвиных / А. В. Гильдерман // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч. конф. «XIX Зырянские чтения» (Курган, 2021). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. – С. 33–35.

8 Голодников К. М. От Тобольска до Обдорска летом и зимою. II. Зимою / К. М. Голодников // Тобольские губернские ведомости. – 1881. – 28 февр. (№ 9). – С. 5–6.

9 Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152 (Тобольское губернское управление, г. Тобольск Тобольской губернии, 1822–1919 гг.).

10 Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации : сайт. – URL: goskatalog.ru/portal (дата обращения: 14.03.2023).

11 Зырянов А. А. «Графин колодника» : к истории стекловарения в крае / А. А. Зырянов // Земля Тюменская : ежегодник Тюменского обл. краевед. музея, 2003 / под ред. В. П. Петровой. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. – Вып. 17. – С. 175–183.

12 Исследования на территории купеческой усадьбы второй четверти XIX – начала XX века в Кургане / Д. Н. Маслюженко, И. К. Новиков, А. А. Первухина, Е. С. Янченко // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. статей к 50-летию Ларисы Вениаминовны Татауровой. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. – С. 145–161.

13 Каталог сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки Тобольской губернии в г. Кургане 1895 год (20 августа – 20 сентября). – Курган, 1895. – 35 с.

14 Копылов Д. И. Стекольная промышленность Западной Сибири в XVIII – первой трети XIX в. / Д. И. Копылов // Сборник кафедры философии и политехнонии / Тюменский гос. пед. ин-т [и др.]. – Тюмень, 1971. – Вып. 4. – С. 91–110.

15 Крылов А. А. Петровский завод в Ялуторовском округе / А. А. Крылов // Сибирская торговая газета. – 1897. – № 3. – С. 2.

16 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 18. Пермская губерния. Ч. 2 / сост. Х. Мозель. – Санкт-Петербург : ГУ Генштаба, 1864. – 746 с.

17 Некролог // Сибирский листок : из фондов Тобольского гос. ист.-архитектур. музея-заповедника, 1890–1894 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень : Мандрика, 2003. – С. 206–209.

18 Повседневная жизнь провинциального имения : дневник слуги уральских помещиков Голубцовых, 1872–1875 гг. / предисл., подгот. текста и коммент. М. Б. Ларионовой

науч. ред. Н. В. Суржикова. – Екатеринбург : Квадрат, 2013. – 400 с.

19 *Портреты городов Тобольской губернии и её обитателей XVII – нач. XX вв. : ист.-краевед. альбом / сост. Н. И. Сезёва [и др.]*. – Тюмень : Слово, 2006. – 408 с.

20 *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 18 (Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов)*.

21 *РГИА. Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов)*.

22 *Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. – Санкт-Петербурга : Тип. Департамента внеш. торговли, 1833. – Ч. 2. – 846 с.*

23 *Столетов Ф. Занимательная история мер измерений, или Какого роста Дюймовочка? / Ф. Столетов. – Москва : Центрполиграф, 2019. – 256 с.*

24 *Указатель фабрик и заводов Европейской России : материалы для фабрично-завод. статистики : составили по офиц. сведениям Департамента торговли и мануфактур П. А. Орлов, С. Г. Будагов. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Тип. В. Кирибаума, 1894. – XVI, 827 с.*

25 *Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского : материалы для фабрично-завод. статистики / составил по офиц. сведениям Департамента торговли и мануфактур П. А. Орлов. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербурге : Тип. Р. Голике, 1887. – XIV, 824 с.*

26 *Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений : материалы для фабрично-завод. статистики / сост. П. А. Орлов. – Санкт-Петербург : Тип. В. Кирибаума, 1895. – II, XVI, 261 с.*

27 *Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию) / ред. Ф. А. Шобер. – 2-е изд. – Петроград : Д. П. Кандауров и сын, 1914. – 1612 с.*

28 *Швецова Е. П. «Гражданин благородной души» : о художнике М. С. Знаменском / Е. П. Швецова // Лукич. – 2003. – № 1. – С. 74–83.*

29 *Юшков И. Н. Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии / И. Н. Юшков // Тобольские губернские ведомости. – 1876. – № 51. – С. 2–3.*

30 *Ялуторовск // Деловой корреспондент. – 1889. – № 214. – С. 2.*

31 *Ялуторовский округ губернии Тобольской. Статья II и последняя // Журнал Министерства внутренних дел. – 1846. – Ч. 15. – С. 484–521.*

32 *Янченко Е. С. История стеклозавода братьев Меньшиковых / Е. С. Янченко // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «XIII Зыряновские чтения» (Курган, 2015). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – С. 105–107.*

33 *Янченко Е. С. Коллекция стеклянных изделий конца XIX века из раскопа на усадьбе купцов Смолиных в Кургане / Е. С. Янченко, И. К. Новиков // Зыряновские чтения: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XII Зыряновские чтения» (Курган, 2014). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – С. 32–33.*

*Д. Г. Ильиных, Е. Г. Москвина, Н. Ж. Давлетова,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СЕМЬИ В ГАЗЕТЕ «КУРГАН И КУРГАНЦЫ» В 1990-Е ГОДЫ

1990-е годы XX века – один из важнейших периодов российской истории. Распад Советского Союза ознаменовал становление новой России, ориентированной на демократические преобразования, и это коренным образом изменило всю социальную структуру в стране.

После отказа от идеологии социализма и коммунизма россиянам в короткие сроки надо было осознать новые политические и идеологические ориентиры и вписать их в свою жизнь. Смена социального и политического устройства проходила тяжело, люди на местах сталкивались с большим количеством жизненных проблем: задержки зарплат, падение уровня доходов с одновременным значительным ростом цен, нехватка бюджетных средств на социальные направления, рост уровня преступности как следствие этого и др.

Всё это оказывало влияние на поведение людей и социальную структуру общества. Произошли перемены и в системе семейных отношений. Во многих уже сформировавшихся семьях родители вынуждены были теперь гораздо больше сил и времени тратить на зарабатывание средств на содержание детей, поэтому воспитанию уделялось меньше времени. Молодёжь уже не так спешит со вступлением в брак, потому что осознаёт потенциальные проблемы, связанные с созданием семьи. Падает рождаемость, так как люди не уверены в своих возможностях вырастить детей. Одновременно с этим с помощью СМИ в Россию проникают идеи западного устройства общества, которые люди, уставшие от тотального государственного контроля СССР, подхватывают с интересом. Более свободные сексуальные отношения, общая эротизация массовой культуры, распространение информации о сексуальных меньшинствах, позитивное отношение к нерегистрируемым официально бракам – всё это оказывает влияние на формирование семейных отношений в стране и образа семьи в СМИ.

Средства массовой информации этого периода тоже переживают трансформацию. Некоторые пытаются сохранять привычную им со времён СССР авторитарно-технократическую модель, основанную на полной поддержке действий власти. Другие же, напротив, поддерживая демократические преобразования, стремятся воспитывать самостоятельное гражданское общество со своим мнением по поводу происходящих событий, поэтому переходят к коммуникативно-познавательной и гуманитарной моделям. В результате это приводит к значительному расширению палитры изданий и плюрализму представляемых в СМИ мнений.

Особенный интерес с этой точки зрения представляет не только федеральная пресса, в которой в общем виде освещались явления, характерные для всего государства, и давалась базисная информация, но и региональные издания, которые учитывали своеобразие конкретных субъектов страны, анализировали реальные проблемы жителей на основе близких, понятных каждому читателю фактов, говорили с людьми на одном языке. Поэтому исследование образа семьи в период девяностых годов XX века в газете «Курган и курганцы» поможет составить представление об этом аспекте социальной жизни в данном регионе.

Отметим, что разные аспекты семейных отношений неоднократно становились предметом изучения разных исследователей. Так, А. Д. Плотников подробно анализирует причины и следствия формирования определенной государственной политики в период девяностых годов, причём исследует тенденции как федерального, так и регионального уровней [6]. Необходимо отметить, что указанные нами авторы рассматривали преимущественно весь период истории России 1990-х годов, не заостряя внимания на отдельных этапах развития государственной семейной политики. И. И. Климин в своём исследовании анализирует кризисные тенденции в российской семье в 1990-е годы и процесс их нарастания [2]. Безусловно, негативные общественные явления оказывали своё влияние на репрезентацию семейного образа на страницах региональной прессы, что важно в рамках изучаемой нами темы.

Вместе с тем наше исследование стремится к тому, чтобы рассмотреть отражение этого аспекта в издании «Курган и курганцы» пошагово, в разные годы периода девяностых, с целью выявления определённой эволюции в репрезентации семейных образов.

Для выделения критериев анализа образов семьи в газете «Курган и курганцы» нами использовались работы исследователя В. А. Мищенко [5]. Вместе с тем в ходе нашего исследования мы расширили предлагаемую данным автором систему критериев и сформулировали самостоятельные выводы относительно репрезентации семейных образов в газете «Курган и курганцы».

Целью данного исследования было охарактеризовать репрезентацию образа семьи в 1990-е годы на страницах газеты «Курган и курганцы». Объектом исследования при этом выступили публикации в газете «Курган и курганцы» в период с 1991 по 1999 год, а предметом – образ семьи в указанном издании. Хронологические

рамки исследования ограничены периодом начального этапа существования России нового времени – с 1991 по 1999 год. Изучаемая нами газета начала издаваться в феврале 1991 года, а распад СССР пришёлся на конец того же года.

Данное исследование проведено с опорой на принципы историзма и научной объективности, которые позволяют рассматривать предмет исследования в контексте современной ему исторической реальности, а также избежать односторонних оценок в процессе отбора и анализа информации. Кроме того, использовались методы контент-анализа для изучения публикаций в периодической печати; источниковедческий метод, позволяющий исследовать заявленный предмет в различных исторических источниках; историко-генетический метод, который позволяет нам рассмотреть эволюцию образа семьи в газете «Курган и курганцы» с 1991 по 1999 год.

В состав источников работы также вошли официальные документы изучаемого периода: постановления и указы президента России, законы и постановления администрации Курганской области, постановления и решения мэра города Кургана, выпущенные в 1990-е годы.

Отметим, что в изучении вопроса репрезентации образов семьи в прессе необходимо учитывать определённую субъективность журналистов в изложении такого рода сведений. В средствах массовой информации, в отличие от официальных документов, информация излагается через призму авторских взглядов на ту или иную проблему и, как правило, сопровождается большим количеством оценочных суждений журналиста, написавшего статью. Поэтому мы проводим изучение репрезентации образов семьи в СМИ параллельно с исследованием признаков отражения основ государственной семейной политики, чтобы сделать результаты более объективными.

В ходе исследования мы работали в двух направлениях: выявляли особенности влияния государственной семейной политики этого периода на формирование семейных образов, а также отмечали характерные черты образа семьи в комплексе газетных материалов этого периода. В результате мы пришли к следующим выводам.

Государственная семейная политика в период 1990-х годов в Российской Федерации находилась в запущенном состоянии. Декларируемые законодательными нормами положения, по большей части благие в своём основании, не находили воплощения в реальной жизни. А в действительности семьи с детьми, как наиболее уязвимая социальная категория, зачастую оказывались наедине со своими проблемами, что приводило к формированию крайне негативных общественных явлений.

Недостаточная продуманность социальной политики в отношении семьи на этапе реформ в России привела к тяжелым последствиям в демографической ситуации. Меры, предпринимаемые

со стороны законодательной и исполнительной власти для стабилизации социально-экономического положения, демонстрируют отсутствие четкой стратегической линии в социальной политике в целом. Постановления об обеспечении выплат разного рода пособий – на детей до полутора лет, на детей из многодетных семей и т. д. – не могли в действительности решить финансовые проблемы семей. Выделить определенную стратегическую цель в государственной семейной политике в девяностые невозможно.

Положения государственной семейной политики также находят своё отражение на страницах газеты «Курган и курганцы» и оказывают влияние на формирование образа семьи. Издание, несмотря на свой муниципальный характер, публиковало постановления не только региональных и муниципальных властей, но и нормативно-правовые акты федерального уровня. Публикации такого рода в газете возможны в одном из трёх видов: только текст нормативно-правового документа; текст документа и одновременно комментарий, оценка или разъяснения к нему (как экспертные, так и лично авторского характера); реакции или разъяснения к тому или иному нормативно-правовому акту спустя некоторое время после вступления его в силу. При этом редакция газеты не боялась давать критическую оценку различным решениям власти в сфере семейной политики, однако это касалось только постановлений регионального и муниципального характера. Федеральные документы либо оставались без оценки вовсе, либо сопровождалась нейтральными разъяснениями.

Благодаря разностороннему подходу к публикации положений государственной семейной политики газета «Курган и курганцы» не только информировала тем самым аудиторию об их существовании, но и формировала условия для общественного дискурса вводимых норм, зачастую жизненно важных для больших групп населения. В девяностые – период зарождения традиций демократии в России нового времени – это было особенно существенно. Также это позволяло изданию быть максимально честным со своей аудиторией, не пытаясь приукрасить действительность, которая отличалась большим количеством социальных проблем, что семьи, как первичные ячейки общества, ощущали на себе в первую очередь и в значительной степени.

Публикация положений государственной семейной политики в газете «Курган и курганцы» оказывала влияние на формирование образа семьи. С одной стороны, различные постановления властей демонстрируют особое социальное положение семей как ячеек общества, защиту прав детей, ценность многодетных семей в социуме. С другой, некоторые решения властей являются неоднозначными (к примеру, об оплате содержания детей в детских садах за счёт средств работодателя одного из родителей), что формирует нега-

тивную образность в ассоциации семей с детьми с иждивенчеством, бедностью.

Говоря о семейных образах в публикациях газеты «Курган и курганцы», мы отмечаем, что в материалах журналистов зачастую преобладают негативные стороны жизни супружеских пар или семей с детьми. Авторы используют проблемную постановку вопроса в подобных публикациях; тем не менее, из номера в номер читатели газеты видят истории о супружеских изменах, алкоголизме и наркомании в семьях, беспризорных детях, преступлениях, совершаемых одними родственниками по отношению к другим. Особенно, на наш взгляд, эта тенденция усиливается к концу периода 1990-х годов. Массив подобных материалов формирует ощущение, что институт семьи находится в кризисе.

Образ матери представлен в публикациях газеты более активно и позитивно, нежели образ отца. Мужчины реже фигурируют в положительных публикациях о семьях. Зато нередко становятся отрицательными примерами, демонстрирующими такие качества, как инфантильность, эгоизм, безответственность по отношению к женщинам, детям и другим родным. Тем не менее находят своё отражение и редкие на тот период моменты публичного проявления отцовства – к примеру, уход в декрет [7].

Образ семьи тесно связан с актуальными социальными явлениями периода девяностых. В период чеченских военных кампаний актуализируется образ солдатской матери, до самоотверженности готовой бороться за жизнь и благополучие своих уже взрослых сыновей. А острая проблема наркомании подается через образы разрушенных семей, страданий близких из-за человека, употребляющего запрещённые вещества.

Некоторые исследователи полагают, что публикация материалов, в которых российские семьи представлены в негативном ключе, через призму проблем, создаёт неблагоприятный информационный фон и приводит в конечном итоге к ослаблению института семьи. Об этом, в частности, пишет В. А. Мищенко со ссылкой на авторов Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года [3]: «<...> ослабление института семьи и традиционных семейных ценностей прямо увязывается с неблагоприятным информационным фоном. Основными проявлениями этого фона признаётся агрессивная пропаганда семейного неблагополучия, насилия, неуважения к родителям, ненависти к детям» [4].

Мы, однако, с таким мнением в рамках нашего исследования согласиться не можем. Для муниципальной газеты периода девяностых годов публикация проблемных, острых, критических материалов была необходимостью, продиктованной реальными условиями времени. Если бы в указанный период издание пыталось публиковать исключительно положительные семейные образы, игнорируя существующие явления действитель-

ности, то его аудитория не испытывала бы к нему доверия.

При этом активные представители курганской общественности выступают с конкретными обращениями и предложениями к органам власти разного уровня и социальным институтам с целью улучшить положение семьи в социуме. Это, с одной стороны, демонстрирует глубокое осознание проблем в этой области на уровне общества, с другой – поддержку в газете «Курган и курганцы» гражданской активности людей в решении подобных вопросов.

К концу девяностых у курганской общественности появляется чётко выраженный запрос на формирование конкретной государственной семейной политики. Так, в 1998 году группа известных общественных деятелей из ученого сообщества Кургана опубликовала в газете «Курган и курганцы» эссе, в котором обосновала необходимость трансляции государством чётких семейных ценностей. Р. Абдулин, Н. Неупокоева и В. Татаринцев пишут следующее: «Кризис семьи усугубляется и недооценкой государством её роли в жизни общества. <...> Поэтому нашей области необходимо сформировать цельную систему правовых, экономических и бракозащитных механизмов для поднятия роли современной семьи как основной сферы жизни человека» [1]. При этом авторы не только обозначают проблему, но и предлагают конкретные пути её решения: создание клубов молодой семьи; обмен опытом воспитания через средства массовой информации; развитие сети спортивных и культурных учреждений в регионе; выделение семей, в которых воспитание детей проводится надлежащим образом и т. д.

Несмотря на разносторонние публикации, демонстрирующие позитивные и негативные стороны семейной жизни в российском регионе в период девяностых годов, традиционные русские и недавно пришедшие с запада взгляды на ценности семейной жизни, можно сказать, что авторы газетных материалов преимущественно подчёркивают положительное отношение к сформировавшимся в течение длительного времени семейным ориентирам. Это – крепкие многолетние браки, наличие в семьях детей (а лучше многодетность), преемственность поколений. В большинстве случаев позитивно демонстрируются герои публикаций, которые, следуя этим семейным ценностям, оказываются в сложной жизненной ситуации, но преодолевают её.

Вместе с тем, однако, плюрализм мнений и широта взглядов авторов созданного на волне демократических преобразований издания размывают четкость социально одобряемых паттернов семейного поведения. Учитывая серьёзные демографические проблемы в России в 1990-е, это становится потенциально негативным явлением. Впрочем, отметим, что главной причиной социальных проблем в российском обществе того времени были проблемы экономического характе-

ра, на которые сложно было повлиять с помощью даже самой крепкой и устойчивой системы семейных образов в небольшом региональном издании.

Подводя итог, мы должны сказать, что семья как социальный институт в период 1990-х годов в России столкнулась с серьезным кризисом, вызванным глобальными экономическими и общественными изменениями. Вызванные этим демографические проблемы по-прежнему оказывают влияние на социальную структуру российского общества. Поэтому исследовательская работа по изучению семейных вопросов в данный период далеко не завершена. Чрезвычайно ценным историческим источником здесь является периодическая печать, поскольку именно в постсоветский период СМИ получили возможность откровенно говорить о проблемах общества. И хотя в работе с этим источником нам нужно учитывать его субъективизм и зачастую пристрастное отношение журналистов к той или иной теме, тем не менее региональная пресса является тем «зеркалом», в котором можно «увидеть» события прошедшего времени. И негативные черты семейного образа, ярко проявляющиеся в газетных публикациях девяностых, помогают объективно оценить социальные проблемы данного исторического периода.

Библиографический список

- 1 Абдулин Р. Гражданин, труженик, семьянин / Р. Абдулин, Н. Неупокова, В. Татаринцев // Курган и курганцы. – 1998. – 14 янв. – С. 3.
- 2 Климин И. И. Нарастание кризисных тенденций в российской семье в 1990-е годы / И. И. Климин // Россия в глобальном мире. – 2015. – № 7. – С. 171–179. – URL: [https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-7\(30\)-2015-171-179.pdf](https://russiaglobal.spbstu.ru/userfiles/files/Rossiya-v-globalnom-mire-7(30)-2015-171-179.pdf) (дата обращения: 10.09.2022).
- 3 Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект) : в 3 ч. / сост. Е. Б. Мизулина [и др.]. – Москва, 2013. – Ч. 1. – 55 с.
- 4 Мищенко В. А. Проблема восприятия образа семьи в информационном поле России / В. А. Мищенко // Идеи и идеалы. – 2014. – № 1 (19). – Т. 2. – С. 111.
- 5 Мищенко В. А. Содержательные основы образа российской семьи и их репрезентация в СМИ / В. А. Мищенко // Теории и проблемы политических исследований. – 2014. – № 1/2. – С. 73–84.
- 6 Плотников А. Д. Государственная семейная политика в Российской Федерации: тенденции формирования и реализация в 90-х гг. XX в. : спец. 07.00.02 «Отечественная история» : дис. ... д-ра ист. наук / А. Д. Плотников. – Москва, 2001. – 555 с.
- 7 Шабунина Е. Папа ушел в декрет / Е. Шабунина // Курган и курганцы. – 1995. – 21 сент. – С. 3.

*Т. В. Козельчук,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган*

ЧТО ТАКОЕ «НОВЫЙ БЫТ» И ПОЧЕМУ ЗА НЕГО БОРОЛИСЬ? (КУРГАН В 1920-Е ГОДЫ)

Среди разнообразных исторических источников особую группу составляют лингвистические источники – в частности, слова, словосочетания, устойчивые выражения и т. п., в которых концентрируется самое главное, что было характерно для этой или иной эпохи; что ярко, образно, нередко экспрессивно и пр. отражает, передаёт дух времени. Иначе говоря, «любая историческая эпоха может быть представлена как «вербальная система», обеспечивающая «узнаваемость» конкретно-исторического времени потомками» [20, с. 20]. Нам достаточно произнести слова – к примеру, «оттепель», «гласность», «новые русские», «совок», «Берёзка» – и сразу возникают образы прошлого, «оживают» факты, вспоминаются исторические личности.

Дискурс 1920-х годов кроме таких понятий, как «нэпманы», «ликбез», «делегатки», «лишёнцы», содержал ещё одно часто упоминаемое в текстах словосочетание – «борьба за новый быт». Официальные документы указанного десятилетия – от циркуляров областного руководства до протоколов заседаний низовых партийных ячеек – постоянно «говорили» о «борьбе за новый быт». Именно на основе делопроизводственных документов в настоящей статье предпринята попытка показать Курган (и отчасти Курганский округ) как пространство, где, как и по всей стране, в 1920-е годы формировался новый уклад повседневной жизни.

При изучении быта можно было бы ограничиться характеристикой условий жизни людей, реконструкцией их домашнего хозяйства, описанием материальной составляющей повседневности курганцев, но только не в 1920-е годы, «когда НЭП всколыхнула всю страну и всё перевернула на новый лад» [16]. Поэтому, рассматривая формирование «нового быта» в указанное время, историки говорят о «культурной революции», использующей «широкий перечень направлений: от привития элементарных правил санитарии и гигиены до воспитания нового человека с соответствующими моральными нормами и жизненными установками» [22, с. 20].

Вот несколько примеров, раскрывающих содержание рассматриваемого понятия – иными словами, того, как на «новый быт» смотрели курганцы в 1920-е годы. «Новый быт в городе и деревне, – значит в одном из отчётов, поступивших в Курганский окружной комитет партии весной 1924 года, – наблюдается в следующих видах: советские крестины, борьба с табакокурением, руганью... Свадьбы и крестины проходят

без всяких церемоний, а просто ограничиваются подготовкой доклада о новом быте, приведением примеров из старого отгнившего строя и указаний устройства новой светлой жизни» [6, оп. 1, д. 797, л. 42]. Делегатки железнодорожной станции Курган на собрании в 1926 году отмечали: «...Конечно, у нас в быту много нового, например, учатся дети, комсомольцы и пионеры, они вносят в нашу жизнь много интересного», «...о безработных заботятся и выдают пособия и печат бесплатно...», «общественные столовые освободят женщину домашнего хозяйства, им будет легче...» [10, оп. 1, д. 72, л. 8 об.]. В 1927 году Курганским окружным профсоюзом работников земли и леса при распределении средств из фонда улучшения быта рабочих кроме «постройки бани (687 руб.)» была запланирована установка радио (200 руб.) и «выделено на культцели 1718 руб.» [4, оп. 1, д. 32, л. 27]. Одновременно окружная газета «Красный Курган», транслируя государственные задачи, призывала население «не терпеть взяточничества, [бороться] с бюрократизмом, волокитой, казёнщиной...», как и со всеми нарушителями нового советского быта [19].

Итак, для рассматриваемого десятилетия «новый быт» – объёмное понятие, к тому же не имеющее нормативной определённости, в связи с чем трактуемое современниками весьма широко. Поэтому под «новым бытом» следует понимать повседневные практики, охватывающие не только дом и семью, но и буквально всё остальное – работу, учёбу, отдых, общественную деятельность и так далее; не только условия жизни, но и отношение к жизни, новые цели, новые ценности.

Что же означало «жить по-новому»? Прежде всего – отрицание старых досоветских привычек и традиций: не ходить в церковь, не крестить детей, не венчаться, не отмечать старые праздники, не бить жену, не посещать знахарок, не сквернословить, не пьянствовать, не гнать самогон, не играть в азартные игры, не засорять улицы города, не стирать бельё в реке Тобол. Взамен, что вполне логично, появлялись новые образцы поведения: заключать браки в ЗАГСе, учиться, политически просвещаться, посещать избы-читальни, вступать в общественные организации, интересоваться международным положением, помогать мировому пролетариату, заниматься спортом, отдавать детей в пионеры, лечиться у врачей, равноправно относиться к женщинам, уважать жён и многое другое.

Носителями «нового быта» должны были стать, конечно, все без исключения граждане со-

ветского государства. Тем не менее источники позволяют выделить социальные категории, внимание к которым было более пристальным, – дети, молодёжь и женщины, а ещё точнее – молодёжь и женщины. Дети ввиду юного возраста легче усваивали новые ценности и правила поведения (которые не были для них новыми – детей не приходилось переучивать и перевоспитывать), а вот молодёжь – другое дело.

Именно молодёжь с помощью партии и комсомола должна была стать «авангардом в осуществлении “революции быта”, ...посредством агитации и пропаганды прививать остальным гражданам основы коммунистической морали и приучать их к новым формам повседневности и досуга» [22, с. 20]. И, конечно, эта деятельность фиксировалась документально. Информационные отчёты о работе Курганского горкома комсомола в 1920-е годы содержали специальный раздел «Быт молодёжи», что позволяет детализировать содержание «нового быта», понять, какое поведение комсомольца считалось неприемлемым. «Борьба за новый быт в отчётный период принимает должный характер. Во всех ячейках проработаны вопросы, каким должен быть комсомолец, о новом быте.... Пьянства и хулиганства систематически массового не наблюдалось», – отчитывались ответственные работники в Горком комсомола в декабре 1926 года [7, оп. 1, д. 94, л. 10 об.]. Далее, как правило, основное внимание в отчётах уделялось трудовой дисциплине, организации досуга молодёжи – и обязательно подчёркивалось, что комсомольцы, воспитывая себя, воспитывают других. Всегда – даже на каникулах, – где бы они ни находились, комсомольцы должны были помогать местным ячейкам «и поделиться приобретёнными знаниями с населением», а не поступать так, как двое курсантов Курганского лесного техникума, которые на каникулах «занимались неприличными делами – распитием самогона, игрой в карты и т. д., что не подобает делать комсомольцам» [9, оп. 1, д. 82, л. 16].

Другая социальная группа – о необходимости «...дальнейшего расширения мероприятий по социалистическому переустройству быта...». Ею, как сообщают источники, были женщины [3, оп. 1, д. 783, л. 47]. Переустройство – не только «освобождение труженицы от домашнего рабства» [18] путём создания общественных столовых, открытия яслей и пр.; цели «раскрепощения женщин» были и более глубокие: «...встряхнуть немножко женщин, пробудить их от долгой спячки... в качестве живых и мыслящих членов государства» [16].

Интересно, что мужчин как отдельную социальную группу документы не выделяли, если только речь не шла о быте рабочих. Рассмотрение вопросов быта рабочих на заседаниях Курганского горкома партии – вполне типичная ситуация. Так, на заседании 13 января 1924 года один из докладчиков подчеркнул: «...Социальные и экономические условия и причины, следствием которых

явились большие ненормальности в укладе быта рабочих вообще и коммунистов в частности и при современной общественной жизни являются тормозом для развития общественности рабочего и его семьи. ...Постановили: ...в части практического проведения организации общепитания, общежитий, яслей, борьбы с остатками религиозных обрядов в среде коммунистов и рабочих» [7, оп. 1, д. 51, л. 106 об.–107]. В отчёте Курганского горкома партии середины 1920-х годов было зафиксировано следующее: «Положение рабочего улучшается <...>, есть и отрицательные стороны домашнего быта – это соблюдение религиозных праздников, что объясняется малочисленностью рабочих, втянутых в культработу клубов» [7, оп. 1, д. 94, л. 7]. В подобных текстах отсутствует гендерная идентификация, но, учитывая малочисленность работниц, мы понимаем, что речь идёт именно о мужчинах. Косвенно о мужчинах как объектах социальной политики государства и субъектах «нового быта» позволяет судить отразившаяся в документах проблема отношения мужчины к женщине, взаимоотношений мужа и жены, но об этом говорилось, как правило, в контексте «женского вопроса».

Поскольку формирование «нового быта» было одной из важнейших и одновременно грандиозных задач советского государства в рассматриваемое десятилетие, для её решения требовались все имеющиеся на тот момент у власти инструменты. В первую очередь, инструменты нормативно-правовые, а точнее – обязательные постановления, исходящие от областных, окружных и городских властей: например, «Об охране общественного порядка и безопасности», «О порядке пользования и торговли охотничьим оружием», «О мерах борьбы с пьянством», «О мерах безопасности против бродячих собак», «О местных налогах и сборах» и другие [3, оп. 1, дд. 12, 50, 50а]. Уже в первый полный год своей деятельности после образования округа – в течение 1924 года – Курганский окрисполком с помощью обязательных постановлений взял под свой контроль «основные стороны повседневной жизни города и округа – это охрана общественного порядка, санитарный надзор, борьба с пожарами, регистрация союзов и обществ, запись актов гражданского состояния, налогообложение, торговый режим» [15, с. 92]. Задавая стандарты поведения для населения, обязательные постановления были призваны, кроме прочего, создать безопасное комфортное пространство повседневности.

Как механизм нормативно-правового регулирования, обязательные постановления имели карательный характер, «предусматривая в большинстве случаев санкцию административного характера, например, штраф до 100 руб. или принудительные работы до 1-го месяца. Наблюдение за их исполнением возлагалось на милицию и местные органы власти» [13, с. 76]. Однако для «революционного преобразования бытовой сфе-

ры всего российского общества» [21, с. 35] этого было недостаточно.

«Патерналистский характер социальной политики» [23, с. 163] означал вторжение государства в частную жизнь населения, контроль над организацией свободного времени. В первую очередь, это праздники, потому что «в пролетарский праздник рабочий класс коллективно обсуждает вопросы своей борьбы, своего быта, подводит итоги пройденному, исправляет замеченные ошибки...» [5, оп. 1, д. 218, л. 231 об.].

Новая досуговая культура выстраивалась целенаправленно. Так, все профсоюзы накануне праздников получали циркуляры от вышестоящих структур – к примеру, в циркуляре накануне 1 мая 1928 года подчёркивалось, что «необходимо уделить достаточное внимание отражению первомайских празднеств в быту рабочего» и давались конкретные рекомендации об организации этих празднеств [4, оп. 1, д. 8, л. 32 об.]. Если речь шла о молодёжи – та или иная важная дата тем более не могла остаться без внимания. К примеру, в 1924 году в рамках празднования Международного юношеского дня было «необходимо воспользоваться митингами, создать приподнятое настроение, всколыхнуть молодёжь и положить начало вербовке в РКСМ» [5, оп. 1, д. 213, л. 3].

Не могли власти оставить в стороне такой, безусловно, эффективный инструмент воздействия на массовое сознание, как кинематограф. Правда, многое зависело от тематики фильмов: «Проблема заключалась в коммерциализации кино и стремлении кинопроката заработать на авантюрно-приключенческих и мелодраматических фильмах, мелкобуржуазное содержание которых не соответствовало задачам формирования коммунистического мировоззрения молодёжи» [24, с. 196]. Добавим, и не только молодёжи. Поэтому в 1923 году Уральское областное партийное совещание было категорично: «...Путём внимательной цензуры устранить резко бульварные и контрреволюционные фильмы, заменив их агитационными научно-популярными и производственными картинами» [5, оп. 1, д. 218, л. 55].

Перечислить все формы и виды культурно-досуговой деятельности, которые упоминаются в рассматриваемых документах 1920-х годов в связи с «борьбой за новый быт», невозможно. Спектакли, лекции, беседы, кружки, вечера воспоминаний, литературно-художественные вечера, семейные вечера, стенгазеты, плакаты, разнообразные выставки – статичные и передвижные, – красные уголки на производстве, карнавалы, газетно-книжные шествия, демонстрации, изготовление диаграмм, а «с целью наилучшего обслуживания гуляний необходимо организовывать на воздухе кино-сеансы, радио-слушания, выступления кружков физкультуры, стрелковых кружков и т. д.» [4, оп. 1, д. 31, л. 32–32 об.]. И это, между прочим, празднование только 1 мая!

Действительно, партийное руководство ни-

сколько не преувеличивало, когда в ноябре 1921 года объявило: «...Работа по перевоспитанию масс должна вестись не менее ударно, чем работа по экономическому строительству» [11, оп. 1, д. 1, л. 88]. Даже на физкультуру в 1920-е годы смотрели с точки зрения её воспитательной значимости в новом обществе и писали о «...применении её в домашнем быту» [10, оп. 1, д. 72, л. 20]. А чего стоит «применение Петрушки, пляски, пения под гармошку» в рамках летней культуры! [4, оп. 1, д. 31, л. 85].

Итак, вся досуговая сфера курганцев в 1920-е годы «путём классово-воспитательной работы и предоставляя им, их семьям разумного отдыха и развлечения» постепенно превращалась в пространство «нового быта» [4, оп. 1, д. 8, л. 77]. Конечно, не только досуговая. К «борьбе за новый быт» были подключены все сферы повседневности и все без исключения элементы советской государственной системы. Так, в число организаций – «строителей, проводников нового быта» [1, с. 35] в 1920-е годы вошла кооперация. Отвечая на вопрос работницы на одном из делегатских собраний, активистка курганской железнодорожной станции тяги заявила: «Кооперация поможет скорее раскрепостить женщин» [10, оп. 1, д. 38, л. 27]. Также «борьба за новый быт» женщин предусматривала «все формы женского делегатского представительства, особенно в нарсуздах, где больше всего преломляются вопросы нового быта и отстаиваются права женщин» [7, оп. 1, д. 99, л. 16].

Но каково бы ни было разнообразие упоминаемых в документах методов «борьбы за новый быт» в 1920-е годы, необходимо поставить вопрос об их эффективности. Тем более, источники вполне открыто сообщают обо всех трудностях, с которыми сталкивались местные власти при реформировании быта населения. Например, театр.

В 1925 году уполномоченный Уральского областного союза работников искусства посвятил свой доклад проблемам «зрелищных предприятий в Курганском округе» и подчеркнул: «Обстановка новой экономической политики застала наши зрелища врасплох, совершенно неподготовленными к созвучию момента, благодаря отсутствию репертуара, жёсткого бюджета зрелищных предприятий, а главное – неподготовленностью нового зрителя» [4, оп. 1, д. 8, л. 11]. Причиной тому стал «неправильный взгляд общественных, хозяйственных и других организаций на театр, ибо с их точки зрения театры рассматриваются как источник извлечения прибылей, забывая про главные задачи культурной бытовой потребности трудящихся. ... Как же подойти к работе в этом направлении в г. Кургане? ...Буквально недопустимая вещь открытой "Распивочной и на вынос". ...Часто наблюдаются и такие явления в стенах храма искусства, как скандалы пьяных посетителей, мешающих ходу действия пьесы. ...Не лучше обстоит дело и с кино, единственным разумным развлечением в городе» [4, оп. 1, д. 8, л. 11–12 об.].

При этом местные власти понимали: «Главное, сохранить трезвость взгляда, да и не увлекаться слишком резким переходом к новым формам» [11, оп. 1, д. 1, л. 88 об.]. Тем более в некоторых ситуациях утверждение «нового быта» тормозилось из-за, скажем так, естественных причин. Например, что делать женщине, которая должна посещать школу неграмотных, но у которой «...нет физической возможности посещать такую, а именно: имея трёх детей 8 лет, 2,5 лет и трёх месяцев, с которыми всё время проводим дома, муж служит в окружном комитете партии, часто вечерами дома не бывает, а где-нибудь на задании или на собрании, жалования при наличии семейства в 5 человек, не хватает для того чтобы нанять няню?» [7, оп. 1, д. 76, л. 136].

Одним словом, перестроить женский быт на новых началах оказалось сложнее всего. «Несмотря на 5 лет революции, – возмущался автор публикации в газете «Красный Курган», – женщина всё ещё терпит страшные унижения мужей, нередко подвергаясь “потасовкам” и т. д. даже со стороны “сознательных” лиц нашего времени» [17]. И далее, отвечая на самые актуальные вопросы для женщин – «Охранён ли её труд? Пользуется ли она той бесчисленной массой законов, какие советская власть создала для охраны и знает ли их?» – неизменно отвечал: «Нет!» [17].

Рассматриваемые делопроизводственные документы фиксировали такие «ненормальности» в повседневности коммунистов, как «некоммунистические уклоны», «хозяйственные обрастания» [7, оп. 1, д. 76, л. 94]. Партийное руководство жёстко критиковало «стремление коммунистов к улучшению личного благополучия, обрастание обывательской тиной, оторванность от масс и т. д.» [7, оп. 1, д. 46, л. 12]. Вопросы, «связанные с излишеством, пьянством, хозобрастанием и другими порочащими партию проступками» не замалчивались, сначала они обсуждались на собраниях низовых партийных ячеек, а после получали «общее мнение контрольной комиссии» [7, оп. 1, д. 51, л. 93].

Но, пожалуй, самым серьёзным препятствием для «нового быта» оказалось пьянство. Недаром Окружная контрольная комиссия ВКП (б), регулярно разбиравшая дела о пьянстве местных партийцев, за что наиболее злостные деятели лишались своего партийного статуса, сокрушалась по этому поводу: ответственные работники «к великому нашему стыду, сами принимают очень активное участие в проведении пьянств в престольные праздники... Глупо и стыдно» [8, оп. 1, д. 16, л. 94].

Среди комсомольцев отмечались как неприемлемые формы быта, к примеру, «старые традиции гулянки, хулиганство» [7, оп. 1, д. 46, л. 34]. Но не только за это курганским комсомольцам приходилось «краснеть от беспартийной молодёжи» [9, оп. 1, д. 21, л. 5 об.]. Так, на общем собрании городской молодёжи 6 сентября 1924 года обнаружилось, что они «до сего времени не могут раз-

учить революционные песни и даже большинство не знает юношеский “Интернационал” и “Молодую гвардию”» [9, оп. 1, д. 21, л. 5]. А ещё стенгазеты «не поставлены на правильное русло и сводятся лишь к натравлению отдельных... членов и помещается разная дребедень» [9, оп. 1, д. 21, л. 6]. И с этим тоже нужно было бороться иначе, как предупреждали в ноябре 1921 года местные партийные лидеры: «Победы на экономическом фронте будут половинчатыми, если мы не добьёмся побед на фронте просвещения и перевоспитания общества» [11, оп. 1, д. 1, л. 88].

Тем самым период НЭПа с его социально-экономическими противоречиями стал той переломной эпохой, когда «...молодые люди пытались найти новые ответы на традиционные вопросы: что важнее – личные интересы или общественные, какими должны быть отношения между юношами и девушками, как перестроить отношения с родителями – носителями пережитков прошлого, какими должны быть одежда, причёска, можно ли комсомолкам пользоваться косметикой и т. д.» [24, с. 196]. Наконец, можно ли танцевать, или это несерьёзное увлечение? Или наоборот, «можно практиковать и танцы, вернее, пляску, но только в том случае, если это будет служить способом влияния и оттягивания в более серьёзную работу беспартийных ребят», как следовало из циркуляра Курганского окружного комсомола в 1924 году [9, оп. 1, д. 12, л. 1]. Иногда даже местным властям трудно было понять, что всё-таки правильно, так как отношение к некоторым реалиям повседневности менялось: танцы – это один из примеров противоречивой социальной политики наряду с отношением к материнству [14].

Перечисленные выше вопросы задавали себе все курганцы, а не только молодёжь, и это одновременно с необходимостью удовлетворять базовые, витальные потребности – где жить, как прокормиться, где взять тёплую одежду и т. п., а ещё как бы не нарваться поздно вечером на хулиганов или на стаю бешеных собак. К тому же международная обстановка беспокойная... И много волнующих «почему»: «Почему торговцы живут в домах Комхоза?», «Почему мужчины получают больше женщин на производстве?», «Почему запрещён калым и все старые привычки народов?», «Почему крестьянство возрастает и стало богаче?» [10, оп. 1, д. 72, л. 4, 4 об., 6, 21]. В итоге главной характеристикой повседневной жизни населения в 1920-е годы, и курганцев в том числе, стала «её нестабильность, выраженная нарастанием жилищной катастрофы, усилением кризиса семейных отношений, множеством житейских проблем...» [2, с. 60].

С одной стороны, власти понимали, что «потребуется громадное напряжение сил, чтобы привести пролетарский корабль к социалистическим берегам», но с другой – «...медленное усвоение новых форм, отрицательное отношение, а временами и враждебное» они объясняли «той отравой,

которой пропитало старое общество массы» [11, оп. 1, д. 1, л. 88 об.], при этом не всегда озвучивая публично реальные социально-политические и экономические обстоятельства, тормозившие усвоение новых образцов поведения. С этим резонируют закрытые письма и информационные сводки городского и уездного, затем окружного, комитетов партии о политических настроениях местного населения, в которых указанные выше обстоятельства как раз учитывались. Например, в одной из таких недельных сводок в разделе «Политическо-экономическое положение» уезда и города с 10 июля по 25 июля 1922 года отмечалось: «Настроение рабочих неудовлетворительное в связи с повышением рыночных цен на продукты, с недостаточностью пайка...» [5, оп. 1, д. 118, л. 4].

Формировавшийся в таких условиях «новый быт» отличался от задуманного. Не удалось выстроить бытовую сферу на коллективистских основах, отказаться, например, от домашней кухни; пришлось вернуться к идее семьи как ячейке общества, да и женщину – мать и жену – не получилось оторвать от семьи; население, особенно люди старшего возраста, продолжали посещать церкви; с трудом изживались собственнические чувства даже среди рабочих, поэтому вызывало вопросы «полупролетарское состояние рабочих масс, имеющих собственность» [7, оп. 1, д. 94, л. 7] и многое другое, включая девиантное поведение. Одним словом, «борьба за новый быт» в 1920-е годы не исключила из повседневности человека советского общества традиционные формы быта, «что было связано, с одной стороны, с недостатком материальных и финансовых ресурсов, ...а с другой, с осознанием утопичности первоначальных преставлений большевистских теоретиков о коммунистическом быте в ходе последовательных и несистемных попыток его преобразования» [21, с. 40].

Таким образом, Курган в 1920-е годы так и не стал «символом новой жизни, утверждения новых ценностей на принципах справедливости, равенства, коллективизма» [2, с. 52]. Сам город и тем более уезд/округ оставались в рассматриваемое время пространством напряжённой «борьбы за новый быт». Лишь следующее десятилетие, 1930-е годы, стало более результативным этапом формирования «нового быта» – советского быта, в котором, тем не менее, сохранились «архетипические константы, веками являющиеся императивами общественного сознания» [12, с. 190].

Библиографический список

- 1 Воробьёв Н. В. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири в борьбе за «новый быт» / Н. В. Воробьёв, М. Ю. Ким // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 1 (17). – С. 35–38.
- 2 Гатауллина И. А. Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е гг. / И. А. Гатауллина // Известия Алтайского государственного университета. История. Политические науки. – 2008. – № 4 (60). – Т. 3. – С. 52–62.
- 3 Государственный архив Курганской области (ГАКО).

- 4 Р-315 (Исполнительный комитет Курганского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполком)).
- 5 ГАКО. Ф. Р-575 (Курганское окружное бюро профсоюзов).
- 6 Государственный архив социально-политической информации Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 1 (Курганский уездный комитет РКП(б)).
- 7 ГАСПИКО. Ф. 7 (Курганский окружной комитет ВКП(б)).
- 8 ГАСПИКО. Ф. 10 (Курганский городской комитет КПСС).
- 9 ГАСПИКО. Ф. 68 (Курганская окружная контрольная комиссия ВКП(б)).
- 10 ГАСПИКО. Ф. 102 (Курганский городской комитет ВЛКСМ (ЛКСМ РСФСР)).
- 11 ГАСПИКО. Ф. 121 (Курганский железнодорожный районный комитет ВКП(б)).
- 12 ГАСПИКО. Ф. 6916 (Глебов С. С.).
- 13 Ерёмин А. В. Советское бытие: религиоз. детерминанты и образы нового времени / А. В. Ерёмин // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3 (22) – С. 189–194.
- 14 Козельчук Т. В. Нормативно-правовое регулирование повседневной жизни Кургана в 1920-е гг. / Т. В. Козельчук // Вестник Курганского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 74–77.
- 15 Козельчук Т. В. «Раскрепостить ... от домашнего рабства»: женщины в пространстве города / Т. В. Козельчук // Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение: монография / Т. В. Козельчук, К. Ю. Кладова, Е. В. Тершукова [и др.]. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. – С. 236–275.
- 16 Козельчук Т. В. Тематика обязательных постановлений Курганского окружного исполнительного комитета / Т. В. Козельчук // Зырянские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – С. 92–93.
- 17 Красный Курган. – 1922. – 14 мая.
- 18 Красный Курган. – 1922. – 19 октября.
- 19 Красный Курган. – 1924. – 2 марта.
- 20 Красный Курган. – 1927. – 8 января.
- 21 Лебина Н. Б. Лингвистические источники периода десталинизации в СССР (опыт сравнительного анализа «Толкового словаря языка Совдепии», словаря-справочника «Новые слова и значения» и «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства») / Н. Б. Лебина // Modern history of Russia. – 2011. – № 1. – С. 19–26.
- 22 Овчинников А. П. Быт и политика: советское государство и революционная перестройка быта в 1920-е гг. XX века (к проблемам истории государственного управления) / А. П. Овчинников // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 3 (53). – С. 34–42.
- 23 Соболева А. Н. Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг. / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2018. – Вып. 3. – С. 20–25.
- 24 Тарасенко В. Н. Быт периода нэпа: борьба старого и нового: (историко-геогр. заметки) / В. Н. Тарасенко // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 2 (40). – С. 161–171.
- 25 Шмельёв С. А. Формирование нового быта молодёжи / С. А. Шмельёв // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 190–196.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1945 – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)

Создание в 1943 году Курганской области как самостоятельного административно-территориального образования поставило вопрос о необходимости подготовки кадров с высшим образованием во всех основных областях деятельности. Работа высших учебных заведений Курганской области всегда была органически обусловлена задачами развития экономики и культуры этого края. Она была непосредственно связана с проблемами школьного образования, сельского хозяйства, машиностроения и автомобильного транспорта. Уже в октябре 1943 года на базе двухлетнего учительского института, созданного в 1939 году, был открыт Шадринский государственный педагогический институт (ШГПИ), ставший первым высшим образовательным учреждением Зауралья. 31 января 1944 года был создан Курганский государственный сельскохозяйственный институт (КГСХИ), базой которого послужил эвакуированный в 1941 г. в Курган Полтавский институт инженеров социалистического сельского хозяйства.

Активное развитие этих вузов начинается после Великой Отечественной войны. В послевоенные годы вузы Курганской области переживали трудный период своего становления, который характеризовался слабостью материально-технической базы учебных заведений, нехваткой высококвалифицированных научно-педагогических кадров, низким уровнем жизни большинства преподавателей и студентов, жёстким морально-психологическим прессингом со стороны властей.

В 1952 г. открывается Курганский государственный педагогический институт, а в 1959 – Курганский машиностроительный институт.

Первым необходимым условием развития любого вуза является его материально-техническая база. Можно отметить, что в первые годы работы вузов области их материально-техническая база не соответствовала принятым тогда нормативам.

В 1945 году ШГПИ располагал двумя учебными корпусами общей площадью 1100 м², в которых имелись семь учебных аудиторий, актовый зал, три учебных кабинета и лаборатория по физике. Библиотека этого вуза занимала всего 98,5 м², а книжный фонд состоял из 42 тыс. томов, однако значительная часть литературы была устаревшей [2, оп. 22, д. 26, л. 18 об.]. Количество учебных площадей не позволяло нормально организовать учебные занятия даже в две смены. Не хватало аудиторий, отсутствовал спортивный зал, военный и физкультурный кабинеты. Надо было организовать работу математического и исторического кабинетов, расширить площадь под библиотеку. Для нормального функционирования вуза необхо-

димо было увеличить его учебные площади примерно вдвое [4, оп. 70, д. 4730, л. 8 об.].

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов за счёт пристройки к одному из учебных корпусов учебные площади ШГПИ расширились на 95 м². Кроме того, для занятий со студентами были переоборудованы складские и другие подсобные помещения. В результате в 1952 г. институт впервые смог проводить учебные занятия в одну смену. В тот год ШГПИ располагался в трёх учебных корпусах, имевших 15 аудиторий и кабинетов, лекционный зал на 150 человек, спортивный зал, лабораторию по физике, учебную мастерскую. Почти все специализированные кабинеты использовались одновременно и как учебные аудитории [4, оп. 73, д. 258, л. 9].

В связи с созданием Курганского педагогического института в Шадринске с 1952 по 1954 гг. оставался работать только учительский институт. В 1954 году на базе учительского института вновь был создан Шадринский государственный педагогический институт [7, с. 130–132]. Это положительно отразилось на укреплении его материально-технической базы. В середине 1950-х годов ШГПИ располагался в здании, которое в основном удовлетворяло требованиям того времени для организации учебно-воспитательного процесса и научно-исследовательской работы. В институте имелись актовый зал на 500 человек, спортзал площадью 194 м², три учебных лекционных зала на 150, 125 и 100 человек соответственно. Лаборатории по физике размещались в пяти кабинетах. Институт располагал учебными мастерскими общей площадью 128 м². Увеличение количества учебных площадей позволяло институту проводить занятия в одну смену. Учебные кабинеты основ марксизма-ленинизма, русского языка, литературы, педагогики, математики, иностранных языков и физического воспитания имели свои отдельные помещения. Библиотека насчитывала 48 360 экз. книг [6, оп. 73, д. 1539, л. 76].

Однако контингент студентов ШГПИ рос значительно быстрее, чем укреплялась материальная база вуза. В 1963 г. свыше 1,2 тыс. студентов из-за отсутствия необходимых учебных площадей учились в три смены. К началу 1970-х гг. ШГПИ имел 4358 м² учебных площадей, что составляло 2,8 м² на одного студента. Это менее половины минимально допустимой санитарной нормы того времени [6, оп. 73, д. 5503, л. 93]. В 1970-е годы институту был передан двухэтажный пристрой к учебному корпусу, который создавался на средства местного городского бюджета. К концу исследуемого периода ШГПИ имел 4118,9 м² учебных

площадей, 15 учебных кабинетов, учебный планетарий, астрономическую площадку, 14 учебных лабораторий, учебные мастерские. Была создана лаборатория по квантовой оптике. Мастерские, учебные кабинеты и лаборатории были в основном оснащены современным для того периода оборудованием [6, оп. 73, д. 5503, л. 94]. На одного студента очной формы обучения приходилось 2,9 м² учебной площади, что составляло примерно 36 % от установленной тогда минимальной санитарной нормы.

К середине 1980-х годов ШГПИ стал крупным, хорошо оснащённым вузом. С сентября 1983 года занятия в нём стали проводиться в одну смену [10, оп. 1, связка 1423, л. 4 об.]. В этот период в ШГПИ насчитывалось 67 учебных аудиторий, оборудованных техническими средствами обучения, в том числе 30 учебных кабинетов и 11 лабораторий [2, оп. 2, д. 1490, л. 65].

Открытый в 1944 г. Курганский сельскохозяйственный институт первоначально располагался в трёх учебных корпусах. Площадь учебных площадей составляла 1304,4 м² на 214 студентов дневной формы обучения. На одного студента приходилось по шесть квадратных метров учебной площади. Этот показатель приближался к принятой тогда минимальной норме [3, оп. 3, д. 2, л. 1, 2].

Количество учебных корпусов КСХИ росло за счёт передачи институту различных зданий других учреждений города. В конце 1940-х годов институт располагал общей учебной площадью 1426 м². В 1950/51 учебном году занятия со студентами проходили уже в четырёх учебных корпусах. К середине 1950-х гг. Курганский сельхозинститут получил в своё распоряжение двухэтажный корпус, который раньше занимала партийная школа. Его учебная площадь составляла 1200 м².

В 1960 г. общая площадь помещений КСХИ составляла 9905 м², в том числе 5511 м² для проведения учебных занятий. В тот год в вузе обучалось 750 студентов очной формы обучения, то есть на 1 студента приходилось 7,3 м² учебной площади, что соответствовало установленной тогда минимальной норме. В 1963/64 учебном году КСХИ располагался в шести учебных корпусах, учебная площадь которых составляла 6250 м². На одного студента очной формы обучения приходилось более 9 м² учебной площади. Этот показатель вполне соответствовал принятым тогда нормативам (7–10 м²). Учебные занятия проводились в одну смену. Кроме того, был увеличен приём студентов на первый курс [3, оп. 3, д. 18, л. 41; оп. 4, д. 342, л. 5; оп. 4, д. 899, л. 4].

Однако разбросанность учебных корпусов по городу и слабая их приспособленность к учебно-методической и научно-исследовательской работе вызывала необходимость кардинальных решений по капитальному строительству объектов КСХИ.

По мнению бывших студентов КСХИ В. Н. Сартаковой, А. Н. Панфиловой и В. А. Яковлева, учившихся в 1950–1960-е годы,

хотя здания учебных корпусов были старыми и тесными, учебное оборудование аудиторий и лабораторий было по тем временам хорошим. Имелись микроскопы, автоклавы, различные химические растворы, термосы, новейшие для того времени сельскохозяйственные машины [1].

В середине 1960-х гг. Курганский сельскохозяйственный институт располагался в восьми учебных корпусах общей площадью 8218 м², что составляло 9,7 м² учебной площади на одного студента очной формы обучения. В августе 1961 г. было принято правительственное решение о строительстве вузовского городка КСХИ в районе с. Лесниково (примерно в 30 км от областного центра). В 1975 году площадь учебных корпусов КСХИ составляла свыше 23 тыс. м². На одного студента приходилось 14,2 м² учебной площади, что превышало даже максимальную норму того времени (12 м²). Однако позднее старые учебные корпуса перестали функционировать из-за их аварийного состояния. В 1985 г. Курганский сельскохозяйственный институт располагал учебной площадью в 20 тыс. м². На одного студента приходилось около 11 м² учебной площади [3, оп. 4, д. 1093, л. 3; д. 5796, л. 7].

Гордостью КСХИ в 1950–1960-е годы являлось его учебно-опытное хозяйство – передовое многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие области. В 1954–1955 гг. оно занимало земельную площадь в 1253 га.

В 1954 г. учхоз КСХИ являлся участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, получив диплом первой степени. В отдельные годы (1961) институт обрабатывал до 12,1 тыс. га пашни. В 1960 г. На землях учхоза КСХИ был собран урожай пшеницы по 23,4 центнера с гектара. Это намного выше урожайности на сопредельных землях колхозов и совхозов (15 центнеров с гектара). В 1960–1961 гг. удои молока на корову в учхозе вуза превышали 3,1–3,2 тыс. кг. в год. Это хозяйство являлось рентабельным. В 1960 г. оно получило прибыль в один миллион рублей [7, с. 232].

В 1970-е годы учебное хозяйство Курганского сельскохозяйственного института развивалось успешно. Оно имело земельную площадь более 14 тыс. га. Основным направлением работы учхоза являлось выращивание элитных семян земледельческих культур и выведение высокопродуктивных пород скота. Автотракторный парк института насчитывал 12 автомобилей, 13 тракторов, 4 комбайна, экскаватор [3, оп. 4, д. 3053, л. 59].

К середине 1980-х годов КСХИ продолжал развитие своей материально-технической базы. Были построены здания факультетов механизации сельского хозяйства и сельского строительства. В 1985 г. площадь всех зданий института составила более 49,4 тыс. м², в том числе более 20 тыс. м² – учебная [3, оп. 4, д. 5796, л. 7].

С 1 сентября 1952 г. начались занятия во вновь открытом Курганском государственном педагогическом институте. Этот вуз был создан на

основе Шадринского государственного педагогического института, переведённого в областной центр. Для создания КГПИ в Курган из Шадринска была перевезена значительная часть лучшего оборудования, предназначенного для учебных и научных целей, а также наиболее ценная учебная и научная литература [6, оп. 73, д. 529, л. 107].

Для размещения учебного корпуса Курганского пединститута ему было передано двухэтажное здание, в котором ранее размещался облисполком. В 1952 г. учебная площадь института составляла 1,9 тыс. м². Очной формой обучения было тогда охвачено 613 студентов. На одного студента приходилось 3,2 м² учебной площади, что примерно составляло лишь 50 % к минимальной норме, установленной в то время, а ведь в институте учились ещё 642 заочника. К концу 1950-х годов учебная площадь КГПИ возросла до 3,7 тыс. м². Приращение площади произошло за счёт надстройки к основному учебному корпусу третьего этажа и пристройки спортивного зала.

В первый учебный год КГПИ располагал 18 учебными лабораториями и одним актовым залом. Большинство учебных аудиторий одновременно служили и учебными кабинетами. Для лекционных занятий имелась лишь одна большая аудитория, рассчитанная на 75 человек [3, оп. 73, д. 914, л. 40; д. 2259, л. 79].

В 1971 г. в КГПИ была введена в действие первая очередь нового учебного корпуса. В нём разместились учебные аудитории и лаборатории кафедр физики, химии и ботаники. В институте работало 24 лаборатории, оснащённые новейшим оборудованием. Была построена агробиостанция. В 1975 г. институт имел 8998 м² учебной площади. На 1 студента очной формы обучения приходилось по 4,7 м² учебной площади. В тот год здесь работало 14 кабинетов, 38 лабораторий, агробиостанция [3, оп. 1, д. 1347, л. 147–156].

Большое внимание уделялось оснащению учебных кабинетов и аудиторий оборудованием, наглядными пособиями, техническими средствами обучения. Уже в первые годы деятельности КГПИ здесь работала мастерская по изготовлению простейших наглядных учебных пособий и приборов. В ней студенты осуществляли электро-монтажные, столярные и слесарные работы, приобретали навыки производственного обучения. В конце 1950-х годов для подготовки студентов по автоделу в институте имелись три трактора и три автомобиля. В институтской мастерской были организованы четыре цеха: токарно-механический, слесарный и термический.

К середине 1980-х годов учебная площадь КГПИ достигла около 18,3 тыс. м². На одного студента приходилось 10,4 м² учебной площади. Этот показатель приближался к существовавшей тогда норме, которая к 1980-м годам увеличилась для ведущих вузов страны до 12 м² [3, оп. 1, д. 3619, л. 32].

В октябре 1959 г. правительство СССР приня-

ло решение об организации Курганского машиностроительного института. Новому вузу были переданы два здания бывшей областной партийной школы – учебный корпус и общежитие, а также помещения строительного техникума. Для приобретения учебного и хозяйственного оборудования нового вуза государство сначала выделило 500 тыс. рублей. Однако в целом в 1960 г. КМИ был отпущен на эти цели 1 миллион рублей. Все эти ассигнования институт освоил полностью и в установленный срок. Курганский совнархоз передал новому вузу несколько металлорежущих станков, универсальный прибор для проверки зубчатых колёс, инструментальный микроскоп, осциллограф, оборудование для контактной, стыковой и газовой сварки, двигателя на автомобиле «ГАЗ-51» и «ЗИС-352 М», автомобиль «МАЗ-200» и многое другое [4, оп. 1, д. 1, л. 22; д. 36, л. 13].

Ректор КМИ с 1970 по 1986 г. Г. П. Мосталыгин вспоминал: «При небольшом составе преподавателей и сотрудников надо было охватить решением множество проблем. Никто не считался со временем. Если было нужно, доцент брался за монтаж оборудования, а заведующий лабораторией брал в руки лопату. Первый учебный год принял на себя основную тяжесть в решении многих организационных вопросов» [9, с. 4].

В 1960 г. общая площадь помещений КМИ составляла 7928,8 м², в том числе учебная – 2690,7 м². На одного студента очной формы обучения приходилось 8,9 м² учебной площади. На 1 января 1966 г. КМИ имел учебный корпус «А», представлявший собой четырёхэтажное каменное здание полезной площадью 3213 м². Четырёхэтажный учебный корпус «Б» имел площадь 2971 м². Лабораторный корпус «Л» представлял собой двухэтажное шлакоблочное здание, имевшее площадь 1457 м². В 1964 г. был построен каменный одноэтажный павильон для техники площадью 405,1 м². Таким образом, общая площадь учебных корпусов составляла 8046,1 м². Однако непосредственно для учебных занятий со студентами использовалось 4510,8 м². На одного студента очной формы обучения приходилось по 4,5 м² учебной площади. В институте имелись 24 учебные аудитории и актовый зал на 300 мест. Аудиторный фонд состоял из одной аудитории на 150 мест, одной – на 125 мест, одной – на 80 мест, трёх – на 100 мест, шести – на 50 мест и 12 аудиторий на 25 мест каждая. Помимо учебных аудиторий в институте имелись лаборатории, учебные кабинеты и другие необходимые помещения [4, оп. 1, д. 259, л. 6, 7, 9].

В 1960–70-е гг. из всех вузов Зауралья в КМИ наиболее активно развивалась материально-техническая база. В конце 1960-х гг. активно обсуждались проекты строительства крупного вуз-городка с новыми учебными корпусами, общежитиями для студентов, жилыми домами для преподавателей, спортивным комплексом, объектами торговли, культурно-просветительны-

ми учреждениями. Жизнь внесла существенные коррективы в эти планы. В конце 1969 года правительство РСФСР утвердило проектное задание на строительство комплекса зданий КМИ на новой территории. Институту был выделен участок земли в шести километрах от Кургана. В 1970 г. здесь было построено студенческое общежитие на 515 мест. Однако в связи с прекращением финансирования от строительства здесь втуз-городка пришлось отказаться [4, оп. 1, д. 742, л. 5].

В 1968 г. институту было передано деревянное одноэтажное здание бывшего церковно-приходского училища. Оно было аварийным, но КМИ вынужден был принять его на свой баланс из-за острой нехватки аудиторного фонда. В 12 аудиториях этого учебного корпуса «В» занятия в основном проводила кафедра иностранных языков. Несколько классных комнат институт арендовал у вечерней школы рабочей молодёжи [4, оп. 1, д. 742, л. 3].

В конце 1960-х годов лабораторный корпус «Л» представлял собой двухэтажное шлакоблочное здание, площадь которого не позволяла организовать в нём необходимые лабораторные работы в соответствии с учебными планами. Для проведения лабораторных работ эта площадь составляла лишь восьмую часть от потребностей. В 1973 г. в эксплуатацию был сдан третий этаж этого корпуса площадью 1200 м². Лабораторный корпус «Г» сначала представлял собой бывшее двухэтажное купеческое жилое здание с пристройкой. Оно не соответствовало требованиям для проведения лабораторных работ. Серьёзного ремонта и реконструкции требовало старое здание корпуса «Д» [4, оп. 1, д. 742, л. 3].

В 1972 г. был введён в эксплуатацию двухэтажный учебный корпус «Г», где разместилась кафедра гусеничных машин. В 1974 г. Курганский машиностроительный завод построил для этой кафедры четырёхэтажный учебно-лабораторный корпус. Всего за 1971–1975 гг. в эксплуатацию были введены около 5 тыс. м² новых учебных помещений [4, оп. 1, д. 742, л. 5; д. 1383, л. 60].

Капитальное строительство продолжалось в институте и в последующие годы. В 1978–1982 гг. были произведены реконструкция и расширение корпуса «Д», где была расположена кафедра материаловедения и технологии металлов [4, оп. 1, д. 1383, л. 70; д. 1811, л. 11].

В 1985 г. учебная площадь КМИ составляла 17,1 тыс. м². В тот год в этом вузе обучалось 2,7 тыс. студентов очной формы обучения. Это означало, что на 1 студента здесь приходилось 6,3 м² учебной площади, что составляло 90 % от существовавшей тогда минимальной нормы [4, оп. 1, д. 2675, л. 5].

Вторым условием функционирования высших учебных заведений, без сомнения, являются педагогические кадры.

Основу кадрового потенциала Шадринского государственного педагогического института со-

ставляли лучшие преподаватели бывшего местного педагогического училища и учительского института, на базе которых создавался ШГПИ. Некоторые ведущие преподаватели были направлены в Шадринск непосредственно наркоматом просвещения РСФСР, часть новых преподавателей была избрана на вакантные должности по конкурсу. Среди наставников студенчества были и участники Великой Отечественной войны.

В 1945 г. в Шадринском государственном педагогическом институте работали 28 преподавателей, но лишь пятеро из них (17,8 %) имели учёную степень или учёное звание. В институте не было ни одного доктора наук или профессора. Большинство преподавателей было перегружено аудиторной учебной работой, освоением читаемых курсов и не имело свободного времени для научной работы и подготовки кандидатских диссертаций [6, оп. 70, д. 4730, л. 2].

Помимо штатных преподавателей, в первые послевоенные годы в ШГПИ работали совместителями офицеры-преподаватели местных военных училищ, что вызывало неудобства в организации учебного процесса из-за чрезмерной занятости военных на службе [6, оп. 70, д. 4730, л. 4].

Активную научно-педагогическую работу в Шадринском пединституте вели З. А. Атлас, В. А. Горелов, А. А. Кондрашенков, Д. К. Кноль, А. А. Маликов, В. И. Лазутин, Е. Я. Ленсу, М. В. Познер, Ю. М. Рабинович, П. А. Сергеев, А. С. Саранцев, Н. И. Свинцов, Н. П. Садовой, М. Д. Янко и другие. Так, В. А. Горелов и М. В. Познер одними из первых в этом вузе защитили кандидатские диссертации [7, с. 206].

В декабре 1946 г. ректором ШГПИ был назначен М. И. Шарков, сменивший на этой должности М. Ф. Сиротенко, перешедшего на работу в Академию педагогических наук СССР. Но вскоре Шадринский пединститут возглавил А. А. Маликов [6, оп. 70, д. 4634, л. 28].

В конце 1940-х годов из 44 преподавателей ШГПИ один являлся профессором (А. Н. Лозовой), шестеро – кандидатами наук, трое – доцентами. В течение первых послевоенных лет удельный вес преподавателей с учёными степенями и званиями оставался низким: 1945 г. – 17,8 %; 1946 г. – 11,1 %; 1950 г. – 16,6 %; 1951 г. – 12,5 %; 1954 г. – 13 % [6, оп. 70, д. 4730, л. 2; д. 4634, л. 28]. Такая ситуация сложилась во многих провинциальных вузах из-за отдалённости от крупных научных центров, из-за неразвитости социально-бытовой структуры, особенно из-за отсутствия жилья.

В 1952 г. лучшие педагогические кадры из Шадринска были переведены во вновь созданный Курганский государственный педагогический институт. В 1954 г. на базе учительского института вновь был создан Шадринский государственный педагогический институт [8, с. 130–132]. В 1953/54 учебном году в нём трудилось 23 преподавателя, из них имели учёную степень кандидата наук или учёное звание доцента лишь трое, что

составляло 13 % от общего числа преподавателей [2, оп. 2, д. 141, л. 8].

К началу 1970-х гг. институт был полностью укомплектован профессорско-преподавательскими кадрами общей численностью 49 человек. Каждый пятый из них являлся кандидатом наук или имел учёное звание доцента. Преобладали молодые преподаватели. Свыше 50 % из них работали в вузе менее пяти лет [6, оп. 73, д. 1539, л. 8].

В 1985 г. в ШГПИ работали 159 преподавателей, из них 57 имели учёные степени и звания, в том числе один доктор наук [10, оп. 1, связка 1441, л. 23, 24].

Основу профессорско-преподавательского состава Курганского сельскохозяйственного института в первые послевоенные годы составляли преподаватели эвакуированного в Курган в 1941 г. Полтавского сельскохозяйственного института. Часть преподавательского корпуса была пополнена за счёт лучших руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства и сотрудников уральских научно-исследовательских учреждений. Ведущими учёными КСХИ являлись М. И. Лопатин, В. П. Кушниренко, В. Е. Квитко, И. Ю. Старосельский, А. А. Пчелин, А. Б. Ружевский, М. Н. Гинсбург, М. Е. Цимблер, В. П. Гудзенко, А. С. Попович и другие. В 1945 г. в институте работали 36 преподавателей, в том числе два профессора, 13 доцентов, 19 старших преподавателей, два преподавателя. Имели учёные степени и звания 15 преподавателей, или 41,6 % от общего количества преподавателей. Для провинциального вуза того времени это высокий показатель. В КСХИ работали как опытные, так и молодые преподаватели, 16 человек имели стаж педагогической работы менее пяти лет. Остальные 20 являлись более опытными работниками [3, оп. 4, д. 2, л. 2].

Преподавателей КСХИ становилось всё больше (с 34 человек в 1947 г. до 253 в 1985 г.). Удельный вес числа преподавателей с учёными степенями и званиями составлял в эти годы от 29,5 до 45,4 % от общего количества преподавателей. На кафедрах сельскохозяйственного профиля этот показатель был намного выше. Так, в 1972 году в КСХИ работало 159 преподавателей, 35,8 % из них имели учёные степени и звания. В то же время обеспеченность преподавателями с учёными степенями и званиями составляла на кафедрах агрономического факультета 72,5 %, зоотехнического – 70 %, экономического – 36,1 %. На общеобразовательных кафедрах этот показатель составлял лишь 8 % [3, оп. 4, д. 2224, л. 12].

В Курганском педагогическом институте в год его создания трудились 43 преподавателя, восемь из которых имели учёную степень кандидата наук или учёное звание доцента, что составило 18,6 % от общего количества научно-педагогических работников. Среди первых преподавателей КГПИ были: ректор А. А. Маликов, ранее возглавлявший Шадринский пединститут, декан физико-математического факультета В. И. Лазутин, заведу-

ющие кафедрами Д. А. Попова, А. С. Саранцев, Н. И. Свинцов, П. А. Сергеев, старшие преподаватели Т. Г. Горбачева, Н. П. Садовой, З. А. Атлас, М. Д. Янко, Ю. М. Рабинович, В. А. Горелов, У. А. Долганов и другие. За период с 1952 по 1985 г. удельный вес числа преподавателей КГПИ с учёными степенями и званиями увеличился с 18,6 до 45,5 %.

Комплектование преподавательского состава Курганского машиностроительного института в момент его создания в 1959 г. происходило главным образом за счёт кадров Уральского политехнического института, учебно-консультационный пункт которого осуществлял в Кургане подготовку инженеров-машиностроителей с 1957 г. через вечернюю и заочную формы обучения. К началу 1960/61 учебного года в институте работал 41 преподаватель, в том числе 11 кандидатов наук и доцентов, что составляло 26,8 % от общего состава. В начале 1961/62 учебного года этот показатель составил 20,5 %, ещё через год – 16,4 %, на 1 октября 1963 г. – 15,5 % [4, оп. 1, д. 6, л. 7 об.; д. 48, л. 3 об., 16 об.]. В июне 1965 г. на 16 кафедрах КМИ работало 119 преподавателей, 28 из них имели учёные степени и звания, что составляло 23,5 % от общего количества преподавателей. Таким образом, если в 1960 г. в институте имелось 11 преподавателей с учёными степенями и званиями, то к июню 1965 г. – 28. Однако в процентном отношении этот показатель снизился с 26,8 до 23,5 [3, оп. 1, д. 6, л. 3; д. 96, л. 98; д. 175, л. 18; д. 343, л. 6]. В 1980 г. в КМИ насчитывалось 44,5 % преподавателей с учёными степенями и званиями, однако этот показатель всё же был ниже среднего по высшим учебным заведениям Минвуза РСФСР на 1,9 % [5, оп. 1, д. 507, л. 96; д. 2060, л. 38; д. 2074, л. 14].

К середине 1980-х годов число преподавателей КМИ с учёными степенями и званиями не только достигло среднестатистического уровня по учебным заведениям Минвуза РСФСР, но и превысило этот уровень. В апреле 1985 г. председатель комиссии Минвуза РСФСР, которая проверяла работу Курганского машиностроительного института, докладывал его учёному совету о том, что в среднем по министерству количество преподавателей вузов РСФСР с учёными степенями и званиями составляло 52,3 %, а в КМИ – 60,6 %. К концу 1985 г. в КМИ работало 333 преподавателя, девять из которых являлись докторами наук, профессорами, а 193 – кандидатами наук и доцентами. Процент научно-педагогических работников с учёными степенями и званиями составил 60,6.

Огромный вклад в становление и развитие вузов Курганской области внесли люди, которые на протяжении длительного времени работали ректорами: Шадринского государственного педагогического института – М. Ф. Сиротенко (1945–1946 гг.), М. И. Шарков (1946–1947 гг.), А. А. Маликов (1947–1952 гг.), Д. А. Панов (1954–1971 гг.),

И. В. Попов (1971–1977 гг.), Э. И. Струнина (1977–1988 гг.); Курганского сельскохозяйственного института – Н. М. Малышев (1944–1952 гг.), Н. Ф. Бугаев (1952–1964 гг.), И. Р. Кун (1964–1984 гг.); Курганского государственного педагогического института – А. А. Маликов (1952–1955 гг.), А. А. Кондрашенков (1955–1968 гг.), А. Д. Сазонов (1968–1994 гг.); Курганского машиностроительного института – К. И. Радько (1959–1965 гг.), А. Я. Сычёв (1965–1970 гг.), Г. П. Мосталыгин (1970–1986 гг.).

Таким образом, в 1950–1960-х гг. все вузы Зауралья прошли период своего становления и продолжали активно развиваться. К середине 1980-х гг. учебные площади вузов области значительно выросли, в том числе в КСХИ в 15,3, КГПИ – в 9,2, КМИ – в 6,3, ШГПИ – в четыре раза. Заметно повысился уровень квалификации научно-педагогических кадров. Удельный вес преподавателей с учёными степенями и званиями увеличился за период существования вузов к 1985 г.: в ШГПИ – с 17,8 до 34,0 %, в КСХИ – с 41,6 до 45,4 %, в КГПИ – с 18,6 до 45,5 %, в КМИ – с 26,8 до 60,6 %. Однако научно-педагогическими работниками высшей квалификации являлись единицы. В 1945 году в вузах области работали два профессора, в 1985 г. – 13 докторов наук и профессоров. С 1943 по 1985 г. вузы Курганской области подготовили более 50 тыс. специалистов, в том числе КСХИ – 10,8 тыс., ШГПИ – 13,1 тыс., КГПИ – 14,1 тыс., КМИ – около 13 тыс.

Библиографический список:

- 1 Воспоминания В. Н. Сартаковой (1935 г. р.), записаны автором.
- 2 Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. 671 (Шадринский государственный педагогический институт).
- 3 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1471 (Курганский государственный сельскохозяйственный институт).
- 4 ГАКО. Ф. Р-1758. (Шадринский государственный педагогический институт).
- 5 ГАКО. Ф. Р-1687 (Курганский машиностроительный институт).
- 6 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР).
- 7 История культуры Южного Зауралья : в 3 т. Т. 2. (Советский период) / отв. ред. В. В. Подливалов. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. – 392 с.
- 8 Куприн В. А. Шадринский педагогический институт на пороге XXI века / В. А. Куприн // Наука и образование Зауралья. – 1999. – Вып. 3/4 (6/7). – С. 130–136.
- 9 Мосталыгин Г. П. Кузница инженерных кадров Зауралья : крат. очерк о деятельности Курган. машиностроит. ин-та с 1960 по 1995 г. / Г. П. Мосталыгин. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1998. – 21 с.
- 10 Текущий архив Шадринского государственного педагогического института (ШГПИ). Ф. 671.

ИСТОРИЯ С. ПЕТУХОВО (ПЕТУШКИ) В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Село Петухово (Петушки) – одно из самых ранних поселений на территории Петуховского района Курганской области.

Основные архивные документы по ранней истории села хранятся в Государственном архиве Тюменской области в Тобольске: И 156 – Тобольская духовная консистория, г. Тобольск Тобольской губернии (1721–1922 гг.); фонд 154 – Тобольская казённая палата, г. Тобольск Тобольской губернии (1782–1919 гг.). Краткие характеристики населённых пунктов содержатся на сайте Государственного архива Курганской области.

Проанализировав историческую литературу, мы пришли к выводу, что история с. Петухово (Петушки) рассматривается лишь в контексте Петуховского района и его современного центра – г. Петухово [1; 3].

Изначально село административно принадлежало к Ишимскому дистрикту Тобольской провинции Сибирской губернии. В архивных документах упоминается также под названиями зимовье Петухово, село Петуховское, деревня Петушки [8]. Основные сведения о населении в начальный период истории села были обнаружены в ревизских сказках. Ревизией 1782 года было учтено зимовье Петухово (Петушки), в нём насчитывалось 5 семей и 23 мужских души. А к 1795 году в зимовье Петухово уже проживали 18 семей и 86 мужских душ [2, оп. 8, д. 169].

В 1820 году была образована Петуховская волость Ишимского уезда с центром в селе Петуховском. Через село Петуховское проходил просёлочный (впоследствии почтовый) тракт на Петропавловск [6]. Это позволяло селу быть торговым центром, в котором проводились ярмарки и торжки [4]. На 1 января 1826 года в состав Петуховской волости входили деревни Рыноква, Гусино, Тёплая, Юдина, Березово, Коровашкова, Монастырская, Слевная, Белая, Каменная, Казанцева, Гагарьева, Новокаменная [2, оп. 20, д. 213 (1), л. 17 об.–20]. В 1840-х годах село было отнесено к Петропавловскому округу, к 1870-м годам вновь перечислено в Ишимский округ Тобольской губернии.

В начале 1820-х годов Петуховский приход был очень обширным (впоследствии многие его деревни отделились и образовали самостоятельные приходы в селах: Утчанском, Юдинском, Казанцевском, Рынковском).

В 1823 году была построена православная церковь. Она имела два престола: первый – во имя Богоявления Господня, второй – во имя св. Архистратига Михаила. В приходе име-

лось две приписные церкви, часовен не было. В состав прихода входили деревни Гребешки (1 вер.) и Горушки (8 в.), выселок Русановский (6 в.), посёлок Троицкий (6 в.). В справочной книге Тобольской епархии на 1 сентября 1913 года имеются следующие данные об имуществе церкви и служащих в ней людях: «Всего в приходе дворов 334, прихожан мужского пола 1310, женского пола 1249. Земли церковной имеется: пахотной 180 дес., сенокосной 18 дес. Церковный капитал 2430 руб. 6 коп. По штату положено быть: двум священникам, дьякону и двум псаломщикам. Один штат (священник и псаломщик) находится при приписной Юдинской церкви, а на дьяконской вакансии состоит священник, причисленный к Казанцевской приписной церкви. Жалованье: священникам по 137 руб. 20 коп., дьякону 147 руб., псаломщикам по 35 руб. 28 коп. Кружечных доходов получается в год около 700 руб. Для причта имеется два деревянные дома, построены прихожанами в 1889 году прихожанами. Ближайшая церковь Матасская (10 вер.). Разстояние от Консистории 500 вер., от благочинного 50 вер., от местного благочинного 50 вёрст, от уездного города Ишима 200 вёрст» [4].

К 1868 г. в селе было 204 двора, население составляло 450 мужчин и 426 женщин. По статистическим данным, в исследуемой местности смертность была ниже, чем в остальных волостях Ишимского округа [6]. К 1904 году число жителей составило 1178 человек, а число дворов – 252. В 1912 году жителей было 1395, а дворов – 253. Таким образом, число жителей увеличилось на 18,4 %, а число дворов – на 0,3 % [7, с. 178–179].

В селе Петухово к этому времени (1903 г.) насчитывалось 26 ветряных мельниц, 8–16 ноября проводилась ярмарка, а также торжки в 5 вёрстах от станции Петухово.

В 1904 году в селе Петуховском был маслобойный завод. В селе находилась одноклассная Министерства Народного Просвещения школа, учреждённая в 1906 году.

К 1912 году село Петуховское насчитывало 253 двора, мужчин – 716, женщин – 679; здесь была расположена земская станция; школа, хлебный магазин, 4 кузницы, зарегистрировано 4 торговых лавки и одна винная. Работало 22 ветряных мельницы. Наряду с маслобойным заводом работала маслодельня. В течение года проводились 4 ярмарки и 4 торжка. Имелся пожарный сарай [7].

В селе Петуховском ярмарки проводились с 6 по 12 января, с 1 по 4 августа и с 8 по 16 ноября. На ярмарках продавали мануфактурные, бакалей-

ные, скобяные товары, хлеб. Сумма оборота на одной ярмарке бывала до 90900 рублей. Торговля происходила главным образом на сельских ярмарках, торжках, базарах, на которых местное население, не затрачивая времени на значительные переезды, имело возможность сбывать продукты своего производства и приобретать необходимые товары. К предметам отпускной торговли относились сырьё и полуобработанные продукты земледелия, скотоводства, пушного и рыбного промыслов. Самые ценные – это хлеб, сливочное масло, сало, скотские кожи, рыба, звериные шкуры. К ввозной торговле относятся импортируемые в губернию из российских и зарубежных фабрик медикаменты, машины, земледельческие орудия, металлические, фарфоровые, стеклянные изделия.

Рядом с деревней находились леса, в которых много дичи. В близлежащих озёрах водилась рыба. Это позволяло крестьянам кроме земледелия и скотоводства заниматься охотой и рыболовством.

Многие жители сельской местности занимались охотой – чаще всего зимой и осенью. Основным объектом ловли на всех местах оставался заяц. Добыча зайцев производилась стрельбой, петлями и капканами. Часть крестьян занималась птицеводством, отстреливая из ружей весной и осенью на перелётах диких гусей, уток, глухарей.

Таким образом, село Петухово в исследуемый период было экономически развитым, важную роль в этом играло его месторасположение. Со строительством железной дороги центр смещается в Юдино (станция Петухово), и село Петухово теряет своё экономическое преимущество.

Библиографический список

1 Анисимов Н. А. *Страницы истории Петуховского района : учеб. пособие / Н. А. Анисимов ; под ред. В. В. Пундани. – Курган : Зауралье, 2002. – 271 с.*

2 Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. И-154 (Тобольская казённая палата, г. Тобольск Тобольской губернии, 1782–1919 гг.).

3 Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 15. *Шатровский, Петуховский, Половинский районы и старообрядцы Зауралья в досоветский период / отв. ред. Н. Ф. Емельянов. – Курган : Изд-во Курганского ун-та, 1996. – 166 с.*

4 *Петуховского, село Петуховской волости Ишимского уезда. Церковь во имя Богоявления Господня // Государственный архив Курганской области : сайт. – URL: <http://www.gako.archives.kurganobl.ru/p8> (дата обращения: 03.04.2023).*

5 *Приходы и церкви Тобольской епархии // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск : Тип. Епарх. Братства, 1913. – С. 46.*

6 *Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Т.] 60. Тобольская губерния : ... по сведениям 1868–1869 гг. / обраб. В. Зверинским. – Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1871. – С. LVI, CCLI.*

7 *Список населённых мест Тобольской губернии : [сост. по сведениям на 15 июля 1909 года, получ. от уезд. исправников и волост. правлений]. – Тобольск : Изд. Тобольского губ. стат. ком., 1912. – [1], 634, IX с.*

8 *Утчанское, село Утчанской волости Ишимского уезда. Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая // Государственный архив Курганской области : сайт. – URL: <http://www.gako.archives.kurganobl.ru/assets/docs/utchanskoe.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).*

*К. В. Кочкина,
МБУ «Шадринский краеведческий музей им. В. П. Бирюкова»,
г. Шадринск*

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ СКУЛЬПТОРА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГАЛЯМИНСКИХ (16.08.1954 – 13.06.2022)

Александр Сергеевич родился 16 августа 1954 года в Шадринске, в многодетной семье, где был самым младшим из братьев. Учился в школе-интернате № 6 (ныне Губернаторская Шадринская кадетская школа-интернат). Он говорил: «Школа многое дала, многому научила...». После её окончания поступил в Свердловское художественное училище (с 1987 года училищу было присвоено имя скульптора И. Д. Шадра) на отделение камнерезного мастерства. К тому времени старшие братья уже жили и учились в Свердловске, окончили Уральский политехнический институт по направлению химии, а Александр Сергеевич выбрал тяжёлую и творческую профессию, связанную с искусством. Он был трудолюбивым студентом с активной жизненной позицией. Был награждён грамотами за особые успехи в учебе и примерное поведение. С однокурсниками они не боялись братья за большие работы. Одной из таких работ стало панно из камня с изображением 15 сестёр-республик на ВДНХ, за выполнение которого студентов поощрили поездкой на море. Александр Сергеевич всегда с радостью в глазах вспоминал об этих годах [5].

После окончания училища его призвали в ряды советской армии. Служба проходила на Байкало-Амурской магистрали, в железнодорожных войсках, где он был водителем. После службы Александр вернулся в родной город, хотя была возможность остаться в Свердловске, где его приглашали работать на фабрику «Русские самоцветы» и даже в милицию, так как, помимо всего, он был очень спортивным. Спорт всегда и везде сопровождал его – он занимался гиревым спортом, борьбой, отлично играл в шахматы [5].

Вернувшись в Шадринск, Александр Сергеевич какое-то время работал художником-оформителем в автоколонне, оформлял стенды, печатал объявления – работа была совсем не по душе. А вот на телефонном заводе он мог проявить себя творчески, дать волю фантазии, разрабатывая дизайн выпускаемых изделий. В летний период он ездил в заводской пионерский лагерь, где учил ребят искусству выжигания, чеканки и резьбы по дереву, за что был награждён грамотой «За плодотворный труд» [5].

В 1970-х гг. Александр Сергеевич познакомился с Ниной Наумовной Егоровой, девушкой из Кургана, приехавшей поступать в Шадринский педагогический институт на учителя начальных классов. Из воспоминаний Нины Наумовны: «Мы снимали квартиру рядом с домом, где он жил, и они с ребятами стали ходить к нам в гости, все

дружили. После учёбы я осталась в Шадринске, а в 1978 году мы поженились. Он был очень заботливым, родные, близкие и даже соседи звали его «папа Саша»» [5].

Александра Сергеевича можно назвать основателем скульптурного отделения в детской художественной школе.

Из воспоминаний Семериковой Надежды Николаевны, директора художественной школы с 1980 по 2005 г.: «Гальяминских Александра Сергеевича я принимала на работу. Очень профессионально преподавал скульптуру. Многие ребята выбирали этот предмет для итоговой выпускной работы. Он собирал эти работы и организовывал в классе выставку, которая пользовалась большим успехом у учеников». Сам изготавливал оборудование и пособия для занятий [6].

В 1992 году художественная школа переехала в новое здание, где он обустроил скульптурную мастерскую.

*Александр Сергеевич Гальяминских.
Так снимают гипсовые формы*

Из воспоминаний Долгушина Виктора Борисовича, преподавателя детской художественной школы, с которым скульптор работал некоторое время: «Я помню его персональную выставку в музее, на улице Комсомольской. Был очень впечатлён: до этого я видел его работы по кусочкам, в отдельности. Он был хорошим преподавателем, идеально знал своё ремесло. Помню время, когда школа переезжала в новое здание, мы были все вместе, это была очень горячая, весёлая пора. Для Шадринска это была важная, своеобразная фигура, ведь настоящих скульпторов у нас в городе нет» [4].

Множество декоративных скульптур, вы-

полненных Александром Сергеевичем, украшали Городской сад им. Кельдюшева: «Питьевой фонтанчик» (1986 г.), «Конёк-горбунок» (1989 г.), деревянные скульптуры «Старик», «Богатырь», «Хоттабыч», «Леший», «Соловей-разбойник», «Лошадка» (1984 г.). Он был автором снежных скульптур для городских ёлок с 1980 по 2000-е гг., сам продумывал композицию снежного городка, расположение каждой работы, всё тщательно вымерял, чертил монтажные листы и строго контролировал исполнение. Эти городки – в детских воспоминаниях многих шадринцев. Насколько они были гармоничны, красивы и мастерски исполнены!

В 1986 году Челябинской фабрике художественных изделий был сделан заказ на изготовление значков, посвящённых 100-летию И. Д. Шадра, В. П. Бирюкова, 160-летию Ф. А. Бронникова, и юбилейной медали в честь 70-летия Шадринского краеведческого музея. Эскизы выполнены А. С. Галяминских [1, с. 129].

В 1990–2000-х гг. Александр Сергеевич очень тесно сотрудничал с Шадринским краеведческим музеем. Он выполнял работы по созданию экспозиций «Палеонтология и археология» (1995), «Отражение во времени» (2001), «Отечественная история до 1917 г.» (2001). Его руками было создано многое: макет пещеры и птерозавра, голова неандертальца, живописные работы – ледниковый пейзаж с мамонтом, горный пейзаж с первобытным человеком. Как говорил сам Александр Сергеевич, «...Мне дали большую сумку, где все археологические находки были смешаны, никто не брался за эту работу, я разделил всё по периодам и оформил всё на планшеты».

В постоянной экспозиции музея «Отражение во времени», открытой в 2002 году, выделялся комплекс к 300-летию Дома Романовых, в котором были представлены скульптуры Михаила Романова, бюсты Николая II и Александра III, панно в виде иконы с изображением святых, покровительствующих Дому Романовых, цветная литография на металле. Большинство из перечисленных экспонатов оказались в экспозиции только благодаря реставрации Александра Сергеевича, который работал с ними не один год [2, с. 46–47].

Большой объём работы был выполнен в 2017, 2018 гг. – реставрация скульптур И. Д. Шадра в собрании музея.

В фондах хранятся работы самого Александра Сергеевича: портрет (барельеф) И. Д. Шадра (1987), бюст Героя Советского Союза Н. А. Зверева (1985), выполненный с натуры.

Летом 2008 года музей переехал в здание по ул. Свердлова, и уже 15 сентября этого же года возле здания была установлена скульптурная композиция «Старый город. XIX век». «Встреча двух горожан на старых улочках города. Мужская фигура – купец средних лет, одетый в сюртук, картуз, сапоги. Женская фигура – молодая женщина в скромной городской одежде с шадринским гусем

в корзине. Композиция выполнена в скульптурном бетоне, тонирована под старую бронзу», – так описал эту композицию Александр Сергеевич. По проекту рядом с фигурами должен был быть старый уличный фонарь и стоящая возле него собака – так изображено в эскизах автора.

В 2000-х годах скульптор совместно с Бритвиным Алексеем Михайловичем – начальником отдела культуры Администрации г. Шадринска и председателем Шадринского Движения «За культурное возрождение» – реализовали не один проект: установка (и впоследствии реставрация) памятника В. А. Черемисину на Воскресенском кладбище, изготовление мемориальной доски основателю железной дороги Лещеву на здании железнодорожного вокзала, создание памятника А. Н. Зырянову, установленного в восточной части Далматовского Успенского мужского монастыря к 170-летию со дня рождения краеведа. Основа этого памятника – мраморная колонна с виноградной лозой, на которой расположены барельеф и крест. До революции они выполняли роль постаментов для бюстов представителей царской семьи в шадринском городском саду. После революции сами бюсты В. П. Бирюкову удалось сохранить, перенести их в Научное Хранилище, а вот постаменты долгое время находились в саду. Один из них Александр Сергеевич перевёз к себе в мастерскую. Позднее, увидев этот с детства знакомый постамент, Алексей Михайлович предложил идею создания памятника с использованием именно этого раритета. В нижней части на мраморной плите высечена надпись: «Зауральскому просветителю Александру Никифоровичу Зырянову (1830–1884) от благодарных шадринцев. 2000 г.» [3].

По заказу Педошенко Анатолия Анатольевича силами скульптора выполнялись восстановительные работы архитектурно-декоративных элементов (лепнины) фасадов зданий – памятников архитектуры XIX в.: дома купчихи Ногиной и дома приказчика Михайлова.

Александр Сергеевич Галяминских известен как искусный скульптор и мастер своего дела не только в Шадринске, но и по всей Курганской области. Он автор «Мемориала погибшим» в с. Ичкино (1993), «Стелы немецким военнопленным» на ст. Иковка (2003), бюста Т. С. Мальцева в г. Кургане (2006), семи бюстов Героев Советского Союза для мемориала «Аллея Славы» в г. Катайске, на основе его заготовок, форм отливались бюсты для мемориала «Аллея Героев» в г. Далматово.

В ноябре 2016 года в Центральной библиотеке им. А. Н. Зырянова состоялось открытие скульптуры сказочного персонажа – «Царевны-Лягушки». Об этом событии писали не только городские газеты, но и областные. Весть об этой скульптуре дошла до северной столицы нашей страны – Санкт-Петербурга. Через несколько месяцев после этого события автор скульптуры получил необычный, удивительный подарок – диплом и подарочное

издание книги «Эрмиты – Петербургская сказка», подписанной автором и руководителем проекта Э. Матушкиным: «Доброму скульптору-сказочнику, Мастеру Галяминских Александру Сергеевичу с пожеланием доброго здоровья, сказочного успеха и всеобщей любви! Эрмиты верят в Вас! От петербургских эрмитов и эрмитесс!».

Обработка фигуры бетоно-шлифовальным кругом

Работа над бюстом для Аллеи Героев в г. Далматово

В этой же библиотеке нашла своё место декоративная скульптура «Ангел добра» 2021 года. Она гармонично вписалась в интерьер читального зала и уже завоевала множество сердец посетителей всех возрастов. Сотрудники шутят: «С появлением “Ангела” кажется, что люди в читальный зал приходят не литературу читать, а любоваться скульптурой». «Это ангел, отдающий своё большое, бесконечно доброе золотое сердце всем людям на Земле, призывающий к добрым делам и поступкам, к миру, добру и любви. В каждом человеке живёт такой Ангел, нужно только услышать его в своей душе», – такую характеристику этой скульптуре дал сам автор.

Одна из последних работ Александра Сергеевича – бюст полного Георгиевского кавалера В. А. Черемисина. Работу передали Шадринской кадетской школе-интернату уже после смерти скульптора. Получилось, что последняя из работ

мастера оказалась адресована тому самому учреждению, что дало ему путёвку в жизнь.

У него были большие творческие планы, интересные идеи, которые уже отразились в монтажных листах, эскизах, рабочих зарисовках. Но, как говорится, человек полагает, а Бог располагает. И всё же люди живы, пока жива память о них. Об Александре Сергеевиче Галяминских напоминают скульптуры на улицах Шадринска, формирующие позитивный, неповторимый облик города, рассказывающие о его богатом историческом прошлом и передающие местный колорит.

Список работ скульптора Александра Сергеевича Галяминских

Памятники

- 1 Кондюрин В. В. – герой-пограничник. 1986 г., бетон. Лицей № 1, г. Шадринск.
 - 2 Погибшим и преподавателям (1941–1945). 1987 г., бетон. Финансовый колледж, г. Шадринск.
 - 3 Фофанов Г. Н. – певец, композитор. 1998 г., мрамор. Кладбище, г. Шадринск.
 - 4 Закладной камень на месте мемориала воинам (1941–1945). 2000 г., гранит, металл.
 - 5 Зырянов А. Н. – краевед, 2000 г., мрамор, металл. Далматовский монастырь, г. Далматово.
 - 6 Стела немецким военнопленным, 2003 г., гранит. С. Иковка.
 - 7 Стена Памяти (Первая мировая война), 2003 г., мрамор, цемент. Воскресенское кладбище. Г. Шадринск.
 - 8 Мальцев Т. С. – полевод, 2005 г., металл, гранит. Г. Шадринск.
 - 9 Мемориал погибшим (1941–1945), 1993 г., бетон, металл. С. Ичкино.
 - 10 Скульптурная композиция «Старый город». 2008 г., бетон тонированный. Г. Шадринск.
 - 11 Пашкова М.. 2009 г., мрамор. Кладбище, г. Шадринск.
 - 12 Аллея Героев (1941–1945), 7 бюстов. 2011 г., мрамор, бетон. Г. Катайск.
 - 13 Аллея Героев (1941–1945), 14 бюстов. 2020 г., пластик. Г. Далматово.
 - 14 Панкратий Перхуров – основатель города Катайска. 2015 г., бетон тонированный. Г. Катайск.
- ##### Мемориальные доски (с портретом)
- 1 Бирюков В. П. – краевед. 1988 г., мрамор, эпоксидная смола. Краеведческий музей, г. Шадринск.
 - 2 Зырянов А. Н. – краевед. 1993 г., алюминий. Центральная библиотека, г. Шадринск.
 - 3 Бронников Ф. А. – художник. 1994 г., гранит, алюминий. Художественная школа, г. Шадринск.
 - 4 Фофанов Г. Н. – певец, композитор. 1999 г., мрамор, алюминий. Школа № 10, г. Шадринск.
 - 5 Носилов К. Д. – писатель. 2001 г., мрамор, эпоксидная смола. Детская библиотека, г. Шадринск.
 - 6 Лещев А. А. – организатор строительства железной дороги. 2003 г., металл. Здание железнодорожного вокзала, г. Шадринск.

7 Мальцев Т. С. – полевод. 2005 г., металл. Музей, с. Мальцево.

Мемориальные доски

1 Бирюков А. П. – садовод-мичуринец. 1988 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Советская.

2 Бажов П. П. – писатель. 1991 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Ленина.

3 Здобнов Н. В. – библиограф. 1994 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Февральская.

4. Жуков Г. К. – Маршал СССР. 1996 г. Г. Шадринск, ул. Ленина.

5. Зверев Н. А. – Герой Советского Союза. 1999 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Свердлова.

6 Заговеньев А. И. – Герой Советского Союза. 1999 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Комсомольская.

7 Руднов А. А. – Герой Советского Союза. 2000 г., мрамор. Школа № 10, г. Шадринск.

8 Эвакогоспиталь, 2000 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Михайловская.

9 Гражданская война, 1987 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Ленина.

10 Авиашкола, 1987 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Михайловская.

11 Архангельский Н. В. – Герой Советского Союза. 2001 г., мрамор. Школа № 9, г. Шадринск.

12 Клеванцов П. И. – Герой Социалистического Труда. 2001 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Архангельского.

13 Гражданская война, 1986 г., мрамор. Здание железнодорожного вокзала, г. Шадринск.

14 Воинам ВОВ, умершим в госпиталях, 1995 г., мрамор. Воскресенское кладбище, г. Шадринск.

15 Бахарев С. – сержант милиции. 1999 г., мрамор. Здание железнодорожного вокзала, г. Шадринск.

16 Медсанбат – 367-я стрелковая дивизия. 1991 г., мрамор. Г. Шадринск, ул. Свердлова.

17 Мальцев Т. С. – полевод. 2005 г., мрамор. Музей, с. Мальцево.

Портреты (бюсты)

1 Автопортрет, 1982 г., гипс тонированный.

2 Мать, 1983 г., гипс тонированный.

3 Синюков М. И. – ветеран войны. 1985 г., гипс тонированный.

4 Женский портрет, 1986 г., гипс тонированный.

5 Дети, 1986 г., глина.

6 Шадр И. Д. – скульптор. 1986 г., гипс тонированный.

7 Томин Н. Д. – Герой Гражданской войны. 1986 г., гипс тонированный. Колледж физической культуры и спорта, г. Шадринск.

8 Монаков Л. – художник. 1986, гипс тонированный.

9 Зверев Н. А. – Герой Советского Союза. 1985 г., гипс тонированный. Краеведческий музей, г. Шадринск.

10 Заговеньев А. Н. – Герой Советского Союза. 1987 г., глина.

11 Архангельский Н. В. – Герой Советского Союза. 1988 г., гипс тонированный. Гимназия № 9,

г. Шадринск.

12 Ленин В. И., 1988, гипс тонированный.

13 Соловьев А. – фотограф. 1980 г., глина.

14 Чайковский П. И. – композитор. 2002 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

15 Бетховен Л. – композитор. 2002 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

16 Мальцев Т. С. – полевод. 2006 г., гипс тонированный. Сельскохозяйственная академия, г. Курган.

17 Шумилов М. С. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

18 Чистяков М. А. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

19 Анчугов А. Г. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

20 Ватагин А. М. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

21 Тушнолобов К. М. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

22 Коновалов М. В. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

23 Давыдов Ф. Н. – Герой Советского Союза. 2010 г., скульптурный бетон. Г. Катайск.

24 Высоцкий В. С. – поэт, актёр. 2010 г.

25 Черемисин В. А. – Полный Георгиевский кавалер. 2022 г., гипс тонированный. Губернаторская кадетская школа, г. Шадринск.

Портреты (барельефы)

1 Мать. 1984 г., гипс тонированный.

2 Женский портрет. 1990 г., гипс тонированный.

3 Шадр И. Д. – скульптор. 1987 г., гипс тонированный. Краеведческий музей, г. Шадринск.

4 Ленин. 1985 г., гипс тонированный.

5 Мальцев Т. С. – полевод. 1995 г., гипс тонированный. Краеведческий музей, г. Шадринск.

6 Мальцев Т. С. – полевод. 1995 г., металл. с. Мальцево.

7 Фофанов Г. Н. – певец, композитор. 2002 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

8 Зырянов А. Н. – краевед. 2000 г., металл.

9 Женский портрет. Гипс тонированный.

10 Бородин А. П. – композитор. 2000 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

11 Балакирев М. А. – композитор. 2000 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

12 Мусоргский М. П. – композитор. 2000 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

13 Римский-Корсаков Н. А. – композитор. 2000 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

14 Кюи Ц. А. – композитор. 2000 г., гипс тонированный. Музыкальная школа, г. Шадринск.

15 Бахарев С. В. – сержант. 2000 г., бронза. ЛОВД, г. Шадринск.

Декоративные скульптуры

1 Деревянные скульптуры. 1984 г., дерево. Городской сад, г. Шадринск.

2 Питьевой фонтанчик. 1986 г., бетон, стекло. Городской сад, г. Шадринск.

3 «Конёк-горбунок». 1989 г., бетон цв. Городской сад, г. Шадринск.

4 В. Терешкова. Композиция «Космос». 1988 г., гипс тонированный. Школа № 32, г. Шадринск.

5 Греческая фигура «Муза». 2003 г., гипс. Музыкальная школа, санаторий «Жемчужина Зауралья», г. Шадринск.

6 Композиция «Ангелочки». 2004 г., гипс. Музыкальная школа, г. Шадринск.

7 Греческая ваза. 2004 г., гипс. Музыкальная школа, г. Шадринск.

8 Фонтан. 2004 г., бетон цветной. Санаторий «Жемчужина Зауралья».

9 Женская фигура. 2002 г., гипс.

10 Герб России. 1997 г., гипс тонированный. РОВД, г. Шадринск.

11 «Русалка». 1996 г., пластилин.

12 «Богатырь». 1998 г., гипс тонированный.

13 «Распятие». 2000 г., пластилин.

14 Капитель, 2004 г., гипс, дерево. Санаторий «Жемчужина Зауралья».

15 «Собака». 1998 г., гипс.

16 «Гусь-балалаечник». 2012 г. Музыкальная школа, г. Шадринск.

17 «Ангел добра». 2021 г., Центральная библиотека, г. Шадринск.

18 «Царевна-Лягушка». 2016 г., гипс тонированный. Центральная библиотека, г. Шадринск.

19 Снежные скульптуры. 1980–2000 гг., снег. Городская ёлка, г. Шадринск.

Реставрация памятников и скульптур

1 Памятник воинам (1941–1945). 1994 г. Воскресенское кладбище, г. Шадринск.

2 Памятник воинам (1941–1945). 2005 г., с. Красная Звезда.

3 Памятник воинам (1941–1945). 2001 г., 2010 г. ШААЗ, г. Шадринск.

4 Памятник немецким военнопленным. 2000 г. Городище, г. Шадринск.

5 Декоративные скульптуры. 2001 г. ДК ШААЗ, Городской сад, г. Шадринск.

Библиографический список

1 Борисов С. Б. Шадринская энциклопедия : в 2 т. / С. Б. Борисов ; Шадринский гос. пед. ин-т [и др]. – Шадринск, 2010. – Т. 1. А–П. – 575 с.

2 Зуева М. И. «Дом Романовых» в экспозиции Шадринского краеведческого музея / М. И. Зуева // Шадринская старина, 2003 : краевед. альманах / сост. и отв. ред. С. Б. Борисов. – Шадринск, 2004. – Вып. 11. – С. 46–47.

3 Информант – преподаватель Уральского федерального университета, действующий член Русского географического общества А. М. Бритвин.

4 Информант – преподаватель Шадринской детской художественной школы В. Б. Долгушин.

5 Информант – жена скульптора Н. Н. Егорова.

6 Информант – директор Шадринской детской художественной школы 1980 г. Н. Н. Семерикова.

Я. А. Кулигина,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган

ДИНАМИКА ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В ГОРОДЕ КУРГАНЕ В 1799 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНСКОГО КУПЕЧЕСКОГО И МЕЩАНСКОГО ОБЩЕСТВА)

Развитие и становление города как сложной и многокомпонентной комплексной системы предполагают наличие ряда факторов, обеспечивающих проживание на определенной территории населения. При этом одним из базовых отличий города от сельской местности является развитая торговля. Жизнь и быт горожан напрямую зависят от поставок продовольствия и иных ресурсов, закрывающих базовые потребности семьи. Наличие такого инфраструктурного элемента, как рынок, можно рассматривать сразу с нескольких сторон:

- во-первых, появляется внутренний производитель, становящийся поставщиком товаров;
- во-вторых, развивается торговля как с иными городами, имеющими разную специализацию производства, так и с другими государствами (государственными образованиями), обогащающими прямые контакты;
- в-третьих, наличие и развитие внутренней торговли влечёт за собой пополнение бюджета города и, как следствие, его рост и прямое развитие.

Таким образом, присутствие в городе внутреннего рынка можно расценивать как один из важнейших шагов становления данной агломерации.

Рассматривая жизнь провинциального уездного города, которым на конец XVIII века являлся Курган, стоит обратить внимание на ценовую ситуацию, в конечном итоге, определяющую качество и уровень жизни населения. Хронологическими рамками данной статьи станет 1799 год, что обусловлено возможностью детального ознакомления с источниковым материалом, выраженным в документообороте Курганского купеческого и мещанского общества. Стоит остановиться на функциональных обязанностях данного общества. В составе Городской Думы члены мещанского общества принимали решения по следующим направлениям деятельности:

- общественным делам: приписывание в какое-либо сословие, переход в другое городское состояние, выдача паспортов и билетов;
- в сфере городского хозяйства: управление городскими доходами и расходами;
- торговая полиция: надзор за осуществлением торговой деятельности, выдача удостоверений для получения торговых свидетельств органами Уездного Казначейства, проверки объектов торговли, выдача разрешений на открытие торговых мест;
- казённые дела: взыскание недоимок по сборам и податям с жителей города [2, с. 182].

Таким образом, проверка ценовой политики

местных купцов была непосредственной обязанностью данного общества и находилась под постоянным контролем представителей правления Тобольской губернии. Тщательность контроля может показать частота предоставления сведений о хлебных запасах, в которых фиксировалась цена на определенные базовые виды продуктов. За вышеозначенный период 1799 года Курганское купеческое и мещанское общество передало справки о запасах и их стоимости в Тобольскую губернию пятьдесят три раза. Поясним детальнее: сведения передавались периодичностью раз в две недели, а также сводилась ежемесячная справка о наличии и стоимости тех или иных продуктов питания или просто о первостепенных товарах. Основной учёт велся за следующими товарами: крупами, мукой, мясом и дровами. Именно этот набор продуктов отслеживался в справке (таблица 1).

Таблица 1 – Справка о хлебных ценах с 8 по 15 января 1799 года [1, оп. 1, д. 1 А, л. 6 об.]

Мука	Ржаная	16–17 коп.
	Пшеничная	40–45 коп.
Крупа просовая		60–70 коп.
Свинина		50–60 коп.
Овёс		1 р.
Дрова (воз)		25–30 коп.

Мука (ржаная и пшеничная) и крупа продавались пудами, свинина измерялась фунтами, овёс – четвертями; дрова продавались возами. Данная справка имеет стандартный вид и количество наименований, цены на которые регулярно отслеживались и передавались в губернское правление Тобольской губернии. Однако на вышеозначенных товарах курганская торговля не останавливалась, поэтому наиболее интересными для нас будут являться ежемесячные отчёты (таблица 2).

Таблица 2 – Справка о ценах за январь 1799 года [1, оп. 1, д. 1 А, л. 10]

Мука	Ржаная	15–17 коп.
	Пшеничная	30–40 коп.
Крупа просовая		50–60 коп.
Хлеб (пуд)		4 р. 8 коп.
Мясо (фунт)	Говядина	50–60 коп.
	Свинина	80 коп.
Овёс (четверть указная)		1 р. 20 коп.
Дрова (воз)		25–30 коп.
Масло коровье (фунт)		3 р. 60 коп.
Сало (фунт)		2 р. 50 коп.

Продолжение таблицы 2

Рыба (щука; фунт)	Крупная	1 р. 20 коп.
	Средняя	-
Рыба (окунь; (фунт)	Крупный	90 коп.
	Средний	60 коп.
Рыба (налим; фунт)		20 коп.
Рыба (карась; фунт)		70 коп.

Сравнивая данный отчёт с представленным ранее, можно найти колебание цен на муку, крупу и свинину. На наш взгляд, это связано с крайними показателями цен, которые фиксировали представители Курганского купеческого и мещанского общества. Наименование товаров существенно расширяется за счёт продажи разных видов рыбы,

при этом её стоимость практически равна стоимости мяса.

Анализируя представленный ассортимент и документооборот Курганского купеческого и мещанского общества за 1799 год, можно отметить, что торговля осуществлялась местными товарами и торговцами. Этот факт является значимым, так как позволяет рассмотреть повседневность горожан, имеющих доступ к определённым товарам во время отсутствия ярмарок.

Вернёмся к анализу ценовой политики курганской торговли. Для этого рассмотрим наличествующие ежемесячные отчёты, предоставляемые Курганским купеческим и мещанским обществом в Тобольское губернское правление (таблица 3).

Таблица 3 – Ежемесячные отчеты в Тобольское губернское правление

Наименование товара		Стоимость товаров (по месяцам)							
		Янв.	Фев.	Март	Апр.	Июл.	Авг.	Сент.	Нояб.
Мука (пуд)	Ржаная (коп.)	15–17	13–15	15–17	17, 20, 22	23–25	20–22	18–20	20–25
	Пшеничная (коп.)	30–40	30–40	45–50	40–55	55–60	45–60	45–55	40–50
Крупа просовая (пуд) (коп.)		50–60	45, 50, 65	65–70	50–60	60–70	65–70	75–80	1 р. – 1 р.20 к.
Хлеб (пуд) (рубли/копейки)		4 р.8 к.	7–8 р.	6 р. 40 к.	6 р. 40 к. – 7 р. 20 к.	8 р.	–	7 р.20 к. – 8 р.	8 р.
Мясо (фунт) (коп.)	Говядина (коп.)	50–60	50–60	55–60	60–70	1 р. – 1 р. 20 к.	90–1 р. 20 к.	40–50	50–60
	Свинина (коп.)	80	70–80	70–80	90– 1 р.	1 р. 20 к.	1 р. – 1 р. 20 к.	–	–
Овёс (четверть указанная) (рубли/копейки)		1 р. 20 к.	1 р.10 к.	1 р.10 к.	1 р.10 к.	–	–	1 р.20 к. – 1 р. 60 к.	1 р.60 к.
Дрова (воз)		25–30	25–30	27–30	30–35	30–35	30–35	–	–
Масло коровье (фунт) (рубли/копейки)		3 р. 60 к.	3 р.60 к.	3 р.50 к.	4 р.50 к.	3 р.50 к. – 4 р.	3 р.50 к. – 4 р.	–	3 р.40 к. – 3 р.50 к.
Сало (фунт) (коп.)		2 р. 50 к.	2 р. 50 к.	–	–	–	2 р. – 2 р.20 к.	2 р.10 – 2 р. 20 к.	–
Рыба (щука) (фунт)	Крупная	1 р. 20 к.	1 р. 20 к.	1 р. 20 к.	–	–	–	–	–
	Средняя	–	1 р.	1 р.	–	–	–	–	–
Рыба (окунь) (фунт)	Крупный (коп.)	90	1 р.	80	–	–	–	–	–
	Средний (коп.)	60	70 к.	60	–	–	–	–	–

Колебание представленных цен напрямую связано с двумя важнейшими аспектами:

1) проблемой хранения продуктов, в том числе скоропортящихся, которая фиксируется в повышении цены или приостановке продажи;

2) сельскохозяйственным циклом, выражающимся в снижении цен к новому урожаю или периоду рождения / забоя скота.

Исходя из вышеперечисленного, отметим, что наиболее высокие цены на большинство продуктов фиксируются в апреле и июле ввиду постепенного истощения запасов предыдущего периода и отсутствия новых продуктов. В сравнении мини-

мальных цен на ржаную муку к июлю можно наблюдать рост стоимости более чем на 50 % (от минимального январского показателя), к сентябрю ситуация стабилизируется, но годовой прирост равен 33 %. По пшеничной муке ситуация к июлю ещё более тяжёлая: здесь увеличение стоимости происходит на 83 %, годовой прирост цены также составляет 33 %. Просовая крупа и хлеб показывают 50 % рост в годовом ценовом измерении.

Интересна ситуация с мясо-молочной продукцией. В первую очередь отмечается, что стоимость свинины всегда превышает говядину на 25–30 %. Прослеживая годовую динамику цен на говядину,

к июлю наблюдается 50 % повышение цены (от начальной), а к сентябрю падение на 60 %. С наступлением осени цена на мясо стабилизируется на уровне январской. Можно предположить, что данный процесс напрямую связан с необходимостью заготовки большого количества фуража для прокорма крупнорогатого скота, а следовательно, забоем животных на мясо. Этот же процесс можно отследить при исследовании цены на масло коровье, стоимость которого увеличивается к апрелю на 25 %, что связано с необходимостью выпаивания молоком новорождённых телят.

Мясо свиньи показывает не такой бурный рост, как говядина, прибавляя в стоимости 25 %. При этом оценить годовой прирост не представляется возможным ввиду отсутствия информации по ценам за сентябрь и ноябрь, что также подчинено сельскохозяйственному циклу. Отметим, что стоимость сала снижается. Можно предположить, что это также связано с забоем свиней, но не только: если в зимние месяцы сало продаётся солёным, то в сентябре его реализуют «сырцом» [1, оп. 1, д. 1 А, л. 47 об.], следовательно, стоимость соли не входит в конечный продукт.

Таким образом, торговля в провинциальном городе напрямую была подчинена сельскохозяйственному циклу, вопросам доставки и хранения того или иного товара. Анализируя доклады Курганского купеческого и мещанского общества, можно отметить скудность ассортимента продажи, на этом же заостряют внимание и сами купцы в приписках к справкам о ценах, имеющим следующие формулировки «Прочих припасов в продаже не было» [1, оп. 1, д. 1 А, л. 10 об.], которая встречается в феврале, мае [1, оп. 1, д. 1 А, л. 23 об.], августе [1, оп. 1, д. 1 А, л. 41], [1, оп. 1, д. 1 А, л. 42], сентябре [1, оп. 1, д. 1 А, л. 44], [1, оп. 1, д. 1 А, л. 46 об.]. Однако изредка в продаже появлялись новые наименования товаров, например:

- налимина – 20 копеек за фунт [1, оп. 1, д. 1 А, л. 10];
- караси – 70 копеек за фунт [1, оп. 1, д. 1 А, л. 10];
- масло постное – 4 рубля 50 копеек за фунт [1, оп. 1, д. 1 А, л. 20 об.];
- хмель – 8 рублей [1, оп. 1, д. 1 А, л. 23 об.];
- баранина – 1 рубль 20 копеек за фунт [1, оп. 1, д. 1 А, л. 39 об.];
- кожи сырые – 2 рубля 30 копеек [1, оп. 1, д. 1 А, л. 52].

Подводя итоги, можно сказать, что конец XVIII века – один из начальных этапов становления торговли в Кургане, получившем совсем недавно в исторической перспективе статус уездного города. Основной товарный ассортимент может быть направлен только на закрывание первичных потребностей людей, проживавших здесь. В продаже отсутствуют овощи и фрукты – это позволяет предположить, что они в основном выращивались на придомовых участках жителей. Также в данных

отчётах не фиксируется продажа непродовольственных товаров, за исключением самых необходимых, что может быть объяснено отсутствием контроля за их ценообразованием. Рост стоимости товаров четко привязан к сельскохозяйственному циклу населения, а также связан с вопросами сохранения тех или иных продуктов. Отметим, что все эти особенности торговли конца XVIII века раскрывают лишь небольшой аспект повседневной жизни города. Здесь повседневность выступает самоочевидным естественным условием жизни человека, областью социальной реальности, в то время как уклад включает формы и способ коллективной и индивидуальной жизнедеятельности, характеризующие этот целостный жизненный мир [3, с. 68].

Библиографический список

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 24 (Указы Тобольского губернского правления за 1799 год).
- 2 Окутина Н. Н. Мещанское общество в структуре органов городского управления в последней трети XVIII века / Н. Н. Окутина // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 3. – С. 179–186.
- 3 Томилов И. С. Развитие городов Тобольской губернии в последней четверти XVIII – начале XX вв. (к историографии проблемы) / И. С. Томилов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 68–76.

С. А. Кусков,
ГУ «Объединённый государственный архив Челябинской области»,
г. Челябинск

ЭВАКОГОСПИТАЛИ КУРГАНА И ШАДРИНСКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К 1930-м гг. в Советской России уже имелся положительный опыт использования эвакуационных госпиталей в тыловых районах. Тогда молодое советское государство встало на путь модернизации вооружённых сил, что тянуло за собой и усовершенствование военно-медицинской службы. Во второй половине 1930-х гг. эвакогоспитали оставались основным типом тыловых военно-медицинских учреждений, но усложнились их спецификация, объём и разнообразие передаваемого имущества.

В период Второй мировой войны районы Южного Зауралья оказались на периферии меж двух зон развёртывания эвакогоспиталей: в Западной Сибири действовали госпитали, развёрнутые в период боёв на р. Халхин-Гол, в Челябинск и Свердловск поступили раненые из Финляндии [7, с. 101–108]. Курганский и Шадринский госпитальные гарнизоны тогда не были развёрнуты, но местные власти не прекращали их подготовку. В конечном итоге с начальным периодом Великой Отечественной войны советы депутатов трудящихся городов и районов Южного Зауралья справились с основным и дополнительными заданиями по формированию госпиталей [6, с. 11].

Мобилизационный учёт и подготовка зданий, подходящих под госпитали, относились к компетенции суженных составов исполкомов (до 1936 г. президиумов) местных советов. По данным Д. А. Журавлёва, в связи с обострением международной обстановки 17 апреля 1938 г. было принято постановление Комитета обороны при Совнаркоме СССР «О местных органах военного управления». Это постановление стало основанием для создания мобилизационных секторов при отраслевых отделах местных советов, в том числе образования, здравоохранения и коммунального хозяйства [5, с. 45]. В Челябинском облздравотделе за мобилизационную подготовку отвечали заместитель заведующего Леонид Александрович Цылёв [8, оп. 71, д. 671, л. 10] и заведующий мобсектором Георгий Лукич Мешалкин.

Изучение мобилизационной подготовки эвакогоспиталей в Челябинской области (до 1943 г. Южное Зауралье являлось восточной её окраиной) затруднено плохой сохранностью документов суженного состава Челябинского облисполкома довоенного периода. Поэтому приходится использовать материалы городских советов, также вовлечённых в мобилизационную работу: Челябинского, Магнитогорского, Троицкого. В Южном Зауралье в Шадринске и Кургане закладывались примерно равные по мощности госпитальные гарнизоны.

По состоянию на февраль 1938 г. в Курганском гарнизоне планировались два госпиталя: № 1 на 3400 м³ в шести зданиях и № 2 на 1365 м³ [3, оп. 2, д. 83, л. 6]. Эта условная нумерация госпиталей использовалась и в других госпитальных гарнизонах согласно приказу Челябинского облздравотдела от 7 декабря 1937 г. [4, оп. 2, д. 5, л. 117]. По Курганскому району было зарегистрировано 4 автобуса для перевозки раненых. В ноябре 1938 г. курганским госпиталям присвоили номера 1729 и 1728 [3, оп. 2, д. 83, л. 79, 81]. На приспособление и содержание госпиталей в военное время на особом счёте было зарезервировано 306,6 тыс. рублей [3, оп. 2, д. 90, л. 28].

Согласно печально известному среди работников госпиталей постановлению СНК СССР от 21 января 1940 г. на котловое и вещевое довольствие могли рассчитывать только переведённые на казарменное положение работники. Заработная плата вольнонаёмного состава госпиталей приравнялась к 4-му тарифному поясу, что означало меньшую оплату не только в сравнении с коллегами в Москве и Ленинграде (1-й пояс), но и в Челябинске (3-й пояс) [3, оп. 2, д. 90, л. 14].

В январе 1941 г. Курганский райздравотдел согласовал с областным военкоматом помещения для 600 госпитальных коек: здания Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, школы № 14 и четырех отдельных домов. Актуализированный мобилизационный план предполагал передачу для госпиталя всех зданий уже на седьмой день, а на десятый – приём первых раненых. 22 июня 1941 г. Курганский горисполком выделил цемент, песок, щебень, лесоматериалы из фондов местных предприятий для оборудования госпиталей. Переоборудование школ было поручено городскому отделу коммунального хозяйства [3, оп. 2, д. 99, л. 1, 16, 18].

Другой госпитальный гарнизон, запланированный в восточной части Челябинской области, – Шадринский. В январе 1937 г. в Шадринске условно существовали госпитали – № 946 и № 944, на 400 коек каждый [4, оп. 2, д. 5, л. 22]. Выделенные для них помещения школ № 4, № 14, сопартшколы, педагогического техникума, дома колхозника эксплуатировались в штатном режиме [4, оп. 2, д. 6, л. 1, 6, 163]. На случай начала войны для их приспособления под госпитали имелись утверждённые финансовые сметы [4, оп. 2, д. 6, л. 66]. С 1939 г. в мобпланах также стала упоминаться школа № 9 [4, оп. 2, д. 24, л. 33].

Мобилизационный запас медико-санитарного и хозяйственного имущества хранился при гор-

больнице в отдельном каменном складе. Было зарезервировано 74 строительных рабочих: плотники, столяры, печники, водопроводчики, штукатуры, стекольщики, электромонтеры, штукатуры, маляры, чернорабочие. По согласованию с партийными органами и военкоматом заранее согласованы кандидатуры начальников госпиталей и их заместителей по медицинской части, комиссаров, заведующего рентгеновским кабинетом и рентгенотехника [4, оп. 2, д. 5, л. 6, 22 об.]. Не все из них были местными. Например, хирург шадринского эвакогоспиталя № 944 работал в поселке Касли Уфалейского района, а приписанный в качестве политрука эвакогоспиталя № 946 работник должен был прибыть из Сосновского района (окрестности г. Челябинска) [4, оп. 2, д. 7, л. 114, 115].

В мае 1937 г. Челябинский областной отдел коммунального хозяйства рекомендовал Шадринскому горсовету выделить для перевозки раненых 9 автобусов, способных за один рейс перевезти 100 бойцов. В случае отсутствия автобусов недостающее количество разрешалось заменить грузовиками. Для перевозки раненых в лежачем положении на автомашинах-«полупотроках» предполагалось установить «Амортизатор системы инженера Сивакова для грузовых машин» [4, оп. 2, д. 6, л. 64–66, 106]. В случае прибытия на станцию большого количества раненых городские власти предполагали возможность мобилизации гужевого транспорта «предприятий, ведомств и гражданского населения» [4, оп. 2, д. 6, л. 119].

Мобилизационные планы на случай войны имелись и в других городах и районах. Например, из документов, собранных В. А. Есетовым, узнаём о мобилизационном плане Щучанского райздраотдела 1939 г. План не предусматривал развёртывание госпиталя, но зато учитывалась сеть гражданских лечебных учреждений (которые могли быть временно переданы военному ведомству для проведения призыва) и медицинского персонала [2, оп. 1, д. 11, л. 5]. Районные отделы здравоохранения Зауралья участвовали в комплектовании кадрового состава будущих эвакогоспиталей, но опосредованно, через систему военных комиссариатов.

Не секрет, что госпитальная сеть в Южном Зауралье была развёрнута уже летом 1941 г., а максимума достигла в 1943 г. По состоянию на 3 апреля 1943 г. работало 14 эвакогоспиталей на 5400 коек, в том числе госпиталь для военнопленных в Шумихе [9, с. 11, 13]. Эвакогоспитали в крае просуществовали до 1947 г. Но и после этой даты продолжал работу Курганский областной госпиталь для инвалидов Отечественной войны, сформированный на базе эвакогоспиталя № 1729 [1, оп. 1, д. 94, л. 1].

История предвоенной подготовки эвакогоспиталей просматривается с 1938 по июнь 1941 г. За этот период был определён состав госпитальных зданий, вёлся отбор личного состава, табельного имущества. Особенностью Шадринского и

Курганского гарнизонов стало выделение большого количества госпитальных отделений, что затрудняло их хозяйственно-бытовое и лечебное обслуживание. В условиях Великой Отечественной войны масштабы предвоенной подготовки госпитальной базы оказались крайне недостаточны, оттого она лишь в малой степени облегчила развёртывание лечебной сети в Южном Зауралье.

В последние десятилетия Министерство обороны РФ проводило непоследовательную политику в сфере подготовки эвакогоспиталей. С одной стороны, декларировался отказ от крупных вооружённых конфликтов и переход армии на бригадную структуру. С другой, в условиях проведения Специальной военной операции неизбежно накопление контингента военнослужащих, нуждающихся в длительной медицинской и социальной реабилитации. Эти обстоятельства вновь актуализируют опыт использования эвакогоспиталей, в особенности курортных госпиталей Южного Зауралья.

Библиографический список

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1232.
- 2 ГАКО. Ф. Р-2167.
- 3 ГАКО. Ф. Р-465.
- 4 Государственный архив Курганской области в г. Шадринске (ГАСШ). Ф. Р-647.
- 5 Журавлёв Д. А. Роль здравоохранения в подготовке Ленинграда к войне. 1938–1940 гг. : спец. 07.00.02 «Отечественная история» : дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Журавлёв. – Санкт-Петербург, 2004. – 328 с.
- 6 Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне, 1941–1945 : документы и материалы. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 355 с.
- 7 Кусков С. А. Сеть эвакогоспиталей в восточных районах РСФСР в 1938–1940 гг. / С. А. Кусков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 2 (45). – С. 101–108.
- 8 Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288.
- 9 Помни войну : в 5 т. / авт.-сост.: А. И. Букреев, В. А. Есетов. – Курган, 2004. – Т. 3. Эвакогоспитали Зауралья. – 304 с.

*В. П. Литовченко,
МАУК «ЦГБС», Библиотека истории города им. А. И. Текутьева,
г. Тюмень*

РАССЛОЕНИЕ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В КУРГАНЕ В 1920-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ П. А. СЕРГЕЕВА)

Павел Аполлонович Сергеев (1910–1989) – лингвист, специалист по творчеству Н. Г. Чернышевского, преподаватель общего языкознания и современного русского языка с 40-летним педагогическим стажем, работавший в ШГУИ, ШГПИ, КГПИ, стоявший у истоков создания Курганского государственного педагогического института (ныне – КГУ), организации и развития кафедры русского языка вуза.

Павел Аполлонович оставил после себя уникальный документ – свои воспоминания о годах учёбы в Кургане, в Перми и работе в Шадринске и Кургане, начиная с 1917 года и до конца своей жизни (эти материалы хранятся в семье уже более 30 лет после ухода из жизни их автора). Несомненный интерес, в частности, представляют страницы, посвящённые его школьным годам (1918–1928 гг.), когда Павел учился в 3-й начальной, а затем, в школе II ступени в Кургане, до момента его отъезда в г. Пермь для продолжения образования. Это уникальные свидетельства юного в те годы очевидца становления молодого государства, разделения общества на приверженцев старого и пропагандистов нового, активистов разрушения устаревших, по их мнению, устоев. Автор мемуаров описывает возникновение в Кургане первых пионерских отрядов, проведение митингов и собраний, первые попытки организации культурной жизни города в соответствии с новыми веяниями в обществе, изменения в сознании и мировоззрении горожан.

Он отмечает, что «старое удивительно причудливо и мирно уживалось с новым во всём: в быту, в поведении людей, их взаимоотношениях».

Так, «ещё в 1918 году нас, учеников начальной школы, парами водили в собор молиться, в школе “орудовал” батюшка Редькин. В 1924 году ещё были открыты две церкви (Троицкая и Александровская), большой собор, польский костёл, еврейская синагога, немецкая кирха, татарская мечеть и староверческая молельня. Церкви были всегда полны... На Пасхе по целой неделе (!) народ не выходил на свою службу – и ничего, всё в порядке вещей считалось! Часами (буквально) во всех церквях звонят колокола, и наш брат, ребятня, считала за счастье для себя, если сторож какой-нибудь церкви разрешит забраться на колокольню и позвонить сколько-нибудь (а мы были пионеры). Ещё в 1926 году в церковном хоре, например, пели не только взрослые, но и девочки из школы II ступени, а среди учителей школы были верующие, посещавшие церковь. И одновременно с этим народ охотно ходил на демонстрации, слу-

шал внимательно и сочувственно местных ораторов, что нисколько не противоречило тому, что все церкви и собор в воскресенье и другие праздничные дни были переполнены молящимися».

Все перемены происходили очень трудно и болезненно – как в общественной, так и в частной жизни курганцев. Трещины и разломы, разделившие страну на два враждующих лагеря, нередко проходили внутри многих семей, навсегда разъединив родных по крови людей. Так случилось и в семье Анисимовых, деда и бабушки Павла, имевших 9 детей, которые оказались по разные стороны по своим взглядам и убеждениям, а кто-то порвал с семьёй навсегда.

Не понаслышке знал Павел о разделении в обществе и внутри семьи. Он пишет: «Пожалуй, самым правильным будет сказать, что 1920-е годы характерны резким политическим, идеологическим расслоением внутри и молодых, и старшего поколения. Дома тоже всё расслоилось, ведь даже дома молодёжь проявляла себя очень активно». Из многочисленных дядьев Павла «Петя был коммунистом, Илья – тоже; Миша же был обыватель, по крайней мере, по идеологии, а в партию он вступил, кажется, чуть позже; близок к нему был и Коля; на полдороге был Яша; папа [отчим – В. Л.] же сочувствовал многому из современного; реакционными были дедушка и, пожалуй, близка к нему была моя мать... Стоило только кому-нибудь, обращаясь к дедушке, сказать: “Товарищ...”, – он немедленно прерывал того и восклицал: “Волк тебе товарищ, а не я!”».

Непримиримые идеологические разногласия навсегда рушили ранее прочные семейные связи. В семье Анисимовых дедушка порвал все отношения со старшим и младшим своими сыновьями, убежденными коммунистом и комсомольцем. Об этом пишет П. А. Сергеев в своих воспоминаниях: «Дядя Петя (старший из всех дядей моих) был коммунист и поэтому, естественно, общего языка с дедушкой не мог иметь. Поэтому он со своей женой жил отдельно, редко заходил к дедушке и не задерживался долго у него. Работал он, кажется, заместителем директора типографии. Дядя Петя, очень сдержанный человек, ни в каких играх, занятиях и весельях своих братьев, в семейных увеселениях не участвовал совершенно...»

Я вспоминаю как травили в нашей, бабушкиной, то есть, семье дядю Илью его брата и дедушка за его “советскость” и, в конце концов, дедушка ведь его выгнал из дому, лишив наследства и поддержки какой-либо. Дядя Илья был очень идейный, “комсомольский”, и на почве этих идеологических

различий, политических споров они с дядей Колей ссорились (вплоть до ножей доходило!), а с дедушкой – ещё того больше. Из-за бескомпромиссных споров на почве непримиримых идеологических разногласий с отцом и братьями дядя Илья был вынужден уйти из семьи. Ему пришлось покинуть Курган и куда-нибудь убраться с глаз деда. Он уехал в с. Мокроусово. Много потом дядя Илья из-за дедушки горя хлебнул с Нюсей, своей женой! В сущности, в нашей семье он был чужой, вот почему он мало в ней жил. Дядя Илья уехал из Кургана и наши пути на всю жизнь разошлись».

В послереволюционный период члены одной семьи порой оказывались в противоборствующих лагерях не только добровольно, по своим убеждениям, но и вынужденно, под давлением внешних обстоятельств. Так случалось и в семье Анисимовых: «Во время гражданской войны мой дедушка Михаил Анисимов (ок. 1862–1940) обычно забирался в обоз белых или красных для временного обслуживания их войск как гражданский человек, а дядья мои – Миша, Коля, как военномобилизованные – в действующую армию, и бывало так, что дед, например, и Коля – с белыми где-то воюют против красных, а Миша у красных бьётся с белыми. Военные обеих армий немедленно мобилизовывали попавших им под руку мужчин, почему нередко даже родные братья оказывались у тех и у других, т. к. попадали в армию в разное время, смотря по тому, кто успел их мобилизовать... У дядей Коли и Миши были собственные браунинги, потому что молодёжь после каждой перестрелки ходила по улице и собирала осколки от снарядов, гильзы, пистолеты, шрапнель и прочее.

Я привёл пример из своей семьи, потому что это было наиболее типичное явление в тот период идеологического расслоения в 1920-е годы».

Такова была ситуация в семье Анисимовых, бабушки Павла с материнской стороны, проживавших в те годы в городе Кургане. Но подобное расслоение наблюдалось и в деревне. Когда примерно в 1923 году мать повезла Павла в Малое Дубровное, на родину его отца, Аполлона Сергеевича Сергеева (он, находившийся на военной службе в РККА, в 1920 г. умер в госпитале в Челябинске), Павел увидел расслоение и в их семье.

«У моего родного отца были 4 брата: Иван, Василий, Филимон и Сергей Сергеевичи (последний жил в городе). Поселились мы у дяди Василия Сергеевича, мужчины лет 40. Дом у него большой и хороший в центре деревни... Через день пошли мы в гости к другому дяде – Ивану Сергеевичу. Если Василий Сергеевич считался в деревне середняком (да он и был им), то Иван Сергеевич – кулаком, богатым крестьянином. Домишко у Ивана Сергеевича был очень маленький – не дом, а какая-то избушка, что нас с мамой очень удивило. Так что внешне могло показаться, что это – бедная семья. Но когда мы на завтра с Иваном Сергеевичем поехали в соседнее “двоеданское” село Сумки на ярмарку, то в тележку оказались запряжёнными два

превосходных коня, быстро нас доставивших до места...

На следующий же день мать повела меня знакомиться с последним дядей – Филимоном. Вот где была настоящая нищета! Дети – полуодетые, испитые, квартира – жалкая лачуга. Из разговоров с дядей Филимоном можно было понять, что он никак не общается ни с Иваном, ни с Василием Сергеевичами. Вообще он неодобрительно отзывался о своих братьях. Вот какое получилось имущественное различие и классовое расслоение между родными братьями! А раньше, когда мама жила здесь замужем за моим родным отцом, все Сергеевы жили одной семьей, не были разделёнными. Вот почему, видимо, как мне говорили, у них было много скота, земли и прочего, и они слыли богачами, и хозяином всего был дедушка Сергеев... Так распалась дотоле крепкая семья Сергеевых».

Мемуарист неоднократно отмечает и межнациональную вражду, широко распространенную в Кургане в 1920-е годы.

Неподалеку от дома бабушки Павла, расположенного на улице Скобелева (ул. К. Маркса, напротив Дворца культуры машиностроителей), находились, помимо православной Александровской церкви, молельные дома других конфессий: татарская мечеть (по нынешней ул. Пичугина, между улицами К. Маркса и М. Горького), жёлтое одноэтажное деревянное здание еврейской синагоги (на южном углу современных улиц К. Маркса и Ленина), одноэтажный высокий деревянный сруб дома амбарного типа с одним большим окном вверху – дом «двоеданской», т. е. староверческой, молельни (тоже по южной стороне ул. К. Маркса, во дворе, между улицами Пичугина и Пролетарской). Таким образом, ребята окрестных домов часто наблюдали, «как в определённые дни в свои молельни по улицам тянулись то евреи в своих лапсердаках, то татары с кумчанами (медными умывальниками) в руках, то в каких-то кафтанах двоеданы с волосами в кружок». И проказливые мальчишки дразнили муэдзина, призывавшего правоверных на молитву, кирпичами кидались в евреев, спешащих в синагогу, кричали в окна обидные слова во время их молитвы или хватали за косу китайца («ходя») – точильщика ножей.

«Национализм, как видите, был страшный, – пишет автор воспоминаний, – и поэтому для меня не было обиднее прозвища “татарёнок” (я был толстый, с заплывшей “физией”). Когда я пошел учиться в школу, за мной, как за “татарёнком”, ребята с кирпичами первое время бегали. Но потом они, русские мальчишки, видимо поняли, что я парень – “свой”, русский, а не “бузулук” – и не стали меня травить. Наоборот, с этих пор я сам с ними стал других лупить, например, евреев. Настолько дикие тогда у нас были представления и нравы».

И это не было просто проказами несмышлёных мальчишек: скорее они копировали в своём

поведении то отношение к иноверцам, какое царило среди взрослых в то время. Даже более сознательная молодёжь не была свободна от этих представлений. П. Сергеев пишет: «Мой дядя Иля, юноша уже, “комсомолистый” по идеологии и, казалось бы, поэтому чуждый всякого рода проявлению антисемитизма и прочего шовинизма, тем не менее, не упускал случая показать свою, “русскую”, душу», донимая придирками и насмешками, например, евреев.

Не лучше были взаимоотношения русских с татарами.

«Соседние два квартала от бабушкиного дома на восток (до нынешней ул. Савельева) были заселены татарами. И между ними и нашими русскими шла постоянная и серьёзная война, в которой участвовали все, от мала до велика. Взрослые молодые люди вооружались деревянными щитами, деревянными мечами, булыжниками и шли в атаку – и так бывало очень часто. И это была настоящая драка, с тяжёлыми последствиями.

Помню: меня мать укладывает спать, а на улице раздаются крики: “Алла! Алла!” и глухие удары по заборам и воротам: это татары ворвались в наш квартал и торжествуют победу. А наши взрослые молодцы спасаются по своим и чужим дворам от расплаты. Мои дядья принимали самое непосредственное участие в этих баталиях, и даже дедушка оказывал им косвенную помощь – деловыми военными советами». И поход за молоком через «татарский» квартал с выставленными там «дозорными» всегда грозил дракой восьмилетнему тогда Павлу, который, боясь расправы, отсиживался в канаве под мостом.

Примечательно, что эти отвратительные черты шовинизма и национализма у определённой части населения сохранялись долго в Кургане: ещё в 1930-е годы антисемитизм встречался среди учащихся средней школы и среди взрослых. По свидетельству автора воспоминаний, этот вопиющий шовинизм был характерен для первых лет советской власти, когда «старое лишь внешне сломалось, а по существу мало в чём изменилось».

Впрочем, это было не всегда и не везде. Например, семья Анисимовых была в хороших отношениях с соседями – татарами Гайнуллиными, Павел дружил с братьями Мухаметдзяновыми.

К 1930-м годам молодёжь стала во многом иной, да и старшее поколение стало уживчивее с «чужими». Молодое поколение быстрее преодолеvalo пережитки национализма: ребята вместе учились, вместе участвовали в общественной работе, вместе проводили свободное время, дружили, влюблялись. «Молодёжь в основном была “комсомолисткой” по духу, интернационалистской, чуждой неприязни к другим нациям. Большинство трудящихся, служащих в разных учреждениях, вообще не отделяло русских от других, относилось ко всем одинаково. Советская идеология к 1930-м годам прочно проникла в сознание людей, даже пожилых».

П. А. Сергеев отмечает, что большая и наиболее сознательная часть молодёжи тянулась в пионеры, в комсомол. С большим теплом автор мемуаров описывает годы пребывания в пионерской организации, которые оставили у него самое яркое впечатление из всех его школьных лет.

Первым городским пионерским отрядом Кургана, собранным из двух групп (мальчиков и девочек, организованных К. Шкаевым и Е. Тельминовой соответственно), руководил Валентин Коржев. Быстро разросшийся отряд был вскоре разделён, таким образом появились в Кургане два первых городских пионерских отряда: № 1 – имени Карла Либкнехта и № 2 – имени Розы Люксембург, в который и вступил Павел Сергеев в 1924 году. В том году был бурный рост числа пионеров города. В газете «Красный Курган» в статье «Итоги недели детского движения в городе» (сентябрь 1924 г.) сообщалось, что в городе до «недели» было 4 отряда пионеров, насчитывавших около 200 человек, а после проведения «недели» стало 10 отрядов, общей численностью до 500 человек. Всего же по городу и железнодорожному району числилось 750 пионеров.

П. А. Сергеев отмечает особенную роль В. Коржева в пионерской работе города: «Вся история пионерской организации Кургана была связана именно с Валею Коржевым, интеллигентным юношей лет двадцати. Фактически он её создал, он не один год, как руководитель и как человек, был душой её, был идеалом для всех нас, на него только что не молились ребята – настолько все обожали его... Строем, в форме, с барабаном мы выходили на улицу Троицкую (ныне Куйбышева) или шли по городу... Валя Коржев обычно шел с нами, всегда в форме защитного цвета, в портупее, подтянутый, собранный. Он большое внимание уделял тому, чтобы мы были всегда в пионерской форме, умели хорошо петь, дружно откликаться на приветствие, четко ходить, и надо сказать, что в этом отношении наш отряд был образцовым... Будучи пионервожатым отряда № 1, Валя одновременно был председателем то городского, то окружного бюро Юных Пионеров».

Несомненно, такие яркие личности, как Валентин Коржев, были образцом, служили примером для молодёжи тех лет, им хотели подражать, на них хотели быть похожими. Скучная, однообразная жизнь маленького провинциального города была разбужена яркой, интересной деятельностью пионерских отрядов. Конечно, это производило сильное впечатление на молодёжь, и количество пионерских отрядов неуклонно росло.

«Пионеры ходили строем, с барабаном, звучно распевали революционные и свои пионерские песни (“Взвейтесь кострами, синие ночи”, “Мы – молодая гвардия”, “Пионерская картошка – пионеров идеал”), выезжали в лагеря отдыха, устраивали походы с ночёвками, держали “смычку города с деревней”, т. е. выступали с докладами

и художественной самодеятельностью в ближайших деревнях», отвозили туда собранные книги. Они готовили концерты, маленькие постановки, занимались ликвидацией неграмотности (тогда был лозунг: «Грамотный! Научи одного неграмотного!»), делали небольшие доклады для трудящихся – в клубах, на предприятиях, в начальных школах, распространяли среди населения облигации и лотерейные билеты (например, общества «Добролет») для привлечения дополнительных денежных средств на нужды государства.

«Мы проводили сборы, военизированные походы и военные игры (“Найди знамя”, “Красные и белые”, “Махно и Будённый”), устраивали костры и факельные шествия по городу, к которым мы готовились с большим подъемом, и шествия эти проходили удивительно интересно, с большим количеством зрителей из горожан, располагавшихся по тротуарам города, – рассказывает автор мемуаров. – Тогда народ, в самом широком смысле слова, жил политикой, международной жизнью! И молодёжь, и даже взрослые жили революционной романтикой 1920-х годов. На городские демонстрации (они проводились на Троицкой площади, около городской пожарной) приходил весь город, без принуждения. Шли не строем, а свободно – по тротуарам и улицам сразу. Ораторов слушали с интересом, живо реагировали на их речи. Ходили на всякие собрания, митинги, доклады. Молодёжь подолгу “митинговала” в “Новом мире”. Мы жили этими сборами, факельными шествиями, беседами – всё было интересно. Часто проводились пионерские парады, городские шествия, субботники. Это была радостная эпопея».

Такая насыщенная общественная жизнь, с яркой, броской пионерской атрибутикой, на фоне однообразной, монотонной жизни провинциального города, вызывала большой интерес среди местной молодёжи: «Недаром даже дети нэпманов (а в Кургане в 1920-е годы их было много), ссыльных, торговцев и прочих “бывших” рвались в пионеры, в комсомольцы. Вместе со мной в 1924 году и позднее в пионерах были и дочь мясного торговца Лиза Галямина, и Аня Яковлева, тоже из торговцев, и Ида Модель, из нэпманов, и другие – тогда их принимали, и многие из них потом стали убеждёнными комсомольцами и коммунистами: Аня Соколова (её отец, кажется, был главным бухгалтером владельца мельницы, большого богача Смолина), её брат Витя Соколов, Ася Ревзон (дочь ссыльного еврея из “бывших”)».

Следует отметить, что нередко активистами, борющимися за скорейшую «победу нового мира», от излишнего рвения допускались и серьёзные «перегибы». Проводя активную борьбу с религией, в церковные праздники около Троицкой церкви молодёжь устраивала своеобразные пикеты, участники которых отговаривали взрослых идти в церковь, отвлекали от неё молодёжь, преследовали священнослужителей, верующих, а иные, особенно рьяные активисты, просто вы-

хватывали у верующих куличи, пасхи и убегали с ними и допускали другие хулиганские поступки. Дедушка Павла, придя однажды домой из церкви в день Пасхи, рассказывал, как «осомольцы» у церкви пытались отобрать у него кулич.

Пионеры, комсомольцы и другие активисты отличались и внешне. Так, пионеры всюду – и в отряд, и в школу, и по городу – ходили в своей форме и с пионерским галстуком. Однако во внешнем виде молодёжи, как и во многом другом, тоже допускались «перегибы», порой доходившие до абсурда. «Тогда, в 1920-е годы, нельзя было девушкам носить кольца, бусы, нельзя было танцевать, одеваться изящно, говорить культурно (а обязательно – жаргонно, даже грубо): за это выгоняли из комсомола. В моде были защитного цвета гимнастёрка с портупеей, фуражкой и сапогами (даже у девушек)».

Внешняя политическая обстановка была напряжённой. В тот период в обществе укрепилась уверенность, что в мире назрела революционная ситуация, и очень скоро на фоне всеобщего кризиса произойдут революции в капиталистических странах. Тогда в нашей стране началось массовое изучение эсперанто – международного искусственного языка, чтобы через МОПР (Международная организация помощи борцам революции) поддерживать связь и переписку с рабочими других стран. Интересно, что в Кургане тоже началось это движение: изучающие эсперанто, в их числе и Павел Сергеев, занимались на верхнем этаже почты (по улице Советской, где позднее была музыкальная школа). Но, как известно, в 1930-е годы эсперантисты подверглись репрессиям, и эсперантистское движение в стране заглохло.

Среди населения, в особенности среди молодёжи, в школах и учреждениях, проводились бурные дискуссии о том, будет ли построен социализм в одной, отдельно взятой стране, или это невозможно, как уверяли сторонники Троцкого. И подобные споры не были праздными разговорами: за «троцкистские капитулянтские разговорчики», например, в 1927 году был исключен из 8-го класса, накануне окончания девятилетки, Костя Князев. В его исключении участвовал и Павел Сергеев, который был тогда председателем общешкольного учкома – таковы в то время были взгляды и настроения в обществе. К счастью, это не сломало судьбу талантливого, но «политически незрелого», как тогда считалось, молодого человека: Константин Князев впоследствии стал крупнейшим в СССР инженером-электриком. Именно он восстанавливал после войны ДнепрогЭС, строил Братскую ГЭС и был её бессменным директором (Константин Андреевич Князев – Почётный гражданин г. Братска, первый директор Братской ГЭС, орденоседец, Отличник энергетики и электрофикации СССР).

Но не только молодёжь в те годы стояла на перепутье: даже их наставники, учителя тоже придерживались разных, порой противоположных

убеждений и взглядов. Костяк школьного педагогического коллектива состоял из представителей «старой школы», получивших образование в до-революционных учебных заведениях. Не все приняли новые реалии жизни, не все смогли приспособиться к новым условиям, новым требованиям. Это отмечает и автор воспоминаний: «Такое же расслоение было даже среди преподавателей нашей школы II-й ступени. Аристократ до мозга костей математик Михаил Васильевич Белов (он имел выездного рысака, красавицу-жену, бывшую актрису, жил интересами тотализатора, ипподрома и вряд ли любил советскую власть); вульгарная Е. А. Русинова (биолог); неземная (“идеалистка”, по мнению той же Русиновой) Любовь Васильевна Крючкова (литератор), галантный математик Балакшин (сын здешнего владельца завода – “завода Балакшина”), очень сдержанный, строго официальный в своём отношении к ученикам, был, я думаю, контрреволюционером по своим взглядам, но не высказывал этого; самодовольно всегда улыбающийся своей лоснящейся “луной” физик Черепанов; чудесный литератор, словесник и прекрасный человек Николай Кузьмич Малков; резковатая в манерах, но так и оставшаяся для меня неясной – своею душою – математик Меньщикова Татьяна Степановна, методистка Шалобанова, директор школы, единственный коммунист среди её педсостава, художник Софронов – всё это были разные люди. Среди наших учителей были и политические ссыльные: учительница биологии и преподавательница немецкого языка (не помню уже их имён). Вот почему, насколько я знаю, они даже друг с другом не дружили. Так что расслоение – идеологическое – чувствовалось и среди учителей. Но, к их чести надо сказать, что все эти учителя были лояльны, никаких антисоветских идей ни прямо, ни косвенно среди нас не распространяли, а как преподаватели все они были превосходные».

Пёстрым был социальный состав и учащихся девятых классов школы II ступени: в их числе были и ребята из детдомов, и дети служащих разных рангов (Павел Сергеев, Серёжа Левин, братья Фабульяны, Костя Князев, Витя Соколов и вообще большинство учащихся), и дети коммерсантов, торговцев, «нэпманов», священнослужителей, ссыльных (Ида Модель, Катя Клётская, Аска Ревзон, Лиза Галямина, Вера Посекан, Миля Витоль, Миша Беляев, Шура Полякова), и дети рабочих (Сергей Слизент – из семьи потомственных машинистов, Андрей Дудин, сын церковной сторожихи, и немногие другие).

И среди учащихся так же, как и в обществе в целом, были те, кто сочувствовал новым веяниям, и те, кто не поддерживал перемены, происходившие в стране. По воспоминаниям П. А. Сергеева очевидно, что их автор – явный и убеждённый сторонник новых преобразований, активный участник всевозможных мероприятий как в общественной, так и в культурной жизни

школы и города. Он осуждает тех, кто занимает «агрессивно-обывательскую» или «нейтральную», «аморфную, безличную» позицию, а также тех, кто «ко всему новому настроен откровенно враждебно» или «скрытно, двусмысленно». Он вспоминает: «Среди школьников были индифферентные к вопросам политики, уходящие лишь в свою личную жизнь, в учёбу, их пионерия и потом комсомол не интересовали ничуть. И тут же – Витя Соколов – насквозь идейнейший парень! Умница, отличный ученик и, вместе с тем, большой общественник. И тут же – скрытный Шура Полюлин или совершенно безличный, какой-то серый, бесцветный Панкратов... Ася Ревзон – воплощённая умница, плюс всем она интересуется, во всём участвует, за всё болеет – за “Синюю блузу”, стенную газету, комсомол. И тут же Шура Полякова – милая девушка, красавица и скромница, лучший математик, но ничего её кроме учёбы не интересовало».

Однако не все талантливые, способные и активные старшеклассники смогли впоследствии реализовать себя. Как пишет автор, «основным тормозом для дальнейшего продолжения образования был как раз в это время начавшийся жестокий классовый отбор». Павел окончил девятилетку в 1928 году. В вузы и техникумы сразу же после окончания средней школы попали лишь двое: сам Павел Сергеев и Сергей Слизент – «бесталантный парень, но из семьи потомственных машинистов», так как среди выпускников было много из семей «бывших» – торговцев, нэпманов, ссыльных, священников. «Этот классовый отбор не позволил сразу же поступить в институты многим из ребят, вполне советских, комсомольских по духу и заставил их по 2–3 года «орабочиваться» где-нибудь (Соколову, например). Миля [Эмиль Витоль] с год мотыгой бил дикие камни и мостил улицы в Кургане, а потом – года два на турбинном заводе был рабочим. Многие из-за этого «отбора» вообще так и не получили высшего образования». Частично ситуацию исправляли созданные при школе «уклоны» – педагогический и счетоводный. Окончив их, некоторые девочки пошли работать в учреждения и в начальные школы.

Хочется отметить, что, несмотря на объективные трудности при получении дальнейшего образования, многие ребята впоследствии смогли реализовать себя. П. А. Сергеев с гордостью отмечает: «Из нашей школы вышел ряд потом знаменитых фигур: Леонид Бронтман – известный журналист, автор (вместе с Эль-Регистаном) книги о путешествии в пески Каракумов; Вера Величко – журналистка; Константин Князев – директор Братской ГЭС; крупными инженерами стали Эмиль Витоль, Виктор Соколов; известными работниками просвещения стали: А. М. Полякова (впоследствии директор Курганского областного ИУУ, с 1945 г. – заведующий Курганским горно), С. А. Панкратов (сотрудник Облоно), В. Ф. Юнкина (директор школы № 2) и другие».

Из воспоминаний П. А. Сергеева мы узнаем и о дальнейшей судьбе некоторых первых пионеров и комсомольцев Кургана, в 1920-е годы активно участвовавших в общественной жизни города. В осаждённом Ленинграде до самого конца блокады работала биолог Анастасия Бильденкова – впоследствии кандидат естественных наук, работник Московского Ботанического сада; в различных военных учреждениях и на предприятиях работали Николай Серегин, Александр Бронтман, Филипп Ремезов, С. Уткин и многие другие первые пионеры Кургана. Погиб на фронте Константин Шкаев. После войны в Московском университете преподавали доцент Л. Успенская и профессор Н. Казанцев; в Пермском пединституте ректором был бывший курганец-пионер С. Н. Чумаков; в Куйбышеве работала Е. Галямина; в курганских школах учителями были А. С. Константинова, Л. Г. Кумжа, К. В. Заостровская; в партийных органах работала М. В. Захарова; в горисполкоме – К. Шмулевич.

Таким образом, воспоминания П. А. Сергеева – ценный документ очевидца описываемых событий и реалий 1920-х годов – позволяют глубже узнать жизнь провинциального Кургана того времени, по определению мемуариста, города «мещанского, обывательского по своему составу и в значительной части – по настроению жителей», чьё население в основном было «инертным, аполитичным». Именно в данный период в Кургане особенно активно происходили коренные перемены в общественной и культурной жизни города, обусловленные совершившимися ранее революционными событиями и завершением гражданской войны в стране. Большие изменения происходили также в сознании и мировоззрении горожан. «Часть жителей города скрывала своё негативное отношение к тогдашним реалиям, но среди молодёжи всё больше появлялось активных приверженцев всего нового».

Это расслоение в обществе, затронувшее и общественную жизнь города, и семьи курганцев, и судьбы отдельных горожан, являлось отражением глубинных процессов и базовых изменений, происходивших во всей стране в тот исторический период.

*Н. А. Лушникова,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 52»,
г. Курган*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1967 ГОДУ

С целью повышения эффективности производства в советской экономике была широко распространена такая форма, как социалистическое соревнование.

В Большой Советской энциклопедии под ним понимается массовое движение трудящихся за наивысшие достижения в производстве материальных и духовных благ, за наивысшую производительность труда как решающего условия победы коммунизма [3]. Труженики получали как материальное, так и моральное поощрение через наградную деятельность. Участники социалистического соревнования, добившиеся наивысших результатов, могли быть награждены переходящим Красным знаменем, званием Героя Социалистического Труда и др.

1967 г. для советского общества ознаменовался 50-летним юбилеем Великого Октября. Партийными и советскими органами власти были определены «контрольные цифры» плана. Для достижения плановых показателей по сельскому хозяйству в Курганской области проводилось социалистическое соревнование. Для выявления передовиков производства в каждом полевом стане, районе труженики сельского хозяйства принимали социалистические обязательства по производству молока, зерна, шерсти и других продуктов.

На заседании бюро Курганского обкома КПСС 10 марта 1967 г. совхоз «Красная Звезда» Шадринского района (директор – Г. М. Ефремов) был представлен к награждению орденом Трудового Красного Знамени. Обоснование – успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, укреплении экономики колхоза, увеличении производства и продажи зерна, мяса, молока, яиц и другой продукции в период семилетки и в 1966 г. [2, оп. 293, д. 32, л. 30].

На седьмом пленуме Курганского обкома КПСС, состоявшемся 28 июня 1967 г., было принято постановление об организации информирования промежуточных итогов соцсоревнования. Областные газеты «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец», районные газеты, комитет по телевидению и радиовещанию должны были систематически освещать ход социалистического соревнования по выращиванию кормовых культур и созданию прочной кормовой базы для развития скотоводства. Помимо этого, обобщать, вскрывать недостатки и оказывать помощь в их устранении партийным организациям [2, оп. 293, д. 8, л. 13].

12 августа 1967 г. на областном совещании по вопросу уборки начальник Мишкинского производственного управления Кривошёков выступил

с докладом, в котором подвёл итоги соцсоревнования в районе. Во время проведения уборочных работ были направлены 105 политинформаторов и 21 партийная группа. На всех станах и в тракторных бригадах были установлены агитпункты для подведения итогов за каждую пятидневку, результаты показывали на Доске почёта – размещали лучших передовиков на уборке урожая. Каждый совхоз Мишкинского района имел премиальный фонд 1967 г. Директора совхозов и правления колхозов разработали систему оплаты труда для особо отличившихся механизаторов на уборке. Непосредственно в поле им вручали денежную премию от 5 до 10 руб. за качественные показатели в работе [2, оп. 293, д. 22, л. 34]. Публичное материальное поощрение имело для работников сельского хозяйства стимулирующий эффект для дальнейшей продуктивной трудовой деятельности.

Бюро Курганского обкома КПСС в 1967 г. обсуждало ежеквартально вопросы выполнения плана продажи продуктов животноводства государству. Рост производства представим в форме таблицы 1.

Таблица 1 – Сверхплановая продукция животноводства за 9 мес. 1967 г.

Произведено сверхплановой продукции животноводства	I квартал 1967 г.	I полугодие 1967 г.	9 мес. 1967 г.
Мясо	11,7 тыс. т	15,6 тыс. т	15,4 тыс. т
Молоко	23,4 тыс. т	51 тыс. т	50,1 тыс. т
Яйцо	11 млн шт.	13 млн шт.	18,1 млн шт.
Шерсть	-	115 т	268 т

Увеличение связывалось с весенне-летним периодом, когда животные паслись на полях, ели свежую траву. Это позволило добиться высоких производственных показателей.

17 апреля 1967 г. были подведены итоги первого квартала 1967 г. План продажи государству животноводческой продукции был выполнен досрочно 14 марта. Все колхозы и совхозы Катайского, Мокроусовского, Сафакулевского, Шатровского районов успешно справились с квартальным планом продажи всех видов животноводческой продукции. Однако имелись и отстающие хозяйства: например, 18 колхозов и совхозов Курганской области не выполнили план по продаже мяса и яиц, 13 хозяйств – по продаже молока; в Целинном районе из 17 хозяйств не выполнили план 5, в Притобольном из 15 – 4 [2, оп. 293, д. 38,

л. 4–6]. Эти хозяйства были малорентабельны.

28 июля 1967 г. на заседании бюро Курганского обкома КПСС подводили итоги социалистического соревнования по производству и продаже продуктов животноводства за первое полугодие 1967 г. Все районы, 195 колхозов, 78 совхозов и 12 откормочных совхозов успешно выполнили полугодовой план продажи государству по всем видам продуктов животноводства. В Далматовском, Куртамышском, Мокроусовском, Сафакулевском, Шадринском, Щучанском и Юргамышском районах с планом справились все колхозы и совхозы.

Вместе с тем 20 колхозов и совхозов Курганской области не выполнили план по продаже мяса, 14 – молока, 25 – яиц и 6 – шерсти. В Петуховском районе из 16 хозяйств лишь 7 выполнили план продажи продуктов животноводства по всем видам, в Белозерском соответственно из 15 – 7, в Целинном из 17 – 11, в Мишкинском из 14 – 9 и в Макушинском из 15 – 10 [2, оп. 293, д. 50, л. 11–12].

10 октября 1967 г. на заседании бюро Курганского обкома КПСС подводили итоги социалистического соревнования по выполнению плана производства и продажи продуктов животноводства за 9 месяцев 1967 г.

Все колхозы и совхозы Далматовского, Каргапольского, Катайского, Куртамышского, Лебяжьевого, Мокроусовского, Сафакулевского, Шатровского, Шадринского и Щучанского районов успешно выполнили трёхквартальный план продажи государству по всем видам продуктов животноводства.

Отметим, что 1 октября 1967 г. выполнили годовой план закупок мяса 67 хозяйств, Далматовский и Кетовский районы, молока – 138 хозяйств, Куртамышский, Лебяжьево-вский, Мокроусовский, Шадринский и Щучанский районы, яиц – 17 районов и 147 хозяйств, шерсти – 19 районов и 200 хозяйств. В целом 26 колхозов и совхозов выполнили годовые планы продажи всех видов животноводческой продукции.

Вместе с тем 39 колхозов и совхозов не выполнили план 9 месяцев по продаже мяса, 23 – молока, 19 – яиц, 21 – шерсти. В Белозерском районе по всем видам трёхквартальный план выполнили только 5 хозяйств из 15, в Кетовском, в Петуховском – соответственно 8 из 16, в Половинском – 6 из 12, в Целинном – 8 из 17 [2, оп. 293, д. 62, л. 11–12].

Определялись победители областного социалистического соревнования. Обобщённую информацию о них представим в таблице 2.

За достижение высоких показателей в производстве и продаже государству мяса, молока и яиц районы и отдельные хозяйства заносились на областную Доску почёта и награждались Почётными грамотами обкома КПСС и облисполкома. Переходящие Красные знамёна и Почётные грамоты обкома КПСС и облисполкома получали районы и хозяйства, занимавшие первые места в областном социалистическом соревновании.

10 октября 1967 г. на заседании бюро обкома было поручено райкомам КПСС, райисполкомам, производственным управлениям, первичным партийным организациям, руководителям колхозов и совхозов усилить работу среди работников животноводства для дальнейшего повышения продуктивности общественного стада, снижения себестоимости продукции и досрочного выполнения годовых обязательств по продаже продуктов животноводства высокого качества каждым хозяйством [2, оп. 293, д. 62, л. 11–12].

8 сентября 1967 г. на заседании бюро Курганского обкома КПСС обсуждался вопрос организации праздника – Всесоюзного Дня работников сельского хозяйства. Отмечалось, что хозяйства Целинного, Притобольного, Лебяжьево-вского, Альменевского, Половинского районов закончили косовицу зерновых культур. Совхозы Усть-Уйский, «Южный», Камаганский, Березовский; колхозы «Могучий» Альменевского, «Искра» Целинного, «Маяк» Половинского районов полностью завершили уборку хлебов. Подчёркивалось, что необ-

Таблица 2 – Победители социалистического соревнования по итогам трёх кварталов 1967 г.

Победители	I квартал 1967 г.	I полугодие 1967 г.	9 мес. 1967 г.
Занесение на областную Доску почёта, награждение Почётной грамотой обкома КПСС и облисполкома	Белозерский, Сафакулевский, Шатровский и Шадринский районы, 15 совхозов, 35 колхозов, 2 откормсовхоза треста «Скотооткорм»	Далматовский, Куртамышский, Сафакулевский, Шадринский, Шатровский, Щучанский и Юргамышский район, 18 совхозов, 36 колхозов, Шадринский откормочный совхоз	Далматовский, Каргапольский, Катайский, Куртамышский, Лебяжьево-вский, Сафакулевский, Шадринский, Шатровский и Щучанский районы, 23 совхоза, 56 колхозов, 2 откормочных совхоза
Первое место в областном социалистическом соревновании	Шатровский район, совхоз Комсомольский Половинского района, колхоз им. Ленина Кетовского района	Сафакулевский район, совхоз «Камаганский» Куртамышского района, колхоз им. Жданова Сафакулевского района	Куртамышский район, колхоз им. Калинина, совхоз «Притобольный» Притобольного района

ходимо было выполнить социалистические обязательства по продаже государству 95 млн пудов хлеба [2, оп. 293, д. 56, л. 2–4].

24 октября 1967 г. на заседании бюро Курганского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся обсуждались итоги социалистического соревнования районов за успешное проведение уборки урожая и хлебозаготовок. Труженики колхозов и совхозов вырастили по 15,3 ц с гектара зерновых культур. Передовиками стали хозяйства Катайского района, которые собрали по 17,9 ц с гектара, Шадринского – по 17,7; Альменевского – по 17,5; Далматовского – по 16,9; Сафакулевского – по 16,5. Курганская область успешно выполнила социалистические обязательства – государству было продано 95,2 млн пудов зерна.

За организованное проведение уборки урожая, выполнение плана и сверхплановую продажу хлеба государству Альменевский, Притобольный и Половинский районы в целом, а также 8 совхозов и 11 колхозов были награждены переходящими Красными Знамёнами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС (Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов).

Победителями областного социалистического соревнования стали Макушинский и Сафакулевский районы. Они были награждены переходящими Красными Знамёнами обкома КПСС и облисполкома. Хозяйства Макушинского района продали сверх плана 35,8 тыс. т зерна (150,4 % от плана), Сафакулевского – 24,2 тыс. т зерна (146,9 % от плана) [2, оп. 293, д. 66, л. 33].

Среди откормочных совхозов треста «Скотооткорм» в юбилейном 1967 году было также организовано социалистическое соревнование. Были поставлены задачи досрочного выполнения производственных планов за счёт осуществления следующих мер: повышения эффективности общественного производства, роста производительности труда, всемерной интенсификации сельскохозяйственного производства, экономики и бережливости, внедрения новейших достижений науки и техники, укрепления социалистической дисциплины труда и организованности. Дирекция треста «Скотооткорм» издавала бюллетень-плакат, где освещались ежеквартальные итоги соревнования коллективов и рабочих.

Учреждалось переходящее Красное Знамя для коллективов откормочных совхозов, установлено 10 премий (именные золотые часы и другие ценные подарки) для работников откорма скота и полеводства, добившихся наиболее высоких производственных показателей. С 1 января 1967 г. вводилось почётное звание «Мастер откорма скота» для рабочих откормочных совхозов. Его могли получить свиноводы и свиноводы, которые добились получения среднесуточных привесов за год не менее 550 г на голову, а также скотники-пастухи – не менее 800 г, кормачи, откармливавшие крупный рогатый скот на барде, – не менее 900 г [1, оп. 1, д. 164, л. 4–7].

Таким образом, организация социалистического соревнования в производстве продукции растениеводства и животноводства имела не только материальный, но и моральный эффект. Для досрочного выполнения и перевыполнения плановых показателей данная форма способствовала мобилизации трудовых ресурсов для повышения производительности труда, ответственного отношения к результатам деятельности. Возможность получить ценные подарки и дефицитный товар стимулировала социалистическое соревнование.

Библиографический список

1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1918 (Курганское областное производственное объединение («Курганскотопром») по доращиванию и откорму крупного рогатого скота на промышленной основе (ПО «Курганскотопром»)).

2 Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 166 (Курганский областной комитет КПСС).

3 Погребной Л. И. Социалистическое соревнование / Л. И. Погребной // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1976. – Т. 24, кн. 1. – С. 240–241. – URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/74103-Социалистическое%20соревнование> (дата обращения: 30.03.2023).

НАРОДНЫЕ (КРЕСТЬЯНСКИЕ) ИКОНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Коллекции икон государственных музеев Курганской области дают представление о тенденциях в иконописи и церковной живописи позднего периода работы монастырских и городских иконописно-иконостасных мастерских. Они состоят в основном из произведений XIX – начала XX века.

В сёлах Курганского, Ишимского, Ялуторовского уездов Тобольской губернии с их преимущественно крестьянским населением даже в первой половине XIX века ощущалась нехватка иконописцев и иконостасных мастеров. В конце XVIII – начале XIX века иконописанием занимались в основном приходские священники. Например, Чемесов из села Шкодского Курганского уезда (1774), дьяк С. Неводчиков из Курганской Троицкой церкви (1810-е годы). Но оживление церковного строительства в Сибири и рост заказов привлекли иконописцев и живописцев из других губерний (Пермской, Уфимской, Пензенской, Орловской). Они создавали в основном живописные произведения «в духе православной Церкви».

Официальная церковь при украшении церквей в синодальный период (Синод учреждён Указом Петра I в 1721 году) всё больше стала зависеть от светских форм жизни и искусства. Постепенно, особенно после строительства в Санкт-Петербурге Казанского и Исаакиевского соборов в первой половине XIX века, она отходит от традиционных форм иконописи к так называемой религиозной живописи. Профессиональные художники, закончившие Академию художеств и другие учебные заведения, стали использовать западные и афонские гравюры, светотеневую моделировку, разные художественные средства светской живописи и даже иногда изменять или варьировать иконографию. Таким образом, искусство официальной Церкви отделилось от древнерусского и от старообрядческого тоже.

Часть коллекции художественного музея – это старообрядческие иконы, выполненные в древнерусских традициях, образцы иконописания «взниковцев» (крестьян Взниковского уезда Владимирской губернии), а также продукция местных крестьян-«богомасов». В основном это произведения иконописи конца XIX – начала XX века.

В старообрядческой среде берегли древние традиции. Так, крещёный в старообрядческой часовне на Рогожском кладбище Иосиф Кузьмич Бородин и Лука Прямов из Богородского уезда Московской губернии в конце 1840-х – 1850-х годах проживали в деревне Белоноговой Куртамышской волости Челябинского уезда и писали иконы «на старинный манер», одновременно занимаясь ро-

списью прялок, сундуков и других бытовых вещей [3, с. 259, 318].

Ещё одним подтверждением сказанного могут быть архивные материалы, рассказывающие о работе в деревне Могильной Утечьей волости в начале 1850-х годов иконописца Стефана Григорьевича Речкина из села Романовского Шмаковской волости Курганского округа. Речкин то именует себя единоверцем, то пишет: «Я научился писать иконы от своих предков, пишу только по старообрядческим церквям и в дома старообрядцев» [1, оп. 1, д. 125, л. 121–122]. В селе Романовском жили единоверцы и раскольники «стариковщинской секты», перешедшие от поповской к беспоповской практике [2, оп. 1, д. 6, л. 116].

Среди старообрядцев (особенно поморцев) большой популярностью пользовались иконы строгановско-московской линии, «северных писем», «мстерские», стилизованные «под старинные». Привозились они из Москвы, с Выга (через уральскую деревню Таватуй). Некоторые иконописцы из Московской губернии (район знаменитых Гуслиц, где селились поповцы, а с 1846 года после возникновения Белокриницкой епархии – «австрийцы»), из Поволжья и других мест, переезжая в наш край, продолжали заниматься здесь творчеством.

У старообрядцев, в большинстве по сословию крестьян, были свои способы приобретения икон. Один из них в начале XX века – заказ московским, петербургским, екатеринбургским мастерам, работавшим в «греческом» стиле. Например, жители села Савино Курганского уезда при строительстве единоверческой часовни в 1905 году обращались к фабрикантам церковных вещей Н. Д. Волхонскому в Санкт-Петербурге, Н. В. Немирову-Колодкину, Я. В. Витачьеву, И. А. Слонову и Товариществу П. И. Оловянишникова в Москве, работавшим в разных стилях, в том числе в «греческом» (иконописном). Курганская община старообрядцев-поморцев имела постоянные связи с Преображенским кладбищем в Москве, приобретая там иконы в «строгановском» и «московском» стилях, литые кресты и складни. В Курганском областном художественном музее хранится лицевой рукописный сборник на крюках, надпись на котором свидетельствует также о связях старообрядцев поповских согласий с центром Гуслицы Богородского уезда Московской губернии. Таким образом, поддерживались постоянные связи разных согласий со старыми центрами.

Старообрядческие иконописцы из Московской и других губерний селились на Урале и за Уралом: в Челябинском, Курганском, Ялуторовском уездах, где старообрядческо-крестьянского населения

было очень много. Так, московские крестьяне-старообрядцы Александр Демидович Гусев и Иван Фёдорович Чернышев, проживающие в деревне Гилевой Томиловской волости Ялуторовского уезда (1860-е годы), занимались хлебопашеством и иконописанием, а также врезанием медных образов в иконы [1, оп. 1, д. 24, л. 14, 15, 17].

У старообрядцев часовенного согласия Зауралья была сильна связь с невьянскими, нижнетагильскими и другими уральскими центрами, привозилось много икон, выполненных невьянцами, а некоторые иконописцы обучались у них. Группе таких икон присущи насыщенный колорит, обилие золота и другие признаки.

Старообрядческие иконописцы не только соблюдали стилистику и технологию изготовления икон, присущие предкам, но и отдавали предпочтение отдельным сюжетам, особенно важным в религиозном смысле.

Один из аспектов христианского богословия (нравственный) раскрывает систему моральных установок, которые христианину нужно выполнять для достижения спасения души. Идея этого спасения через терпение, молитву, мученичество звучит, например, в иконе «Кирик и Улита, со сценами жития» (1800, КОХМ). На ней изображены сцены мученичества и усекновения главы святых мучеников Улиты (на иконе надпись: «Иулита») и её маленького сына Кирика.

Но ещё более ярко она раскрывается в многочисленных иконах «Воскресение-Сошествие во ад, с Праздниками». Праздник в честь Светлого Воскресения Христова (Пасха) – величайший из христианских праздников. В композиции икон на эту тему присутствуют три мира – прошлое, настоящее и будущее, соединяясь в христианскую идею спасения. Христос стоит над разверзшейся землей – миром умерших, выводя пророков из ада. Вверху изображается сцена введения спасенных в рай – это образ будущего. В клеймах показаны двенадцатые Праздники годового цикла.

Идея духовного преображения через «жизнь во Христе» в народном восприятии выражалась понятием «жить благочестиво». Для православных крестьян характерно ощущение соборности. Вместе работали в поле, вместе стояли на молитве в храме, общиной отмечали тот или иной праздник, даже семейные торжества (например, свадьбу) порой справляли всем селом. Святые-заступники в народном восприятии во время молитвы тоже как бы предстояли вместе с людьми перед Богом.

Старообрядческие иконописцы (и городские, и сельские) учились у предков своих – то есть в основном это были семейные мастерские, где отцы учили детей обрабатывать и золотить доски, писать разные сцены и святых. Народные (крестьянские) иконописцы учились у таких, как упомянутые Бородин и Прямов, Чернышев и Гусев, или у разъезжающих по селам иконописцев-ремесленников, принимающих заказы, а после окончания полевых работ выполняющих их. Благоприятное

для народных иконописцев время наступило после отмены крепостного права при императоре Александре II, а особенно ближе к концу XIX века.

В конце XIX – начале XX века местные иконописцы из крестьянского сословия, имевшие склонность к иконописанию, но не обладавшие достаточным профессиональным мастерством, создавали иконописные примитивы. Это группа неофициального, никем не контролируемого искусства (в отличие от произведений, созданных профессиональными живописцами по договору, которые освидетельствовала Духовная консистория). Писались иконописные примитивы крестьянами для крестьян и бытовали в народной среде. В них традиции и канон соединились с приёмами народной живописи, крестьянские иконы воплощали народное представление о красоте.

На иконах, написанных народными мастерами, письмо более простое, чем даже у полупрофессионалов, количество фигур сокращено. Но иконографический канон соблюдается почти полностью. Почти – потому что встречались и отступления (по желанию заказчика или самого иконописца). Так, на обороте одной из икон сюжета «Воскресение-Сошествие во ад, с Праздниками» из художественного музея кроме имени и фамилии заказчика процарапано: «Полницу (т. е. полный состав Праздников)... Михаил...» И, действительно, среди двенадцатых праздников в одном из клейм изображён архангел Михаил – воевода на красном огненном коне.

А иногда эти иконографические отступления от традиции даже радуют и удивляют. Например, несколько лет назад в Курганский областной краеведческий музей поступила икона «Богоматерь Одигитрия» конца XIX века, в которой представлен древний вариант иконографии Одигитрии (Путеводительницы) в рост, о котором пишет в своей книге «Иконография Богоматери», изданной в С.-Петербурге в 1914–1915 годах, знаменитый специалист по византийскому искусству Н. П. Кондаков. К изображению «Одигитрии» по пояс, как бы сидящей на троне, весь православный мир привык: в них Мария поддерживает младенца Христа (это Богоматерь Смоленская, Тихвинская и другие). А на древнем (византийском) варианте изображения Одигитрии Мария держит Богомладенца на левой руке. Такое же изображение использовали в древности на византийских печатях. По рассказу жителей села, где бытовала эта икона, её написал пришедший откуда-то старый иконописец-старовер.

На полях другой иконы – «Богоматерь Знамение» из музея «Природы и Человека» в городе Ханты-Мансийск кроме традиционного изображения ангела-хранителя можно увидеть ангела смерти. По надписи на обороте видно, что автор имел в виду архангела Михаила в соответствии с представлением о нём как о защитнике христиан от злых сил на земле и в загробном мире. Это тоже редчайшая иконографическая особенность.

Богоматерь Одигитрия. Конец XIX - начало XX в.
Курганский областной краеведческий музей

Богоматерь Троеручица. Конец XIX в.
Курганский областной художественный музей
им. Г. А. Травникова

Вход в Иерусалим. Конец XIX - начало XX в.
Курганский областной художественный музей
им. Г. А. Травникова

Положение во гроб. Конец XIX - начало XX в.
Курганский областной художественный музей
им. Г. А. Травникова

Избранные святые Григорий Богослов, Василий Великий и
Иоанн Златоуст. Семейная мастерская Г. Ф. Шалавина.
Конец XIX – начало XX в. Курганский областной
художественный музей им. Г. А. Травникова

Рисунок 1 – Народные (крестьянские) иконы XIX – начала XX века

Но в целом умеренный консерватизм был характерен для крестьянской среды, а традиция была главным источником передачи социального опыта. Поэтому большую роль играли обряды, праздники. Праздники, отмечаемые по церковному календарю, связывались с сельскохозяйственными работами, с аграрным календарём. Традиционность чувствуется не только в использовании определенной иконографии, но и в технологии – писали темперой по левкасу на дереве (правда, иногда вместо холстяной паволоки использовали бумагу).

Небольшие домовые иконы можно было писать дома, не имея специально оборудованной мастерской. Образа в один–два лика пишутся быстро, многофигурные (Праздники и другие) – дольше.

На оборотах икон, изготовленных на продажу, часто можно видеть процарапанные, порой с сокращениями и ошибками надписи. Например, на иконе «Архангел Михаил – воевода»: «Кондинско Михайло Иванович Черношовъ Михаила архан... на коне 50 коп» (т. е. село Кондинское в Шадринском уезде на реке Исеть). На обороте иконы «Четырёхчастная с Распятием: Богоматерь Казанская, Никола Чудотворец, Чудо Георгия о змие, Чудо о Дмитриии Солунском, с ангелом-хранителем и св. Капиталиной на полях» конца XIX – начала XX века надпись: «Алексеевне портнихе; в читвертьяхъ Казанску Николу Егорья Демитрия на коняхъ среди Распятие; Всю по золоту; на поля (при) (т. е. приписных святых) Капиталину женску хранителя»; 20 и три овала с палочкой /50; монограмма «ЯК»; на правом торце: «се (село) Икоское».

Эта надпись говорит о следующем: заказчица – портниха из села Иковское Курганского уезда – заказала приезжему иконописцу с инициалами «Я. К.» написать икону «Распятие» с четырьмя сценами, на полях приписные – святая Капиталина и ангел-хранитель, за конкретную сумму в рублях и копейках. В народной иконе фраза «всю по золоту» означает, что нужно сделать на фоне и полях металлическую (дешёвую) подкладку и покрыть лаком, получится эффект золота.

Ещё одна особенность: на большинстве икон, написанных крестьянами, используется двуперстное перстосложение.

Крестьянские иконы из фондов государственных музеев Курганской области (художественного и краеведческого) объединяет место прежнего бытования (территория современной Курганской области, бывшие Курганский, Ялуторовский, Ишимский уезды Тобольской губернии, Шадринский уезд Пермской губернии, Челябинский уезд Оренбургской губернии). В результате этого в них можно группировать, находить объединяющие и самобытные черты.

В обеспечении крестьян иконами и в художественной жизни Урало-Сибирского региона достаточно большую роль сыграли жители

Вязниковского уезда Владимирской губернии, куда входили знаменитые иконописные сёла Палех, Мстера, Холуй, город Вязники. Они развозили свои изделия по всей России, в том числе за Урал. Но кроме высокохудожественных произведений «вязниковцы» делали и иконки попроще. Мстерские, холуйские иконописцы писали так называемые «краснушки», являвшиеся своеобразной живописной скорописью профессионалов, и привозили их возами в Сибирь. Они писались быстро, в большом количестве.

Эти иконы без лишней детализации, написанные красками трёх-пяти цветов с преобладанием оранжевого и охры, пользовались большой популярностью у крестьян, так как были понятны и доступны по цене. При всей своей простоте «краснушки» вязниковских иконописцев сохраняли классическую чёткость композиции, монументальность, цветовую гармонию, плавность линии.

В «вязниковских» иконах встречается ещё один художественный приём. Богоматерь «Троеручица» изображена в одеждах, в которых использован цвет металлической подкладки с крупным растительным орнаментом, на нимбе – гравированные цветы. А просветы в орнаменте окрашены синей и бордовой красками.

Может быть, не случайно «вязниковцы» нашли такую форму иконописания, как «краснушки» – достаточно простую, но выразительную. Иконы имеют общие черты. Видя у соседа или родственника такую икону, крестьянин заказывал приезжему «вязниковцу» или местному самоучке такую же. Местные крестьяне, в свою очередь, стали писать такие «краснушки». Были они менее мастеровитые, но трогательные. На них святые больше напоминают простых крестьян с грубоватыми лицами, разделка одежд выполнена или грубовато, или чёрными штрихами.

Сюжет «Положение во гроб» дан в крестьянской иконе по типу «Оплакивание Христа» («Не рыдай мене, мати»): Богоматерь изображена с поднятыми руками в древней позе моления перед снятым с креста и лежащим на плащанице Христом. Лик с резкими чертами и припухшими веками («очками»), нимбы в виде чёрного контура. Поля – оранжевые, на фоне сверху металлическая подкладка – это сфера небесная, а нижняя часть фона тоже оранжевая – земная.

Некоторые из «вязниковцев» переселились на жительство в Урало-Сибирский регион. В 1870-х годах в село Каргапольское Шадринского уезда приехал из Холуйской волости Вязниковского уезда Владимирской губернии Георгий Шалавин. Вместе с сыновьями Вячеславом (род. 1875), Михаилом (род. 1884), Александром (род. 1887) он занимался иконописным промыслом. В Каргапольском краеведческом музее хранится паспортная книжка, выданная старшиной Холуйской волости Вячеславу Шалавину, в которой указан род его занятий – «иконописец».

Месяца по три «богомазы» Шалавины писа-

ли иконы, а затем ехали продавать их (возами) в Курганском, Челябинском, Шадринском и других уездах, бывали в Тобольске. Ездили на родину, родственники также неоднократно навещали семью, привозя иконы из Холуя в Зауралье.

Потомственные холуйские иконописцы Шалавины писали иконы и на рынок, и по заказам, для единоверческих церквей и в домашние молельные. На территории Курганской области сохранилась целая группа из более сорока произведений этой семьи. На обороте некоторых из них процарапано: «Ш. М, В». Надпись на обороте иконы «Богоматерь Знамение» из фондов Ханты-Мансийского музея, поступившей туда с территории Курганской области: «Михаил Шалави...» (далее неразборчиво), ещё раз подтверждает принадлежность этой группы семейной мастерской Шалавиных.

В мастерской Г. Шалавина написана икона «Избранные святые Григорий Богослов, Василий Великий и Иоанн Златоуст», на которой изображены Отцы церкви, епископы IV – начала V века, авторы толкования святого писания. Но их фигуры приземисты, крупноголовые, на ногах сапожки как валенки, а стоят они на позёме в виде деревянного пола, как будто в какой-нибудь сельской русской церквушке.

В конце XIX – начале XX века из-за социальных и других причин снижается художественный уровень не только народных икон, но и у невянских и других иконописцев упрощаются приёмы письма. Вместо золота всё чаще используется серебро или металлическая подкладка типа фольги. И в этом смысле наш регион являлся фрагментом общей картины.

Библиографический список

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-235 (Тобольская духовная консистория).
- 2 ГАКО. Ф. И-17 (Вознесенская единоверческая церковь с Романовского Курганского уезда Тобольской губернии).
- 3 Уральская икона : живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. : альбом / авт.-сост. Ю. А. Гончаров [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. – 352 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Л. СКАЛОЗУБОВА В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ

Николай Лукич Скалозубов оставил заметный след в истории Кургана и Курганской области. Именно благодаря его трудолюбию, усердию и огромным усилиям г. Курган смог стать чем-то большим, чем удалённый от центра России сибирский городок, который использовали как место ссылки. Ему удалось найти в Зауралье товарищей и единомышленников, которые помогли в его неустанной просветительской и организационной деятельности.

Н. Л. Скалозубов родился 29 октября 1861 года в простой мещанской семье в городе Костроме. Когда он овладел азами грамоты под началом своей матери и получил начальное образование в приходском и уездных училищах, он окончил среднюю школу по механико-техническому отделению Костромского реального училища [7, с. 1–3]. После окончания этого училища в 1881 году Н. Л. Скалозубов отправился в Москву и поступил в Петровско-Разумовскую академию (ныне – Российский государственный университет имени Тимирязева) [12, с. 6–7]. Вскоре после выпуска из Академии в 1886 году он был приглашён на земскую службу в Красноуфимский уезд Пермской губернии, где проработал до 1892 года, занимая должности агрономического смотрителя, страхового агента, земского статистика, а также секретаря и заведующего статистическим отделом Красноуфимской земской управы [12, с. 11].

Спустя два года он был приглашен на должность губернского агронома в Тобольск, где стал одним из самых активных участников в деятельности недавно созданного Тобольского губернского музея и редактором его печатного органа «Ежегодник Тобольского губернского музея» [12, с. 7]. Друг и биограф Н. Л. Скалозубова В. Н. Пигнатти справедливо отмечал, что тот как бы вдохнул жизнь в тихое и незаметное существование музея, сумел не только организовать научную работу, но и привлечь к финансированию купцов Тобольска, которые занимали значительное место среди попечителей музея [7, с. 49].

В качестве агронома ему приходилось довольно много ездить по южным сельскохозяйственным уездам Тобольской губернии [12, с. 12]. В Курганском уезде он не только удостоился тёплого приёма, но и встретил группу единомышленников, которые стали его друзьями и весьма активно помогали в его просветительской деятельности. В их числе стоит упомянуть А. Н. Балакшина, А. П. Ванюкова, В. Ф. Сокульского. Вместе с Н. Л. Скалозубовым они оказались у истоков сибирского маслоделания.

Важным этапом в просветительской деятельности губернского агронома стала организация им Сельскохозяйственной и кустарной выставки в Кургане. Находясь по долгу службы в разъездах по Тобольской губернии, он обратил внимание на низкий уровень знаний местных крестьян о современной агрокультуре, скотоводстве, кормовой базе. Скот приходилось кормить соломой, поскольку, при всём обилии лугов, сена не хватало, а из-за дефежа сенокосных угодий были нередки столкновения между целыми деревнями [4, с. 157]. Вместе с тем Н. Л. Скалозубов отмечал, что сибирские крестьяне очень смыслены, чутко относятся к разного рода усовершенствованиям в орудиях труда; среди них много инициативных людей [5, с. 72]. Таким образом, необходимо было показать эти качества, помочь развитию инициативы и содействовать просвещению местного населения. Этим целям и служило проведение Сельскохозяйственной выставки в 1895 г., т. е. вскоре после того, как в Курган пришла железная дорога. Исследование этого важного мероприятия, проведённого во многом благодаря Н. Л. Скалозубову, не входит в задачи данной статьи. Вместе с тем необходимо отметить, что она имела широкий резонанс, её посетил министр земледелия А. С. Ермолов и другие крупные столичные чиновники. Сельскохозяйственная выставка как бы «открыла» Зауралье остальной России и миру. В своём отчёте Н. Л. Скалозубов отмечал, что выставка впервые показала – Западная Сибирь не только является местом ссылки, но превращается в место, пригодное для интенсивного развития земледелия. Выставка имела большой успех: её посетили до 15 тыс. человек, некоторые её экспонаты были представлены на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. [11].

Наряду с этим следует сказать, что в ходе выставки происходил активный обмен знаниями среди крестьян и местных кустарей. В частности, было отмечено, что зауральское крестьянство стало активнее использовать новый сельхозинвентарь, наблюдался переход от старой сохи к плугу, использованию других приспособлений (веялки, сеялки), которые облегчали труд земледельца и повышали его эффективность. Первоначально их изготовление находилось в руках кустарей, но уже в первое десятилетие XX века всё чаще стали распространяться приспособления заводского производства. Наибольшей популярностью в 1910-х гг. пользовались плуги Сакка, сеялки и культиваторы [4, с. 158]. Кроме того, более активно стали внедряться новые породы молочного скота, улучши-

лась кормовая база, что привело к повышению качества молока и его жирности [5, с. 72–73].

Вскоре после выставки 1895 года инициативной группой, которую возглавил Н. Л. Скалозубов, было решено создать в Кургане отдел Московского общества сельского хозяйства. «Мысль об открытии в г. Курган сельскохозяйственного общества возникла среди лиц, работавших при устройстве в 1895 году, в названном городе 1-й сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки... Учреждение сельскохозяйственного общества осуществилось спустя два года после выставки, то есть в 1897 году. Группа местных общественных деятелей во главе с курганским купцом Александром Николаевичем Балакшиным и Тобольским губернским агрономом Николаем Лукичем Скалозубовым обратилась с ходатайством в Министерство земледелия и государственных имуществ об учреждении в г. Курган 1-го Тобольского Отдела Императорского Московского Общества сельского хозяйства» [13, с. 3]. Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства (КО МОСХ) под руководством Н. Л. Скалозубова и А. Н. Балакшина развил бурную просветительскую деятельность, которая была в числе главных его задач. Проводились выездные лекции с демонстрацией аграрных новшеств, создавались библиотеки и читальни, позднее начали использовать волшебные фонари (разновидность фильмоскопа) и даже кинематограф [5, с. 73].

В связи с началом развития сибирского маслоделия возник вопрос о подготовке инструкторов, которые передавали полученные знания и, говоря современным языком, продвигали новые технологии в животноводстве и растениеводстве. А. П. Ванюков – один из инициаторов создания КО МОСХ – отмечал, что в настоящее время, когда маслоделие в Сибири получило очень сильное распространение, масла вырабатывается огромное количество, а владельцы маслодельных заводов начинают обращать особое внимание на технику производства, стараясь поставлять масло возможно лучшей выработки. Это стремление нельзя не приветствовать, так как, вместе с частичным улучшением, масло отдельных заводчиков улучшается под влиянием конкуренции. Сибирское масло должно занять подобающее место на иностранных рынках [2, оп. 1, д. 2, л. 17]. Этому стремлению Н. Л. Скалозубов содействовал всякими доступными ему способами: проектами молочных школ, привлечением людей к масляному ремеслу, выделением финансирования и т. д.

Главными причинами несовершенства техники маслодельного производства считалось отсутствие в Сибири мастеров-маслоделов, получивших научную подготовку. Однако здесь уже стартовала разработка специальных школ молочного хозяйства под руководством Н. Л. Скалозубова и А. Н. Балакшина. Одна из первых таких школ должна была появиться в Кургане.

Этот проект удалось реализовать не сразу, поскольку ещё не было ясно, какой участок выбрать для постройки молочной школы, Н. Л. Скалозубов считал, что «необходимо продолжить работы по отысканию годного для сего участка казённой земли» [2, оп. 1, д. 2, л. 17].

Именно с этой целью Николай Лукич (по материалам Тобольского губернского управления государственными имуществами) подобрал ряд участков, расположенных рядом с железной дорогой, приложив краткие сведения о них из оброчных книг; просил председателя Курганского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства, коим являлся А. Н. Балакшин, рассмотреть планы этих участков и наметить те оброчные статьи, которые «обращают кои некоторые удобства для школы» [2, оп. 1, д. 2, л. 17]. Скалозубов предполагал, что молочную школу, скорее всего, придётся строить в степной местности. Активно обсуждался и вопрос выбора материала, из которого должны быть построены здания для школы и общежития. Николай Лукич предлагал следующее: «Можно в разных, можно в одном двухэтажном здании (имеется в виду школа и общежитие), дом управляющего и контора, дом для двоих учителей, маслодельный завод, квартира мастера и контора, скотный двор, конюшня, кузница, столярная, дом для служащих, баня, казарма для рабочих» [2, оп. 1, д. 2, л. 24].

А между тем необходимость в хорошо подготовленных мастерах была так велика, что отделу со своей стороны следовало бы ходатайствовать о скорейшем устройстве школ. В 1903 г. собрание КО МОСХ постановило: содействовать, насколько представится к тому возможность, скорейшему устройству школ молочного хозяйства и «просить Николая Лукича Скалозубова информировать отдел о том, в каком состоянии находится постройка школы и организация обучения» [13, с. 35–38].

Молочная школа вскоре открылась. По условиям, в первый класс принимались молодые люди всех сословий, преимущественно из местных крестьян, не младше 17 лет. Обучение проходило 2 года, для поступления требовалось умение писать и читать по-русски. За содержание взималась плата – 100 рублей в год, и при этом ученики такой школы могли получать стипендии [13, с. 37].

В сентябре 1901 г. под эгидой КО МОСХ была проведена выставка маслоделия. На ней были не только продемонстрированы первые успехи молочного хозяйства в Западной Сибири, но и организованы, говоря современным языком, выездные семинары и мастер-классы в хозяйствах Д. Л. Корчевского, А. Н. Балакшина и А. В. Ванюкова. Кроме того, были представлены различные виды молочной посуды, промышленные сепараторы и маслобойки отечественных и зарубежных фирм, наглядные пособия и методические рекомендации, написанные простым и доходчивым языком, показаны образцы железнодорожных вагонов, оборудованных для перевозки

масла. Н. Л. Скалозубов не только был в числе главных организаторов и экскурсоводов этой выставки, но и составил краткий отчёт, который является важным источником по истории развития молочного животноводства и просветительской деятельности КО МОСХ [9]. Он высказал предложение проводить выставки семян, а также конкурсы масла ежегодно [13, с. 7].

Организационно-просветительская деятельность Н. Л. Скалозубова в КО МОСХ в начале XX в. дала заметные результаты. Будучи губернским агрономом, Н. Л. Скалозубов уделял большое внимание травосеянию, в частности, внедрению в севооборот таких новых для Зауралья кормовых культур, как могоар и вика. Это привело к тому, что к 1914 г. удалось повысить среднюю жирность молока до 4,8 % и увеличить надой его почти вдвое. [14, с. 2–13]. Н. Л. Скалозубов с удовлетворением отмечал, что «за последние семь лет произошли такие изменения в положении сельскохозяйственного юга губернии... которые поражают наблюдателя» [12, с. 61].

Наряду с этим Н. Л. Скалозубов продолжал сотрудничество с КО МОСХ. Он предложил сделать изучение родного края постоянным делом заинтересованных энтузиастов. В своём выступлении на заседании общества он высказал идею создания Комиссии по изучению родного края, которая должна объединить «всех интересующихся этим делом людей и содействовать организации обучения... поскольку среди местного населения появился живой интерес к изучению родины» [2, оп. 1, д. 18, л. 1]. В итоге было решено создать такую комиссию, в которой выделить секции сельского хозяйства, метеорологии, культуры, истории, этнографии, археологии, экономики, ботаники, зоологии и энтомологии [2, оп. 1, д. 18, л. 2–3].

В 1906–1912 гг. Н. Л. Скалозубов был депутатом Государственной думы от Тобольской губернии. Наряду с политикой он продолжал заниматься общественной деятельностью. Так, например, он был активным участником журнала «Сибирские вопросы», где высказывался по поводу переселенческой политики правительства и обустройству переселенцев на новых местах. Кроме того, он был членом Общества изучения Сибири и улучшения её быта, на заседании которого выступил с большим докладом, имевшим широкий отклик. В докладе Скалозубов призвал активнее использовать энтузиазм сельских жителей, привлекать школы и школьников. При школах нужно создавать кружки, музеи, читальни, установить контакты с краеведческими движениями взрослых, для чего использовать не только энтузиастов, но и активно привлекать частный капитал, который при правильном подходе может оказать материальную помощь безвозмездно [10]. Кроме того, он написал несколько книжек, посвящённых ботанике. В выборах в IV Государственную думу Н. Л. Скалозубов отказался участвовать, объяснив это решение тем, что сибирские депутаты,

посланные добиваться прав и возможностей материального и культурного развития сибирского населения, ничего этого добиться не смогли [7, с. 74].

В 1912 г. он вернулся в Тобольскую губернию и вскоре обосновался в Кургане. Здесь, на землях, принадлежавших купцу Л. Д. Смолину, он продолжил заниматься активной селекционной и мелиораторской деятельностью [1, с. 11–12]. Несмотря на то, что он продолжил сотрудничество с А. Н. Балакшиным и созданным им Союзом сибирских маслодельных артелей, в эти годы он гораздо большее внимание уделял научной, а не просветительской деятельности. В письме своим друзьям Костюриным, которые жили в Тобольске, Николай Лукич пишет, что целиком посвятил себя опытной и селекционной работе и в Курган выбирается в лучшем случае раз в неделю, хотя и участвует в собраниях сельскохозяйственного общества [3]. Его соратник по Тобольскому губернскому музею В. Н. Пигнатти писал, что Скалозубов «нашёл теперь свою настоящую линию жизни... он имел теперь возможность приняться за дело, о котором давно мечтал и которое было близко его душе» [7, с. 17]. Итоги своей селекционной работы Н. Л. Скалозубов изложил в большой статье, которую опубликовал в Ежегоднике Тобольского губернского музея – то была его последняя прижизненная публикация в этом издании [8].

Об этих годах жизни Н. Л. Скалозубова (1912–1915) мало что известно. Он был избран гласным Курганской городской думы, поддерживал отношения с КО МОСХ и с А. Н. Балкшиным, содействуя в его работе по созданию и управлению Союзом сибирских маслодельных артелей. Однако, по всей видимости, он редко выезжал из своего плохо обустроенного дома в город, хотя принимал участие в работе общественных организаций и Курганской городской думы [3]. К этому прибавилось и личное одиночество. Его супруга, Ариадна Васильевна, часто болевшая, жила то в Москве, то в родной Костроме, а бытовые условия, в которых обитал Николай Лукич, делали затруднительным его проживание с женой и детьми. Старшие дочери вышли замуж, с ним остался только сын Юрий, который провалил вступительные экзамены в университет и остался с отцом до 1914 года. Н. Л. Скалозубов умер от тифа 19 февраля 1915 г. в крестьянской больнице города Кургана и похоронен на городском кладбище [3].

Николай Лукич Скалозубов является ярким представителем той части русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в., которая жертвовала личными удобствами, материальным благополучием и карьерным ростом ради служения народу России, науке и просвещению. Им написано и опубликовано более двухсот пятидесяти статей, брошюр, книг и справочных изданий по вопросам агрономии, ботанике, зоотехнике, травосеянию, агрономии, фольклору, статистике, политике, переселению и демографии [7]. Его

бурная энергия и выдающиеся организационные способности сделали возможным превращение города Кургана в один из центров сибирского маслоделия и развития агрономической и селекционной деятельности.

Библиографический список

- 1 Гордягин А. Я. Памяти Н. Л. Скалозубова / А. Я. Гордягин. – Казань : Типолитогр. Императ. Казанского ун-та, 1915. – 13 с.
- 2 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 267 (Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства).
- 3 Костюрина М. Светлой памяти Николая Лукича Скалозубова / М. Костюрина // Сибирский листок. – 1915. – 22 февр. (№ 22). – С. 2.
- 4 Менщиков И. С. Деятельность Московского общества сельского хозяйства в Курганском уезде / И. С. Менщиков, А. С. Сахно // Пятые Ядринцевские чтения : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. «Краеведение как фактор социокультурной жизни общества: история и современность» (Омск, 2019). – Омск : Омский гос. ист.-краевед. музей, 2019. – С. 155–159.
- 5 Менщиков И. С. Культура Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX века : монография / И. С. Менщиков. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – 156 с.
- 6 Обзор деятельности Курганского Отдела Московского общества сельского хозяйства за четырнадцать лет его существования (1897–1910 гг.). – Курган : Общедоступная скоропечатня, 1911. – 136 с.
- 7 Пиgnатти, В. Николай Лукич Скалозубов и его деятельность в Тобольской губернии / В. Пиgnатти // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1916. – Вып. 27. – С. 1–89.
- 8 Скалозубов Н. Л. Краткий обзор деятельности селекционной станции Семенного хозяйства Л. Д. Смолина и Н. Л. Скалозубова / Н. Л. Скалозубов // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1915 – Вып. XXIV, приложение.
9. Скалозубов Н. Л. Краткий отчет о выставке продуктов маслоделия и о съезде молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству в г. Кургане 7–12 сентября 1901 г. / Н. Л. Скалозубов. – Курган, 1901. – 11 с.
- 10 Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири : (докл., прочит. на общ. собр. «О-ва изучения Сибири и улучшения её быта» 16 февр. 1912 г. при открытии выст. коллекций и работ студен. экскурсий в Сибирь). – Санкт-Петербург : Тип. Альтшулера, 1912. – 30 с.
- 11 Скалозубов Н. Л. Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка Тобольской губернии в городе Кургане в 1895 году: отчет о выставке и каталог её / Н. Л. Скалозубов. – Тобольск : Тип. Епарх. Братства, 1902. – 415 с.
- 12 Скалозубова А. В. Н. Л. Скалозубов. Краткая биография : [рукопись] / А. В. Скалозубова // Библиотека Государственного архива Курганской области. Отдел рукописей.
- 13 Труды Курганского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. Вып. 2. Август 1903 г. – Курган : Тип. В. И. Окладовикова, 1903. – С. 35–38.
- 14 Эрдели Г. Я. Отчет о деятельности по Курганскому и Ялуторовскому районам за 1911 и 1912 г. / Г. Я. Эрдели. – Курган : Общедоступная скоропечатня, 1914. – 65 с.

П. В. Миронова,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган

СТРОИТЕЛЬСТВО И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ В С. ЧАСТООЗЕРЬЕ В 1823 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В последние годы возрос интерес к религии, истории церкви и церковного строительства. Церкви, разрушенные в советские годы, активно восстанавливаются, строятся новые. Наряду с этим учёные и краеведы проводят многочисленные исследования, изучают архивные документы по истории храмов и монастырей, находящихся на территории Зауралья.

Данная статья посвящена Частоозерской церкви. До сих пор исследователи уделяли её истории крайне мало внимания. Среди работ, посвящённых изучению религиозных объектов нашего края, следует особо отметить проект Государственного архива Курганской области «Курганские храмы от А до Я», над которым много лет работает А. А. Михайлов. Целью проекта стало выявление и систематизация сведений по истории всех православных храмов, расположенных на территории современной Курганской области и до 1919 года относившихся к Тобольской епархии. Результаты работы публиковались в газете «Новый мир» и на сайте «Зауральская генеалогия». Одна из публикаций рассказывала о церкви с. Частоозерского, но, к сожалению, в ней не были затронуты многие аспекты истории этой святыни. Поэтому нами была предпринята попытка восполнить пробелы, а вновь выявленные документы позволят узнать чуть больше как об истории самой церкви, так и о религиозной жизни нашего края.

Религия играла очень важную роль в жизни любого крестьянина. Именно с «Домом Божиим» были неразрывно связаны основные события: крещение, венчание и отпевание. Каждый человек начинал свой жизненный путь в храме и заканчивал его там же. Исповедь и причастие также являлись обязательными для всех. Священник был обязан вести так называемые «Исповедные росписи», в которых вел учёт посетивших и пропустивших очередную исповедь. На уклоняющихся могли наложить епитимью, т. е. наказание в виде поста или длительной молитвы. Обычно верующие посещали храм в воскресные дни и праздники. Но зачастую возможности крестьян регулярно посещать храм были прямо пропорциональны расстоянию до него, а отсутствие транспорта и плохие дороги, особенно в межсезонье, лишь усугубляли положение. Люди страдали от невозможности посетить церковь и выполнить свой христианский долг.

В первые годы после основания деревня Частоозерная относилась к приходу Екатерининской церкви села Истошинского, а в 1780 г. перешла в приход Богородицкой церкви

слободы Бердюжьей, которому принадлежала следующие 40 лет [5, оп. 15, д. 107, л. 92–97 об.]. В 20-е гг. XIX в. деревня продолжала разрастаться, население увеличивалось, вместе с ним росла и потребность в исполнении религиозных обрядов, а ближайший приход в с. Бердюжье находился в 40 вёрстах (около 43 км).

В 1820 г. жители Частоозерной приняли решение о постройке собственной деревянной церкви. К ним присоединились крестьяне ещё 6 деревень. Писать прошение поручили Петру Маскалеву вероятно, как наиболее грамотному.

*«1820 года Октября 30 дня. О устроении вновь
церкви в показанном селении учинить
справку на законном основании,
и представить со мнением.*

№ 2030

Великому Господину
Высокопреосвященнейшему Амвросию
Архиепископу Тобольскому и Сибирскому и
Кавалеру.

Ишимского Духовного Правления

Доношение

По данным в сие Правление Прошение Ишимской Округи Частоозерской волости Крестьянин Пётр Маскалев прописывает Что Состоящие Слободы бердюжьей богородской Церкви прихожане жительствующие в деревнях Частоозерской Самой волости и ведения оной Денисовой и дроновой, Армизонского прихода, Казанцовой, Мокроусовского Лихановой и Лебяжьей, Петуховского прихода долгой, всего в семи деревнях Государственные Крестьяне и Ямщики заотдоленностью от приходских своих Церквей в проезде за Священником для исправления у них Мирских Треб претерпевают Крайнюю нужду, и немалое отягощение, А равно и остаются Чужды Церковного чтения и пеня отпадают душевного Спасения, но дабы всего того Христианского удовлетворения лишаемы не были, то по показанным причинам возымели Единогласное общественное усердное Житие поставить вновь деревянную во именование Рождества Христова в деревне Частоозерской Церковь; а именно Состоят оныя Селения от прежних своих приходов, как то, Частоозерская и денисова от прежнева прихода бердюжскаго в 40, дронова в 48 Лебяжья и Лиханова от прежнева прихода Ялutorовского заказа Села Мокроусова в 80, Казанцова от Армизонскаго в 40, долгия от Петуховского прихода в 45 верстах, а от имеющейся построенной вновь Церкви

в Чистоозерском Селении, с расстояния, денисова в 1, дронова в 8, Лебяжья в 18, Лиханова в 15, Казанцова в 8. долгая в 15 верстах, в тех же деревнях, коими Церковь построить Желают понынешней 7-й ревизии мужеска пола Состоит в Чистоозерской 210 денисовой 136, дроновой 26 Казанцовой 48 Лебяжьей 119. Лихановой 159. долгой 152. А всего восемь сот пятьдесят душ и во всех оных деревнях двести восемьдесят три дома, к построению же оной Церкви означенных деревень Жители добровольному своему Желанию на первой Случай подписали уже в прикладе денег девять сот дватцать два рубля и попостроении обяжутся ту Церковь совсем содержать на своём Кочте без всякого упрещения и от рицательства и будущих при ней Священноцерковнослужителей иметь в неспудном продовольствии, Снабуживать положенную ругою подве пудовки венца Хлеба безотговорочно, Сверх же сего и отведением Хлебопахотных и Снокосных мест близости к деревне Чистоозерской в чем и даю Зарукоприкладством общественную подписку и засвидетельством Чистоозерского волостного Правления От правили сие в город Ишим, для испрошения к построению Означенной Церкви дозволения. О чём оное правление покорнейше просит одозволения вновь построить в объявленной деревне Чистоозерской деревянную Церковь по желанию жителей представить к Вашему Высокопреосвященству на благоразсмотрение» [6, оп. 9, д. 1707, л. 1-1-об.].

В июле 1821 г. прошение было рассмотрено, а Ишимскому духовному правлению приказано «произвести на законном основании следствие при депутате с светской стороны» [6, оп. 9, д. 1707, л. 2 об.]. В октябре протоирей Попов отчитывался в донесении: «...в Чистоозерской Деревне мною отобраны при Отраженном Состороны Земского Суда депутате показания Кин от желающих Строить церковь Жителей там и от Священноцерковнослужителей и прихожан в том что первые Заотчислением деревень входящих в Состав вновь предполагаемого прихода попрежнему могут быть довольны а последние в состоянии довольствоваться своих приходских Священноцерковнослужителей Каковыя на постановление онаго Правления и представляю Октября 20 дня 1821-го года...» [5, оп. 9, д. 1707, л. 6].

Были составлены списки крестьян, изъявивших желание построить церковь, а священнослужители Бердюжской, Армизонской, Петуховской и Мокроусовской церквей «...письменно отозвались, что они За отчислением их оставшимся количеством прихожан содержать себя могут без оскудения» [6, оп. 9, д. 1707, л. 60 об.]. Мокроусовский приход добровольно согласился отчислить в будущий Чистоозерский не только деревни Лиханову и Лебяжью, но и Сивкову, также далеко «отстоящую от их прихода» [5, оп. 9, д. 1707, л. 3].

В июне 1822 г. дело было направлено в Тобольскую Духовную Консисторию для дальнейшего рассмотрения, а ещё через год жителям Чистоозерной разрешили построить церковь, но не деревянную, как изначально предполагалось, а каменную.

«Указ

Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского Из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Амвросию Архиепископу Тобольскому и Сибирскому:

“По Указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали доношение вашего Преосвященства с подлинным делом производившимся по прошению Ишимской округи Государственных Крестьян и Ямщиков, о дозволении Чистоозерской волости в деревне сегоже Селения, построить вновь деревянную Церковь во Имя Рождества Христова, с припискою к ней деревень Денисовой, Дроновой, Казанцовой, Долговской, Лихановой, Лебяжьей, и Сивковой из коего явствует 1-е) Жителей в деревне озерской и других семи деревнях пожелавших быть при вновь предполагаемой выстроится Церкви, мужеска пола 1133 души из коих полагая по четыре души во двор, составитя 283 и одна душа. 2-е) За отчислением означенных 8 деревень от приходских церквей тр`х приходной Мокроусовской Троицкой, двух приходных, Бердюжской, Богородской и Петуховской Богоявленской и одно приходной Армизонской, Прокопьевской, останется при них дворов по тому же разчислению при первой 1014 и три души при второй 687 и три души, при третьей 352 и одна душа и при четвертой 402 и одна душа. 3-е) Священноцерковнослужители означенных Церквей оставшимися дворами для содержания себя остаются довольны. 4-е) Причиной в построении Церкви представлена отдаленность тех деревень от приходских Церквей от 35 до 75 вёрст простирающаяся, за которою и неудобностию дорог, жители лишаются служения службы Божией и затрудняются в приглашении Священников для исправления треб. 5-е) Жители тех деревень построить собственным Коштом Церковь, отвезти из дач своих указную пропорцию Земли и выстроить для бущих Священноцерковнослужителей дома и производить им хлебную ругу ржи по два четверика с женатого, или вместо того денгами по справочным ценам, писменно обязались по таковым обстоятельствам ваше Преосвященство согласно с мнением Консистории полагали, в означенной деревне во имя Рождества Христова и определить к ней Священника и двух причетников дозволить можно с тем, чтобы оной отвели указную пропорцию Земли и до освящения оной выстроили для Священноцерковнослужителей дома, О чем ваше Преосвященство представляя на рассмотрение Святейшего Синода не приши-

вала Указа. ПРИКАЗАЛИ: в показанной деревне Частоозерской построить вновь Каменную церковь, в просимое наименование на изъявленном в мнении вашего Преосвященства основании дозволить и о том к вашему Преосвященству послать Указ, и при котором возвратить и возвращается и подлинное дело Августа 31 дня 1823-го года.”

На подлинном подписали
Обер Секретарь Гаврило Журихин,
Секретарь Пётр Нестеров,
Повытчик Никонор Протопопов.
Указ Послан от 4 октября за № 2810-й
[5, оп. 9, д. 1707, л. 64–65].

Новый приход был незамедлительно открыт, а деревня Частоозерская получила статус села. Первым документом, свидетельствующим об этом, является «Тетрадь прошнурованная в Ишимском духовном правлении За силу указа Святейшего правительствующаго Синода 1802-го года мая 16-го дня Ведомства оною Ишимского духовного Правления села Частоозерского Христорожественной церкви священноцерковнослужителей на записку того прихода вновь рождающихся браком сочетавшихся и умерших с покаянием кем именно: – священником Афанасием Першуковым исправлены были в 1823 году». В первые годы в приход входили село Частоозерское, деревни Денисова, Долгая, Дронова, Журавлёва, Казанцева, Лебяжья, Лиханова и Сивкова. Таинства совершали священник Афанасий Першуков, диакон Кондрат Вавилов, дьячок Василий Вавилов и пономарь Валериан Плотников [5, оп. 15, д. 126].

Афанасий Симеонович Першуков (г. р. ок. 1798) был пономарским сыном. Окончил высшее отделение Тобольской семинарии с аттестатом 3-го разряда. В декабре 1819 года был посвящен в диаконы и служил в церкви с. Боровое. Узнав об открытии нового прихода в начале октября 1823 г., подал прошение о переводе: «...я имею вдовствующую мать и двух девствующих сестёр которые требуют от меня должного вспомоществования; но находясь при означенной церкви по малости и бедности прихода, нетом матери и сестрам при ней находящимся не могу подать пособия, но и собственное семейство из трёх человек состоящее с трудностью пропитываю. Почему и осмеливаюсь всенижайше просить Особу Вашего Высокопреосвященства милостивейшего Отца и Архипастыря рукоположить меня Ишимского же Ведомства в село Частоозерское ко вновь строящейся церкви во имя Рождества Христова во священники...» [5, оп. 9, д. 1707, л. 68]. Уже через неделю, 8 октября, Першукова рукоположили в сан священника, и он приступил к служению.

В 1825 году был составлены, а в 1826 – окончательно утверждены «Приговор и план с фасадою на каменную церковь» (рисунок 1), составленные губернским архитектором. Были заго-

товлены строительные материалы: «обожеженого кирпича до двух сот тысяч; извести до тысячи пяти сот пудов» и деньги «восемь сот рублей» [5, оп. 9, д. 1707, л. 75]. Наблюдение «за правильною постройкою и прочностию» было возложено на главного инженера подполковника Фомина, а возведением храма занимался строитель Николай Антропов [5, оп. 9, д. 1707, л. 85]. Следующие 5 лет строительство активно велось «тщанием прихожан» и к 1830 г. было почти завершено.

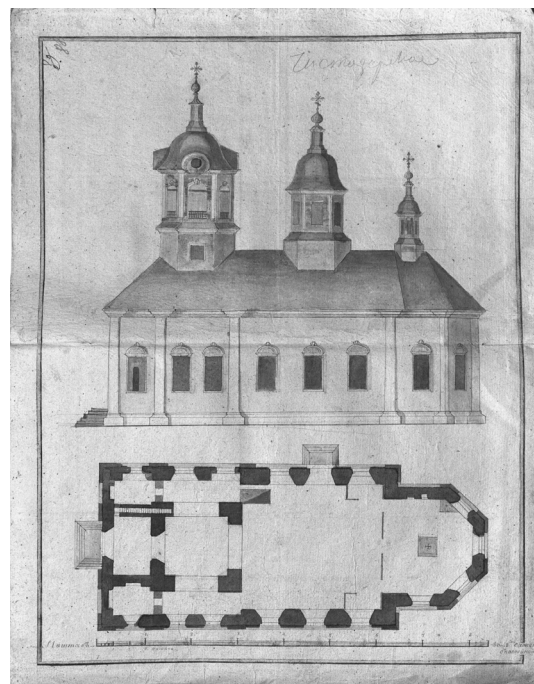

Рисунок 1 – «План и фасад Частоозерской церкви»

«Клировая ведомость о церкви Христорожественной Ишимского ведомства Частоозерского села» за 1831 год сообщает, что церковь «зданием каменная, с таковою же колоколнею, крепка, с наружи не вытюнкована. Престол в ней один: Во имя Рождества Христа Спасителя. Утварью достаточна. Причта положено по штату 1823 года октября 15 дня: Священник один и два причетника, Диакон прибавлен тогоже года. Земли при сей церкви усадебной нет, пашенной и сенокосной по недавнему отведению и неполучению плана и межевой книги означить верно не можно; Дела о ней никакого не производится и ни кто оной не пользуется. Дома у Священно- и церковно-служителей собственные деревянные на крестьянской земле. У Дьячка Петра Петухова и пономаря Анемподиста Тоболкина церковные деревянные. На содержание Священно- и церковно-служителей жалованья не получается, а пользуются от прихожан с каждого венца по два четверика ржи. Содержание их посредственно. Здания принадлежащая сей церкви суть: Два дома и пятьдесят лавок деревянные, с последних двузременно получается в год от двух до трёх сот рублей.

Расстоянием сия церковь от Консистории в 460 от Духовного Правления в 120, от местного

Благочинного в 90 верстах». Метрические книги и исповедные росписи «хранятся в целости» [5, оп. 19, д. 66, л. 49–50].

Помимо села приход включал 8 деревень (всего 208 дворов). В них отставных солдат – 5 чел., солдатских жён – 49, мещан – 6, крестьян – 2160, раскольников толка поповщины – 383, раскольников толка беспоповщины – 9. Полностью раскольничьими были деревни Сивкова и Журавлёва [5, оп. 19, д. 66, л. 51 об.–52].

На основании клировых ведомостей мы можем составить представление о том, как выглядела Частоозерская церковь: каменное здание с колокольней в одной связи и такими же каменными крыльцами, крыта железом и обнесена каменной оградой, на окнах железные решётки. С южной стороны от церкви находилась каменная постройка со сторожкой, в которой располагалось начальное училище, открытое в 1836 г. [2, оп. 1, д. 280, л. 92].

К 1892 г. здание училища настолько обветшало, что его решено было снести, и «с разрешения Епархиального Начальства от 3-го сентября 1892 года за № 108 над среднюю часть храма воздвигнут световой осмерик и пристроен придел» в честь Успения Божией Матери. Все работы производились за счёт церкви и прихожан. К 1 мая 1901 г., согласно заключённому контракту, планировалось разместить в приделе новый иконостас [5, оп. 19, д. 110, л. 261]. Многие жертвовали деньги на богоугодное дело. В одном из номеров «Тобольских Епархиальных Ведомостей» епархиальное начальство выражало благодарность «крестьянину деревни Сорокиной того же прихода Константину Ивановичу Сорокину за пожертвование 100 рублей на устройство иконостаса в Частоозерском храме» [9, с. 59]. В будущем планировалось открыть третий придел, но этого так и не произошло.

В 1850 году в пользование церкви была отведена земля «три десятины усадебной, 180 десятин пахотной, из коей удобной 97 десятин остальная под лесною зарослью и 18 десятин сенокосной». Земля была плодородной и давала хорошие урожаи, частично её сдавали в аренду по 2 руб. 50 коп. Средний доход, приносимый земель, составлял 300 рублей. С северо-восточной стороны от села находилось приходское кладбище. Священник Константин Виноградов писал в 1903 г.: «...в 32 сажнях от крестьянских дворов, пространством в длину 125 саж. и ширину 70 саж.; об открытии кладбища данных не сохранилось; часовни на кладбище нет; кладбище окопано канавою и окружено валом, которые по мере надобности ремонтируются прихожанами; обвалившихся могил нет, памятники и голбчики есть, но ветхих и развалившихся нет; места для копания могил достаточно; где дозволяет свобода места сделана распланировка для копания могил. Древо насаждение на кладбище только начинается по частной инициативе; закрытых кладбищ нет» [5, оп. 19, д. 113, л. 260].

К началу XX в. в распоряжении причта имелось 3 церковных дома с надворными постройками, один из которых был приспособлен под церковно-приходскую школу, в двух других, построенных в 1858 и 1899 гг., проживали священнослужители. Все дома были застрахованы. У церкви был и собственный капитал, «накопленный от аренды ярмарочной площади», в аренду сдавались два деревянных амбара, также составлявшие церковное имущество. Деньги хранились в Петропавловском отделении Государственного банка.

С разрешения Духовной Консистории от 6 февраля 1891 года за № 2571 на ярмарочной площади начали возводить церковь-часовню во имя Преподобного Петра Столпника. Она была деревянной, на каменном фундаменте и стойках. К 1898 г., благодаря «стараниям купца Петра Васильевича Сенькова, строительство было окончательно завершено» [5, оп. 19, д. 113, л. 260 об.].

А. Михайлов пишет: «...Кроме двух храмов в селе имелась часовня. В честь какого святого или праздника она была освящена, и из какого материала выстроена, не установлено» [6]. Информацию о наличии часовни можно найти и в «Списках населённых мест Тобольской губернии» за 1903 [7, с. 107] и 1909 [8, с. 202–203] годы. На самом деле эти сведения неверны, и отдельно стоящей часовни в селе никогда не было. Вероятно, неточность закралась на этапе формирования «Списков...», когда составители ошибочно «разделили» церковь-часовню во имя Петра Столпника на два отдельных здания. Клировые ведомости также регулярно указывали на отсутствие в приходе молитвенных домов и часовен.

2 января 1922 года Президиум ВЦИК принял постановление «О ликвидации церковного имущества» [3, оп. 39, д. 85, л. 2], а 16 февраля «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим», которое предписывало местным Советам «...изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного комиссариата финансов для помощи голодающим» [3, оп. 39, д. 86, л. 482]. Не обошла эта участь и Частоозерский храм. В ходе акции были изъяты:

- крест на престольный – 1;
- потиров – 2;
- дискосов – 2;
- тарелочек – 4;
- звездц – 2;
- лжиц – 2;
- 2 крышки с двух евангелий с 10 мелкими принадлежностями – 12;
- кадило – 1.

Всего конфисковано 26 вещей общим весом семь фунтов шестьдесят три золотника. Для прохода по книгам все серебряные предметы были

условно оценены в 1 рубль и зачислены на счёт переходящих ценностей [4, оп. 1, д. 280, л. 76].

В первой половине 1930-х гг. церковь была закрыта, а позже разрушена до основания. В 2001 году в с. Частоозерском была зарегистрирована православная община и вновь открыт приход Рождества Христова. Администрация района передала в пользование прихожанам старый дом, который был переоборудован под молельню. В этом здании приход находился до 2010 года.

В 2007 г. предприниматели Александр и Дмитрий Ильтяковы и Дмитрий Каширин приняли решение построить в селе новый двухпрестольный храм. Закладка нового здания храма состоялась осенью того же года, в основание был положен камень с мощами священномученика Аркадия Горяева. Освятил место для новой святыни епископ Курганский и Шадринский Михаил, а проект был составлен екатеринбургским архитектором Константином Ефремовым. Строительство двухэтажного храма в византийском стиле началось 7 мая 2008 г. Через год был полностью возведён и отделан нижний придел, где был устроен крестильный храм с купелью в честь Крещения Господня. В 2010 г. были установлены купола с золотыми крестами, а для колокольни приобретены одиннадцать колоколов. В церкви был установлен каменный иконостас с малахитовой отделкой. Полностью строительство Христо-Рождественского храма завершилось к 15 января 2012 г., чин великого освящения был проведён архиепископом Курганским и Шадринским Константином [1].

Библиографический список

- 1 Государственный архив Курганской области. – URL: <http://www.gako.archives.kurganobl.ru/> (дата обращения 02.10.2020).
- 2 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-235 (Тобольская духовная консистория).
- 3 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).
- 4 Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-2 (Тюменский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).
- 5 Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-156 (Тобольская духовная консистория).
- 6 Зауральская генеалогия. – URL: [https://www.kurgangen.ru/religion/Kurganskije %20hramy/Chi/](https://www.kurgangen.ru/religion/Kurganskije%20hramy/Chi/) (дата обращения: 13.04.2020).
- 7 Список населенных мест Тобольской губернии : изд. Тобольского губ. стат. ком. – Тобольск : Губ. тип. 1904. – 341 с.
- 8 Список населенных мест Тобольской губернии : изд. Тобольского губ. стат. ком. – Тобольск : Губ. тип., 1912. – 634 с.
- 9 Тобольские епархиальные ведомости. – 1900. – 1 апр. (№ 7). – 146 с.

БОРЬБА С БЕЗДОМНЫМИ СОБАКАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В современной России свою актуальность сохраняет вопрос нападений на граждан хозяйских и бродячих собак, которые могут быть источником передачи смертельного заболевания – бешенства. Данная проблема была характерна и для дореволюционного периода. Об её остроте говорят многочисленные публикации в периодической печати Западной Сибири.

Для подтверждения данного тезиса далее приведём ряд примеров. Так, в 1857 году «Тобольские губернские ведомости» отмечали: «У жителей города Тобольска разведено собак в таком множестве, что мимо некоторых домов нет возможности безопасно проходить» [21]. Издававшаяся в г. Томске «Сибирская газета» в 1884 году опубликовала жалобу жителей следующего содержания: «Мимо дома № 35 по Спасской улице ни днём, ни ночью нет прохода от собак, бросающихся на каждого пешехода» [4]; в 1887 году, в Красноярске «расплодилась такая масса собак, бродячих по улицам чуть не стаями <...>» [11].

В 1889 году в газете «Сибирский вестник» была опубликована заметка аналогичной направленности: в Томске был искусан собакой и умер от собачьего бешенства в городской больнице 12-летний сын солдата Андрей Голубев [27]. В этом же источнике от 1893 года один из корреспондентов требовал обратить внимание на множество кидающихся на прохожих собак и выдвинул претензию к местным представителям власти: «Следовало бы г. исправнику надеть своей собаке намордник и держать её дома, а не пускать по городу со стражниками пугать прохожих; далее городскому голове, инженеру Б., купцу С. и т. д.» [15]. Подобные негативные факты имели место в г. Томске в 1904 г.: «Собака со двора № 40 откусила палец 2-летнему ребёнку. Отправленная для осмотра к ветеринарному врачу, эта собака оказалась бешеной» [12]; в районе Юрточной горы «было несколько случаев нападения собак на проходящих и особенно на детишек, идущих в школу» [20]. На созвучную проблему в 1905 году указывал корреспондент тобольской газеты «Сибирский листок», отмечавший, что город Тара «изобилует бродячими собаками. <...> на днях бешеная собака искусила сына помощника исправника Скатова, кухарку и дворника» [2].

Реализация мер безопасности от подобных происшествий была возложена на органы городского управления по Положению 1870 г. – выборные городские думы и городские управы. Особенно активизировался этот процесс после решения Государственного Совета 1880 года о

предоставлении городским думами права на издание обязательных постановлений о мерах безопасности от домашних животных [3]. Обратимся к содержанию данных актов. Так, в 1889 году подобное постановление «о мерах против укушения собаками и к истреблению таковых бродячих» было издано думой г. Кургана [5, оп. 36, д. 73, л. 220–221]. Жителям, имеющим собак, вменялось их держать на привязи. Бродячие собаки, «дабы они не могли делать вред людям и животным», по распоряжению городской управы, будут «истребляемы тем способом, какой ею будет признан удобным» [10].

В 1902 году в постановлении думы г. Тобольска говорилось о найме городской управой лиц для ежегодной переписи собак (с указанием породы, пола, назначения собаки и адреса владельца). В случае подозрения собаки на бешенство владелец обязывался сообщить местному ветеринарному надзору или в полицию. Собака, признанная ветеринарным надзором больной бешенством, немедленно уничтожалась без компенсации владельцу. Выгул комнатных и охотничьих собак надлежало осуществлять только на привязи и с металлическим намордником. Собаки без намордников считались бродячими и подлежали ловле. Ловля должна производиться с сентября по май в присутствии полицейского стражника, который наблюдает, чтобы этот процесс происходил «без излишних мучений для животных». Лица, осуществляющие ловлю, должны быть снабжены толстыми кожаными рукавицами. Пойманных собак надлежало помещать в клетки и перевозить в фургонах с изолированными отделениями. Пойманных собак, если те не будут выкуплены своими владельцами, истребляли по прошествии трёх суток после поимки. Ветеринарный надзор определял специальное место, куда будут зарыты трупы убитых собак [23].

В постановлении 1905 года думы г. Мариинска Томской губернии отмечалось, что: «...все бегающие по улицам бродячие собаки должны быть забираемы и истребляемы по истечении трёх дней со дня поимки». Ловля должна производиться без нарушений тишины и спокойствия и только на улицах и площадях города. Дворы обывателей должны быть неприкосновенны [24]. В постановлении думы г. Тюмени 1913 года также указывались сроки ловли (с 1 мая по 1 сентября) и подлежащие отлову собаки (не находясь на привязи, без намордников и без специального знака от городской управы на ошейнике). Пойманные собаки истреблялись также через три дня после поимки.

Владелец собаки мог её вернуть после уплаты сбора в пользу города и денег за содержание в размере 20 коп. в сутки [25]. Похожие условия отмечены в постановлении 1915 года думы г. Тары [22].

Городское самоуправление активно искало субъектов, которые бы занимались ловлей собак. Так, например, в 1884 году органы г. Кургана публиковали объявление о найме человека «для уничтожения бегущих по городу собак <...>» [26]. В 1895 году в г. Тобольске ловлю бродячих собак городская управа поручила 4 арестантам, выплачивая им по 1 руб. в сутки [28].

Расходы на истребление собак закладывались в смету расходов городского самоуправления. Так, в г. Кургане в 1898 году на эти цели выделили 30 руб. [7], в 1899 году – 60 руб. [9], в 1901 году – 200 руб. [8], в 1908 году – 100 руб. [17], в 1909 году – 100 руб. [18], в 1912 году – 248 руб. [5, оп. 35, д. 996, л. 37], в 1913 году – 200 руб. [16]. В этой последовательности сумм мы можем наблюдать тенденцию к увеличению трат.

Особо следует обратить внимание на методы истребления собак. В заметке корреспондента газеты «Сибирский листок» отмечалось, что в г. Туринске практиковался «варварский способ истребления» собак: их убивали на месте поимки, и поэтому «в городе постоянно слышен раздражающий душу собачий крик» [1]. В 1892 году уничтожение собак в г. Тобольске осуществляли «посредством разбрасывания пиллюль, содержащих ядовитые вещества». По приказу Тобольского губернатора Тобольский полицмейстер просил заменить такую практику на помещение пойманных собак в специальные помещения. Но в связи с отсутствием денежных средств городской голова г. Тобольска заявил, что в текущем году способ истребления «может быть оставлен прежний, т. е. отравление пиллюлями» [5, оп. 43, д. 2, л. 9–9 об].

В 1888 году в Российской империи был утвержден «Устав Российского Общества покровительства животным», цель которого состояла в предохранении животных «от жестокого и дурного с ними обращения» [5, оп. 34, д. 282, л. 3]. В 1892 году Общество представило прошение в МВД, в котором говорилось «о крайне жестоких, а иногда небезопасных способах, употребляемых для уничтожения бродячих собак». Ветеринарный комитет МВД за подписью министра П. Н. Дурново отреагировал распоряжением, где отмечалось, что «истребление означенных животных должно быть производимо с возможно меньшим для них мучением и притом в совершенно недоступных для посторонних зрителей местах». Запрещался «оскорбляющий общественную нравственность» способ истребления собак на улицах «посредством разбрасыванию пиллюль, содержащих ядовитые вещества». Ловить бродячих собак рекомендовалось «с помощью петель, сетей или щипцов». Пойманных животных надлежало перевозить в «особо приспособленных для этой цели

крытых фургонах» и помещать в изолированные помещения «для скорого и не мучительно умерщвления» – «задушение помощью окиси углерода или светильного газа, повешение при условии правильного производства последнего и отравление наиболее действительными ядами» [5, оп. 43, 2, л. 5]. В ряде городов Западной Сибири наметилась тенденция передачи ловли собак в ведение местных отделов Российского общества покровительства животных [19].

К числу мер борьбы органов городского самоуправления Западной Сибири следует отнести и установление налога на собак. В г. Ялуторовске инициатива введения такого налога мотивировалась тем, что в результате «уменьшится число несчастных случаев укушения бешеными собаками, ибо все бродячие собаки будут уничтожаться» [13]. В 1898 году налог на собак установила дума г. Кургана в размере 1 руб. с собаки в год. Плательщику управа выдавала значок с номером квитанции об уплате сбора, который следовало прикрепить на видном месте ошейника. Собаки без значков подлежали отлову. В этом же 1898 году аналогичный налог в размере 1 рубля с собаки был введен в г. Тюмени [29]. Взимание налога Тюменская городская дума передала местному обществу покровительства животных для того, чтобы оно приняло на себя обязанность истребления бродячих собак. Члены общества обращали особое внимание на то, чтобы ловля собак осуществлялась «наименее мучительным образом» [14].

Насколько эффективной можно считать борьбу городского самоуправления с бездомными собаками? Для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, следует процитировать февральское (1915 года) письмо мирового судьи 1-го участка Тобольского уезда на имя Тобольского полицмейстера: на улицах г. Тобольска «замечается большое количество бегущих без всякого присмотра собак, иногда стаями, угрожающих нападением на прохожих» и сообщение пристава 3-й части г. Тобольска: от обывателей поступило много заявлений об укусах, «между тем Городская Управа совсем не высылает рабочих для ловли таковых» [6, оп. 1, д. 1122, л. 1–4].

В какой мере востребован в наши дни исторический опыт борьбы с бездомными собаками – вопрос открытый. В настоящее время органы городского самоуправления руководствуются Федеральным законом 2018 года «Об ответственном отношении с животными».

В 2022 году в г. Кургане открыт муниципальный приют для собак и кошек. После отлова, который происходит по заявкам граждан, животных осматривает ветеринар, затем их отправляют на десятидневный карантин, ставят прививки, стерилизуют и устанавливают бирки на ухо. Злых и агрессивных собак оставляют в приюте, а остальных отдают новым хозяевам или возвращают в городскую среду обитания. Тем не менее проблема

нападений бездомных собак на граждан сохраняет свою актуальность и в настоящее время.

Библиографический список

- 1 *Внутренние известия // Сибирский листок.* – 1896. – № 28. – С. 3.
- 2 *Внутренние известия // Сибирский листок.* – 1905. – 5 июня (№ 43). – С. 3.
- 3 *Высочайшее повеление // Тобольские губернские ведомости.* – 1881. – 10 янв. (№ 2), часть офиц. – С. 1.
- 4 *Городские известия // Сибирская газета.* – 1884. – 14 нояб. (№ 45). – Стб. 1098.
- 5 *Государственный архив в г. Тобольске» (ГАТ). Ф. И-152 (Тобольское губернское управление).*
- 6 *ГАТ. Ф. И-1 (Тобольское городское полицейское управление).*
- 7 *Извлечение из росписей о доходах и расходах по г. Кургану на 1898 г. // Тобольские губернские ведомости.* – 1898. – 24 февр. (№ 8), часть офиц. – С. 5.
- 8 *Извлечение из сметы о доходах и расходах по городу Кургану на 1901 год // Тобольские губернские ведомости.* – 1901. – 20 февр. (№ 8), часть офиц. – С. 2.
- 9 *Извлечение о доходах и расходах по г. Кургану на 1899 г. // Тобольские губернские ведомости.* – 1899. – 23 февр. (№ 8), часть офиц. – С. 1.
- 10 *Календарь Тобольской губернии на 1890 год.* – Тобольск, 1890. – С. 213.
11. *Корреспонденции // Сибирская газета.* – 1887. – 19 апр. (№ 16). – Стб. 657.
- 12 *Корреспонденции // Сибирский вестник.* – 1904. – 9 июня (№ 122). – С. 3.
- 13 *Корреспонденции «Сибирского вестника» // Сибирский вестник.* – 1898. – 18 апр. (№ 83). – С. 3.
- 14 *Корреспонденции «Сибирского вестника» // Сибирский вестник.* – 1898. – № 213. – С. 4.
- 15 *Корреспонденция «Сибирского вестника» // Сибирский вестник.* – 1893. – 16 июля (№ 81). – С. 3.
- 16 *Краткая выписка из сметы доходов и расходов Курганской городской управы на 1913 год // Тобольские губернские ведомости.* – 1913. – 17 сент. (№ 38), часть офиц. – С. 4.
- 17 *Краткое извлечение из сметы доходов и расходов по городу Кургану на 1908 год // Тобольские губернские ведомости.* – 1908. – 27 мая (№ 22), часть офиц. – С. 4.
- 18 *Краткое извлечение из сметы доходов и расходов по городу Кургану на 1908 год // Тобольские губернские ведомости.* – 1909. – 15 сент. (№ 37), часть офиц. – С. 5.
- 19 *Местная хроника // Сибирский вестник.* – 1902. – 16 окт. (№ 223). – С. 3.
- 20 *Местная хроника // Сибирский вестник.* – 1904. – 4 нояб. (№ 239). – С. 3.
- 21 *Объявления от Тобольской градской полиции // Тобольские губернские ведомости.* – 1857. – 8 июня (№ 7), отд. 1. – С. 47.
- 22 *Обязательное постановление // Тобольские губернские ведомости.* – 1914. – 18 марта (№ 11), часть офиц. – С. 5.
- 23 *Обязательное постановление // Тобольские губернские ведомости.* – 1902. – 25 июня (№ 26), часть офиц. – С. 2.
24. *Обязательное постановление // Томские губернские ведомости.* – 1905. – (№ 9). – С. 1.
25. *Обязательные постановления // Тобольские губернские ведомости.* – 1915. – 7 апр. (№ 14). – С. 5.
- 26 *Постановления городских дум // Тобольские губернские ведомости.* – 1884. – 28 июля (№ 30), часть офиц. – С. 2.
- 27 *Сибирская летопись // Сибирский вестник.* – 1889. – № 94. – С. 2.
- 28 *Хроника // Тобольские губернские ведомости.* – 1895. – 19 февр. (№ 15), часть неофиц. – С. 249.
- 29 *Хроника Сибири // Сибирская жизнь.* – 1898. – 14 апр. (№ 77). – С. 2.

*И. К. Новиков,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган
Е. В. Толмачёва,
Управление Росреестра по Курганской области,
г. Курган*

ФАРФОРОВЫЕ КУКЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»

Внедрение данных археологии нового и новейшего времени в исторические исследования соответствует так называемому антропологическому повороту, в рамках которого основной упор делается на совокупность исследовательских практик, объединяемых сосредоточенностью на человеке и различных его проявлениях в историческом контексте.

Археология нового и новейшего времени даёт нам совершенно необходимый и наглядный материал именно для изучения человека и его повседневной жизни – предметы каждодневного обихода, что постоянно его окружало и создавало вокруг него привычную среду обитания [6, с. 414].

На территории города Курган, в его исторической части находится объект культурного наследия «Культурный слой города Кургана» – бесценный источник материальной культуры XVIII – нач. XX в. Объект выделен в 2006 г. На 2023 г. в разных частях города было заложено 14 раскопов. Изучены особенности формирования слоя, планировочной структуры, отдельные элементы быта, строительные технологии.

Можно выделить отдельный блок исследований, посвященных индивидуальным находкам или группе предметов, объединённых какой-либо направленностью. Под индивидуальными находками мы понимаем предметы (в том числе и фрагментированные), каждый из которых обладает значительным потенциалом для научных археологических исследований и, в частности, датировки массовых находок, датирование которых в силу различных обстоятельств может быть затруднено. Одной из таких ярких находок можно назвать фарфоровые игрушки.

В 2021 г. сотрудниками археологической лаборатории Курганского государственного университета был исследован участок на углу современных улиц Куйбышева и Володарского (ранее ул. Троицкой и Бакиновского переулка) [8, с. 140].

По архивным данным и карт-материалам удалось узнать хозяев участка, которыми на карте 1810 г. значится «госпожа Давыдова», а с 1865 г. вплоть до революции – семья Бакиновых. В 1918 г. в усадьбе поселился адъютант Гуситской дивизии капитан Яначка. В годы советской власти усадьба Бакиновых была муниципализована. В 1925 г. в доме размещался территориальный батальон, а с 1926 г. все постройки усадьбы были от-

даны под квартиры государственным служащим. С 1928 г. на территории усадьбы располагалась артель «Краснодеревец», занимавшаяся выпуском деревянной мебели.

Раскопками была исследована дворовая часть усадьбы. В южной части раскопа в слое второй половины XIX – начала XX века была обнаружена фарфоровая кукла без одежды (далее «кукла № 1»).

Кукла высотой 5,8 см, изготовлена целиком из глазурованного фарфора белого цвета. Кукла имеет молдированные (рельефные) волосы, уложенные в причёску с открытым лбом, центральным пробором, окрашенным в основной цвет волос, симметричными прядями на лбу справа и слева от пробора, девятью вертикальными локнами, уложенными вокруг головы. Голова куклы повернута на 10–15 градусов вправо. Частично утрачены ступни и руки куклы. Сколы на ногах и руках залощены. Сохранилась частичная надглазурная роспись: волосы, линия роста ресниц – чёрной краской; углубления ноздрей, губы и щёки – красной. Маркировка на кукле отсутствует. По бокам тела куклы следы примыкания рук не обнаружены, руки были отодвинуты от туловища и, возможно, немного согнуты в локтях. Несмотря на малый размер, кукла выполнена качественно и подробно детализирована (рисунок 1).

Рисунок 1 – Кукла № 1, обнаруженная при раскопках 2021 г.

В 2013 г. был заложен раскоп на углу улиц Куйбышева и Красина (ранее ул. Троицкая и Телеграфный пер.). Об истории усадьбы известно немного: в 1912 г. была приобретена датским Торговым домом Г. И. Полизен, занимавшимся экспортом сливочного масла. С 1914 г. особняк принадлежал М. Гольмер [9, с. 22].

Раскоп, заложенный во дворе кирпичного дома, был датирован концом XIX в. Среди многочисленной коллекции артефактов выделяется фрагмент фарфоровой куклы с утраченной головой и ногами ниже колен (далее «кукла № 2»). Размер фигурки около 6 см, без утрат рост куклы должен составлять около 11 см. Кукла изготовлена из глазурованного фарфора белого цвета. Руки опущены вниз и плотно прижаты к телу. Детализация условная. Маркировка на теле отсутствует (рисунок 2).

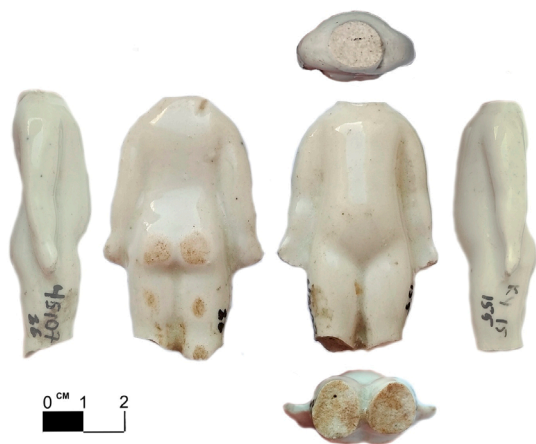

Рисунок 2 – Кукла № 2, обнаруженная при раскопках 2013 г.

Сравнительный анализ описанных кукол позволяет выделить ряд различий. Фарфоровая масса куклы № 1 белая, ровная и не имеет вкраплений. У куклы № 2 фарфор имеет серый подтон, множество включений; более рыхлый на изломе.

Данные фарфоровые куклы (Vaderuppen или Badekinder в Германии, Penny-dolls или Twenty-five-cent dolls в США, куклы-голыши, куклы для ванн в России) выпускались в основном как куклы для купания во второй половине XIX в. и имели широкое распространение. Основным производителем являлась Германия, откуда куклы поставлялись в страны Европы, в США и, возможно, в Россию.

До появления в Европе производства фарфора кукол изготавливали из дерева, ткани, папье-маше, керамики, резе воска.

Первые фарфоровые куклы куклы-голыши появились приблизительно в 1850 г. и вскоре вошли в ассортимент многих фарфоровых и кукольных фабрик.

Куклы для купания производились из глазурованного фарфора, резе из бисквитного (неглазурованного). Размер кукол варьировался от

2 до 50 см. У таких кукол расписывалась только голова, а тело оставалось белым. Молдированные (рельефные) причёски большинства кукол окрашивались в чёрный цвет, куклы-блондинки встречались реже и стоили дороже. Зачастую куклы глазуровались лишь с передней стороны, а спина оставалась без глазури, что должно было обеспечить кукле возможность держаться на поверхности. Такие куклы изготавливались полыми внутри. Если фарфор в каком-то месте оказывался слишком толстым, то кукла тонула. Цена зависела от качества, куклы высокосортного фарфора с отличными плавательными свойствами ценились дороже. Низкосортные куклы продавались дюжинами и даже сотнями. Наряду с полыми производились также цельнофарфоровые куклы.

Куклы для купания продавались обычно без одежды с тем, чтобы маленькие хозяйки сами ее шили. Но размещение голых кукол в витринах магазина вызывало негодование у некоторых бдительных граждан: так, немецкая газета «Sprechsaal» за 1907 г. осуждает появление подобных кукол-голышей в витринах магазинов и настаивает на их изъятии [19, с. 23].

С 1890 г. одновременно со статичными куклами для купания началось производство кукол с подвижными руками [19, с. 23].

Сложность идентификации кукол для купания состоит в том, что лишь немногие производители маркировали кукол своим товарным знаком или хотя бы цифрами, обозначающими размер. В основном такие куклы выпускались без маркировки.

Самые маленькие куклы пользовались спросом, так как их можно было носить с собой, а также вследствие их невысокой цены. Кроме того, в ряде стран такие куколки запекались в праздничный пирог. Кусок пирога, в котором обнаруживалась такая кукла, считался «счастливым» и должен был принести удачу своему владельцу.

Пример такого использования кукол-голышей мы встречаем в произведении Ги де Мопассана «Мадемуазель Перль» (1886 г.):

«На сладкое был подан крещенский пирог. Каждый год королём оказывался г-н Шанталь. Я не знаю, было ли то дело упрямого случая или же семейный заговор, но только он неизменно находил боб в своём куске пирога... Поэтому-то велико было моё изумление, когда в моём куске мне попало нечто столь твёрдое, что я едва не сломал себе зуб. Я осторожно извлёк изо рта этот предмет и увидел крошечную фарфоровую куколку величиной с боб. От неожиданности я вскрикнул: «Ах!» Все посмотрели на меня, и Шанталь, хлопая в ладоши, закричал: – У Гастона, у Гастона! Да здравствует король!» [7, с. 275].

В литературе можно встретить также другое название кукол для купания – «Замёрзшая Шарлотта» (англ. Frozen Charlotte). В 1843 г. американский писатель С. Смит написал поэму для газеты Rover под жутким названием «Труп, приехавший на бал». В поэме рассказывалось о де-

вешке по имени Шарлотта, которая жила со своими родителями в небольшой деревушке. Накануне Нового года она отправилась со своим братом Чарли в город на новогодний бал. Девушка категорически отказалась одеться потеплее, чтобы не помять свое прекрасное платье. К несчастью, в тот вечер стоял страшный мороз, и Шарлотта в дороге замёрзла. По прибытии брат увидел, что сестра сидит мёртвая [18]. Позднее данное стихотворение было положено на музыку, и баллада «Ярмарка Шарлотты» пошла в народ.

История не была вымышленной. Стихотворение Смита было основано на инциденте, произошедшем 1 января 1840 г. и описанном в статье «Труп, идущий на бал», опубликованной в издании «Нью-Йорк Обсервер» в 1840 г. Впоследствии вид ввозимых из Германии кукол для купания – белый цвет и неподвижные руки и ноги – стал ассоциироваться с трупом несчастной очоженевшей девушки. Фабриканты также наладили изготовление кукол-мальчиков для купания, которых стали называть «Замёрзший Чарли» (англ. Frozen Charlie).

Однако исследователи сходятся во мнении, что название «Замёрзшая Шарлотта» не использовалось во время бытования кукол для купания и появилось гораздо позднее – примерно в середине 1940-х гг. [23]. Так к уже имеющимся названиям кукол для купания добавилось ещё одно – «Замёрзшая Шарлотта».

Массовое производство кукол для купания продолжалось вплоть до 1930-х гг. Впоследствии куклы для купания также изготавливались из фарфора, но в гораздо меньшем объёме вследствие появления новых материалов, более подходящих для детских игрушек.

Говоря о куклах для купания, нельзя не упомянуть о куклах «Чайна-долл» (англ. China-doll, нем. Nanking-Puppen, Brustkopf, Biedermeier). Данные виды кукол выпускались на одних и тех же фабриках и зачастую имели одинаковые формы головы.

«China» – международное обозначение высококачественного фарфора. Китай до XVIII в. владел монополией на производство фарфора. Какое-то время и фарфор, и Китай обозначались одним и тем же словом – «china».

Итак, china shoulder head dolls – кукольные головки, чаще бюстики, где голова неподвижно соединена с плечами. Куклы изготавливались с рельефными причёсками из глазурованного фарфора и в основном были раскрашены надглазурными красками. Тело кукол было выполнено из ткани или кожи, набитой опилками, пробковой крошкой или конским волосом, в ранний период – деревянное; руки и ноги кукол исполнялись частично из ткани и фарфора или полностью тканевые. Часто фабрика выпускала лишь кукольные головки: предполагалось, что тело и одежду покупатель изготовят сами.

В 1840 г. началось серийное производство фарфоровых кукольных головок. Большинство

China-doll были изготовлены в Германии. Массовый выпуск был налажен фабриками Kestner, Konigliche Porzellanmanufaktur (KPM), Meissen, Kister, Conta&Boehme, Alt, Beck and Gottschalck, Hertwig, Kloster Veilsdorf и Kling. Кроме Германии кукольные головки выпускали в Дании (Royal Copenhagen), Франции (Barrois, Jacob Petit), Швеции (Rörstrand), Чехии (Schlaggenwald), Польше (Tielsch).

Производство фарфоровых кукольных головок, начатое в 1840-х гг., ещё было экспериментальным, и куклы изготавливались не столько как детские игрушки, сколько как предметы искусства для декорирования помещений, приятные для созерцания.

С каждым десятилетием производства фарфоровых кукол стремительно росли масштабы. В то время как в период 1870-х гг. были изготовлены тысячи или десятки тысяч фарфоровых кукол, в 1880-х и 1890-х гг. были изготовлены миллионы детских кукол и фарфоровых головок.

Куклы «Чайна-долл», как и куклы для купания, в основном не маркировались производителем, а могли иметь лишь цифровое обозначение размера. Однако данные куклы подробно описаны и классифицированы.

Поскольку кукольные головки «Чайна-долл» не имеют тела и одежды, идентификация производится по причёске кукол. Точную дату изготовления установить проблематично, но можно определённо сказать, раньше какого периода не мог появиться отдельный вид кукол.

Существует тесная связь между причёсками кукол и причёсками, изображенными в таких модных журналах рассматриваемого нами периода, как Godey's Lady's Book и Harper's Bazar.

Следует заметить, что причёскам кукол уделялось особое внимание. Подробный разбор причёсок «Чайна-долл», введённых в 1860–1870-х гг., доказывает, что кукольные причёски идентичны вплоть до каждой волны и завитка. Важно было оставаться в курсе модных тенденций. Кукольные дизайнеры гордились тем, что представляли новые модели из года в год. Особо удачные модели продолжали выпускать долгое время. Конкуренспособные фарфоровые заводы могли производить кукольную голову, которая хорошо продавалась, несколько лет, но они не будут намеренно вводить новые модели кукол с причёсками, которые устарели на несколько лет [21, с. 50]. Таким образом, по причёске куклы «Чайна-долл» возможно установить начало периода производства такой модели.

Существовало большое количество разновидностей причёсок – от самых замысловатых в начале изготовления до упрощённых в период пика и завершения производства.

Поскольку куклы для купания и «Чайна-долл» изготавливались в одно время и теми же фабриками, датировка по причёске куклы также относится и к куклам для купания. Осмотр найденной в

Кургане куклы для купания № 1 даёт основания полагать, что её причёска – flat top («плоская вершина»). Данная причёска описывалась так: высоко открытый лоб, центральный пробор, вертикально завитые локоны в количестве до 19, уложенные вокруг головы. Причёска «плоская вершина» с короткими завитками вокруг головы была показана в 1862 г. на Лондонской выставке. С этого времени начался выпуск кукол с такой причёской и продолжился вплоть до 1884 г. [21, с. 49].

В дореволюционной России была более распространена народная игрушка, изготавливаемая кустарным способом. Основными материалами для создания кукол являлись дерево, глина, текстиль, позже – папье-маше. Вместе с тем существовали и российские фарфоровые куклы, которые составляли достойную конкуренцию европейским образцам. Куклы с фарфоровыми головами дорого стоили и были доступны далеко не всем, а лишь наиболее обеспеченным слоям общества.

Сохранились сведения о трёх крупных кукольных российских фабриках:

- Фабрика И. В. Журавлёва и А. Д. Кочешкова в Москве в 1902 г. развернула производство кукол из воронежской глины, выдерживающей обжиг необходимой температуры. Расцвет фабрики пришёлся на период начала Первой мировой войны, когда ввоз кукол в Россию практически был прекращён.

- Фабрика кукол С. Г. Дунаева, расположенная в с. Хотьково Московской губернии, осуществляла деятельность с 1893 г. и производила кукол и кукольные головки – терракотовые и из бисквитного фарфора.

- Третьей в России была кукольная фабрика Я. Фингергута и А. Шраера, расположенная в польском г. Калиш (на дату открытия фабрики – 1884 г. – Калишская губерния входила в состав Российской империи). Ассортимент предлагаемых компанией игрушек был широк: куклы с головой из бисквитного фарфора и «спящими» глазами, деревянная кукольная мебель, сборные магазины и домики, рояли и пианино, самолёты, кубики, мозаики и деревянные животные.

Во время революции 1917 г. производство кукол пришлось прекратить. В конце 1920-х гг. кукла в Советском Союзе запрещается. Её изъяли, поскольку считали, что она вредна и воспитывает мещанские навыки. Вместе с тем очень скоро начали появляться суждения, что советский ребёнок нуждается в куклах – но в куклах принципиально новых, отвечающих политическим установкам государства и художественному запросу новой эстетики [17, с. 149]. Однако сведения о производстве именно кукол для купания указанными кукольными фабриками не сохранились.

В то же время есть сведения об изготовлении в России кукол для купания фарфоровыми заводами, производившими посуду.

Первый в России фарфоровый завод –

Императорский – был основан в 1744 г. под Санкт-Петербургом. Необходимая для производства фарфора глина вывозилась в то время из д. Жировой Гжельской волости. В свободную продажу изделия завода не поступали. Кроме того, в Санкт-Петербурге функционировали фарфоровые заводы с 1814 г. – Ф. Батенина, с 1835 г. – бр. Корниловых.

Основное фарфоровое производство в России было сосредоточено в трёх районах. В селениях так называемого «Гжельского Куста» – Бронницкого и Богородского уездов Московской губернии и Покровского уезда Владимирской губернии – благодаря обнаруженным залежам огнеупорных глин и особенно каолина сосредоточилось наибольшее число фарфоровых заводов [13, с. 1–3] (с 1754 г. – Ф. Гарднера, с 1804 г. – А. Попова, с 1809 г. – А. Ауэрбаха, с 1812 г. – Я. Кузнецова, с 1814 г. – А. Сафронова, с 1820 г. – бр. Козловых, с 1830 г. – бр. Тереховых, с 1865 г. – И. Иконникова).

В Волынской губернии, также обеспеченной необходимым сырьём, действовали следующие фарфорово-фаянсовые фабрики: с 1848 г. – А. Бахмутского, с 1889 г. – М. Шапиро и А. Зусмана, с 1854 г. – фабрика в Барашах, с 1908 г. – У. Сигала в Славуте.

В с. Горошки Волынской губернии существовал «Кукольный заводик», принадлежащий с 1905 г. А. Брички. Однако кукол данный завод не производил. Его ассортимент составляли изделия из грубого крашеного бисквита – кашпо для цветов, вазы, скульптура. Эстетически продукция завода была ориентирована на западноевропейские образцы в стиле модерн. Торговые знаки на продукцию не ставились [5, с. 62].

В Боровичском уезде Новгородской губернии с 1878 г. существовали фарфоровые заводы И. Кузнецова. Местное новгородское сырьё использовалось лишь для производства изделий среднего класса. Для изготовления высококачественного фарфора каолин и иное сырьё приходилось закупать за границей (в Англии, Швеции, Норвегии, Финляндии). Фабрики И. Е. Кузнецова выпускали преимущественно посуду, сведений об изготовлении фарфоровых кукол не сохранилось. Продукция реализовывалась на Нижегородской, Ирбитской, Омской, Ярославской, Рыбинской и других ярмарках [14, с. 306, 317].

В Иркутской губернии действовали 2 фарфоровых завода: с 1867 г. – братьев Переваловых и с конца 1870-х до 1882 г. – братьев Рождественских.

На фабрике Переваловых делались пасхальные сувениры: фарфоровые яйца с росписями, лампадки и фарфоровые художественные вставки для окладов икон и церковных книг, вещи повседневного обихода, а также детские игрушки: кукольные головки, солдатки, игрушечные сервизы, детская мозаика [3, с. 39].

В 1881 г. «Сибирская газета» в разделе «Корреспонденция. Иркутск» писала, что дела

единственной в Восточной Сибири фарфоровой фабрики шли хорошо: произведения становились лучше, и спрос на них увеличивался не только в Иркутской губернии, но и в Якутской и Забайкальской областях. Активной реализации продукции в Восточной Сибири способствовало то, что к концу 1880-х гг. привоз фарфора и фаянса из России в Сибирь практически прекратился [3, с. 39].

В г. Шадринске Пермской губернии с 1822 г. действовала фабрика Фетисовых. Сырьё для производства изделий доставлялось из округов Пермской и Уфимской губернии. На фабрике вырабатывали фарфоровую и фаянсовую посуду и детские игрушки [11, с. 117]. Фабрика прекратила производство в 1850 г.

В Тобольской губернии собственного производства фарфора не имелось ввиду отсутствия необходимого сырья.

На единственной существовавшей в Тобольской губернии в 1830–40-х гг. фаянсовой фабрике И. Медведева в д. Коктюль Ялуторовского округа производились исключительно фаянсовые изделия [12, с. 76].

О производстве и использовании детских игрушек, в том числе фарфоровых, в Кургане известно крайне мало. Некоторые сведения можно почерпнуть из дореволюционных каталогов, рекламных объявлений и торговых прейскурантов.

В Кургане и Курганском уезде собственного игрушечного фарфорового производства также не было, практически все игровые товары привозились издалека. Фабричные игрушки можно было приобрести на ярмарках или в городских магазинах.

Согласно «Адрес-календарю торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии» за 1909 г., игрушки можно было приобрести в г. Кургане в 2 магазинах – Комарских П. С. и Панина С. В. на Нижнем базаре. Также детские игрушки продавали Кочешев А. И. в своём магазине на углу Дворянской улицы и Думского переулка [1] и Торговый дом «В. Т. Харламов и С-вья» на ул. Дворянской [15].

В газете «Курганский вестник» от 21.11.1913 г. размещена реклама Торгового склада игрушек Ф. М. Орлова, расположенного в г. Москве.

Кроме магазинов, игрушки можно было приобрести на местных ярмарках: Алексеевской, Тихановской, Казанской, Рождественской и др. О том, что игрушки продавались на ярмарке, можно судить по следующей публикации в газете «Курганский вестник» от 01.01.1913 г.: «Рождественская ярмарка, продолжавшаяся с 14 по 24 декабря, по привозу товаров была очень большой и значительно превзошла прошлогоднюю. Было много привезено – готового платья, шуб, пимов, щепного товара, игрушек, кочмы из пушины зайцев, много было рыбы, доставленной из Каинска» [4].

Также фарфоровые игрушки могли быть при-

обретены на крупных российских ярмарках – например, Ирбитской и Нижегородской. Так, крупный российский оптовый продавец «Торговый дом “Н. Феттер и Е. Гинкель”», имевший отделения на Нижегородской ярмарке (Алекса́ндро-Невская улица у Биржи, собственные лавки № 149, 151 и 153) и Ирбитской ярмарке (Тульский медный ряд, собственная лавка), предлагал к продаже фарфоровые куклы для ванн (голыши). Согласно каталогу 1905 г., в ассортименте имелись куклы стоячие и сидящие разного размера, а также бюсты и головки фарфоровые для кукол. Самого маленького размера кукол можно было приобрести по цене 1 рубль за сотню, самого большого размера – 7 рублей за 100 кукол.

Поскольку фарфоровые куклы для ванн производились фарфоровыми фабриками, изготавливавшими посуду, эти куклы могли продаваться также в посудных магазинах. Подтверждение тому можно встретить в рассказе М. Цветаевой «Мой Пушкин» 1937 г.:

«С памятником Пушкина была и отдельная игра, моя игра, а именно: приставлять к его подножию мизинную, с детский мизинец, белую фарфоровую куколку – они продавались в посудных лавках, кто в конце прошлого века в Москве рос – знает, <...> приставлять к гигантов подножию такую фигурку и, постепенно проходя взглядом снизу-вверх весь гранитный отвес, пока голова не отваливалась, рост – сравнивать» [16, с. 270].

Согласно «Адрес-календарю торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии» за 1909 г., посуду в г. Кургане можно было купить на Нижнем базаре у Алферовой П. Е., Алферова С. И., Должанской Е. Е., Зайцева П. И. и Лаврентьева А. А., а также в Торговом доме бр. Барминых на Базарной площади и у «Товарищества Кулишева и Портных» в Гостином ряду.

Несмотря на то, что куклы сохранились не полностью, на основании этих находок можно сделать определенные выводы.

У куклы № 1 частично утрачены ступни и руки, сколы залощены. Очевидно, ею пользовались какое-то время и после поломки, что свидетельствует о большой ценности куклы для использующего.

Для куклы № 1 можно предположить владельца. На месте проведения археологических раскопок в указанный период времени (с 1865 г. до революции 1917 г.) проживал курганский купец 2-й гильдии Иван Стефанович Бакинов с супругой Неонилой Васильевной, сыновьями Петром (1847 г. р.) и Иваном (1857 г. р.) и дочерью Федосьей (1851 г. р.). Сын Пётр Иванович Бакинов проживал в данной усадьбе до 1918 г. с женой и детьми: Таисьей (1873 г. р.), Николаем (1876 г. р.) и Клавдией (1894 г. р.) [2, с. 32; с. 34]. Таким образом, найденная кукла могла принадлежать как дочери Бакинова И. С. Федосье, так и его внукам Таисье и Клавдии.

Поскольку фарфоровые куклы для ванн производились многими фабриками – как иностранными, так и российскими – и не маркировались, на данном этапе исследования вопрос об изготовителе данных находок остаётся открытым. Куклы для купания были чрезвычайно популярны по всему миру, поэтому неудивительно, что такие фарфоровые куклы могли быть привезены и в Курган.

Обеих кукол можно датировать серединой XIX – началом XX в. Куклы для купания, к которым относятся обе находки, вошли в обиход в 1850-х годах и изготавливались и продавались до 1930-х, причём кукла № 1 могла появиться не ранее 1862 г.

Можно уверенно говорить, что указанные находки являются датирующим материалом благодаря ограниченному периоду бытования.

Поскольку за все годы проведения раскопок в Кургане эти две фарфоровые куклы – пока единственные подобные находки, можно заключить, что данные куклы принадлежали состоятельным горожанам.

Данные находки могут стать дополнительным источником информации о деловых и культурных связях нашего города с иными территориями, и, возможно, могут реконструировать образ жизни и материальную культуру курганцев середины XIX – начала XX века.

Приносим благодарность Курганскому областному краеведческому музею за возможность использования фондов КОКМ КП 45107/26 и КОКМ ФМАП 1.

Библиографический список

- 1 В магазине А. И. Кочешева : [рекламное объявление] // Курганский вестник – 1910. – 2 янв. (№ 1). – С. 2.
- 2 Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX века) : в 2 т. / А. М. Васильева. – Шумиха : ШМРТ, 2010. – Т. 1. – С. 31–38.
- 3 Грызлова А. А. Фарфоро-фаянсовое производство Иркутской губернии на примере коллекции фарфора XIX века из собрания Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева / А. А. Грызлова // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8, № 1А. – С. 34–42.
- 4 Итоги Рождественской ярмарки // Курганский вестник – 1913. – 1 янв. (№ 1). – С. 3.
- 5 Корусь Е. К вопросу об истории фарфоро-фаянсовых производств Волыни рубежа XIX–XX веков и их товарных знаках / Е. Корусь // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2012. – № 11 (101). – С. 58–67.
- 6 Менщиков В. В. Археология города Кургана: итоги и перспективы комплексного подхода в изучении памятников нового времени / В. В. Менщиков, И. К. Новиков // Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки : сб. статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Д. М. Бондаренко, Д. Н. Маслюженко. – Москва, 2020. – С. 410–415.
- 7 Мопассан Г. де. Мадемуазель Перль // Собрание сочинений : в 6 т. / Г. де Мопассан. – Донецк : Донеччина, 1995. – Т. 5. – С. 272–287.
- 8 Новиков И. К. Исследование культурного слоя города Кургана по адресу: ул. Куйбышева, 44 / И. К. Новиков // VII Юговские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 23 марта 2022 г. / Курганская обл. универс. науч. б-ка им. А. К. Югова. – Курган, 2022. – С. 140–144.
- 9 Новиков И. К. Предварительные итоги исследова-

ния культурного слоя г. Кургана в 2013 г. / И. К. Новиков // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – С. 22–24.

10 О мануфактурной и торговой промышленности, звериных и рыбных промыслах Тобольской губернии // Журнал мануфактур и торговли. – 1834. – № 4. – С. 36–55.

11 Павловский Б. В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала / Б. В. Павловский. – Москва : Искусство, 1975. – 117 с.

12 Сауков Г. Н. Фрагменты фаянсовой посуды с клеймом «Медведева» из «Культурного слоя города Кургана»: атрибуция и датировка / Г. Н. Сауков, И. К. Новиков // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч. конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. – С. 75–78.

13 Селиванов А. В. Фарфор и фаянс Российской империи : описание фабрик и заводов с изобр. фабрич. клейм / А. В. Селиванов. – Владимир, 1903. – VIII, 175 с.

14 Товарищество на паях Ив. Ем. Кузнецова // Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX в. : сб. док. / сост.: Т. А. Данько [и др.]. – Великий Новгород, 2014. – С. 306–334.

15 Т-вый Д-м В. Т. Харламова С-вья : [рекламное объявление] // Курганский вестник – 1914. – 30 нояб. (№ 76). – С. 1.

16 Цветаева М. И. Мой Пушкин // Избранное / М. И. Цветаева. – Москва : Просвещение, 1989. – С. 267–269.

17 Чаусова А. А. Народная кукла в постреволюционной России: проблема трансформации социокультурной семантики / А. А. Чаусова // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 148–151.

18 Ярмарка Шарлотта – Fair Charlotte – Wikipedia // Энциклопедия : сайт. – URL: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Fair_Charlotte/ (дата обращения: 05.03.2023).

19 Cieslik J. Cieslik's Lexicon der Deutschen Puppenindustrie von Jurgen & Marianne Cieslik German Doll Marks and Identification Book / J. Cieslik, M. Cieslik. – Julich : Marianne Cieslik Verlag, 1989. – 352 p.

20 Coleman D. S. The Collector's Encyclopedia of Dolls. Vol. 2 / D. S. Coleman, E. A. Coleman, E. J. Coleman. – New York : Crown Publishers, Inc., 1986. – 1266 p.

21 Krombholz M. G. Identifying German Chinas 1840–1930 / M. G. Krombholz. – [S. l.] : Hobby House Press, 2004. – 176 p.

22 Richter L. Antin Puppen: mit modellierten Haaren aus China-, Parian- und Biskuitporzellan ca. 1840 – ca. 1900 Deutsche puppen / L. Richter. – Augsburg : Battenberg, 1993. – 184 p.

23 Taylor-Blake B. Defrosting Frozen Charlotte: 21st-Century Misconceptions about a 19th-Century Doll / B. Taylor-Blake // So They Say : site. – URL: <https://btaylorblake.com/2019/07/06/defrosting-frozen-charlotte-21st-century-misconceptions-about-a-19th-century-doll/> (дата обращения: 28.02.2023).

Д. А. Павленко, Т. В. Козельчук,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган

ДЕТСТВО В ЭВАКУАЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА В. А. ЕСЕТОВА

В настоящее время в исторической науке остается актуальной проблема исследования различных аспектов повседневной жизни эвакуированного населения во время Великой Отечественной войны. Как отмечает В. С. Меркурьева, «эвакуация детей из районов боевых действий предпринималась в годы Первой мировой и Гражданской войн. Однако максимального размаха эта работа достигла в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, в условиях военного времени происходила разработка целого ряда законодательных актов, посвящённых социальной защите детей, была существенно расширена сеть приёмников-распределителей и детских домов различных типов, актуализировалась практика передачи детей в приёмные семьи» [4, с. 189].

Решение об эвакуации детей было принято руководством страны в первые дни войны; «были приняты грандиозные меры, направленные на поддержание достаточных условий для жизни несовершеннолетних. Учитывая огромное количество детей, эвакуируемых с прифронтовых территорий, это была задача чрезвычайной сложности. Удалось организовать быт и питание детей, минимизировать, насколько это было возможно, потери здоровья и таким образом спасти поколение “детей войны”» [5, с. 229]. Одним из регионов, куда стали прибывать эвакуированные дети уже в первые месяцы Великой Отечественной, стали районы, которые в 1943 году вошли в Курганскую область.

Эвакуация – не просто смена места проживания: это кардинальное изменение привычного образа жизни, привычного окружения, разлука с близкими, с семьёй и т. п. Как вспоминали эвакуированные, «всё дальнейшее было перечёркнуто тяжелейшей и жесточайшей войной, заставившей малолетних ребят жить в экстремальных условиях голода и лишений» [2, оп. 1, д. 45, л. 7]. Поэтому изучение детства в эвакуации является неотъемлемой частью не только истории Великой Отечественной войны, но и детской повседневности. На это обращает внимание Н. Бельская:

«Тема жизни детей в эвакуации заслуживает особого внимания, так как дети составили существенную часть эвакуированного населения. Более того, жизнь детей в некоторых аспектах отличалась от жизни взрослых. С другой стороны, надо иметь в виду, что для детей война и эвакуация составляли ключевой период их жизни – это был момент созревания и развития, который отразился на их будущей жизни» [1, с. 170].

В данной статье в качестве главных источ-

ников для определения проблематики детства эвакуированных были привлечены воспоминания людей, чьи детские годы прошли в различных районах Курганской области. Эти тексты сохранились в Государственном архиве Курганской области в фонде Виталия Алексеевича Есетова [2, оп. 1, д. 37, 40, 42, 45, 46, 48].

Виталий Алексеевич Есетов был журналистом, активно занимался издательской деятельностью, интересовался историей родного края. В период подготовки к публикации собранных воспоминаний являлся председателем Комитета по печати и средствам массовой информации Курганской области. В 2000-х годах Виталий Алексеевич, задействуя средства массовой информации, целенаправленно разыскивал людей, чьё детство прошло на территории Курганской области, чтобы собрать необходимый материал среди немногих оставшихся в живых. Кроме этого, он собирал газетные вырезки разных лет с воспоминаниями людей, которые публиковались в районных газетах Курганской области [2, оп. 1, д. 37]. Поэтому рассматриваемые в данной статье в качестве источников воспоминания представлены преимущественно в виде частных писем, адресатом которых являлся Виталий Алексеевич, и материалов периодических изданий, выходивших в Курганской области.

Итак, всего в данной статье использован 31 эго-документ, а именно: 26 воспоминаний (18 из них написаны взрослыми как отклик на поиски В. А. Есетова, остальные 8 были опубликованы в газетах и оттуда взяты Есетовым) и 5 писем 1942–1943 годов, автором которых является Оксана Булавская, эвакуированная из Ленинграда.

Данные источники представляют интерес для исследователя, потому что позволяют увидеть события глазами непосредственных участников того времени – детей, узнать, как они реагировали на происходящее, как его оценивали, какие именно аспекты своей жизни в эвакуации они вспоминали, на чём заостряли внимание, как уже взрослые люди осмыслили своё детство в эвакуации и многое другое. Ещё раз подчеркнём, что подавляющее большинство используемых нами воспоминаний о детских годах в эвакуации были записаны людьми в пожилом возрасте, поэтому неизбежно в них присутствуют неточности, отчасти идеализация прошлого, что свойственно мемуаристике в целом [6]. Отметим, что стилистика и содержание воспоминаний и писем будут отличаться. В первом случае это осмысление детства взрослыми

людьми, во втором – непосредственный детский взгляд. Поэтому в письмах Ксении Булавской, синхронных событиям, больше деталей, больше описания того, что она делала, видела, как вела свой быт, а в воспоминаниях, наоборот, больше оценочных суждений о прошлом.

Среди авторов, отозвавшихся на призыв В. А. Есетова, было больше женщин (22 текста из 31), поэтому прежде всего историк сможет реконструировать повседневную жизнь в эвакуации девочек/девушек. Авторы не указывают возраст, в котором были эвакуированы, но рассказы о школе и другая косвенная информация позволяют предположить, что возраст детей варьируется от 8 до 17 лет.

Конечно, имеющиеся в нашем распоряжении источники не могут охватить всех, кто провёл детство в эвакуации именно в Курганской области: таких детей было намного больше. Ссылаясь на фонды ОГАЧО, Есетов сообщает, что к концу 1941 года на территориях будущей Курганской области было размещено свыше 7 тыс. эвакуированных детей, а всего за годы войны их было около 16 тыс. [2, оп. 1, д. 34, л. 4]. По другим сведениям, «осенью и зимой 1941–1942 гг. было организовано 148 детских домов, в которых размещалось около 12 тысяч детей, в том числе более семи тысяч из блокадного Ленинграда» [3, с. 222].

С определением точного числа эвакуированных ещё предстоит разобраться. Тем не менее реконструкция детства в эвакуации на основе заявленных выше источников, на наш взгляд, возможна. Каждое воспоминание или письмо представляют ценность, так как передают эмоции, чувства, переживания самих детей, их индивидуальный опыт. Например, вот, как они пишут: «В памяти остались голодные дни, обиды и, конечно, доброта людская...» [2, оп. 1, д. 44, л. 5]; «нелегко было учиться, иногда писали между строчками старых книг, жили трудно» [2, оп. 1, д. 48, л. 15]; «мамочка, я до сих пор не получила ни одного письма, а без писем скучно» [2, оп. 1, д. 42, л. 1]; «на всю жизнь у меня остался ужас от этой тяжёлой сельской работы и большое уважение к людям этого труда» [2, оп. 1, д. 41, л. 7]. Именно субъективная составляющая важна для полноценной реконструкции детской повседневности.

Наконец, источниковедческое значение имеют уникальные сведения эго-документов, которые исследователь вряд ли обнаружит в других текстах – например, в делопроизводственных документах. Только в документах личного происхождения (если не считать устные воспоминания и художественную литературу) можно прочитать, к примеру, следующее: «Получить в колхозе подводу с лошастью было очень сложно. Если надо было съездить в Мехонку или за дровами, всегда старались дать быка... Бык был приучен к матерной речи, что совершенно не умели делать моя мама и жена дяди Бори. Дело кончалось слезами, поездка срывалась» [2, оп. 1, д. 41, л. 6–7].

Итак, исследуя воспоминания и письма, можно сделать вывод, что эвакуация детей проводилась двумя способами. Первый способ заключался в перемещении детей в составе различных детских учреждений (школы, ясли, детсады); второй способ – совместно со своими семьями.

От способа эвакуации зависели будущие условия жизни, а также разница в обеспечении. Об этом писал Юрий Поляков, который вместе с мамой был эвакуирован в Варгашинский район: «Условия жизни в детдоме были намного выше, чем у местного населения. Воспитанники по норме получали необходимые продукты питания: хлеб, сахар, масло, крупы... Местные дети, тем более дети эвакуированных, или “беженцев”, как их называли местные жители, и этого не видели. Тех крох, которые родители получали по карточкам на “иждивенцев”, катастрофически не хватало» [2, оп. 1, д. 37, л. 15].

Дети, эвакуированные в составе детских домов, несмотря на выделяемые продуктовые пайки, отмечали недостаток в продовольствии, кроме этого, в начальный период войны, норма хлеба уменьшалась: «Хлеба стали давать не 600 гр., а 400» [2, оп. 1, д. 42, л. 1]. Они пытались искать другие способы, чтобы прокормиться. Об этом в своём письме к матери 12 мая 1942 года пишет Ксения Булавская: «На днях я покупала молоко, но так как его очень трудно достать, то достала только 1 литр и поделили его между 4 девочками. Сейчас коплю сахар, чтобы купить яйцо и сколотить гоголь-моголь» [2, оп. 1, д. 42, л. 2].

В условиях войны деньги как таковые потеряли своё значение: вместо продажи появилась практика обмена продуктов на вещи, «местное население неохотно продавало продукты за деньги, которые в ту пору быстро обесценивались. Предпочитают менять продукты на одежду, обувь, керосин и др. промтовары» [2, оп. 1, д. 46, л. 10].

По записанным воспоминаниям можно проследить, что продовольственное обеспечение детей постепенно ухудшалось: «Продуктовые нормы всё время урезаются. Если осенью хлебная норма была 600 гр. на день, с нового 1942 г. она стала 500 грамм, а к весне сократилась до 400. Оскудел и приварок. На ужин получаем только кусочек хлеба и стакан чая» [2, оп. 1, д. 46, л. 10].

Благодаря таким подробным описаниям можно узнать, чем именно питались дети (например: «В столовой давали кашу, рыбный суп. Мы ели суп, обжигаясь, чтобы старшие дети не забрали» [2, оп. 1, д. 44, л. 55]), а главное – как боролись с постоянным недоеданием, голодом; одним словом – как выживали.

«Каково же было удивление и радость, когда на наших двух сотках выросло много картошки, не хуже, чем у колхозниц. И колхозники удивлялись и радовались за нас. С картошкой жизнь уже стала легче. В колхозе на трудодни платили гроши, иногда давали муку или какую-нибудь крупу. Помню, пала лошадь, нам дали голову, мама очень об-

радовалась, но не помню, что с ней сделали» [2, оп. 1, д. 41, л. 6–7].

Большую роль в обеспечении эвакуированных необходимыми ресурсами сыграло местное население. Во многом именно на него легла забота о предоставлении большому потоку приезжающих людей жилья, одежды, продовольствия: «Трудно было устраивать детей на новом месте. Не хватало хлеба, дров, мыла, обуви, одежды, но на помощь эвакуированным детям пришли жители района. Они собрали для детских домов 30 тыс. рублей деньгами, 200 шт. фуфаек, 143 пары валенок. Кроме того, 1500 руб. были собраны на покупку кожаной обуви» [2, оп.1, д.45, л.1]. Эвакуированные постоянно подчёркивали значимость помощи от местного населения и с теплотой о ней вспоминали, например: «Житниковцы приняли нас, как родных детей, и сделали всё, чтобы мы выросли полноценными людьми.... Я и сейчас с благодарностью кланяюсь житниковцам за их добрые сердца и материнскую заботу об обездоленных войной детях» [2, оп. 1, д. 43, л. 7].

Однако, несмотря на оказываемую поддержку населением, одежды всё равно не хватало. Поскольку детские учреждения, которые включали в себя жилые, учебные и хозяйственные помещения, размещали в разных домах, – в холодное время года это осложняло передвижения между ними: «Учебное здание и столовая располагались неподалеку друг от друга, и тем не менее, в зимнее время ребятня питалась в несколько заходов: обуви не хватало на всех, а бегать по снегу босыми не позволяло и так подорванное здоровье, – вот и ждали, когда освободится обувка» [2, оп. 1, д. 37, л. 5].

Главная сложность при обеспечении эвакуированных всем необходимым в том, что эвакуация подразумевает одновременное перемещение большого количества населения, поэтому сразу же обеспечить десятки, а то и сотни прибывших людей хотя бы сезонной одеждой было проблематично. В свою очередь, дорога занимала не одну неделю в пути. «Выехали из г. Пронска в конце 1941 года, а прибыли на место в январе 1942 г., – вспоминает воспитанница с. Головченко Бурдасова, – было нас 200 человек» [2, оп. 1, д. 40, л. 1].

Кроме того, эвакуированные прибывали с минимальным количеством вещей, если не совсем с их отсутствием: во-первых, многие из этих людей ошибочно полагали, что отъезд будет недолгим и недалёким; во-вторых, выезжающим не разрешалось брать много вещей; а в-третьих, многие дети в июне 1941 года отдыхали в детских лагерях, с которыми затем и были эвакуированы (и как следствие, просто не имели сезонной тёплой одежды).

Общее положение детских домов, особенно в начальный период Великой Отечественной войны, было сложным: «Обустройство на новом

месте было очень трудным, не хватало буквально всего: кроватей, матрацев, подушек, постельного белья, одеял, одежды, обуви, посуды (ели из глиняных мисок и жестяных банок)» [2, оп. 1, д. 37, л. 16]. Поскольку специально помещения для эвакуированных никто не готовил – и, повторим, одновременно приезжало большое количество детей, которых необходимо было расположить в одном пространстве, – зачастую получалась следующая ситуация: «Был стол, но он тоже был приспособлен под кровать. Никакой другой мебели не было, постельного белья – тоже; матрацы и подушки набивались сеном, примерно то же было и в остальных домах. В комнатах было холодно, т. к. окна были не утеплены; кое-где не хватало стёкол, а дров было мало и топили плохо» [2, оп. 1, д. 37, л. 16].

Если для приезжавших в регион детских учреждений освобождали здания школ, церквей, использовали любые свободные дома, то эвакуированные в Южное Зауралье семьи с детьми подсаживали к местным жителям. Регина Бухольц (Булушева) вспоминала: «Первая осень и зима в эвакуации были для моей семьи очень трудные: мама боялась поднять голову и напомнить о нашем существовании, денег ни копейки, только у дедушки-учителя была пенсия 28 рублей. Поэтому мама меняла кое-что из белья на продукты. Но и менять-то было особенно нечего, так как все говорили, что уезжаем только до зимы, война скоро кончится» [2, оп. 1, д. 41, л. 4].

Не обходилась без сложностей и организация учебного процесса в школах. Неудобства заключались в отсутствии необходимого количества учебников, канцелярии, а также в бытовом плане: «Электричества в селе нет. Школьный класс освещается керосиновой лампой. В первую очередь освещается доска, учительский стол и, по возможности, парты. Детдом керосиновых ламп не имеет» [2, оп. 1, д. 46, л. 9]. Поскольку в большинстве случаев ситуацию невозможно было изменить, приходилось подстраиваться под сложившиеся условия – так, «при полном отсутствии керосина школьный урок сокращается... Меняется расписание. Первые уроки утренней смены и последние уроки второй смены отводят тем предметам, где можно обойтись без доски и не надо записывать» [2, оп. 1, д. 46, л. 9].

После окончания школы обучение детей продолжалось, ребят отправляли учиться в техникумы и другие учебные заведения. Заботились об этом в первую очередь учителя: «В 1944 году выпуск был большой. Ребят отправляли в ремесленные училища г. Челябинска, Кыштыма, а девочек – в Макушинское педучилище, Макушинский зооветтехникум» [2, оп. 1, д. 40, л. 1].

Вполне закономерно, что в повседневный режим всех эвакуированных детей вошла трудовая деятельность, школьники помогали колхозам на сельскохозяйственных работах. При этом эвакуированным детским домам выделялись земельные

участки, на которых они выращивали урожай, а затем – уже ближе к концу войны – на базе детских домов появлялись свои мини-фермы. Так, в Шаламовском детском доме Мишкинского района в 1944 году «на берегу реки был выделен участок под огород, где выращивали овощи для детдома. Посадили яблони, держали коров, свиней» [2, оп. 1, д. 37, л. 16]. При этом корм заготавливали собственноручно.

Сельский труд для многих эвакуированных оказался очень тяжёлым: «А мы, подростки, были на прополке зерновых. Выстраивались в ряд несколько человек, надевали на руку варежку или просто наматывали тряпку, рвали осот, васильки и т. д. Жара, слепни; я, конечно, всегда отставала от местных, и надо мной не всегда добродушно посмеивались. Но самое ужасное – вязание снопов. Вот уж наплакалась я. Спину ломит, руки все иколоты, жарища...» [2, оп. 1, д. 41, л. 6–7].

Активное участие эвакуированные дети принимали в работе по снабжению фронта, которой был охвачен весь тыл. Валерия Максимова, чьи детские годы прошли в с. Мехонка Шатровского района, вспоминает: «Школьники, как и всё взрослое население, занимались сельхозработами: заготавливали сено, пололи овощи, убирали картофель» [2, оп. 1, д. 48, л. 5].

Многими воспитателями и местными жителями отмечалось трудолюбие эвакуированных детей: «У леса сами распахали пустоши, устроили огород и засадили его огурцами. Они и на колхозных работах не отставали от деревенских, а по вечерам в спальнях шили кисеты для фронта, паковали посылки незнакомым бойцам» [2, оп. 1, д. 37, л. 6].

Эго-документы, собранные В. А. Есетовым, позволяют реконструировать и такой немаловажный аспект повседневности, как детский досуг. Хотя общая картина, характеризующая ежедневный распорядок детей, состояла по большей части из учёбы и заготовительной работы, место находилось и таким развлечениям, как танцы. В основном танцы устраивались в выходные дни, дети-самоучки на баянах исполняли вальсы, польку [2, оп. 1, д. 37, л. 6]; не редкостью были танцы под патефоны, многие из них были привезены эвакуированными с разрушенных станций. Вечерами местное население вместе с приезжими слушали на патефоне романсы, при этом авторы отмечают, что это было яркое и радостное воспоминание тех лет [2, оп. 1, д. 37, л. 11]. В детских домах в период отсутствия полевых сельскохозяйственных работ, когда освобождалось время, «долгими осенне-зимними вечерами танцы под патефон в узком проходе спальни заметно скрашивали нашу, по большей части унылую, повседневность» [2, оп. 1, д. 46, л. 7]. В честь знаковых событий устраивались так называемые «вечера» – например, в детском доме Шатровского района в 1943 году отмечали 25-летие Красной Армии: «Сначала была встреча с участниками

Отечественной войны, потом была художественная часть, а после всего – танцы под патефон и пианино. Почти одни эвакуированные танцевали, а деревенские – они на один лад все танцуют» [2, оп. 1, д. 42, л. 5].

Досуговая деятельность включала в себя не только танцы. Местные педагоги проводили с приезжими различные развивающие занятия и кружки. Скорее всего, такая деятельность была организована для более младших школьников и дошкольников, поскольку они не привлекались к работе, у них было больше свободного времени. Так, в Петуховском районе был клуб, «при котором работали кружки, в том числе танцевальный, действовали спортивные секции» [2, оп. 1, д. 37, л. 19]. В Мехонском районе «с детьми приводились занятия по рисованию, лепке из глины, поделке игрушек из природного материала. Музыкальные занятия проводили под гитару, пляски придумывали сами» [2, оп. 1, д. 37, л. 17].

Конечно, дети следили за новостями с фронта, любые успехи советских войск поднимали их боевой дух, каждый ребёнок старался внести свой вклад для скорейшего разгрома врага. Это прослеживается в общем настрое авторов воспоминаний и конкретных поступках в годы войны: «Перспектива чем-то помочь фронту и приблизить долгожданную Победу привела к тому, что я... оказался на военном заводе. Мне исполнилось 12 лет, а к работе на заводах тогда допускались подростки не младше 14 лет. В “документах” мне было 14 лет» [2, оп. 1, д. 45, л. 7].

Таким образом, основным испытанием для детей из эвакуированных детских домов стали резко изменившиеся условия жизни, которые к тому же были осложнены недостатком питания и холодом. Поскольку большинство помещений не были подготовлены к приёму детских учреждений, приходилось освобождать здания школ либо любые другие помещения, иногда абсолютно не приспособленные для проживания.

Хотя воспитанников детских домов обеспечивали продуктовым пайком, детям всегда не хватало еды, особенно в холодное время года. Дополнительным источником питания для тех, кого разместили в сельской местности, в летнее время служил лес, который давал ягоды, грибы, а также различные съедобные травы и корни – однако и этого было мало, и дети постоянно испытывали чувство голода. Голод и холод – два главных сюжета воспоминаний. С такими же сложностями сталкивались и те дети, которые были эвакуированы вместе с семьями. И всё-таки им было легче, поскольку рядом были близкие люди.

От тяжёлого сельскохозяйственного труда, разлуки с родными, частых болезней детей отвлекали скромные развлечения – творческие занятия, танцы, музыка. Они ценили короткие моменты радости в своей однообразной горестной повседневности.

Тем не менее авторы рассматриваемых ис-

точников оценивали свои детские годы в эвакуации не только как сложные, трудные, унылые, но и как интересные, подарившие им большой жизненный опыт. Почти все с теплотой вспоминали местных жителей, подчёркивали, что всегда чувствовали их заботу и сопереживание. Дружеские связи, возникшие в эвакуации, сохранились и после войны: некоторые переписывались, навещали друг друга.

Возможно, авторы воспоминаний предпочли не упоминать о неприятных моментах, о девиантном поведении, старались вспоминать только хорошее. Например: «Никогда нас, «пришлых», не обижало местное население, всегда и во всём, если могли, помогали» [2, оп. 1, д. 48, л. 15]. Глядя на своё прошлое, на детство в эвакуации с высоты своего возраста авторы воспоминаний в полной мере осознали, как им была важна помощь зауральцев: «Всем дала родной кров, работу и хлеб гостеприимная зауральская земля!» [2, оп. 1, д. 48, л. 14].

Библиографический список

1 Бельская Н. В. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу / Н. В. Бельская // Демографическое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 170–177.

2 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-2472 (Есетов Виталий Алексеевич – председатель Комитета по печати и средствам массовой информации Курганской области, журналист г. Кургана).

3 История Курганской области (с древнейших времен до 1991 года) : краевед. пособие / под ред. Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – 295 с.

4 Меркурьева В. С. Эвакуация детей из прифронтовых районов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) / В. С. Меркурьева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (127). – С. 189–191.

5 Серебряный Р. С. Социальная поддержка несовершеннолетних в первый период Великой Отечественной войны / Р. С. Серебряный, Д. В. Камельских, О. В. Яремчук // Вопросы современной педиатрии. – 2022. – № 3. – С. 229–233.

6 Сиротина И. Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы / И. Л. Сиротина // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова : материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 1997). – Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Человека РАН, 1997. – С. 78–84.

*М. С. Петров,
Курганский областной краеведческий музей (обособленное
структурное подразделение ГАУК «Курганское областное
музейное объединение»),
г. Курган*

ПРОИЗВОДСТВО ТОКАРНОЙ ПОСУДЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА (УЕЗДА) ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируются данные источников, касающихся производства токарной посуды на территории Южного Зауралья и Западной Сибири в конце XIX – начале XX века.

Целью работы является выявление основных центров производства токарной посуды на территории Курганского округа (с 1898 г. – уезда) Тобольской губернии, определение количества людей, задействованных в производстве, и факторов, повлиявших на развитие промысла.

Отдельных исследований, посвящённых развитию токарного промысла на территории Курганского округа Тобольской губернии, нет. Темы производства расписной токарной посуды на территориях, сопредельных с Курганским округом Тобольской губернии, касался В. А. Барадулин в монографии «Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу», изданной в 1982 г. [1, с. 24].

Кроме того, тема Урало-Сибирской росписи, существовавшей на территории Шадринского уезда Пермской губернии и использовавшейся в том числе для украшения деревянной посуды, была рассмотрена в работе И. А. Гордиевских «Особенности развития Урало-Сибирской росписи в Зауралье» [3] и в статье Ю. М. Кислицина «История и развитие художественной росписи в г. Шадринске» [9].

Исследование базируется как на опубликованных, так и на неопубликованных источниках. К числу опубликованных источников можно отнести закон, регулировавший приобретение кустарями древесины: «Высочайше утверждённые временные Правила о попенных и посаженных деньгах за право пользования лесом в Тобольской и Томской губерниях», утверждённый в 1863 г. и действовавший до начала XX в. К этой же категории источников относится «Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г.», а также работы Н. Л. Скалозубова «Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии» и «Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии».

«Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии» был опубликован в 1895 г. Большая часть сведений, содержащихся в этой работе, была «собрана Губернским Статистическим Комитетом, главным образом, от волостных правлений и, частью, от добровольных корреспондентов из местных жителей» в 1894 г. [15, с. 1], но некоторые данные были почерпнуты из литературы и относятся к более раннему времени. Работа была приурочена к «Сельскохозяйственной и

кустарно-промышленной выставке Тобольской губернии», проходившей в г. Кургане в 1895 г. и создававшейся в большой спешке. Поэтому, по словам самого автора, «Крайняя неоднородность материала, а во многих случаях неполнота не позволили нарисовать полной картины распространения кустарных и других промыслов и степени их развития в разных местах» [15, с. 1].

«Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии», опубликованный Н. Л. Скалозубовым в 1902 г. в Ежегоднике Тобольского губернского музея, является продолжением и дополнением «Опыта обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии». Информация данного источника относится к периоду 1898–1901 гг. Большая часть сведений, составляющих содержание этой работы, была «почерпнута из материала, собранного кустарной комиссией Тобольского Губернского музея в 1898 г. посредством рассылки вопросных листов добровольным корреспондентам из сельской интеллигенции» [14, с. 1].

Значительный интерес для темы исследования представляют публицистические работы И. И. Завалишина [7], А. Н. Зырянова [8], Т. Павловича [12], С. Я. Деспот-Зеновича [6], М. Соболева [16], Н. М. Ядринцева [17; 18], содержащие разрозненные сведения о крестьянских промыслах не только на территории Курганского округа, но и на сопредельных территориях Южного Зауралья.

К числу неопубликованных источников относятся переписные листы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», хранящиеся в Государственном архиве в г. Тобольске [4]. В этом источнике имеется информация о количестве мастеров, занимающихся промыслом в каждой семье, месте рождения мастеров, их возрасте и т. д.

Информация перечисленных источников противоречива и фрагментарна. Поэтому наиболее полное представление о промысле можно составить лишь путём сопоставления сведений.

По свидетельству И. И. Завалишина, производство деревянных чашек в Ялуторовском округе Тобольской губернии было развито уже в конце 1850-х–начале 1860-х гг. По словам автора, деревянные изделия, изготовленные здесь, сбывались «не только вглубь Сибири, но и в Киргизскую степь, даже в Бухарию и Хиву (где Ялуторовские деревянные лакированные чашки высоко ценятся)» [7, с. 203].

Первые же упоминания о производстве токарной посуды на территории Курганского округа Тобольской губернии содержатся в статье Н. М. Ядринцева «Кустарные промыслы в Сибири и значение их», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1881 г. [17] (позже эта же информация будет использована автором в работе «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении», изданной в 1892 г. [18, с. 453]). По свидетельству автора, точением посуды в Курганском округе занимались «токари и красильщики-мастера», являвшиеся выходцами из Шадринского уезда Пермской губернии [17; 18, с. 453]. Сведения о том, что в Шадринском уезде точили, расписывали и лакировали деревянные чашки, содержится в работе В. А. Барадулина [1, с. 24].

Сохранившиеся экземпляры или изображения подобной посуды нам не известны. В «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 год» указывается, что готовые изделия окрашивались «разными красками с белыми и другими разводами» [13, с. 148]. Очевидно, здесь идёт речь о технике «двойного мазка», характерной для Урало-Сибирской росписи. Суть этого приёма заключается в том, что для придания объёма изображению на кисть берётся две краски. Эта роспись в конце XIX – начале XX века была широко распространена на территории Урала и Западной Сибири [3, с. 186; 10, с. 202].

Как и изделия ялutorовских кустарей, деревянные чашки, изготовленные на территории Курганского округа, имели достаточно широкое распространение. По свидетельству Н. М. Ядринцева, «готовый товар (чашки) сбывался “киргизам и в Монголию”» [17; 18, с. 453]. В «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» упоминается, что «товар этот сбывается преимущественно киргизам, а также на ярмарках, торжках и базарах по ценам от 20 до 50 к. за чашку и прочую мелочь и от 1½ рублей и далее за более крупные изделия» [14, с. 148–149].

Сведения об основных центрах токарного производства на территории Курганского округа (уезда) и количестве кустарей имеются в работах Н. Л. Скалозубова и в переписных листах переписи 1897 г. По информации Н. Л. Скалозубова, относящейся к 1885 г., в Тебеньянской волости токарным промыслом занималось 30 мастеров [15, с. 60–61]. В переписных листах Тебеньянской волости переписи 1897 г. имеются сведения лишь о двух мастерах-токарях, проживавших в д. Горушки и происходивших из разных семей. Один из мастеров был местным уроженцем, второй родился на территории Пермской губернии [4, оп. 2, д. 1807, л. 21, 47]. О продукции этих мастеров ничего не известно.

Ещё одним крупным центром производства токарной посуды являлась д. Передергина Падеринской волости. Согласно данным Н. Л. Скалозубова, здесь в 1885 г. изготавливалось

25 мастерами до 500 деревянных чашек в год [15, с. 61]. Однако в материалах переписи 1897 г. информации о проживавших здесь токарях нет.

В д. Плотниковой Шамаковской волости, по информации Н. Л. Скалозубова, в 1885 г. одним мастером изготавливалось до 1300 банок и до 1000 чашек в год [15, с. 61]. Согласно данным переписных листов переписи 1897 г., токарным промыслом в качестве вспомогательного занятия здесь занимались два мастера, происходившие из разных семей и являвшихся местными уроженцами [4, оп. 2, д. 1895, л. 21, 23].

По сведениям Н. Л. Скалозубова, относящимся к 1894 г., в деревне Банниковой Салтосарайской волости три семьи занимались вытачиванием из дерева чашек и банок [15, с. 60]. Эти данные соответствуют информации, содержащейся в материалах переписи 1897 г. В переписных листах двух крестьян д. Банниковой в графе о вспомогательном занятии указано: «Хозяин токарного заведения». Один из мастеров был местным уроженцем, в графе о месте рождения второго указано: «Тобольской губернии в Курганском округе» [4, оп. 2, д. 1780, л. 1, 5].

В графе о вспомогательном занятии ещё одного крестьянина указано: «Хозяин малярного и токарного заведения», в одном доме с ним проживали ещё два «работника при токарном заведении». Для одного работника занятие токарным промыслом являлось основным, для второго – вспомогательным по отношению к земледелию. И хозяин заведения, и оба его работника были уроженцами Челябинского уезда Оренбургской губернии [4, оп. 2, д. 1780, л. 44]. Здесь необходимо пояснить, что, согласно словарю В. И. Даля, «маляр» – это «грубый, простой живописец, малевальный мастер, ремесленник, занимающийся окраской и размалевкою комнат, повозок и пр.» [5, с. 297], так что упомянутые мастера могли заниматься не только изготовлением, но и расписыванием деревянной посуды.

По данным Н. Л. Скалозубова, относящимся к периоду 1898–1901 гг., токарный промысел существовал и в с. Салтосарайском, где «точением чашек» занималось несколько семей [14, с. 93]. Данными переписных листов переписи 1897 г. эта информация не подтверждается.

Приведённые сведения показывают, что информация Н. Л. Скалозубова, относящаяся к 1885 г., зачастую не подтверждается результатами переписи 1897 г. Наиболее убедительной причиной, объясняющей противоречивость источников, может быть упадок деревообрабатывающих промыслов в Западной Сибири в конце XIX в.

Введение в 1863 г. «Высочайше утверждённых временных правил о попенных и посаженных деньгах за право пользования лесом в Тобольской и Томской губерниях» ограничило право использования древесины из своих душевых наделов для получения дохода [2, с. 368–369]. Первое время этот запрет на практике не соблюдался, но по-

сле учреждения в 1883 г. Тобольского управления государственными имуществами и введения института лесничих это ограничение стало фактическим [12, с. 26] и привело деревообрабатывающие промыслы в состояние кризиса. В пользу этого свидетельствуют работы С. Я. Деспот-Зеновича [6, с. 265], Т. Павлович [12, с. 33], М. Соболева [16, с. 168], Н. О. Осипова [11, с. 174].

Данные о промысле, содержащиеся в работах Н. М. Ядринцева, в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» и в «Опыте обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии» Н. Л. Скалозубова, относятся преимущественно к первой половине 1880-х гг. В это время деревообрабатывающие промыслы достигают пика своего развития. После этого число мастеров, занимающихся обработкой древесины, начинает сокращаться. Вероятно, эта тенденция затронула и токарный промысел. Эта гипотеза объясняет тот факт, что в источниках, относящихся к середине 1890-х – началу 1900-х гг., упоминания о токарях, работавших на территории Курганского округа, встречаются гораздо реже.

В то же время нельзя исключать, что подобной противоречивости могла способствовать боязнь крестьян повышения налогового обложения. Информация Н. Л. Скалозубова собиралась людьми, наблюдавшими за промыслами со стороны, в то время как данные переписных листов записаны со слов самих крестьян, у которых вопросы переписчиков могли вызывать подозрение. На эту склонность крестьян обращал внимания А. Н. Котельников при анализе результатов переписи 1897 г. [10, с. 12]. По этой же причине, по свидетельству А. Н. Зырянова, было невозможно определить кожевников, работавших на территории Шадринского уезда Пермской губернии [8, с. 243], располагавшегося к северо-западу от рассматриваемой территории.

Кроме того, нельзя исключать, что токарные изделия могли производить мастера, специализирующиеся преимущественно на производстве другой продукции. Так, например, д. Передергина Падеринской волости являлась одним из наиболее крупных центров производства бондарной посуды, были развиты деревообрабатывающие промыслы и на территории Тебеняжской волости [15, с. 60; 14, с. 91–92].

Дальнейшее изучение промысла требует сбора этнографического материала и изучения коллекций музеев с целью выявления продукции, подходящей под описание той, что производилась на территории Курганского округа.

Библиографический список

- 1 Барадулин В. А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу / В. А. Барадулин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 110 с.
- 2 Высочайше утверждённые временные Правила о поленных и посаженных деньгах за право пользования лесом в Тобольской и Томской губерниях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – Санкт-Петербург :

Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1866. – Т. 38, отд-ние 1. – С. 368–372.

- 3 Гордиевских И. А. Особенности развития Урало-Сибирской росписи в Зауралье / И. А. Гордиевских // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч. конф. (Курган, 2018). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. – С. 185–188.

- 4 Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. И-417 (Губернский статистический комитет, г. Тобольск Тобольской губернии).

- 5 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург ; Москва : Издание М. О. Вольфа, 1881. – Т. 2. – 807 с.

- 6 Деспот-Зенович С. Я. Записка крестьянского начальника 1 участка Тюменского уезда С. Я. Деспот-Зеновича по вопросу о нуждах сельскохозяйственной промышленности / С. Я. Деспот-Зенович // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киришбаума, 1903. – Т. 53 : Тобольская губерния. – С. 263–268.

- 7 Завалишин И. И. Описание Западной Сибири : в 3 т. / И. И. Завалишин. – Москва : Тип. Грачёва и комп., 1862. – Т. 1. – 419 с.

- 8 Зырянов А. Н. Промыслы в Шадринском уезде / А. Н. Зырянов // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – С. 257–266.

- 9 Кислицын Ю. М. История и развитие художественной росписи в г. Шадринске / Ю. М. Кислицын // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч. конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. – С. 201–203.

- 10 Котельников А. Н. История производства и разработки Всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. – Санкт-Петербург : Тип. акционер. о-ва «Слово», 1909. – 124 с.

- 11 Осипов Н. О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии / Н. О. Осипов. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и комп., 1898. – Т. 3. – 391 с., 197 с. (прил.). – (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири ; вып. 22).

- 12 Павлович Т. Кустарная деревообрабатывающая промышленность и лесное хозяйство в Тобольской губернии / Т. Павлович // Сибирский сборник : прил. к газ. «Восточное обозрение». – Иркутск, 1901. – Вып. 1. – С. 21–33.

- 13 Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год / сост. А. И. Дмитриевым-Мамонтовым и К. М. Голодниковым. – Тобольск : Тип. Тобольского губернского правления, 1884. – 404 с., [65] с. (прил.).

- 14 Скалозубов Н. Л. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии. С алфавитным указателем промыслов и селений, упоминаемых в обзорах за 1895 и 1902 гг. (С 5 таблицами цинкографических рисунков) / Н. Л. Скалозубов // Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под августейшим его императорского величества покровительством. – Тобольск : Тип. Епарх. братства, 1902. – Вып. 13, разд. 2. – С. 1–162.

- 15 Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии / Н. Л. Скалозубов. – Тобольск : Тип. Епарх. братства, 1895. – 106 с.

- 16 Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири / М. Соболев // Сибирь, ея современное состояние и ея нужды : сб. статей / под ред. И. С. Мельника. – Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Девриена, 1908. – С. 141–168.

- 17 Ядринцев Н. М. Кустарные промыслы в Сибири и значение их / Н. М. Ядринцев // Русская мысль. – 1881. – № 10. – URL: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1881_kustarnye_promysly_olderfo.shtml (дата обращения: 01.12.2020).

- 18 Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – XII, 720 с., 16 л. ил.

Д. О. Писаревских,
«Дом-музей Декабристов» – структурное подразделение
ГАУК «Курганское областное музейное объединение»,
г. Курган

ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ НА ПРИМЕРЕ ФЛЕГОНТА МИРОНОВИЧА БАШМАКОВА

Декабристы – народное название участников тайных обществ первой трети XIX века, желающих совершить государственный переворот с целью захвата власти и изменения политического строя государства. Своё название «декабристы» получили в связи с попыткой восстания на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года. В городе Кургане с 1830 по 1857 год проживали 13 ссыльных декабристов, отправленных сюда на поселение. Специально для заговорщиков было разработано 11 разрядов наказания, но были и те, кто был осуждён безразрядно – например, солдаты.

Одним из дворян, осуждённых безразрядно, был разжалованный полковник, артиллерист Флегонт Миронович Башмаков.

Жизнь многих декабристов остаётся загадкой даже спустя 200 лет: с момента попытки государственного переворота в Петербурге в 1825 году и восстания Черниговского полка в 1826 году до наших дней. Казалось бы, за этот промежуток времени их уже должны были исследовать полностью, написать множество трудов и научных работ. К сожалению, с появлением интернета – а впрочем, и с развитием интереса к теме – появилось множество материалов, которые либо косвенно касаются многих из «государственных преступников», либо вообще не уделяют внимания причинам обвинения.

Итак, Флегонт Миронович Башмаков. В библиографическом справочнике упоминается лишь его послужной список, поверхностная информация о разжаловании за растрату, клевету и то, что родом он из Симбирских дворян. Что же привело полковника Башмакова к разжалованию в рядовые? В материалах дознания приводится достаточно полная информация и о сумме растраты, и о клевете.

«Флегонт Башмаков, по высочайше утверждённой 26 марта 1820 г. конфирмации главнокомандовавшего бывшею 1-ю армию, был разжалован из полковников в рядовые с определением на службу в бывший Черниговский пехотный полк, за растрату казённых, солдатских, артельных и других сумм, принадлежавших бывшей в командовании его 33-й батареей роты 17-ой артиллерийской бригады, всего 29.215 руб. 92. коп. ассиг. и 11 руб. серебром. Сверх того, за оклеветание генерал-майора Скобелева и артиллерии полковника Талызина: первого в намерения отравить его ядом по связи с его женою, а последнего в том, что он будто бы, не быв ни в одном деле

против неприятеля, произведён неправильно в полковники за отличие в сражении» [3, с. 364].

Про карточные игры, в которых Флегонт Миронович проиграл деньги, упоминается лишь в воспоминаниях Андрея Евгеньевича Розена [9, с. 288], а вот история с отношением Башмакова к заслуженным наградам повторяется в воспоминаниях Капитона Михайловича Голодникова: *«Старик любил резать правду всякому в глаза, за что многие и не любили его. Будучи однажды у городничего С-го, он встретился с командиром казачьей бригады, квартировавшей в упразднённой крепости Пресногорьковской, полковником Эллизоном. Последний только что начал свой рассказ о каком-то служебном отличии, за которое он получил висевший у него на шее орден св. Анны 2-й степени. Ф. М., не дождавшись конца этого рассказа, подошел к нему и сказал: “Эх, полковник, не вам бы говорить, не мне бы слушать. Ну, какое же отличие могли вы оказать по службе, разве только за своё пресно-горьковское сиденье? А я вот этот же самый орден получил в чине подполковника за Лейпциг, и вы согласитесь, что тут-то награды давались уж не за сиденье”»* [7, с. 20].

Был ли Башмаков участником восстания Черниговского полка? Сложный вопрос. В первых, проживал Флегонт Миронович, по показаниям подполковника Фролова 4-го на допросе, на квартире у Сергея Муравьёва [5, с. 90]. Вторых, среди солдат для Башмакова, с лёгкой подачей Михаила Бестужева, были организованы сборы, о которых вспоминает при допросах подпоручик Горбачевский [2, с. 188]. А из показаний капитана Фурмана следует, что Башмаков действительно проживал у Муравьёва, но не был замечен в обсуждениях планов восстания с солдатами, также из его показаний следует то, что Муравьёв помогал деньгами простым солдатам [4, с. 188]. По показаниям же Матвея Ивановича Муравьёва о Башмакове, «29 декабря 1825 г. он прибыл в Трилесье, где, правда, уже не стал большинства мятежных офицеров, но, успев повидаться с задержавшимся здесь до вечера Матвеем Ивановичем Муравьёвым-Апостолом, был очевидцем приготовлений к походу 5-ой мушкетёрской роты и уехал, обещая добратсья «до Оранского гусарского полка, в котором находились два члена Южного общества – Поздеев и Жуков» [4, с. 363].

Сам же Флегонт Миронович отрицал свою причастность к тайному обществу, но показания участ-

ников Южного общества, в том числе Артомона Муравьёва, Михаила Бестужева-Рюмина и прочих, были приняты к сведению и послужили основой для обвинения Башмакова [3, с. 312]. В связи с этими обстоятельствами Флегонт Миронович Башмаков вновь был осуждён военным судом и по оному оказался виновным в знании о существовании в России злоумышленного тайного общества и в принадлежности к нему, и по высочайше утверждённой 10 сентября 1827 г. конфирмации генерал-фельдмаршала графа Сакена, лишён дворянского достоинства и по выключке из воинского звания сослан вечно в Сибирь на поселение [3, с. 313].

В отличие от многих других бывших дворян, осуждённых по разрядам, Флегонт Миронович Башмаков на каторге не был. Изначально был помещён, закованный в ножные кандалы, в Петербургскую крепость, а позже – после вынесения приговора – отправлен в Сибирь [6, с. 52]. В 1838 году был переведён в Курган.

О жизни Башмакова в Кургане сведений достаточно мало, но его современник К. М. Голодников охарактеризовал его так: «Башмаков, старик лет семидесяти, довольно тучного телосложения, был большой говорун и анекдотист, жил он на маленькой квартире в доме мещанки Ризенковой и по старости лет ничем уже не занимался. Не имея никого знакомых, кроме Бригена, меня (имеется в виду Голодников) и отставного стряпчего Тванева, он нередко, не заходя даже в комнаты, рассказывал с улицы городские новости и анекдоты. Ф. М. любил и даже очень любил поесть хорошо, т. е. до отвала; у нас с женой он обедал нередко и, правду сказать, не отличался опрятностью за столом» [7, с. 22].

В Кургане Флегонт Миронович испытывает проблемы с деньгами, и поэтому многие из «более обеспеченных» декабристов и их жён стараются ему помочь. Об этом свидетельствуют письма Елизаветы Петровны Нарышкиной Александру Фёдоровичу Бригену. «Очень благодарю за хлопоты по нашему курганскому дому. Мишель вам скажет о всех своих намерениях по этому делу. Что до меня, то я ограничусь лишь предупреждением, что моя невестка Голицына перешлет вам по привычной дороге через Тобольск, т. е. через канцелярию г-на губернатора, двести пятьдесят рублей, из коих сто для уплаты нашему дворнику Павлу и сто пятьдесят, которые будьте любезны употребить для небольшой помощи старому Флегонту» [8]. Или же вот: «Этот несчастный дом портится, а как хочется, чтобы ваши искренне дружеские хлопоты устроить по-выгодней продажу увенчались бы успехом. Ещё раз – умоляю вас не оставлять нас без вашей помощи в этом деле и условиться о цене по вашему усмотрению без наших ответов. Письма тут излишни, они создают промедление, а покупатель не ждёт; мы вперед подписываем условия – те, что вы заключите. Не забудьте

взять из полученных денег, будь то продажа или сдача в наём 200 р. двести рублей, обещанные Александру Ивановичу на новую церковь в Кургане. Если вам удастся получить наши деньги, выделите, пожалуйста, небольшую долю, сотню – старому Флегонту и двести – старому Василию в Ялutorовске» [8].

Сам же Башмаков писал прошения Сибирскому генерал-губернатору Петру Дмитриевичу Горчакову, например, такого содержания: «Крайне бедное положение и неминуемый, при преклонных летах (мне 73 года), упадок здоровья побуждают меня прибегнуть к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой сообразовать включить меня в числе тех лиц, которые, по постановлению комитета граждан министров, состоявшемуся в нынешнем году, имеют право на получение до 400 рублей ассигнациями вспомоществования. Не получая никакого пособия от дальнейших родственников, коих ещё имею, обязан моим существованием добрым приятелям, которые, помня многолетнюю службу отечеству и сострадая к бедственному моему положению, в котором я нахожусь, не оставляют меня своим вспомоществованием, иначе бы я уже давно погиб от недостатка, потому что 200 рублей ассигнациями Всемилоостивейше выдаваемых мне, едва достаточно на хлеб насущный» [9].

На данный момент остаётся достаточно много вопросов об уточнении жизни того или иного декабриста в Кургане, в том числе и Ф. М. Башмакова. Работа в этом направлении будет продолжаться...

Библиографический список

- 1 Башмаков Флегонт Миронович: биография // PepleLife. RU : биоар. извест. людей. – URL: https://www.peoplelife.ru/27546_2 (дата обращения: 13.09.2022).
- 2 Восстание декабристов. Документы / под ред. М. Н. Покровского. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. – Т. 5. – 493 с.
- 3 Восстание декабристов. Документы / под ред. М. Н. Покровского. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. – Т. 6. – 406 с.
- 4 Восстание декабристов. Документы / под ред. М. В. Нечкиной. – Москва : Наука, 1975. – Т. 13. – 470 с.
- 5 Восстание декабристов. Документы / под ред. В. П. Козлова. – Москва : РОССПЭН, 2001. – Т. 19. – 526 с.
- 6 Восстание декабристов. Документы / под ред. С. В. Мироненко. – Москва : РОССПЭН, 2008. – Т. 21. – 559 с.
- 7 Голодников К. М. Декабристы в Тобольской губернии : (из моих воспоминаний) / К. М. Голодников. – Тюмень : Тип. А. А. Крылова. 1899. – 28 с.
- 8 «Обнимаю вас ещё раз – пора в путь» : письма с Кавказа декабриста М. М. Нарышкин, 1837–1838 гг. / публ. подгот. А. К. Нарышкин // DrevLit.Ru : б-ка древ. рукописей. – URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Naryskin_M_M/text1.php (дата обращения: 21.09.2022).
- 9 Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 479 с.

*С. В. Подкорытова,
ФГБОУ ВО «Шадринский
государственный педагогический университет»,
г. Шадринск*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МУКОМОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РАЙОНЕ УСТЬЯ РЕКИ МИАСС В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Исследуемая территория была богата водными ресурсами. Здесь находились 2 крупные речные артерии – реки Миасс и Исеть, на которых размещались мукомольные и паточные заводы. Наличие плодородных земель позволяло снабжать их не только привозным, но и местным сырьём.

В районе устья реки Миасс размещались земли Усть-Миасской, Каргапольской, Бакланской волостей.

Проанализировав имеющиеся источники и литературу, мы сделали вывод о том, что информация о промышленном и торговом развитии данной территории упоминается фрагментарно в серии изданий «Истории Курганской области». Исследователями истории Шадринского уезда также даются отрывочные сведения о развитии промышленности и деятельности шадринского купечества на исследуемой территории. Об истории купечества и развитии промышленности Южного Зауралья защищены кандидатские диссертации А. Н. Битюкова, Е. В. Тургушева, М. А. Арслановой [1; 2; 6; 7]. Источниковой базой указанных исследований являются фонды курганских архивов, нами же изучены фонды Государственного архива г. Шадринска, что позволило ввести в оборот новые архивные документы.

В конце 1830-х гг. в Шадринском уезде появляется семья купцов Хохловых. Деятельность Дмитрия Ивановича Хохлова во многом связана с изучаемым районом, так как он являлся владельцем крупных производств на р. Миасс. Изучавшие деятельность данной семьи в своих публикациях вскользь упоминают об их владениях на р. Миасс, мы же подробнее остановимся на его деятельности, так как он не единожды упоминается в документах об отдаче в оброчное содержание мельниц и паточных заведений [3].

Одним из ключевых мест строительства и владения мельницами становится с. Вороновское. Мельницы вблизи села периодически переходят из рук в руки, о чём свидетельствуют документы архива.

Имеется контракт, заключённый в августе 1841 г., между Каргапольским волостным правлением и крестьянином Пермской губернии Верхотурского уезда господ Демедовых Нижнетагильского завода Клементом Константиновичем Ушковым на 24 года мирских оброчных лет при с. Вороновском, а также на владение общественным зданием. В 1851 г. Д. И. Хохлов купил мельницу у купеческого сына Михаила Клементьевича Ушкова [4, оп. 1, д. 158, л. 16].

Хохловы при производстве использовали своё сырьё – выращивали картофель, свёклу. На Вороновском паточном заводе в 1859 г. было переработано 115 тыс. пудов картофеля стоимостью 17500 руб. серебром, при этом получено 15 тыс. пудов продукции на сумму 20 тыс. руб. Липняговское предприятие имело аналогичные производственные мощности. Полученное сырьё сбывалось в с. Вороновское для приготовления пряников и поставлялось в соседние регионы [5].

Исследователи биографии Хохловых не единожды упоминают о мошеннических действиях с их стороны. В 1850 г. был скандал с отображением у крестьянина Ивана Полковникова мельницы в д. Жарниковой, так как приговор сельского общества, по которому она была отдана, оказался поддельным. Мельница была отдана избранному от общества доверенному крестьянину Фёдору Темникову. На переоброчку данной мельницы были назначены торги. Одним из претендентов на данную мельницу был Д. И. Хохлов. Ему не было разрешено участвовать в торгах, так как торги были возможны между государственными крестьянами. В торгах выиграл крестьянин Пётр Каргаполов, который дал 93 р. 30 к., хотя Хохлов предлагал 100 р. Д. И. Хохлов подал жалобу в Пермскую палату государственных имуществ на то, что его не допустили к тогам, и палата приказывала уточнить этот вопрос.

Купец Д. И. Хохлов был также замешан в другой сомнительной сделке с мельницами. Пермская палата государственных имуществ запросила у Усть-Миасского сельского общества разъяснения, не был ли крестьянин Иван Степанович Пурегов из д. Поротовой Могилевского сельского общества подставным лицом купца Хохлова при взятии в оброк мельницы в д. Липнягова. Купец Хохлов получил мельницу от Пурегова, и сход Усть-Миасского сельского общества не был против. Приговор схода был отправлен в Палату имуществ, но он не был засвидетельствован на сходе в волости, поэтому его вернули на засвидетельствование [4, оп. 1, д. 160, л. 50].

В 1852 г. общественный приговор Каргапольского сельского управления дозволил 2-й гильдии купеческому сыну Д. И. Хохлову устроить вблизи с. Вороновского паточный завод. Возникло сомнение, полным ли числом выборных был утверждён общественный приговор [4, оп. 1, д. 158, л. 113, 114]. По предписанию Пермской палаты государственных имуществ от 25 марта 1856 г. № 9627 было утверждено за ним паточное

производство на р. Миасс вблизи с. Вороновского. С 1852 г. в его оброчном владении на срок 12 лет была водяная мельница. Он планировал расширить производство и предполагал, что после окончания аренды, когда мельница перейдёт к сельскому обществу, оно должно будет возместить ему затраты [4, оп. 1, д. 199, л.4]. Также для обустройства паточного заведения ему необходимо было отвести 3 десятины земли для размещения амбаров для хранения картофеля [4, оп. 1, д. 199, л. 4].

К 1854 г. В Каргапольском сельском обществе было 12 мельниц (в с. Вороновском, в д. Русаковой, между д. Черепановой и Тагильской и т. д.), в Бакланском сельском обществе – 6 мельниц, в Усть-Миасском сельском обществе – 13 (д. Нечунаевой, д. Грачёвой, д. Шахматовой, на р. Табарке и т. д.) [4, оп. 1, д. 159, л. 27].

По описи имущества, произведённой Земским судом в 1861 г., у купца Хохлова при с. Вороновском был дом соснового леса, покрытый тёсом, внутри – штукатуренный; в нём было 3 комнаты. Аналогичный дом имелся и в д. Грачёва [4, оп. 1, д. 241, л. 1]. В 1861 г. Д. И. Хохлову принадлежали паточный и мельничные заведения при с. Вороновском и деревнях Грачёвой и Воденниковой [4, оп. 1, д. 241, л. 1]. В 1860-е гг. Хохловы исчезают из списков шадринских купцов: Дмитрий Иванович переезжает в Санкт-Петербург.

Помимо перехода в оброчное содержание, в документах архива сохранились описания внешнего вида мельниц и их конструкций, они проводились при их оценке. Например, крупчатая мельница на р. Миасс о трёх поставах и обойке при д. Русаковой. Амбар из сосновых брусков длиной 18 аршин и шириной 6 аршин, высотой 5 аршин, спущение и все устройства – в исправном состоянии со сваями, фундаментом и со всеми принадлежностями. Оценено 2500 р. [4, оп. 1, д. 139, л. 40]. На той же плотине возведена мукомольная мельница на двух поставах. Амбар сосновый в длину 11 аршин, в ширину 8 аршин, в высоту 3,5 аршин, со сваями и прочими принадлежностями оценён в 900 р. [4, оп. 1, д. 139, л. 52].

В 1862 г. по приговору сельского схода четвёртого участка Каргапольской волости постановлено пристроить два крупчатых постава к существующей мельнице Якову Жилину. Несмотря на возражения их владельцев – Д. Жилина и Ф. Куприянова – было постановлено, что Яков Жилин может ей пользоваться до 1866 г. и уплатить за вновь построенные постава с начала 1863 г. по 20 р. 41 к. за постав, а всего за 8 поставов – ежегодно 81 р. 64 к. Но предписано было следить строго за уровнем воды, чтобы не подтопить крестьянские угодья [4, оп. 1, д. 251, л. 1].

Сохранились документы о торгах на оброчное содержание места под постройку паточного завода, состоящего при мельнице крестьянина Якова Антоновича Жилина, между деревнями Черепановой и Тагильской. Были объ-

явлены торги 15 марта 1862 г., в которых приняли участие Я. А. Жилин, Ф. М. Попов, Д. Л. Махов, А. Н. Суворцев (сдались при цене 3 р. 30 коп.). На повторные торги 19 марта собрались Я. А. Жилин, Н.Ф. Каргаполов, Т. К. Лузгин (сдались при цене 3 р. 80 коп.). Таким образом, в обоих торгах выиграл Я. А. Жилин.

После отмены крепостного права крестьяне активно включаются в торговую деятельность, получают купеческие свидетельства и билеты на ведение торговли и производства. Так, например, в 1870 г. крестьянином Петром Яковлевичем Яковлевым было получено купеческое 2-й гильдии свидетельство, выданное Шадринской городской Думой 31.12.1869 № 1124, ему же был выдан билет на вороновскую мельницу.

Таким образом, в исследуемом регионе в середине XIX в. активно развивалось мукомольное производство. Этому способствовало наличие активной позиции местного крестьянства, а также интерес купечества.

Библиографический список

- 1 Арсланова М. А. *Промышленность Южного Зауралья: конец XVIII – первая половина XIX вв. : спец. 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Арсланова. – Курган, 2004. – 27 с.*
- 2 Битюков А. Г. *Купечество Южного Зауралья в конце XVIII–XIX вв. : спец. 07.00.02 «Отечественная история» : дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Битюков. – Курган, 1999. – 226 с.*
- 3 Битюков А. Г. *Шадринские купцы Хохловы / А. Г. Битюков // Шадринская провинция : материалы Второй регион. краевед. конф. (Шадринск, 1998). – Шадринск : Изд-во Шадринского пед. ин-та, 1998. – С. 76–79.*
- 4 Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 19 (Каргапольское волостное правление Шадринского уезда Пермской губернии 1797–1916 гг.).
- 5 Демаков В. Г. *Челябинский след шадринских купцов Хохловых / В. Г. Демаков // Генеалогия и архивы : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 2021). – Челябинск, 2021. – С. 120–127.*
- 6 *История Курганской области. Т. 5. Далматовский, Каргапольский, Щучанский, Мишкинский, Сафакулевский, Альменевский и Куртамышский районы в досоветский период / редкол.: Н. Ф. Емельянов [и др.]. – Курган, 1999. – 456 с.*
- 7 Турушев Е. В. *Промышленность Южного Зауралья в 60 гг. XIX – начале XX вв. : спец. 07.00.02 «Отечественная история» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Турушев. – Курган, 2000. – 21 с.*

*Н. А. Розова,
Елошанская сельская библиотека –
филиал МБУК «МЦБ Лебяжьевого района»,
Лебяжьевоый МО, с. Елошное*

ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ – ПАМЯТНИК КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Религия – одна из древнейших форм культуры. Религиозные представления людей зародились ещё в далёкой древности. На определённой стадии развития религии возникает церковь. Она объединяет верующих одного вероисповедания, разрабатывает единые нормы их поведения.

Значительно возросло влияние религии в наши дни. Восстанавливаются ранее разрушенные храмы и монастыри, строятся новые; в школах введён новый предмет «Основы духовного воспитания и светской этики». Религия воздействует на духовную жизнь человека и, прежде всего, на его нравственность.

Главная достопримечательность села Ёлошного – Ильинская церковь, объект культурного наследия регионального значения. Деревня Ёлошная появилась на Сибирском тракте после создания в середине XIII века Ново-Ишимской укрепленной линии и до 1823 г. входила в состав прихода Знаменской церкви села Мостовского, а в этом году была перечислена во вновь учреждённый приход Вознесенской церкви села Арлагульского Курганского округа. В 1847–1849 гг. к старожилам были подселены переселенцы из Европейской России. Вскоре жители селения и соседних деревень по причине удалённости своих приходских храмов ходатайствуют о строительстве новой церкви в деревне Ёлошной с образованием особого прихода. Храмовданная грамота на строительство деревянной на каменном фундаменте церкви во имя св. Пророка Божия Илии была выдана 23 июня 1849 года. В это же время образован самостоятельный приход, в который кроме села Елошанского вошли деревни Кузнецова, Меньщикова и Светлая, ранее входившие в приходы Вознесенской церкви села Арлагульского и Сретенской церкви села Моршихинского. В 1854 году поступило разрешение на освящение храма, которое вскоре и было совершено. 4 мая 1858 г. деревянная Пророко-Ильинская церковь сгорела. Во время пожара удалось спасти часть утвари и иконостас [9].

В 1858 году прихожане изъявили желание выстроить новую деревянную церковь взамен сгоревшей. Доверенный от прихожан написал следующее прошение в Тобольскую Духовную Консисторию: «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Курганского округа, деревень Елошанского прихода, будучи в общей сходке, вместо сгоревшей 4 мая этого года деревянной церкви в селении Ёлошном просим построить новую деревянную церковь на каменном фундаменте» [1]. Прихожане были согласны выделить сумму на постройку церкви. Причины прошения прихожан на постройку церкви объ-

ясняются затруднением посещения приходских церквей сёл Моршихинского – Сретенской и Арлагульского – Вознесенской, стоящих от деревень от 18 до 30 вёрст [2]. Доверенный от общества Филипп Наумов писал прошение к высокопреосвященству епископу Феогносту Тобольскому и Сибирскому: «От сгоревшей церкви 4 мая 1858 года приход лишился сладости слышания слова Божия и Божественной Литургии... Заложить не на прежнем фундаменте, а несколько выше северо-восточную сторону, так, чтобы северная сторона сгоревшего храма осталась в фундаменте стеною колокольни нового. Земля для священнослужителей усадебная, пахотная и сенокосная по утверждения при заложении первого храма по приговору общества, образована землемером ещё в 1849 г.» [3]. В январе 1859 года была выдана храмовданная грамота, 21 июня этого же года благочинным священником Сретенской церкви села Моршихинского Михаилом Иваницким совершена закладка нового храма. Но строительство церкви было приостановлено из-за того, что не был заключён договор на постройку с подрядчиком Иваном Карих. Было предложено заключить контракт между подрядчиком Карих и прихожанами. Крестьяне выделили на постройку 850 рублей серебром строителю д. Суерской Арлагульской волости Ивану Ларионовичу Карих, который должен построить до октября 1859 г. [4]. В рапорте священника Михаила Иваницкого Благочинного с. Моршихинского от 21 июля 1860 года давалась следующая характеристика. Церковь была однопрестольная и одноштатная. Судя по внутреннему устройству, вынесенный иконостас и утварь из сгоревшей церкви были поставлены на устроенном месте. Алтарь был покрыт тёсом, средние купола покрыты листовым железом, а юго-восточная сторона главы и прочие три главы на колокольне не были покрыты из-за неблагоприятной погоды [5].

При всех затруднениях в те далёкие годы храм был воздвигнут за короткое время. Ильинская церковь построена в 1860 году на средства прихожан. 19 июля 1860 года о. Михаил Иваницкий освятил новый Елошанский Ильинский храм. В нём был один престол – во имя святого Пророка Илии. В приход входили деревни Кузнецова, Меньщикова, Суерская, Балакульская, Светлая, Кабакова. В селе были также сельское училище и церковно-приходская школа, открытая в 1888 году, в которой обучалось 26 мальчиков и 9 девочек (заведующий и законоучитель – священник Роман Горбунов; второй учитель – Феофания Токарева. По данным Тобольской епархии за 1897 г., штат состоял из двух священников, двух

псаломщиков и одного диакона. Причтовой доход составлял 850 руб., свечная выручка – 982 руб.

Церковь была единственной на всю округу в Елошанской волости. Она играла большую роль в жизни елошан. Они жили всегда с верой, и это помогало им переносить трудности и житейские неурядицы. Ильинская церковь просуществовала около трети столетия [12].

К 1888 году «храм стал тесен и святые иконы в иконостасе настолько от времени попортились, что на них почти не видно ликов». По этой причине решено было строить новую каменную церковь. В официальном отделе «Тобольских епархиальных ведомостей» (издавались при Братстве Святого Великомученика Димитрия Солунского в типографии Епархиального Братства в Тобольске) № 7 и № 8 от 1 и 16 апреля 1889 года читаем:

«Из церковно-приходской жизни

В рапорт причта Елошанской церкви Курганского округа на имя местного благочинного, представленного им Его Преосвященству, от 21 января за № 109 изложено следующее:

“Никогда народ так усердно не посещал храм Божий, как ныне. Колокольный звон, по воскресным и праздничным дням, привлекал в храм Божий ко всем церковным службам очень много молящихся. Богомольцев ныне в церкви было почти вдвое, сравнительно с прежними годами, не говоря уже о божественной литургии, к которой народ собирался иногда в таком множестве, что человеку, опоздавшему в церковь, невозможно было пройти вперёд, чтобы поставить пред иконою свечку; но и во время утреннего богослужения по временам церковь была полна молящимися. Многие посещали храм Божий так усердно и неленостно, что не пропускали ни одной церковной службы по воскресным и праздничным дням; очень ни мало было таких радивых богомольцев, которые успевали всегда приезжать к утреннему богослужению из деревень задолго до начала службы, вёрст за 8–10, и ничто никогда не задерживало их дома от посещения храма Божия: ни дождь, ни грязь, ни зимний холод. Между молящимися в церкви очень часто можно было видеть и таких из прихожан, которые прежде, почти что, не ходили в церковь”.

Не меньшего внимания заслуживает появившаяся ныне у прихожан любовь и внимательность к внебогослужебным беседам. Отрадно было смотреть, с каким душевным расположением они внимали словам священника. В это время в церкви царил всегда мёртвая тишина: не слышно было ни шума, ни кашля и совершенно никакого шороха, – только слышался голос беседующего священника о предметах веры или правилах христианской нравственности. Такие беседы велись неопустительно в церкви во все воскресные и праздничные дни, после утреннего богослужения священником Петром Поповым и священником Василием Аргентовским. Первым ведено было беседований 21, а вторым 25.

Проповедание слова Божия не ограничивалось этим, но во все воскресные и праздничные дни предлагались кроме того народу поучения с церковной кафедры, применительно духовным потребностям прихожан. Беседы и поучения наши не остались гласом вопиющего в пустыни, но принесли на ниве сердец наших пасомых самые добрые плоды: народ значительно изменил свою прежнюю жизнь; многие совершенно оставили свои дурные привычки, как-то: разгул, пьянство, холодное отношение к церкви, бранные слова и т. п., а другие если не исправились совершенно, то всё же очень близки к исправлению.

Кроме указанных двух отрадных явлений, есть ещё одно – это неопустительное посещение храма Божьего детьми и примерная любовь их к церковному чтению и пению. Не только в литургии, но и в утрени во все воскресные и праздничные дни дети-малютки прибегали в церковь версты за 2 и 3, и не только мальчики, учащиеся в училищах, но и в большом количестве собирались дети, не учащиеся нигде, влекомые в церковь лишь примером своих сверстников. Из учеников церковно-приходской школы и министерского училища организован довольно правильный хор певчих, которые поют в церкви на клиросе в воскресные и праздничные дни под руководством псаломщика Цветкова. Мальчики поют довольно хорошо всю церковную службу, иногда даже самостоятельно. Некоторые из мальчиков, кроме пения, занимаются ещё чтением на утрени шестопсалмия, канона и первого часа, на литургии третьего, шестого и апостола. Читают все без исключения внятно, громко и отчётливо. Недалеко в будущем предполагается всех детей, собирающихся в церковь, учить простому церковному пению. Дело это будет возложено на псаломщика Петра Шалабанова» [11].

По документам «Тобольской Духовной Консistorии» имеются сведения, что прихожане по случаю разногласия не могли решить некоторые вопросы. Одна сторона предлагала расширить деревянную церковь, другая – построить новую каменную церковь. Средств на постройку каменной церкви не было, посему прихожане просили отложить постройку церкви до осени, когда уже будут видны результаты урожая. На церковно-приходской сход от 22 сентября 1889 г. явилось 586 домохозяев, из них 403 изъявили желание построить каменную церковь, а 183 – расширить деревянную церковь. Священник с. Кривинского Пётр Буров предложил прихожанам расширить лучше деревянную церковь, что будет для них легче и дешевле. Пётр Буров писал: «И если прихожане надеются на свои силы, то есть построить новую каменную церковь, то препятствий со стороны Консistorии не будет. Нужно предоставить в Консистирию план и фасад, предложенный им к постройке церкви, выбрать удобное место для постройки и освидетельствовать грунт земли, предоставить, какими средствами располагают прихожане» [6].

Фото 1961 года.
Автор неизвестен.

10.06.2020 года. Н. А. Автор Розова

Фото 1964 года.
Автор Решетов Анатолий Фёдорович
Из презентации «Ильинская церковь»
Сидоровой Светланы Анатольевны,
руководителя краеведческого кружка
«Моё село» Елошансой СОШ

Ильинская церковь

Фото 23.04.2010. Н. А. Автор Розова

Рисунок 1 – Фото Ильинской церкви разных лет

Прихожане произвели сбор, начиная с осени 1889 г. по 1 руб. с души – и этот сбор продолжался до двух лет. Итоговая сумма составила 5000 руб., в том числе и от добровольных пожертвований через попечителей. Какой же могла быть реально требующаяся сумма, было неизвестно. Священнослужители и староста приводят сведения о том, что изыскания средств на постройку церкви затрудняются из-за неурожайных годов, которые не дали осуществить и подушного сбора, ведь в 1896 г. крестьянам приходилось уплачивать ещё и государственные долги. Имея настоятельную необходимость увеличения основного капитала на церковь, постановили просить Епархиальное начальство о разрешении производить по Епархии добровольные пожертвования на постройку храма. В ответ на это Духовная Консистория отписала, что, принимая во внимание то, что приход Елошанский довольно значительный по своему населению и в течение 6 лет селяне собрали небольшую сумму, «поэтому полагая, что в настоящее время выдачи сборной книги рановременна» [6].

Церковный староста Василий Андреев приводит сведения, что с декабря 1900 г. поступило деньгами 4894 руб. 89 коп. и хлеба до 600 пудов. 21 января 1901 г. был собран приходской сход для обсуждения вопроса о ремонте деревянного храма. Но собрать сумму прихожане были не в силах по причинам неурожайного года, увеличения поборов на постройку приходского каменного храма. Священник Александр Шалибанов приводит смету, из которой ясно, что на расходы и ремонт деревянного храма нужно 500 рублей. Тобольская Консистория не возражала и разрешила выдать из церковных сумм 500 рублей на ремонт храма.

В июле 1902 года была выдана храмозданная грамота на строительство каменного храма на 1000 человек молящихся. 10 августа 1903 г. средства на постройку каменного храма достигают 6781 руб. 19 коп. Пётр Буров обращается с посланием в Тобольскую Духовную Консисторию. Священник пишет: «На постройку храма 7500 руб. капитала (1904 год) и заготовлено 540000 кирпичей... Просим утвердить проект и разрешение строительного комитета на постройку храма...» [6]. В этот раз возражений со стороны Консистории не последовало. В тех же «Тобольских епархиальных ведомостях» мы можем отследить, как решались вопросы, связанные со строительством Ильинского нового храма: «Разрешить сбор пожертвований в пределах епархии на годичный срок:... б) на постройку нового храма в селе Елошанском, Курганского уезда».

«Разрешена постройка храмов: каменного, по плану на 1000 человек, в селе Елошанском, Курганского уезда, на средства прихожан...» [15].

Крестьянин д. Суерской В. Н. Карьянов в 1905 г. пишет прошение начальнику 4 участка Курганского уезда: «С 1901 г. мы все, члены строительного комитета, не имели и не име-

ем участка на наши собранные деньги. После этого говорят, что будто был учёт, которые подтверждали члены комитета, но с моей стороны это был не учёт, а пробы, проверка книги. А сколько душ собралось с капитала в общей сумме, неизвестно. Сколько и куда расходовано всего капитала, всего этого мы не знаем. А если мы говорили председателю, который на нас сердится и делает нам в деле тормозов, и поэтому у нас не идёт постройка церкви» [6].

Карьянов просил начальника разобраться в том деле, навести справки, как идут дела о постройке храма и кто чинит препятствия. Из этого следует, что сборы на эту постройку поступали председателю строительного комитета, а как сборы поступали и как они расходовались, прихожанам было неизвестно. Постройка храма затянулась на пять лет, закупленный кирпич прел и размокал на открытом воздухе. Бездействие и самоуправство проявляли председатель Папулов и местный псаломщик В. Машанов, которых по приговору сельских сходов крестьяне решили сместить с должностей. Тобольская Духовная Консистория, заслушав дело, приказала: священника Папулова от должности председателя уволить, вместо него поставить Порфирия Петрова.

Таким образом, постройка храма в селе Елошном была разрешена и закладка осуществлена 18 июля 1906 г. Место под постройку новой церкви отвели на площади среди села, рядом со старой. Проект здания был составлен архитектором Анатолием Пермьяковым. К сожалению, очень мало сведений о курганском архитекторе сохранилось до наших дней. Подряд на строительство отдан крестьянину деревни Плетнёвой Омутинской волости Ялуторовского уезда Егору Макарову.

В «Тобольских епархиальных новостях» имеются разрешения о сборе пожертвований на следующие годы:

«Разрешён сбор пожертвований в пределах епархии на годичный срок на постройку храмов:... в селе Елошанском, Курганского уезда;...»

«Разрешить сбор пожертвований на 1 год по Тобольской епархии на достройку храма в с. Елошанском, Кург. у.» [15].

Работы по устройству иконостаса поручены московской иконостасной фирме Петра Сизова через подрядчика Краснова. Об этом в архивных документах Курганского государственного архива имеются сведения.

«Его Преосвященству, Преосвященнейшему Варнаве, Епископу Тобольскому и Сибирскому Тобольской Духовной Консистории, Доклад.»

Прихожане Елошанской церкви, Курганского уезда, приговором от 12 июля 1915 года возбудили ходатайство о разрешении устроить иконостас во вновь построенном храме через подрядчика Краснова за 24500 рублей.

Рассмотрев это ходатайство и доставленные по оному сведения местным благочинным, Консистерия 9 октября 1915 года постановила: устроительство иконостаса разрешить на местные средства, с отдачею работ подрядчику Краснову...» [6].

«Приговор Елошанского церковно-приходского схода.

16 августа 15 дня.

Мы, нижеподписавшиеся крестьяне-прихожане села Елошанской Пророко-Ильинской церкви, Курганского уезда Тобольской Епархии по приглашению Строительного комитета по постройке каменного храма в селе Елошанском были на церковно-приходском сходе, где в присутствии местного Благочинного, священника отца Николая Бурова, причта и старосты Елошанской церкви имеем суждение относительно поставки иконостаса в Елошанский каменный храм и по обсуждению сего важного вопроса постановили: Работу по выполнению и поставке иконостаса отдать иконостасной фирме в Москве Петра Алексеевича Сизова за цену 24000 рублей, считать, что иконостас должен быть выполнен по графическому плану г. Краснова, который фирма должна купить у г. Краснова за свой счёт.

Кондиции и предварительные условия поручается выработать строительному комитету – заключить его предварительные условия и нотариальный договор доверяется и уполномачивается крестьянин села Елошанского Порфирий Маркелов Петров – расходы, сопряжённые с заключением нотариального договора уплачиваются поровну фирмой г. Сизова...»

В ночь на 26 декабря 1914 года старый деревянный храм сгорел. В связи с этим богослужение было разрешено в трапезной части строящейся церкви на переносном престоле.

В начале 1910-х годов Елошанский приход состоял из самого села и деревень Кузнецовой, Меньшиковой, Суерской, Балакульской, Светлой. Кабаковой.

В дневниках Плеханова М. М. мы читаем: «Многие жители Елошанского принимали участие в постройке церкви. Конечно, шли работать из тех семей, в которых умер глава хозяйства (отец), или семья была многодетная и отец был не в состоянии одеть и прокормить членов семьи. По преимуществу работать шла молодёжь и люди средних лет. Потомственные кузнецы Карпов Яков Тимофеевич с женой Федосьей Николаевной ковали связи и скобы для церкви. Глину для постройки брали у озера Лесково, за улицей Бараба, где и сейчас видны огромные ямы, что остались с тех времён. Все работы выполнялись вручную без каких-либо машин: копали глину вручную, топтали (месили) глину ногами, после просушки кирпичи обжигали. Выделкой кирпичей занимались люди, пришедшие с севера, какие-то “масальские”, по сло-

вам очевидца и участника тех событий Тархова Федота Даниловича. Обжиговые печи были там же у озера, строительный сезон длился только в тёплое время года (с апреля по май). Люди, изготавливающие кирпичи, и жили прямо у озера в землянках. Кирпич весил 12 фунтов (4 килограмма 800 граммов) – одна штука. Некоторые работники при кладке стен, куполов, на своих плечах на большую высоту поднимали по 21 кирпичу – это 100 кг. груза. Например, Федот Данилович Тархов» [10].

Длина церкви была 29 сажень, ширина – 12 сажень, высота – 8 сажень, высота колокольни – 28 сажень. На храме было 7 куполов. В настоящее время сохранился всего один купол. Колокольня была трёхступенчатая. Всего было 5 колоколов: первый большой колокол весил 63 п. 20 ф., второй и третий средние колокола – по 10 пудов каждый, четвёртый малый колокол – 2 пуда 20 футов, а пятый, самый малый – 1 пуд 1 фут. [7]. План, описание и имущество церкви сохранились в архивных материалах [8].

12 сентября 1915 года состоялось поднятие крестов на новый каменный храм (приложение № 1). 19 июля 1916 года при большом стечении народа епископом Тобольским Варнавой (Накропиным) было совершено освящение церкви (приложение № 2).

В советские времена церковь не разрушили полностью. Сломать строение оказалось делом трудным, так как раствор при строительстве замешивали на яйцах, и он был чрезвычайно крепким. В разное время в помещении церкви хранили зерно, был сельский клуб. Вновь здание в Курганскую епархию вернули в 2003 году. Несмотря на значительные разрушения, церковь и сейчас выглядит внушительно. Только остаётся представлять, как она выглядела на самом деле в начале XX века. Сейчас службы в нашей церкви проходят регулярно по большим православным праздникам. Традиционно в селе, как и в прежние времена, с большим размахом празднуют Ильин день, в честь одного из особо почитаемых святых, чьим именем была названа наша церковь. 2 августа в селе проходит большая Ильинская ярмарка. В этот день в храме совершаются богослужения: Божественная Литургия, молебен к Илии Пророку, крестный ход вокруг храма, трапеза. Как и в прежние времена, в центре села разворачивается Ильинская ярмарка, собирая гостей из Кургана, Екатеринбурга, Тюмени, Макушина.

Приложение № 1 «Церковное торжество в селе Елошанском, Курганского уезда

12 минувшего сентября в селе Елошанском Курганского уезда состоялось поднятие св. крестов на вновь выстроенный обширный, каменный, величественный, хотя ещё не вполне оконченный, храм. Таких храмов в нашем Курганском уезде, да, пожалуй, и во всей Тобольской епархии, мало. Много усиленного труда стоило прихо-

жанам села Елошанского довести до конца постройку храма и дожить до такого желаемого дня, как поднятие крестов, но благодаря энергичному и неустанному труду настоятеля храма отца Андрея Елесина день этот настал. За две недели до этого торжественного дня строительным Комитетом были разосланы объявления в соседние приходы, и день этот приурочен на 12-е сентября, святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца, т. к. в этот день в селе ярмарка, которая способствовала многочисленному сбору народа. Накануне было отслужено всеношное бдение местными священно-церковно-служителями, пел местный хор при участии любителей пения под управлением псаломщика Игнатъева; простое стройное пение располагало молящихся к религиозным чувствам и молитве. Не смотря на свою обширность, храм был переполнен молящимися. 12 сентября в 9 часов утра началась литургия, и в этот день в особенности замечался наплыв народа из соседних приходов. Новый храм, хотя ещё не освещён, но в нём совершаются службы на переносном престоле, т. к. старый деревянный храм в минувшем 1914 году сгорел до основания. После литургии зазудел колокольный звон, и начался крестный ход во главе с соседним иереем села Могилёвского, маститым старцем отцом Михаилом Батарлыковым, в сослужении отца Андрея Елесина, отца Евфимия Пузырёва и диаконов А. Цветкова и В. Рухлова; впереди кресного хода прихожане с торжеством несли вновь устроенный семиаршинный десятипудовый ажурной работы крест и за ним другие меньшие. Крестный ход остановился на устроенном помосте, где пред началом молебна отцом Андреем была произнесена речь о значении святого креста в жизни каждого православного христианина, начиная с купели и до гроба, и наступающей важности момента поднятия святых крестов. После молебна и особого положенного чина при освящении святые кресты были окроплены святой водою. Мастера, которые готовились водрузить святые кресты, подошли ко кресту и были окроплены святой водою и, взяв благословение, начали готовить к поднятию всё нужное. Когда было всё готово, началось торжественное зрелище: тысячная толпа замерла в ожидании, и началось медленное, трудное, по случаю препятствовавшего сильного ветра, поднятие святого креста на 27-сажённый шпиль колокольни; взоры всех были устремлены на главу, где на лесах сидел в ожидании мастер, готовый исполнить трудную работу. У всех был один немой вопрос, как-то Бог поможет ему исполнить эту трудную работу, требующую большой осторожности и умения. Наконец, при общем пении тропаря “Спаси Господи люди твоя” и кондака “Вознесыйся на крест волею”, мастер с присущим ему спокойствием и смелостью водрузил на место святой крест, и у всех из гру-

ди вырвалось: “Слава Богу – Бог пособил”, и вся тысячная толпа запела: “Кресту твоему поклоняемся Владыка и Святое Воскресение твое славим”.

Нельзя умолчать о неустанных трудах Комитета, во главе которого стоит настоятель отец Андрей Елесин. За всеми работами он следил сам; в нынешнее лето, например, по постройке храма сделано очень много. Весной ещё были лишь только одни стены, а в течение лета внутри храма оштукатурено, сделан в храме пол, сработаны рамы, покрыты крыши и все купола жестью и укреплены, всё это в одно лето при недостатке средств, лишь благодаря умелому изысканию их. Тот же отец Андрей расположил прихожан жертвовать на постройку храма 5 коп. с каждого сдаваемого ими в завод пуда молока, и вот, как видите, просто и незаметно для самих же прихожан изыскиваются средства.

В новый храм заказан иконостас, стоимостью в 25 тысяч.

Дай Бог, чтобы настоятель послужил в этом храме много лет, и Бог поможет ему окончить постройку храма сего и освятить его.

Села Димитриевского диакон В. Рухлов» [16].

Приложение № 2

«Обозрение Преосвященнейшим Епископом Варнавою церквей в Ялуторовском и Курганском уездах. (Продолжение).

Село Елошанское. Кроме обозрения церквей Курганского уезда, главная цель поездки Его Преосвященства была освящение церкви здесь, в селе Елошанском, назначенное на 19 июля, накануне престольного праздника этого храма св. пророка Илии. Ещё за долгое время до освящения церкви всюду по окрестным селам и деревням уезда разнеслось, и было известно, что освещать церковь в селе Елошанском придет сам Архиерей. Нужно заметить, что в Сибири к освящению храмов народ вообще относится с благоговением, и побывать на освящение какой-либо церкви считают за великое счастье, а посему на освящение храмов приезжают издалека даже за сотни и более вёрст. В данном же случае – тем более, что всюду было известно о приезде Владыки, а поэтому народу собралось свыше трёх тысяч человек, чтобы присутствовать на архиерейском освящении церкви, послушать и посмотреть особенное редкое видимое деревнею Архиерейское служение и взглянуть на самого Архипастыря. Так что чудный, великолепный и величественный Елошанский храм, каких ещё очень мало по епархии, при своей огромной величине не мог даже вместить весь народ, прибывший на местное редкое торжество освящения. За день до освящения храма, сюда был командирован Владыкою опытейший ключарь собора, о. протоиерей Тутолмин, для приготовления не-

обходимых, требующихся предметов и веществ к освящению храма. Ему же было поручено, в случае запоздания Его Преосвященства в пути по обозрению церквей, отслужить с собравшимся духовенством всенощное бдение накануне освящения, что о. протоиерей и исполнил в точности. В самый же день освящения храма, как было уже сказано, Владыка прибыл в село Елошанское в 8 час. утра. Оправившись немного от пути в доме настоятеля, Его Преосвященство под колокольный звон в сопровождении ключаря, исправника гор. Кургана и прочих проследовал в храм, переполненный уже народом. Народ, не поместившийся в храме, стоял вокруг церкви, встречая на коленях Архипастыря с хлебом-солью. Навстречу Владыки вышло всё духовенство. Настоятель церкви о. Андрей Елесин, приветствовал Его Преосвященство кратким словом. Приложившись ко кресту, окропив себя св. водою, Архипастырь взойшёл на кафедру среди церкви, где и облачили его в полное архиерейское облачение. Духовенство, облачившись, взяло стол, стоящий среди церкви с приготовленными на нём нужными вещами к освящению и внесли в алтарь. Владыка тоже тихо без пения взойшёл в алтарь, и приступили “по чину” к освящению престола и храма. Вместе с священноцерковнослужителями народ быстро наполнил собою алтарь, в котором происходило омовение и освящение престола. Достояв до известного времени в алтаре – до той части, после которой уже нельзя было оставаться женщинам в алтаре, когда вышел народ из алтаря и закончив освящение престола, Архипастырь с крестным ходом, неся мощи на голове обошёл вокруг храма и, взойдя в притвор, где в то время закрыты были двери, после прочтения молитв, и вознеся мощи “горе” зывал: “Возьмите врата князи ваша и возьмитесь врата вечная и внидите Царь Славы”. Эти слова были произнесены трижды. Певцы в это время на каждый возглас пели внутри храма “Кто есть сей Царь Славы”. Потом Владыка отвечал: “Господь Сил Той есть Царь Славы”. Затем весь крестный ход взойшёл в храм. При виде и размышлении всего этого, невольно приходишь к заключению: насколько велико и глубоко значение нашей православной церковной службы, насколько красиво и величественно, какая последовательность и художественная отделка ея, и, если хотите, то пожалуй вместе с ея простою выразительностью в каждом слове ея кроется глубокая тайна высшего созерцания Божия. Возьмите вы освящение храма. Какая здесь глубокосожержательные молитвы, в каком порядке составлены и расположены оне. Ведь отсюда невольно по священной книге Библии переносишься мысленно за целые тысячелетия в тот храм, в котором при освящении молился Царь Соломон, прося Господа не оставлять милостью Своею Его народ и всех приходящих в него для поклонения. И здесь не то

же ли самое мы слышим в чтении молитв из уст самого Архипастыря, который с особенною ревностью в Богу, просит Господа Царя Сил, чтобы Всевышний Творец наполнил храм благодатию Своею, и чтобы Господь принимал жертвы в этом храме, приносимыя пастырями Церкви “О своих гресех и невежествах”.

По окончании полного освящения храма и провозглашения многолетия Государю Императору, Святейшему Синоду и освящавшему храм Преосвященнейшему Варнаве, Епископу Тобольскому и Сибирскому, с Его паствою, строителям, жертвователям и всем принимавшим посильное участие в постройке храма, Владыка совершил первую Божественную литургию. Пел всю литургию народ, хотя не все и не так стройно, как в других приходах. Жаль, что наши псаломщики и другие певцы не могут использовать эту народную силу в деле общего пения. Владыка по обыкновению служил, весь отдаваясь душою Богу. Служили Владыке около 16 человек священников. Вместо причастного стиха по благословению Владыки поучение говорил Тюменский уездный миссионер проповедник священник Михаил Макаров о благодати, пребывающей в нашей православной церкви. По окончании божественной литургии Владыка вторично обошёл с крестным ходом вокруг храма, с осенением на всех четырёх сторонах, а затем сам, не смотря на свою усталость, поучал среди церкви с кафедры народ, о той великой радости, которую Господь послал с. Елошанскому в этот день – освящением такого величественного храма, каких мало даже по епархии.

Народ, принимая благословение от Владыки, долго не расходился от церкви и провожал с пением Архипастыря в квартиру настоятеля, у которого, выпив стакан чая и подкрепив свои силы предложенной ему трапезой, снова вышел к толпе народа во двор и долго ещё беседовал и пел с народом, призывая народ держаться строго истинно-христианской жизни, и тогда никакая сила не одолеет и не победит нас и нашу св. Русь. Владыка утешал в скорби, постигшей Россию в страшной войне. Была поистине беседа отца со своими детьми... Было уже 4 часа вечера. Поданы были лошади ехать дальше. Архипастырь, посетив квартиру второго священника, провожаемый народом отбыл из с. Елошанского дальше в путь» [13].

Библиографический список

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 235 (Тобольская Духовная Консисто́рия). Оп. 1. Д. 38. Л. 2.
- 2 ГАКО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
- 3 ГАКО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 38. Л. 7.
- 4 ГАКО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 38. Л. 21.
- 5 ГАКО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 38. Л. 27.
- 6 ГАКО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 39.
- 7 ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 3. Д. 356. Л. 120.
- 8 ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 3. Д. 558. Л. 26.
- 9 Елошанское село Елошанской/Арлагульской волости Курганского уезда. Церковь во имя Святого Пророка : [ист.

справка] // Государственный архив Курганской области : сайт. – URL: http://gako.archives.kurganobl.ru/e1.html?searched=Елошанское&advsearch=oneword&highlight=ajaxSearch_highlight+ajaxSearch_highlight1 (дата обращения: 09.03.2023).

10 Из воспоминаний Плеханова М. М., записанных им в дневнике в 1959 г.

11 Из церковно-приходской жизни : [извлеч. из рапорта благочинного церквей Курганского окр. от 21 янв. 1889 г.] // Тобольские епархиальные ведомости. – 1889. – 1/16 апр. (№ 7/8), отд. офиц. – С. 69–71.

12 История Затоболья в XVIII–XIX вв. (территория современного Лебяжьеvского района) : учеб. пособие / авт.-сост. С. А. Иванова. – Курган, 2010. – 140 с.

13 Обзорение Преосвященнейшим Епископом Варнавою церквей в Ялуторовском и Курганском уездах // Тобольские епархиальные ведомости. – 1916. – 15 сент. (№ 35), отд. неофиц. – С. 744–746.

14 Приходы и церкви Тобольской епархии // Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск : Тип. Епарх. Братства, 1913. – С. 117.

15 [Разрешение на сбор пожертвований на постройку нового каменного храма] // Тобольские епархиальные ведомости. – 1903. – 16 дек. (№ 24), отд. офиц. – С. 433 ; 1904. – 1 февр. (№ 13), отд. офиц. – С. 217 ; 1907. – 1 июня (№ 11), отд. офиц. – С. 68 ; 1908. – 16 марта (№ 16), отд. офиц. – С. 316 ; 1911. – 16 марта (№ 6), отд. офиц. – С. 76 ; 1913. – 16 марта (№ 6), отд. офиц. – С. 123.

16 Церковное торжество в селе Елошанском, Курганского уезда // Тобольские епархиальные ведомости. – 1915. – 1 нояб. (№ 41), отд. неофиц. – С. 642–643.

*А. А. Середкин, Е. В. Бельская,
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРЕТЬЕГО БАШКИРСКОГО КАНТОНА В 1840–1850 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. ШАДРИНСКА)

В конце XVIII в. башкирские племена, проживавшие на территории Южного Урала, были объединены в кантоны, включенные в административную систему России. С конца XVI в. земли исторического Башкортостана претерпевали неоднократные административные реформы. Основная часть башкирского населения находилась в пределах Уфимского уезда, учреждённого в 1586 г., внутри которого со временем выделялись родоплеменные волости, состоявшие из тюб и аймаков [9, с. 34]. В 1773 г. на Казанской дороге числилась 21 волость, на Осинской – 3, на Сибирской – 11, на Ногайской – 25, в Исетской провинции – 14 волостей. Их число постепенно увеличивалось в результате обособления тюб в самостоятельные волости [9, с. 14]. Кантонная система управления в Башкирии введена в 1798 г. В 1802–1803 гг. башкиры Шадринского уезда были выделены в самостоятельный третий кантон, центр которого находился в д. Курмановой Шадринского уезда Пермской губернии. Находились в подчинении генерал-губернатора, с 1834 г. – командующего Башкиро-мещерякским войском [5, с. 27]. Были попытки создания мещерякского кантона на территории Екатеринбургского и, видимо, Шадринского уездов. В 1818 г. живший в деревне Курмановой Шадринского уезда Давлетша Сеитягоферов Бикметов писал: «В прошлом, 1816, году действительно Екатеринбургского уезда деревни мещерятской Караболки мещеряки по предписанию Оренбургского военного губернатора в отделенной мещерятской кантон, находившейся тогда под управлением его, причислены были. О том же общал и юртовой старшина деревни Караболки Сабит Хамитов» [8, с. 34–43].

Управление населением кантонов осуществлялось кантонными начальниками, юртовыми старшинами, деревенскими начальниками, юртовыми сотниками и десятниками. Занимались обеспечением выполнения населением военных, государственных и земских повинностей, наблюдением за продажей и сдачей в аренду земель, решением вопросов, касающихся имущественных споров. Кантоны делились на юрты, которые состояли из групп деревень. Кантонная система упразднена в 1865 г. [6, с. 56].

На территории Шадринского уезда располагался третий башкирский кантон, состоящий из 11 юрт. Юрты подразделялись на деревни. Так, деревни Курманово, Борисово, Султаново входили в первую юрту; Муслимово, Исаево – вторая юрта; деревня Кунашадская от-

носилась к третьей юрте; в состав четвёртой юрты входили деревни Аминово, Акчувашево, Ятиково, Ибрагимово, Канзафарово, Илтиндиново, Серикаево. Пятая юрта – деревни Тюляково, Иркибаево, Мансурово, Кунакбаево, Султанаево, Казакбаево. Шестая – Арыково, Кулсарино, Илчигулово, Халитово, Бараково, Кубагушево, Юмагулово; седьмая – деревни Ихсаново, Байбускарово, Баязитово, Капканово, Махмутово, Аширово, Моськино; восьмая – деревни Бурино, Кызылово, Карино, Серкино, Мурино, Чекурово; девятая – деревни Новая, Нижняя, Усманово; десятая – деревни Кызылбаево, Терсютская, Кыргино; одиннадцатая – деревни Ичкино, Сибиркино. Всего около сорока семи деревень входило в состав одиннадцати юрт.

В фондах Государственного архива Шадринска сохранились Ревизские сказки, на основе которых можно сделать вывод о численности населения юрт. Из документов за 1851 г. известно, что происходила перепись ревизских душ, в ходе которой выявили: в деревнях Ичкиной проживали 475 мужчин и 438 женщин. А в Сибиркиной и того меньше – 109 мужчин и 87 женщин. Также проводился учёт земель: в сумме в деревнях порядка 6500 десятин [5, оп.1, д. 12, л. 10]. Численность населения третьего кантона составляла 8.913 д. м. п. Три юрты этого кантона состоят из одних мещеряков, называемых мещеряками третьего башкирского кантона.

Национальный состав населения был неоднороден. В 3 юртах проживали мещеряки (этническая группа татар). В отличие от казанских татар, формирование этноса мишарей происходило на правобережье Волги, вплоть до правобережья Оки на севере [1].

Основными исследователями истории башкирского народа, проживавшего на территории нынешней Курганской области, являются Г. Х. Самигулов (занимался изучением различных групп населения, преимущественно тюркского) и Л. Ф. Тагирова (занималась исследованиями истории национальных элит Башкирии). Особое внимание уделяется кантонной системе управления, изучению культурного уровня, экономического и семейного положения. Ещё один русский историк, пишущий о башкирском сословии, – П. И. Небольсин. Он занимался изучением этнических многообразий, а именно башкир и других племен, которые входили в сословие «Башкирцы». Так, мы можем сделать вывод о том, что хоть и были историки, изучающие башкир, но конкретно

история третьего башкирского кантона изучена мало.

Источниковой базой нашего исследования являются фонды Государственного архива г. Шадринска. В архиве хранится 3 фонда, относящиеся к третьему башкирскому кантону. В Ф. 584 имеются документы мировых судей Шадринского уезда, в Ф. 586 – Кызылбаевского волостного правления, а также циркуляры, предписания Оренбургского магометанского собрания, командующего Башкиро-мещерякским войском, начальника третьего Башкирского кантона; ревизские сказки деревень третьего Башкирского кантона за 1811, 1816, 1834, 1850, 1859 гг.; ревизская сказка 10 наружной переписи 11-го Башкирского кантона 13-й юрты, состоящей в Шадринском уезде мещеряков; переписка со старшинами юрт о составлении отчётов, наделе землями, назначении башкир на военную службу, борьбе с самовольными порубками, по судебным вопросам. В Ф. 584 имеется список судимых крестьян с Терсюкского по приговорам мировых судей Шадринского уезда за 1894 г. [2].

В архивных источниках и проанализированной литературе имеются сведения об общественных повинностях, которые несли башкиры: за 21 сентября 1846 г. имеется отчёт старшин юрт 10 и 11 Сурметова и Байбулатова о сборе хлеба и трав. Имеются сведения, что для пополнения провизии войск с семей собирают хлеб или деньги, в магазинах ликвидируют лишние запасы хлеба в пользу войск. Имеют право не сдавать хлеб некоторые чины – например, сами офицеры [3, оп.1, д. 4, л. 2].

Также стоит отметить, что в 1846 году, предположительно в сентябре – ноябре, был сбор ткани (именно ситца и других материалов) для создания рубашек солдатам. Кто не сдавал ткань – сдавали деньгами, медяками или ассигнациями. В конечном итоге было собрано 96 рублей [3, оп.1, д. 4, л. 5].

Известно, что в 1842–1847 гг. происходил посев озимого хлеба по юртам. Известно, что в сёлах Ичкино и Сибиркино участвовало 167 семей, из них 527 мужчин и 500 женщин, из них были способны работать в поле 294 человека. В документе имеются данные, на кого (и какой) скот записан, кому он заверен. Отчёт ведётся с января 1847 года по октябрь. В месяц зарегистрировано в общей сложности по 1–2 свидетельства на убитый скот. Например, в январе мещеряк Абдул Хасанович привёл на регистрацию лошадь 12 лет, масть рыжая [4, оп.1, д. 5, л. 4]. Также стоит отметить, что и на шкуры убитых животных были необходимы свидетельства [4, оп.1, д. 5, л. 6].

Производился также подсчёт скота. В Сибиркиной имелось 38 голов рогатого скота, 108 лошадей и 86 овец и коз. В Ичкиной же – 448 голов рогатого скота, 548 лошадей и 399 овец и коз. Проводился также финансовый учёт имущества: в Ичкиной – 1476 рублей, в Сибиркиной –

370 рублей [5, оп. 1, д. 12, л. 14]. В переписке за 26 октября 1846 года идёт речь о подготовке башкиров для заготовки леса на предстоящую зиму. То есть башкиры 10-й и 11-й юрт продуктивно участвовали во всех сельхозработах, чтобы обеспечить себя и резервы войск всем необходимым [5, оп. 1, д. 4, л. 24].

В переписке за 30 июня 1851 г. имеется информация: башкиры стали истреблять в больших количествах лес. Старшины юрт начали издавать указы на лимит истребления леса. Теперь башкирам выдавали билеты, по которым они имели право на вывоз 50 брёвен со своих угодий. Имеются указания старшин, чтобы башкиры не тратили лес напрасно, так как в тяжелый год лес пригодится [5, оп. 1, д. 12, л. 17].

Из переписки за 22 сентября 1851 г. известно, что будет объявлен сбор с душ и мещеряков по 23 копейки серебром, собранные деньги будут отправлены по Оренбургской линии. В итоге 8 душ не сдали деньги, а всего было собрано 205 рублей и 16 копеек с 892 душ и мещеряков.

Таким образом, проанализировав фонды Государственного архива г. Шадринска, мы пришли к выводу, что документы содержат обширную информацию о социальном, демографическом составе, хозяйственной деятельности башкирского кантона. Данная информация позволит обогатить историю башкир, населявших Курганскую область. Но, к сожалению, часть документов написана на башкирском и арабском языках, что осложняет исследовательскую работу.

Библиографический список

- 1 Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей / [соч.] чл.-сопр. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те Г. Ахмарова. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1903. – 73 с.
- 2 Государственный архив в г. Шадринске. – URL: <http://gash.archives.kurganobl.ru/index.html/> (дата обращения: 01.04.2023).
- 3 Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. 545 (Старшины юрт 10 и 11 Башкирского кантона).
- 4 ГАШ. Ф. 584 (Управляющий 3-го Башкирского кантона).
- 5 ГАШ. Ф. 586 (Годовой отчёт ревизских душ в 11 юрте).
- 6 Из истории и культуры народов Среднего Поволжья = From history and culture of peoples of the Middle Volga region : науч. журн. / Ин-т истории им. Ш. Марджани Академии наук Респ. Татарстан. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2013.
- 7 Небольсин П. И. Заметки о башкуртах. (Из письма к редактору «Отечественных записок») / П. И. Небольсин // Отечественные записки. – 1851. – № 11.
- 8 Самигулов Г. Х. Изменение сословной группы «башкиры» в середине XVIII – начале XX века / Г. Х. Самигулов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2019. – № 9, т. 1. – С. 34–43.
- 9 Тагирова Л. Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века / Л. Ф. Тагирова ; Рос. акад. наук [и др.]. – Уфа, 2011. – 163 с.

Е. В. Тершукова,
ГАУК «Курганское областное музейное объединение»,
г. Курган

К ИСТОРИИ ЗАСТРОЙКИ КВАРТАЛА № 53 Г. КУРГАНА

Исторический центр города Кургана в наши дни представляет собой пёструю картину разновременной застройки, более ранние образцы которой свидетельствуют о его богатом историко-культурном наследии. Одним из таких участков, привлекающих внимание туристов, да и просто горожан, интересующихся историей своей малой родины, является квартал в восточной части Кургана, который в конце XIX – начале XX века значился под номером 53 [3, оп. 2, д. 14].

Исследуемый квартал ограничен улицами Куйбышева (бывшая Троицкая), Советская (бывшая Дворянская), 1-я Заводская (бывший Компанейский переулок) и Савельева (бывший Фроловский переулок).

В соответствии с планом регулярной застройки 1786 года Кургана квартал приобрёл современные размеры и до наших дней сохранил следы застройки конца XIX – начала XX века [3, оп. 2, д. 1]. По нечётной стороне ул. Куйбышева в перестроенном виде сохранился дом Поклевских-Козелл (ул. Куйбышева, 127), дом купцов Галяминых (ул. Куйбышева, 131), по чётной стороне улицы Советской дома Черепанова (ул. Советская, 158) и Стрельникова (ул. Советская, 160).

Согласно «Адрес-календарю и справочной книге торгово-промышленных фирм Курганского уезда Тобольской губернии» на 1909 год, на отрезке улицы Троицкой от Компанейского до Фроловского переулка находились домовладения: наследников Поклевских-Козелл (№ 71), Пчелякова Сергея Алексеевича (№ 72), Галямина Александра Павловича (№ 73), Хаберовой Таисии Васильевны (№ 74). Нумерация домов идёт сплошная, без учёта чётной и нечётной стороны улицы, так как противоположная её сторона не застраивалась [1, с. 67].

Со стороны улицы Дворянской от Компанейского переулка числились усадьбы уже упомянутых Поклевских-Козелл (№ 122-124) и Пчелякова Сергея Алексеевича (№ 126), а также Колесникова Никифора (№ 128), Стрельникова Якова Николаевича (№ 132) и Шенц Ольги Павловны (№ 134) [1, с. 70].

Альфонс Фомич Поклевский-Козелл значился в уездном г. Кургане гостевым купцом второй гильдии. После его смерти дела в Кургане через доверенных лиц вёл его сын Викентий Альфонсович. Угловая усадьба на пересечении Троицкой улицы и Компанейского переулка была куплена Компанией Торгового дома Поклевских-Козелл в 1869 году у наследников курганского купца М. В. Корчемкина. В 1883 году к этой усадьбе был присоединён земельный уча-

сток по ул. Дворянской, купленный у крестьянки М. С. Речкиной. Управляющие Компании Торгового дома Поклевских-Козелл здесь активно строили: жильё, где сами жили с семьями, амбары, подвалы, складские помещения, здание конторы, водочный заводик, а также был выстроен двухэтажный каменный корпус с ренсковым погребом, выходящий на ул. Троицкую. Сохранилась почтовая открытка, изданная в Кургане А. И. Кочешевым в начале XX века, где изображены Нижняя базарная площадь, городской бульвар и строения усадьбы Поклевских-Козелл.

Почтовая открытка. Нижняя торговая площадь и Троицкая улица г. Кургана. Издание А. И. Кочешева. Начало XX в. Слева запечатлена угловая усадьба Поклевских-Козелл

До нашего времени от этой большой усадьбы сохранились: вышеупомянутый каменный корпус, к которому в начале 1950-х годов был надстроен третий этаж, – сейчас это многоквартирный жилой дом (ул. Куйбышева, 127); здание, в котором трудно увидеть следы старинной дореволюционной постройки (ул. Советская, 152), используется под различные офисы, в подвале находится бар [7].

В 2010-е годы было снесено деревянное здание Поклевских-Козелл, расположенное на углу улиц Советской и 1-й Заводской.

Про Пчелякова, владельца усадьбы по Троицкой улице № 72, известно, что он в собственном доме занимался экспортом масла за границу под вывеской «Пчеляков и Гусев. Товарищество» [1, с. 116].

Александр Павлович Галямин – владелец усадьбы под № 73 – принадлежал к большому купеческому роду, берущему своё начало от Галямина (Галяминского) Николая Ефимовича (1792–1859), выходца из крестьян деревни Патронной Смолинской волости Курганского округа. Он приходился дедом А. П. Галямину.

Следующее поколение этого рода – три брата: Иван, Павел (род. 1817 г.), Захар (род.

1829 г.) и три сестры: Дарья, Мария и Устинья – были женаты или вышли замуж и, в свою очередь, имели многочисленных детей и внуков. В начале XX века в Кургане уже проживали внуки и правнуки родоначальника династии, имена которых порой совпадали, и отличить их было можно только по отчеству.

Пожалуй, самый известный представитель этой купеческой династии – Фёдор Иванович Галямин (1843–1889), который приходился двоюродным братом Александру Павловичу Галямину. Фёдор Иванович вошёл в историю Сибири как городской голова Кургана, занимавший этот выборный пост с 1884 года до самой смерти.

Павел Николаевич Галямин – отец Александра Павловича Галямина – был старшим сыном в семье. От первой жены Екатерины Михайловны у него родились четверо детей: Дмитрий (род. 1838), Александр (род. 1840), Мария, Анна. Его первая жена умерла в 1853 году, оставив его с несовершеннолетними детьми. И спустя краткий период времени Павел Николаевич женится во второй раз. Он умер в октябре 1853 года спустя несколько месяцев после свадьбы в возрасте 36 лет от холеры.

Сыновья Павла Николаевича, Дмитрий и Александр, окончили Курганское уездное училище. В наследство от деда (Николая Галямина) им досталась усадьба в самом центре Кургана на Троицкой улице между питейным домом и пожарным депо. В пожаре 1864 года все деревянные строения на этой усадьбе сгорели. В 1871 году братья продали её городскому обществу для «размещения площади» [2, с. 221–224].

В 1861 году Александр Павлович женился на купеческой дочери Хариессе Семёновне Ивановой. В этом браке родились два сына – Павел и Дмитрий. По-видимому, более успешным из них был Павел Александрович (1874–1921), который был купцом второй гильдии, торговал парфюмерным и галантерейным товаром. В 1909 году среди продавцов галантерейных товаров на Нижней Базарной площади значились отец и сын Галямины, каждый из них содержал свою лавку отдельно [1, с. 100]. Однако необходимо отметить, что к этому времени Александру Павловичу было уже глубоко за 60 лет, поэтому логично предположить, что семейный бизнес постепенно перешёл в руки его младшего сына, так же, как и усадьба по Троицкой улице.

Новый каменный дом на Троицкой улице строился с учётом успешно развивающейся галантерейной торговли Галяминых. Детальная планировка этого здания зафиксирована в карточке на коммунальное домовладение, составленной в начале 1920-х годов [6, оп. 1, д. 276, л. 1–3 об.].

Первый этаж был предназначен для торговых целей. Парадный вход с улицы Троицкой вёл в торговый зал и на второй этаж, где размещалась квартира. Со двора был устроен ещё один вход, который вёл в небольшую квартиру на первом

этаже, состоявшую из комнаты, кухни и коридора, и на второй этаж. Таким образом, квартира на втором этаже имела два входа с парадной и чёрной лестниц. Квартира второго этажа включала 4 комнаты, кухню, ванную, соединённые большим коридором.

В газете «Курганский вестник» регулярно печатались рекламные объявления о новых поступлениях в магазин Галямина. Ассортимент был явно предназначен для привилегированных слоёв курганского общества. В магазине Павла Галямина на Троицкой улице продавали воланы, прошвы и журналы мод, шторы парусиновые, автоматические и деревянные, клеёнку для мебели, обои, глянцевую бумагу, венчалные вуали и цветы, иконы и киоты, металлические венки, ёлочные украшения [2, с. 224].

В 1914 году Павел Александрович был избран в Курганскую городскую думу, получив 71 голос. Будучи членом городского самоуправления, он входил в комиссию по благоустройству города. Отметим, что с началом Первой мировой войны провинциальный Курган, как и вся Российская империя, столкнулся с многочисленными социально-экономическими проблемами, поэтому на гласных городской думы лежала большая ответственность по эффективному управлению и распределению финансовых и материальных ресурсов.

Судьба Павла Александровича имела трагический финал. Недвижимое имущество его семьи было муниципализировано, а сам он в 1921 году был арестован как представитель враждебного буржуазного класса. В фондах Государственного архива Курганской области сохранился список лиц, арестованных представителями новой советской власти. В этом списке содержатся сведения о семейном положении, месте жительства, приметах арестованного Галямина: рост – 2 аршина 6 вершков (примерно 165 см), глаза карие, волосы русые с проседью, нос умеренный, особых примет нет; проживал по ул. Всеобуча, 160, состоял работником Центросоюза, имел жену и одну дочь. В этом же году в ночь 3 марта он был расстрелян в числе 23 представителей местной буржуазии [4, оп. 1, д. 829, л. 2 об.–3].

В аварийном состоянии находится дом, примыкающей к дому купцов Галяминых (ул. Куйбышева, 133). Вопрос о времени его постройки остаётся открытым. На фотографии 1914 года, где запечатлён разлив реки Тобол во время наводнения, виден дом Галяминых и примыкающее к нему здание ниже по высоте. По архивным документам установлено, что это здание находилось вне границ усадьбы купцов Галяминых, а значит, расположено в границах усадьбы Хаберевых.

В 1930-е годы по типовому проекту были построены одни из первых многоквартирных жилых домов (ул. Куйбышева, 129, 129а). Всего в г. Кургане по этому проекту было выстроено три дома, ещё одно здание сохранилось и находится

по ул. Куйбышева, 54 [5, оп. 1, д. 470]. Несмотря на более молодой возраст (по сравнению с досоветской архитектурой), этот жилой дом является редким образцом архитектуры своего времени, так как в 1920-е – 1930-е годы строительство в Кургане практически не велось, в этот период в градостроительной сфере наблюдался большой провал.

Разлив реки Тобол на Нижней Базарной площади г. Кургана. 1914 г. На заднем плане – квартал № 53

В конце XIX века усадьба, на которой расположен выявленный объект культурного наследия «Дом жилой» по адресу ул. Советская, 158, принадлежала Михаилу Ильичу Черепанову. Хозяин усадьбы занимался торговлей. По состоянию на 1909 год, он содержал колбасное заведение по ул. Троицкой. Двухэтажный каменный дом был построен в начале XX века. Точная дата постройки здания не установлена. Первоначально дом имел парадный вход с улицы и был предназначен для жилья.

С установлением советской власти в г. Кургане недвижимое имущество М. И. Черепанова было национализировано. В доме разместили коммунальные квартиры. Установлено, что бывший хозяин дома в начале 1920-х годов находился в Кургане и безуспешно пытался вернуть муниципализированное имущество [6, оп. 1, д. 185].

Последним владельцем дома по ул. Советская, 160 (ул. Савельева, 17), и примыкающей к нему усадьбы размером 7×18 сажень был крестьянин Мало-Чаусовской волости Яков Николаевич Стрельников, занимавшийся в Кургане скупкой и продажей семян, постного масла и москательных товаров.

Точная дата постройки этого объекта культурного наследия регионального значения «Административное здание, с ориентацией на улицу» не установлена (не ранее 1867 года). Небольшой размер усадьбы определил архитектурно-планировочное решение главного дома, по северо-восточному фасаду которого проходила граница с соседним участком. Дом предназначался для жилых целей, был рассчитан на проживание одной или двух семей. Муниципализирован в начале 1920-х годов.

Во второй половине XX столетия на месте старых городских усадеб начинается строительство

как типовых пятиэтажных жилых домов, так и общественных зданий. Советский период представлен типовым панельным многоквартирным жилым домом постройки 1973 года. В 1960–80-е годы были построены со стороны улицы Савельева – здание детской школы искусств, со стороны улицы Советской – здание Октябрьского райотдела милиции, установлен бюст Ф. Э. Дзержинскому.

Вплоть до настоящего момента в бывшем квартале № 53 продолжается снос старых строений, идёт застройка малоэтажными домами. В 2021–2022 годах на территории бывшей усадьбы нотариуса А. В. Хаберева выстроено двухэтажное здание медицинского центра. В 2000-е годы на месте бывшей Нижней Базарной площади, где в советское время был разбит Молодёжный парк, началось строительство спортивных объектов, что привело к утрате исторического ландшафта.

Таким образом, на примере одного из кварталов Кургана можно проследить развитие общественной и жилой застройки провинциального сибирского города, представленной сооружениями нескольких исторических периодов.

Далее остановимся на вопросе интерпретации историко-культурного наследия, расположенного в бывшем квартале № 53. В начале 1980-х годов специалистами Свердловского архитектурного института было проведено полномасштабное исследование исторических сооружений города Кургана, результатом которого стало решение Курганского облисполкома от 6 сентября 1982 года № 688 «О принятии под государственную охрану местного значения памятников истории и культуры». Указанным актом на государственную охрану были взяты по охране два здания: бывший купеческий особняк Галяминых под названием «Образец городского административного здания» и дом Стрельниковых под названием «Административное здание, с ориентацией на улицу», что явно говорит о том, что на тот момент времени архивные изыскания по истории этих домов не проводились.

Здание по ул. Куйбышева, 131 в г. Кургане (бывший дом Галяминых). 1990-е годы

В 1990-е годы специалистами Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры впервые были проведены замеры особняка Галяминых, его фотофиксация. К составлению исторической справки была привлечена краевед А. М. Васильева, специализирующаяся на истории г. Кургана и купеческих династий.

В 2005 году под государственную охрану был взят дом по ул. Советская, 158 в статусе выявленного объекта культурного наследия.

Что касается изучения истории усадьбы Поклевских-Козелл, то это относится уже к современному периоду и связано с проведением археологических исследований из-за необходимости строительства на этом участке новых сооружений.

Подводя итоги, необходимо отметить, что сохранившиеся сооружения постройки конца XIX – начала XX века в исследуемом участке города представляют ценность с точки зрения истории, архитектуры, являются подлинным вещественным источником информации. Местоположение этих зданий несёт информацию о формировании городского пространства. Все они связаны с историей Кургана, его конкретными жителями.

Сейчас мы находимся на новом этапе накопления и осмысления знаний по историко-культурному наследию Кургана, которое позволяет как реконструировать утраченную историческую застройку, так и более осмысленно относиться к сохранившимся памятникам старины – объектам, благодаря которым создается неповторимый образ города, закрепляются индивидуальные, только ему присущие черты.

Библиографический список

- 1 Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм города Кургана и его уезда Тобольской губернии. – Курган : Тип. А. И. Кочешева, 1909. – 166 с.
- 2 Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX века) / А. М. Васильева. – Шумиха, 2010. – Т. 1. – 384 с.
- 3 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-9 (Курганская городская управа).
- 4 ГАКО. Ф. Р-7. (Курганский уездный дом заключённых).
- 5 ГАКО. Ф. Р-458 (Управление строительного контроля Курганского облисполкома).
- 6 ГАКО. Ф. Р-712 (Управление жилищно-коммунального хозяйства Курганского горисполкома).
- 7 Каменный корпус с конторой купцов Поклевских-Козелл, ул. Куйбышева, 127 // Культурное наследие города Кургана : электрон. база дан. – URL: <https://kurgan.pro/okn/n127/> (дата обращения: 23.02.2023).

*Е. В. Усачёв, Д. А. Никулина,
ГКУ «Научно-производственный центр по охране и использованию объектов
культурного наследия Курганской области»,
г. Курган*

К ОПЫТУ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО РЕЕСТРА БРАТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1921 ГОДЫ), НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Выступление Чехословацкого корпуса 1918 года, Тобольско-Петропавловскую операцию осени 1919 года и Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года необходимо рассматривать как разнесённые по времени, но единые по сути страницы Гражданской войны в России 1918–1922 годов. События тех лет, охватившие практически всю территорию современной Курганской области, являются самым масштабным вооружённым конфликтом за всю её историю. При этом разные исследователи писали в своих работах о существенной значимости этого исторического периода не только в масштабах региона, но и всей страны. Например, А. М. Вольпе характеризует происходившие события следующим образом: «...Являясь по существу только эпизодом в гражданской войне, эта операция исторически замечательна тем, что именно здесь белым был нанесён последний смертельный удар, после которого они уже не смогли оправиться» [3, с. 79]. А в статье В. Ф. Воробьёва подчёркивается: «Переход Колчака в контрнаступление от Петропавловска в середине сентября совпал с наиболее тяжёлым периодом гражданской войны в СССР... Именно в этот период даже незначительный успех белых на Восточном фронте таил в себе большую опасность для Советской республики, притягивая к себе большие силы красных армий» [4, с. 48]. В своей работе, посвящённой 100-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания, В. И. Шишкин отмечает: «...Численность западносибирских мятежников превышала количество тамбовских (“антоновцы”) и кронштадтских повстанцев. Другими словами, можно утверждать, что Западно-Сибирское восстание было самым крупным антиправительственным выступлением за всё время коммунистического правления в России» [5, с. 6].

Участие в этих событиях десятков тысяч человек, а также активное применение автоматического оружия, тяжёлой артиллерии, авиации и бронетехники привели к масштабным потерям личного состава противоборствующих сторон. В условиях манёвренной войны и постоянно меняющейся оперативной обстановки, утраты большей части архивов и последующего умолчания в отечественной историографии, обусловленного идеологическими установками советского времени, точное количество жертв этого «смутного времени» остаётся до конца неизвестным и по сей день.

Учитывая эти обстоятельства, в рамках испол-

нения поручения Губернатора Курганской области В. М. Шумкова, Управлением по охране объектов культурного наследия Правительства Курганской области и ГКУ «Научно-производственный центр по охране и использованию объектов культурного наследия Курганской области» (ГКУ НПЦ) весной 2022 года была начата работа по формированию Единого реестра братских захоронений, обелисков и мемориалов, связанных с событиями Гражданской войны (ГВ) и находящихся на территории Курганской области. В данной статье мы обобщаем первые данные, полученные в ходе проведённой работы, свидетельствующие о масштабности проблематики братских захоронений периода ГВ на территории нашего региона.

Первые братские могилы периода ГВ появляются на территории Курганской области в 1918 году и, как правило, связаны с погибшими советскими активистами, ставшими жертвами восстания белочешского корпуса и свержения советской власти в регионе. Эти захоронения расположены по всей территории области, тяготеют к крупным населённым пунктам, где находились органы госвласти, и в целом являются немногочисленными как по количеству, так и по числу захороненных лиц.

Ситуация резко меняется в августе 1919 года с началом Тобольско-Петропавловской операции на территории современной Курганской области. На фронте протяжённостью более 200 километров действовали значительные массы воинских соединений как со стороны Рабоче-Крестьянской Красной армии, так и армии адмирала Колчака. Точную численность противоборствующих сторон установить сложно, так как, с одной стороны, большая часть документов утрачена, с другой – есть большое количество свидетельств о спорадических мобилизациях населения как с той, так и с другой стороны, проходивших, как правило, без оформления соответствующих документов. Например, В. Ф. Воробьёв в своей работе отмечает: «Отступив за Тобол, 5-я Красная армия приступила к подготовке нового наступления. Главной задачей явилась организация пополнения поредевших в результате значительных потерь в сентябрьской операции частей армии. Эти потери армии выражались убитыми и пропавшими без вести – 3146 человек, ранеными, контужеными и больными – 11576, а всего 14722 человека. Объявленная мобилизация в прифронтовой полосе в Челябинском, Курганском, Троицком,

Кустанайском районах, упорядочение личного состава тыловых учреждений позволили в короткое время увеличить состав армии почти в два раза» [4, с. 26]. Помимо этого, известны факты неоднократного массового перехода и красных, и белых солдат на сторону противника.

Учитывая манёвренный характер боевых действий с многочисленными окружениями, глубокими рейдами в тыл противника, засадами, а также применением всех современных для того периода видов вооружения, противоборствующие стороны несли значительные потери в живой силе как убитыми, так и ранеными. Относительная скоротечность боевых столкновений и всей операции в целом (август–октябрь 1919 года) не позволила противникам наладить полноценную работу похоронных команд и централизованно создавать отдельные места воинских захоронений. Известны многочисленные факты, когда погибших приходилось хоронить местному населению с целью поддержания санитарно-эпидемиологической обстановки или по принуждению со стороны воинских подразделений, занимавших ту или иную территорию. Зафиксированы случаи, когда погибшие (большой частью утонувшие в реке Тобол и в озёрах) были обнаружены и захоронены вообще только весной 1920 года.

Все эти факторы способствовали возникновению множества разрозненных захоронений, в которых могли оказаться погребены от 1–3 человек до 3–4 десятков. Нередко эти захоронения оказывались в стороне от населённых пунктов, привязанные, например, к рельефу местности – возвышенностям или к известным местному населению топонимам – отдельным колкам, отдельно стоящим большим деревьям, перекресткам просёлочных дорог. В своей книге «Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области» О. А. Винокуров, например, приводит следующие сведения: «Всего за день, по сведениям штаба Волжской группы, 3-й Ставропольский полк потерял 10 офицеров, в том числе погиб помощник командира полка, а также до 300 солдат. Потери красных составили 7 убитых, 48 раненых и 2 пропавших без вести. Где именно похоронены погибшие бойцы, точно неизвестно. Возможно – в братской могиле, памятник на которой возвышается в поле у д. Нагорской» [1, с. 131].

Подавляющее большинство известных захоронений этого периода сконцентрировано в пойме реки Тобол и в районах к востоку от неё.

Следующим этапом становится 1921 год, ознаменовавшийся вспыхнувшим Западно-Сибирским крестьянским восстанием. Для подавления восстания на территорию Курганской области были введены воинские подразделения Рабоче-Крестьянской Красной армии, которые фактически превратились в карательные отряды, уничтожавшие не только мятежников, но и лиц, сочувствующих им. В условиях то открытого противостояния, то партизанских действий

число погибших росло с каждым днем. В статье О. А. Винокурова, посвящённой этим событиям, приводятся такие сведения: «...В этот день 6-й пулемётный батальон понёс самые большие потери – 26 убитых, 3 командира и 40 бойцов раненых, 4 пропали без вести, 10 попали в плен, 35 обморожено...» [2, с. 388].

Для захоронения жертв восстания как использовались новые участки, так и активно практиковалось подзахоронение в уже существующие братские могилы. Впоследствии эта практика привела к тому, что сведения о части первоначальных захоронений были утрачены. В разных источниках в разные периоды времени сведения об одном и том же объекте могут быть связаны с совершенно разными событиями. Опросы местного населения – например, в Частоозерском, Варгашином, Половинском, Белозерском, Притобольном муниципальных округах Курганской области – показывают, что советские власти нередко запрещали хоронить расстрелянных мятежников из местного населения на сельских кладбищах. Для них отводились места за оградой, без установки памятных знаков, что впоследствии способствовало быстрому забвению этих мест захоронения.

Учитывая, что Указом Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина № 931 от 18.06.1996 г. «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов» в п. 3 установлено: «...Крестьяне-участники восстаний 1918–1922 годов не могут быть признаны участниками банд-формирований в трактовке пункта “в” статьи 4 Закона Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”, места захоронений этих наших земляков имеют право на увековечивание их памяти наравне с братскими могилами представителей советской власти».

Большинство захоронений этого периода также географически привязано к востоку региона, но есть и немало тех, которые относятся и к другим территориям.

Обобщая сказанное выше, следует сделать вывод о том, что на территории Курганской области в период с 1918 по 1921 год образовалось определённое количество братских захоронений, географически большей частью привязанных к востоку региона. Часть этих захоронений впоследствии была утрачена в силу как антропогенного воздействия, так и причин природного характера. Сведения о братских могилах периода ГВ, сами мемориалы и памятники являются важными факторами сохранения истории как Курганской области, так и всей России, являясь пусть немными, но яркими свидетелями трагических страниц XX века. Сохранение памяти об участниках Гражданской войны – это и один из важнейших факторов исторического просвещения молодёжи, подчас не догадывающейся о том, какие масштабные события происходили на территории её проживания. Кроме того, это один из важнейших инструментов патриотического воспитания под-

ЗЕМЛЯ КУРГАНСКАЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

растающего поколения, способствующего формированию любви к родному краю и ответственного отношения к объектам культурного наследия нашего региона.

Всего, по итогам проведённой работы, в реестр включено 218 мемориалов (таблица 1), из которых 93 являются захоронениями периода 1918–1919 годов, 92 – периода 1921 года, а также 33 мемориала и памятных обелиска. Из 218 памятников 82 являются объектами культурного наследия регионального значения. Мемориальные

таблички установлены на 163 объектах, на 55 таблички отсутствуют.

Помимо этого, создана база данных о 141 объекте, сведения о которых подлежат проверке и актуализации, так как ранее данные объекты либо переносились, либо были частично или полностью утрачены, в связи с чем работа по наполнению Единого реестра мемориальных объектов, увековечивающих память погибших во время Гражданской войны 1918–1921 гг. на территории Курганской области, будет продолжена.

Таблица 1 – Сводка по Реестру мемориальных объектов, увековечивающих память погибших во время Гражданской войны 1918–1921 гг. на территории Курганской области

Муниципальное образование	Всего объектов	Количество объектов, связанных с событиями Гражданской войны 1918–1919 гг.				Количество объектов, связанных с событиями Западно-Сибирского восстания 1921–1922 гг.			
		Захоронения		Мемориалы / обелиски		Захоронения		Мемориалы / обелиски	
		всего	ОКН РЗ	всего	ОКН РЗ	всего	ОКН РЗ	всего	ОКН РЗ
г. Курган	5	1	1	3	3	1	1	-	-
г. Шадринск	4	-	-	3	1	1	1	-	-
Альменевский МО	5	2	-	1	-	2	2	-	-
Белозерский МО	10	5	1	1	-	4	4	-	-
Варгашинский район	6	2	1	-	-	4	-	-	-
Далматовский район	11	10	7	-	-	1	1	-	-
Звериноголовский МО	4	3	1	1	-	-	-	-	-
Каргапольский МО	12	5	1	2	-	5	-	-	-
Катайский район	14	11	4	2	-	1	1	-	-
Кетовский МО	2	-	-	1	-	1	-	-	-
Куртамышский МО	8	4	3	4	1	-	-	-	-
Лебяжьеvский МО	13	7	-	2	-	4	3	-	-
Макушинский МО	13	3	1	1	-	9	7	-	-
Мишкинский МО	4	3	2	-	-	1	1	-	-
Мокроусовский МО	10	3	-	-	-	7	1	-	-
Петуховский МО	17	-	-	-	-	17	15	-	-
Половинский МО	4	2	-	-	-	2	-	-	-
Притобольный район	6	3	-	-	-	3	3	-	-
Сафакулевский МО	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Целинный МО	6	3	1	1	-	2	-	-	-
Частоозерский МО	11	2	-	1	-	8	-	-	-
Шадринский МО	17	13	7	2	-	-	-	2	-
Шатровский МО	23	2	1	2	-	18	8	1	1
Шумихинский МО	5	4	-	1	-	-	-	-	-
Щучанский МО	3	1	-	1	-	1	-	-	-
Юргамышский МО	5	4	3	1	-	-	-	-	-
Итого:	218	93	34	30	5	92	48	3	1

При формировании Единого реестра были использованы как собственная база данных ГКУ НПЦ об объектах культурного наследия (ОКН), так и выявленных объектов культурного наследия (ВОКН) нашего региона. По запросу Управления по охране объектов культурного наследия, направленного в муниципальные округа (МО) региона, по установленной форме были предоставлены данные о существующих на сегодняшний день братских захоронениях и мемориалах периода ГВ. На основе анализа архивных данных и данных, предоставленных областным военкоматом, были выявлены не отмеченные в МО объекты и включены в общий список. С привлечением краеведческих материалов, собранных в том числе О. А. Винокуровым, сотрудниками культурных и общеобразовательных учреждений региона, выявлен ещё ряд объектов, впоследствии включённых в реестр.

Все полученные данные сведены в единую таблицу, включающую сведения о порядковом номере, местонахождении (муниципальный округ, населенный пункт, координаты), фотографии текущего состояния объекта, краткое описание (внешний вид, обстоятельства возникновения), тексты мемориальных табличек (если есть). Реестр размещен в свободном доступе на официальном сайте ГКУ НПЦ (<http://www.npc45.ru/>) и может служить источником как для проведения краеведческих образовательных мероприятий, так и для проведения самостоятельных научных исследований.

В ходе проведённой сотрудниками ГКУ НПЦ работы установлено, что основной проблемой при сохранении объектов, вошедших в Единый реестр, является антропогенный фактор, чаще всего имеющий ситуационный характер. Помимо этого необходимо отметить:

1 Часть захоронений периода Гражданской войны была уничтожена ещё в период существования СССР. В основном это захоронения белых солдат и повстанцев. Но есть и факты уничтожения братских захоронений бойцов Красной Армии. В частности, в районе села Верхне-Суерское Варгашинского муниципального округа в колке на поле, в нескольких километрах восточнее населённого пункта, существовало братское захоронение красноармейцев (более 30 человек, списочный состав известен по книге О. А. Винокурова «Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области»). Со слов местных старожилов, в ходе увеличения объема пахотных земель в 70-х годах XX века, могила вместе с колком была распахана тракторами. Перезахоронение не производилось.

2 Исчезновение мемориалов вместе с малыми населёнными пунктами. При ликвидации деревень мемориалы, расположенные на их территории или на территории кладбищ при них, приходили в упадок и уничтожались в результате ландшафтных пожаров, эрозии почв или других факторов. Например, деревня Полой Мокроусовского муниципального округа.

3 Мемориалы, расположенные вне населённых пунктов – как правило, небольшие, забытые – со временем исчезали по тем же причинам, что отмечены в пункте 2 (например, братская могила в тобольской пойме в районе деревни Раскатиха Притобольного муниципального округа).

4 Перенос памятников. Отмечены факты, когда по тем или иным причинам памятники переносились с мест захоронений без эксгумации останков. Например, братская могила бойцов красного отряда Пичугина, погибших в 1918 году. Реальное место братской могилы находится в селе Памятное Белозерского муниципального округа, у клуба, и в настоящее время никак не обозначено. Обелиск же с именами погибших размещён в другой части населённого пункта.

Анализ созданного реестра братских захоронений периода ГВ, существующих на территории Курганской области, показывает, что одним из ключевых направлений в дальнейшей работе является актуализация информации об объектах, о которых уже имеются сведения. Второе направление – сохранение и реставрация мемориалов периода ГВ. Третье – поиск новых захоронений посредством анализа краеведческих и архивных материалов, в ходе которого необходимо привлечение профессиональных археологов с целью проведения полевых работ – разведочной шурфовки и полноценных раскопок на местах братских захоронений периода ГВ с последующим установлением памятных знаков. Всё вместе это представляет большой объём работы, к участию в которой необходимо привлекать общественность, учащихся общеобразовательных учреждений, краеведов, профессиональных историков и архивистов.

Библиографический список

- 1 Винокуров О. А. *Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области* : в 3 кн. Кн. 1. «Даёшь Сибирь!». Вступление Красной армии в Зауралье в августе 1919 года / О. А. Винокуров. – Шумиха : Велес, 2013. – 271 с.
- 2 Винокуров О. А. *Прорыв Южно-Ишимского кольца окружения повстанцев. Неизвестные страницы Западно-Сибирского восстания 1921 года* / О. А. Винокуров // *Двадцать первый. Красная весна* : антол. арх. и исслед. материалов о Зап.-Сиб. восстании 1921 года / ред.-сост. Г. А. Крамор. – Ишим : Ишим. музейн. комплекс им. П. П. Ершова, 2021. – С. 380–397.
- 3 Вольпе А. М. *Петропавловская операция* / А. М. Вольпе // *Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии*. – 1922. – Кн. 3 – С. 77–107.
- 4 Воробьев В. Ф. *Тобольско-Петропавловская операция* / В. Ф. Воробьев. – Москва : Гос. воен. изд-во, 1939. – 88 с.
- 5 Шишкин В. И. *Западно-Сибирский мятеж 1921 года : историография вопроса* / В. И. Шишкин // *Двадцать первый. Красная весна* : антол. арх. и исслед. материалов о Зап.-Сиб. восстании 1921 года / ред.-сост. Г. А. Крамор. – Ишим : Ишим. музейн. комплекс им. П. П. Ершова, 2021. – С. 6–24.

Б. С. Шалютин,
Уполномоченный по правам человека в Курганской области,
г. Курган

АЛЕКСАНДР СПИЧКИН: ПЕДАГОГИКА (ОТ)ЛИЧНОСТИ

Александр Владимирович Спичкин родился 16 августа 1948 года и ушёл из жизни 21 апреля 2002 года.

Его короткая жизнь была яркой и насыщенной. Учась в Курганском пединституте, он создал мгновенно ставший суперпопулярным СТЭМ – студенческий театр эстрадных миниатюр, окончив в 1970 году вуз, отслужил в армии и вскоре пришёл работать в Курганскую «английскую» школу № 47 учителем английского языка, где в 1977 году создал школьный театр «Арлекин», который жил и действовал 15 лет. В 1986 г. Александр Владимирович защитил кандидатскую диссертацию «Совершенствование идейно-эстетического воздействия школьного театра на старшеклассников». Продолжая занятия наукой, он стал одним из первых в мире, кто открыл и начал осмысливать проблему медиаобразования¹, его статьи по этой тематике выходили в ведущих профильных журналах разных стран мира: в норвежском *Media i Skolen*, в австралийском *International Research Forum on Children and Media*, шотландском *Media Education Journal* и других. Системно его концепция медиаобразования представлена в учебном пособии «*Что такое медиаобразование: книга для учителя*» [2].

В начале 90-х, став замдиректора по научно-методической работе, при поддержке талантливого руководителя школы Лилии Николаевны Бурлак и в тесном взаимодействии с другим потрясающим педагогом, учителем биологии и химии Натаном Ефимовичем Рубинштейном, разработал одну из первых в стране моделей профильного обучения, в то же время параллельно создал и возглавил в Курганском институте повышения квалификации работников образования кафедру ЭГО – эстетики и гуманитарного образования, которой руководил, пока болезнь не приковала его к постели.

Я был учеником Александра Владимировича в школе, имел счастье участвовать в жизни театра «Арлекин», а в середине 90-х несколько незабываемых лет работал бок о бок, деля с ним пополам ставку замдиректора. В этой небольшой статье речь пойдёт, по преимуществу, о театре «Арлекин» как педагогическом феномене.

За 15 лет театр поставил такие спектакли, как, например, «Хищные вещи века» по роману братьев Стругацких, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха, «Две стре-

лы» Александра Володина, «Надя» по пьесе Анны Родионовой, «Разговоры в учительской» Рудольфа Каца и много других – всего более двух десятков постановок. Это само по себе фантастическое для непрофессионального театра количество, не говоря уже о философской глубине и многослойности выбранных произведений, оказалось возможным представить зрителю только в силу уникальной внутренней жизни театра.

Вспоминая «Арлекин», прежде всего, заново физически ощущаешь силу его притяжения. Мои размышления в попытке понять природу этой силы привели к выводам, которыми я бы хотел поделиться.

Есть разные классификации систем совместной жизни людей, но, пожалуй, самая глубокая – деление на традиционные общества и общества развития.

Традиционное общество – система консервации жизнедеятельности, устроенная по аналогии с биологическим видом, где отдельная особь – ничто, а вид – всё. У растения или животного система жизнедеятельности жёстко запрограммирована. Индивид – «флешка», на которой записана программа поведения, и смысл его существования – только в том, чтобы до своего одряхления переписать программу следующей, сыновней «флешке». Аналогично устроено традиционное общество. Но поскольку культура генетически не закрепляется, в традиционном обществе возникает другой механизм консервирования жизни – сакрализация прошлого. Образ жизни предков священен, всякое новшество – экзистенциальная угроза и должно быть уничтожено, лучше – вместе с его автором, источником этой угрозы. Общество свято, человек стоит ноль, его назначение – как у муравья: умереть во имя муравейника.

Соответственно, традиционное общество создаёт такую школу, которая обеспечивает его воспроизводство. Между тем, в христианской антропологической концепции Бог создал человека по своему образу и подобию, то есть творцом. В научной картине мира человека творцом сделала эволюция. В любом случае творческая сущность человека противоречит устройству традиционного общества. Поэтому одна из важнейших задач традиционной школы – обнулить, убить творческое начало, сделать всех одинаковыми, заблокировать потенциал развития личностной автономии, обеспечить соблюдение единого священного порядка. Занятия для всех вместе, причём в одном месте, в одно время, строго по расписанию; за всякую провинность – кара, учителя – ретрансля-

¹ Это направление исследований Александра Владимировича выросло как продолжение, развитие и модификация масштабной работы, у истоков которой стоял наш выдающийся земляк, один из пионеров кинообразования в Советском Союзе Ю. М. Рабинович. Подробнее об этом см. [3].

торы абсолютных истин и правил и священная карающая десница, но при этом сами – всего лишь винтики системы.

Первым обществом развития стала Древняя Греция с Афинами в качестве культурного центра. И, соответственно, здесь возникает первая школа совершенно другого типа – школа Сократа, принципы которой были восприняты в академии его великого ученика Платона, а потом, в ликее, – уже платоновского великого ученика Аристотеля.

Это вроде бы и не школа, как её обычно понимают. Никто никого не сгоняет в означенное время и место. Учитель с учениками беседуют, где удобно – в саду, на площади, на прогулке. Никто никому ничего не впахивает в сознание и не навязывает готовые ответы. Никто никого не наказывает. Ученики свободно высказывают своё мнение, обсуждая его друг с другом и с учителем. Это школа формирования личности, а не превращения человека в насекомое. Это школа взаимного уважения и совместного творчества свободных людей. Общество развития базируется на свободной личности, потому что строй ничего нового создать не может, он может только безмысленно шагать под барабан.

Театр «Арлекин» был школой формирования личности. Ни одна из сфер человеческой деятельности не выражает саму сущность человека в такой мере, как искусство. Даже наука всего лишь открывает созданное природой, в искусстве же человек творит новую реальность.

«Арлекин» был пространством личностного бытия. Участники театра существовали в нём не в качестве живых магнитофонов, воспроизводящих заученный урок, и даже не в качестве решателей заранее подготовленных в учебниках искусственных задач. Они творили новую реальность, руководствуясь эстетическими критериями, – реальность прекрасного, создавая те фикции, которые делают людей людьми, в отличие от шимпанзе. Участники театра не были режиссёрскими куклами. Вместе с Александром Владимировичем они выбирали произведения для постановки, сами трансформировали их для сцены, писали для спектаклей стихи и музыку, а иногда и выступали в качестве режиссёров. Творя на подмостках, они создавали и развивали в себе саму способность творчества, то есть способность быть личностью, потому что личность это и есть творчество.

Вот что об этом говорили причастные к театру люди¹.

Лилия Николаевна Бурлак, директор школы: «Мы с удовольствием воспринимали участие наших детей в этой работе, потому что театр очень хорошо развивал ребят. Здесь не было давления учителя, была демократичная атмосфера общения. Дети сами могли писать спектакль, обсуждать его, корректировать».

Вадим Евгеньевич Мазняк, участник театра: «Репетиции для нас были важнее, чем сам спектакль. Когда ты играешь на сцене, ты отдаёшься полностью своей роли, стараешься выразить лучшее, что ты можешь, а на репетициях ты пробуешь себя, пробуешь – так играть или так, причём Александр Владимирович никогда не говорил конкретно, что ты должен играть вот таким образом – и всё, и никаких отходов».

Александр Владимирович Спичкин: «Самое интересное было, когда вы начинали не просто исполнять то, что я просил. Легко устроить школьный театр, отношения между режиссёром и актёрами в стиле “Сюда пойдёшь, глаза закрой, они всё равно у тебя ничего не выражают, повернись спиной...” – и так вылепить то, что по результату как-то будет отвечать моим представлениям о театральном спектакле. Самое интересное было, когда вы начинали предлагать некие идеи, некие ходы, способы мышления. Вот это самое интересное – когда пробуждается в человеке творческое начало».

Людмила Михайловна Голубицкая (Шалютина), участница театра: «Это было необычно, это привлекало, это позволяло выйти за рамки формального общества. А я думаю, что каждому из нас, кто ходил в театр, как раз и претили рамки обычного традиционного общества: нам всем было в нём тяжело жить, и театр спасал. Он был островом, на котором мы могли раскрыться, и самое главное – нам не мешали быть чайками – такими, как Джонатан Ливингстон, – а поощряли».

Со времён Сократа прошло два с половиной тысячелетия, но подлинная школа личности остаётся исключением, а традиционная, хоть и в модифицированном виде, – правилом. Школа личности – то есть школа творчества, создания нового и уникального – может быть только вокруг личности. Напомню слова Высоцкого: «Эй вы, задние, делай, как я! / Это значит – не надо за мной, / Колея эта – только моя, / Выбирайтесь своей колеёй!» Эта формула адекватна только для того, кто сам вырвался из общей колеи, а свою прокладывает сам.

Стандартная школа не вводит в пространство большой культуры. Большая культура – это безграничный мировой океан. Стандартная школа – это отгороженный забором лягушатник. Её содержание тщательно отобрано программами, отредактировано имеющимися по каждому предмету книгами для учителя, и никакие чуждые веянья сюда проникать не должны. Главная задача, чтобы лягушата в лягушатнике научились квакать правильно, одинаково и согласно утверждённой партитуре – при этом, применительно к советской школе, особенно важно помнить, что слово «партитура» производно от слова «партия».

Александр Владимирович не был лягушачьим дрессировщиком. Он был голографической персонификацией мирового океана культуры. Мы приобщались через него к тем именам, которых и близко не могло быть в культурном суррогате

¹ Здесь и ниже цитаты взяты из радиопередачи, которую в 1997 году подготовили к 20-летию «Арлекина» участники театра Сергей Шумков, Вадим Мазняк, Наталья Захарова [1].

советской школы, «морковном кофе», по выражению Маяковского. Отобранные для изучения в этом «лягушатнике» фигуры представляли не в своей мощной полноте и противоречивости (даже те, кто этой мощью обладали), а в раздавленной в плоскость идеологической проекции. А у Спичкина тот же Маяковский, который тоже ставился в «Арлекине», был не про «советскую папортину», а тот, который про «Облако в штанах» или про Лиличку, тот, кто действительно великий Поэт, а не монстр пролетарской агитки.

Курганская 47-я была отнюдь не рядовой и, несомненно, относилась к лучшим образцам советской школы. Она открылась в 1968 году на базе созданной годом раньше 11-й «английской» школы, основателем которой был один из самых авторитетных зауральских педагогов и администраторов образования, энтузиаст и подвижник Алексей Сидорович Мальцев. Именно он создал мощный квалификационный «костяк» учительского коллектива, которым руководил до 1973 года, когда передал бразды правления своему завучу Лилии Николаевне Бурлак. В тот период, когда действовал «Арлекин», школа была очень «крепкой» в предметном отношении. Помимо своей изюминки – английского, по тем временам весьма неплохого, она давала очень достойную подготовку почти по всем предметам. Там работали Людмила Фёдоровна Парфенова, народный учитель СССР (русский язык и литература), блистательный математик, заслуженный учитель РСФСР Зинаида Николаевна Мягкова и много других достойных педагогов, со званиями и без званий. Ученики ежегодно завоевывали по нескольку призовых мест в областных олимпиадах, нередко брали призы в олимпиадах зонального, а иногда и всесоюзного уровня.

47-я школа имела **репутацию**, которая работала на концентрацию в ней способных учеников, которые попадали в руки к сильным, развивающим их потенциал учителям, достигали впечатляющих результатов, что поддерживало и повышало репутацию. Сформировалась своеобразная система прогрессивного саморазвития – разумеется, при надлежащем направляющем руководстве. Без таких предпосылок, существенно поднимавших эту школу над среднетипичной, сформировавших в учениках потребность и готовность к соучастию в некоей принципиально новой форме жизни, «Арлекин» возникнуть не мог. Обратимся ещё раз к тексту радиопередачи.

Вадим Мазняк: *Александр Владимирович, 20 лет назад в школе № 47 появился школьный театр. Значит, я так понимаю, возникла необходимость в его появлении. Почему возникла такая необходимость и почему именно в школе?*

Александр Спичкин: *На вопрос «почему?» я ответить не могу, потому что не знаю. Я просто предложил и получил отклик от старшекласников. Я тогда понял, что какая-то потребность в этом существовала, я просто вовремя предложил его создать... А то, что он 15 лет существовал без перерыва и достаточ-*

но интересно работал, значит только одно: что эта потребность, которая тогда как-то удачно совпала с моим желанием, сохранялась, и театр отвечал этой потребности.

Сократ называл себя повивальной бабкой, помогающей явиться на свет тому, что зарождается в душе ученика. Если душа пуста, ничто не рождается. Отчасти эта аналогия и здесь применима, но Александр Владимирович, конечно, стал куда большим, чем повивальная бабка (как, впрочем, и Сократ – который, несомненно, в этом лукавил), потому что он придал некоему неопределённому брожению духовного потенциала вполне определённую организационную художественно-педагогическую форму, которая и обусловила качественный скачок. Когда школьники сами превращают большой фантастический роман в компактную пьесу, ищут и находят режиссёрские решения, которые, затав дыхание, воспринимает зал, – это, разумеется, совершенно иной уровень педагогики – переход от школы передачи знаний и развития предметно ориентированных интеллектуальных компетенций к педагогической системе развития личности.

Сам Творец и Художник, Александр Владимирович будил и пестовал творцов в своих питомцах, создавая ту атмосферу высокой духовности, в которой участники театра купались на каждой репетиции и на каждом спектакле, и в которую погружался зритель. И критерии здесь были «гамбургские»: для арлекиновцев это была не игра, а подлинная жизнь. Поэтому, по крайней мере, в своих лучших образцах «Арлекин» поднимался до того, что можно без скидок назвать Искусством. Не случайно одной из любимых песен здесь был «Театральный разъезд» Юлия Кима в блистательном, передающем атмосферу волшебства театра исполнении Елены Камбуровой. Всё было «по-взрослому», всерьёз, и только поэтому в театре стало возможно образование в самом высоком смысле слова – как образование Человека, как процесс, в котором образуется Человек. «Арлекин» превращал маленьких двуногих без перьев в людей, в личностей, умеющих многое понимать в большом, сложном, культурно многообразном мире, имеющих высокие ценности, не меняющиеся в угоду политическим и прочим ветрам, способных создавать новое и уникальное, а не бездумно воспроизводить кем-то спускаемые штампы.

Театр завершил своё существование в начале 90-х. Тогда я – и, наверное, не я один – спрашивал Александра Владимировича почему. Дословно, спустя 30 лет, ответ, конечно, не воспроизведу. Общий смысл его был в том, что Александр Владимирович перестал ощущать то совпадение своего желания и встречной потребности учеников, которое стимулировало рождение и поддерживало жизнь «Арлекина», а всякое навязывание Александру Владимировичу претило, да и было в принципе невозможно в рамках «Арлекина», субстанцией существования которого была свобода.

Сегодня легче понять, почему ушло это совпадение. «Арлекин» был детищем своей – позднесоветской – эпохи. Он был локальным явле-

нием того же рода, что и, например, бардовская песня, не случайно пронизывавшая собой сценическую – и ещё больше внесценическую – жизнь «Арлекина». Это было некое эстетически отграниченное от окружающего мира пространство свободы, и к этой свободе как единственно органичной среде подлинно человеческой жизни мы и тянулись. Но на рубеже 80–90-х тоталитаризм исчез, жизнь становилась всё более свободной во всех отношениях, и форпосты нормальности, островки будущего, утратили своё прежнее культурно-антропологическое и историческое значение и притяжение, поскольку возникло ощущение, что это будущее пришло.

В 1993 году 47-я школа стала лицеем, А. В. Спичкин стал заместителем директора по научно-методической работе. Кардинально новая нормативная база создала возможность творческого построения «основного» образовательного процесса на уровне школы, во что теперь «с головой» окупился Александр Владимирович. О том, что получилось, хорошо написал ученик тех лет, сегодня один из лидеров курганского медицинского сообщества Степан Радченко в статье для этого же сборника «Натан Рубинштейн: воспитание Homo sapiens», посвящённой другому выдающемуся педагогу, работавшему в этот период вместе с Александром Владимировичем, создавшему мощнейший биолого-химический профиль в рамках совместно разработанной ими модели школы.

Параллельно совершенствованию профильного образования в лицее разрабатывалась и принципиально новая модель – личностно ориентированной школы. Концепция в текстовом варианте была почти готова. К сожалению, последних вариантов не сохранилось, но для понимания сути дела достаточно и нескольких цитат из того, что осталось:

«Лицей является одним из основных участников (субъектов) образовательного процесса наряду с семьёй и отдельным учеником... Лицей обеспечивает конструктивное взаимодействие субъектов образовательного процесса.

Лицей несёт ответственность перед учеником, семьёй, обществом и государством за качество образования.

Деятельность лицея направлена на достижение целей, исходящих из интересов ученика, общества и государства.

Под базовыми интересами ученика понимаются:

1 Его развитие как личности, предполагающее освоение системы культуры и формирование личностного отношения к ней, включающего в себя, во-первых, умение ориентироваться в сложившейся системе культуры и осуществлять сознательный выбор, во-вторых, способность к творческому восприятию системы культуры, и в-третьих, способность к деятельности и построению жизненного пути в соответствии со сформированным отношением к системе культуры.

2 Выявление и развитие индивидуально и социально ценных способностей.

3 Развитие способности к адаптации в изменяющихся социальных условиях. Адаптивные способности предполагают умение адекватно оценивать изменяющиеся жизненные обстоятельства (на макросоциальном, микросоциальном и межличностном уровнях) и самого себя и формировать и корректировать на этой основе своё поведение.

Построение учебного процесса в соответствии с базовыми интересами ученика призвано обеспечить возможность его жизненного самоопределения...

В центре организации образовательного процесса стоит отдельный ученик. Образовательный процесс основывается на принципе взаимоуважения личности учителя и личности ученика...

Ключевыми (приоритетными) педагогическими принципами являются:

- постановка отдельного ученика в центр образовательного процесса;

- формирование и развитие в ученике интереса к знаниям и сознательной мотивации образования» [далее текст обрывается].

Стоит внимательно вчитаться в эти фразы. Задуманная в новой концепции модель школы представляла собой продолжение той работы по формированию и развитию личностного, творческого начала в учениках, которую Александр Владимирович блестяще вёл в качестве руководителя театра «Арлекин». Только теперь она должна была осуществляться иными средствами и в ином масштабе. К сожалению, в силу внешних причин работа по реализации концепции не была начата. В 1996 году Александр Владимирович ушёл из школы, полностью сосредоточившись на работе в Институте повышения квалификации работников образования.

Нет ничего сложнее формирования Человека. Опыт Александра Спичкина в этом уникален. Его нельзя повторить в прямой форме, как нельзя второй раз написать «Евгения Онегина». Но как невозможно стать настоящим поэтом, не обретя поэтический вкус, пропуская через собственную душу вершины поэтического искусства, так нельзя стать большим педагогом, не освоив лучшие образцы педагогической практики. Таких людей, как Александр Владимирович, двигавших вперёд мир человеческой культуры, в Курганской области было немного, и именно о них в первую очередь мы должны помнить, именно они – настоящая история и гордость Курганской области.

Библиографический список

1 Радиопередача к 20-летию школьного театра «Арлекин» // *Vademza* : канал YouTube. – 01:02:17 (время воспроизведения). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PCgqBuZVeQg> (дата обращения: 23.04.2023).

2 Спичкин А. В. Что такое медиаобразование : кн. для учителя / А. В. Спичкин. – Курган, 1999. – 114 с.

3 Фёдоров А. В. «Курганская школа»: от кинообразования – к медиаобразованию / А. В. Фёдоров // *Искусство и образование*. – 2004. – № 4. – С. 52–70.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А. М. Артамонова,
МКУК «Притобольная центральная библиотека»,
Притобольный МО, с Глядянское*

КОМСОМОЛ ПРИТОБОЛЬЯ (1950–1960-Е ГГ.)¹

В послевоенные годы перед советским народом стояла большая задача – восстановление разрушенного хозяйства. Необходимо было заново отстраивать города, сёла, восстанавливать заводы и фабрики, поднимать колхозы. Всё это большей частью легло на плечи молодого поколения, ведь война унесла миллионы человеческих жизней, в основном зрелых мужчин. Поэтому задачей-минимум провозглашалось «дальнейшее организационно-политическое укрепление комсомольских организаций». В одном из постановлений ЦК ВЛКСМ 1954 года эта задача разъяснялась следующим образом: «Необходимо добиваться, чтобы каждая комсомольская организация колхоза, МТС и совхоза систематически пополняла свои ряды за счет передовой молодёжи».

Комсомольцы Притоболья послевоенных лет активно участвовали в жизни колхозов, работали на животноводческих фермах, полях, на заготовке кормов и вывозке леса, показывая везде образцы трудовой дисциплины. В большинстве своём молодёжь являлась инициатором всего нового и своим трудом завоевывала себе уважение и прославляла нашу Зауральскую землю. Не было ни одной сферы деятельности, где бы не участвовали комсомольцы: организация социалистических соревнований молодёжных бригад, конкурсов профмастерства, субботники, воскресники, сбор макулатуры и металлолома, выступление агитбригад.

Говоря об этом времени, нельзя не сказать об Ивашине Николае Митрофановиче – Герое социалистического труда, управляющем Притобольным районным объединением по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства (1974–1985). Уроженец Курской области, он мальчишкой был привезен в Зауралье. В 1948 году Николая направили на учёбу в Шмаковскую школу механизации сельского хозяйства, по окончании которой он стал работать в Островской МТС (Куртамышский район). В свою первую страду 17-летний Николай убрал хлеба с площади более 900 гектаров и завоевал первенство в районе. В 1950 году на комбайне «Коммунар» он намолотил 9500 центнеров зерна. В 1951 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Митрофановичу Ивашину за достижение высоких

показателей на уборке и обмолоте хлебов присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Было ему всего 20 лет. А через год снова высокая награда – орден Трудового Красного Знамени. В 1952–1956 годах Ивашин служил на Северном флоте, был отличником боевой и политической подготовки, там вступил в ряды коммунистической партии. После службы вновь вернулся в Курганскую область [17].

В 1954 году ЦК КПСС принял постановление о разработке и освоении целинных и залежных земель. В этом же году по путёвкам комсомола, главным образом в Казахстан, выехало свыше 150 тыс. молодых людей со всех концов нашей огромной страны. Их труд был настоящим подвигом. В Курганские села на освоение целины прибыло более 3,5 тыс. человек из Москвы, Свердловска, Брянской, Костромской и других областей.

В Глядянском (Притобольном) районе не создавались новые хозяйства, как в Казахстане, а расширялись площади в колхозах. Работать приходилось в тяжелейших условиях. Сказывалась послевоенная разруха. Район не был электрифицирован, не было хороших дорог, не было сельхозтехники. Только начали поступать тракторы ДТ-75 и автомобили ГАЗ-51. Обработка земли велась на площадях, непосредственно примыкающих к селам и деревням.

В тракторных бригадах трудились и комсомольцы. В колхозе «Восход» (с. Ялым) бригады Д. Н. Михайлова и Л. П. Найданова подняли целину на площади 2229 га. На территории колхоза «Красное знамя» (с. Плотниково) бригады М. Николаенко и К. Семёнова ввели в оборот 3464 га. Бригады И. Силина, П. Евдокимова, А. Яковлева на землях колхоза «Заря» (с. Гладковское) обработали дополнительно 5132 га. Большую прибавку хлеба дали 1865 га целины, распаханной в колхозе «Звезда» (с. Березово) тракторными бригадами К. Григорьева, И. Семёнова и А. Островских.

Всего за два года площадь зоны Ялымской МТС увеличилась на 12683 га. В это же время была построена машинно-тракторная мастерская, 12 жилых домов, детсад, школа. Комсоргом Глядянской МТС был Иванцов, Ялымской МТС – Москвитин, Митинской МТС – Ватолин. Секретарём райкома ВЛКСМ был В. Дедов.

В середине 1950-х годов по всей стране по

¹ Начало в сб. «Земля Курганская: прошлое и настоящее». Вып. 22. / КОУНБ им. А. К. Югова [и др.]. – Курган, 2021. – С. 96–112.

инициативе Н. С. Хрущёва стали выращивать «царицу полей» – кукурузу. И у нас в Притоболье отдельные колхозы в 1955 году начали засеивать кукурузой значительные площади. В районной газете «По сталинскому пути» от 8 февраля 1956 года говорится: «Ведущее место в борьбе за внедрение кукурузы принадлежит комсомольцам и молодёжи, которые взяли шефство над этой важной культурой. По призыву ЦК ВЛКСМ первичные комсомольские организации в прошлом году создали 26 звеньев по выращиванию кукурузы». Но из-за незнания технологии выращивания кукурузы, недостаточной поддержки руководства колхозов и ряда других причин урожайность была небольшой [13].

В животноводстве в середине 1950-х годов трудились более 300 членов молодёжной организации. Из их рядов вышло много передовиков. Так, доярка Мария Зырянова из колхоза им. Маленкова надоила 1585 литров на фуражную корову, а Мария Максимова из колхоза «Победа» – 2400. Среди механизаторов района трудились 225 комсомольцев. Владимир Терентьев, тракторист Ялымской МТС, выработал за сезон на тракторе «ДТ-54» 1624 га мягкой пахоты при экономии горючего 1016 кг [11].

Комсомольцы проявляли себя и в общественной жизни. В Нижней Алабуге они взяли шефство над инвалидами и семьями, где сыновья служат в Советской Армии. Так, хозяйство колхозницы Маховой обеспечили дровами и кормом для скота. Молодые агитаторы Лобанова и Половникова на животноводческих фермах проводили беседы о международном положении, громкие читки книг и газет. Только в феврале–марте 1957 года комсомольскими активистами было подготовлено четыре концерта в сельском клубе, а 7 апреля – организован воскресник с привлечением несоюзной молодёжи по подвозу кормов на ферму [18].

19 коллективов художественной самодеятельности собрал праздник песни, проведённый в райцентре летом 1956 года. В этот день также прошли спортивные соревнования на приз районной газеты. Горячо откликнулись комсомольцы на призыв по озеленению сёл и деревень. В райцентре на двух гектарах был заложен сад, а в сёлах высажено более 7000 саженцев.

В преддверии Московского фестиваля молодёжи и студентов в районе проводились смотры народных талантов, 15 районных спортивных соревнований, в которых приняли участие 850 человек, шахматные турниры. 16 и 17 марта 1957 г. в селе Глядянское состоялся второй районный фестиваль молодёжи. Почётными грамотами ЦК ВЛКСМ были награждены молодые труженики колхоза «Победа» (секретарь комсомольской организации Алексеев), комбайнёр Глядянской МТС Алексей Макаров. Анатолий Анисимов из колхоза «Победа» получил путёвку на ВДНХ СССР. Виктор Байдулин, тракторист Ялымской МТС, награждён орденом Трудового Красного Знамени [12].

И вот долгожданное событие – летом 1957 года в Москве прошёл VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. В столицу прибыло около 30 тысяч зарубежных делегатов и около 60 тысяч юношей и девушек из всех республик Советского Союза. Наш район также послал на фестиваль своих делегатов из числа лучших производственников: В. Логиновского – шофера автотроты, В. Дедова – первого секретаря РК ВЛКСМ, П. Охохонину – учительницу Н.-Алабугской начальной школы, Ю. Иванову – учительницу Ялымской средней школы и В. Поздина – колхозника сельхозартели им. Фрунзе. Они были примером во всём. Полина Охохонина, одна из делегатов, сказала: «Иначе и быть не может! Я – секретарь комсомольской организации, вожак у молодёжи. Какой пример я могу показать, если не стану инициатором в трудовых делах?» [2; 6].

Как и весь советский народ, комсомольцы Притоболья стремились достойно встретить 40-летие Октябрьской социалистической революции. В преддверии этой даты прошли соревнования восьми комсомольско-молодёжных тракторных бригад. Бригада Ивана Семёнова из Ялымской МТС в течение нескольких месяцев удерживала переходящий вымпел райкома ВЛКСМ [14].

С целью содействия работникам МВД в охране общественного порядка в районе создавались бригады содействия милиции (БСМ). Членами бригад (бригадамильцами) проверялась сторожевая охрана в населённых пунктах и организациях, паспортный режим, велась борьба с нарушителями правопорядка. Так, БСМ колхоза им. К. Маркса принимала участие в спасении и перевозке людей в весеннее половодье, круглыми сутками дежуря на лодках. Руководителем БСМ Андреевым также было организовано дежурство в клубе, в результате чего в течение всего года в селе Берёзово не наблюдалось ни одного хулиганского поступка [3].

Трудовое воспитание было одним из приоритетов советской школы. Старшеклассники Межборской школы трудились на пришкольном учебно-опытном участке в колхозах «Искра» и «Урал». Работой руководил учитель биологии, фронтовик Геннадий Иванович Яковлев. Силами школьников была построена теплица общей площадью 18 м², географическая площадка, отремонтирована ограда. В защитную полосу посажено 200 декоративных деревьев и 150 кустов малины, 16 яблонь, земляника. В теплице проводились интересные с мичуринских позиций опыты: томаты, паслён прививали на картофель, огурцы – на кабачки, дыню – на тыкву. Учащиеся воочию могли убедиться в возможности сближения родственных форм растений. В теплице первый урожай огурцов снимали уже 20 мая, а капуста – 1 июля. Юннатка Нина Азарова выращивала лук и пять сортов кукурузы. На 26 м² площади она получила 86 кг лука, или 430 центнеров с гектара. Обком ВЛКСМ наградила Нину Почётной грамотой. Больших успехов добивались и другие юннаты Межборской школы.

Кроме того, в Межборской школе на добровольных началах для помощи колхозу было создано 4 производственные бригады по 15–20 человек в каждой. Одна бригада занималась выращиванием скороспелых сортов кукурузы, вторая – выращиванием лука, третья помогала в заготовке сена, четвёртая выращивала цыплят [23].

Г. И. Яковлев в своей книге «Кукуруза в Зауралье» описал опыт выращивания кукурузы в Межборской школе, начиная с 1956 года. Вначале путём скрещивания была получена гибридная популяция «Межборская-Пионерская». За 4 года работы юннаты пришли к выводу, что в условиях Сибири можно вырастить кукурузу не только на зелёную массу, но и на зерно. Учащиеся поделились с Утятской и Ялымскими школами своими семенами кукурузы, ими засеивались поля колхозов. Урожайность составила 200 ц/га, в том числе зрелых початков – 20 ц/га. Школьники на опытных участках получали в 1961 году 79 ц/га зрелых початков, а в 1962 – 82,5 ц/га. Селекционная работа межборских школьников продолжалась, её итогом стал сорт кукурузы «Зауральская-75». В марте 1961 года Н. С. Хрущёв прибыл в Курган для вручения Курганской области ордена Ленина. На торжественное мероприятие были приглашены и межборские школьники, а ученица Тамара Живилова вручила руководителю государства зрелые початки кукурузы [22].

Умели комсомольцы не только трудиться, но и отдыхать. В районной газете была напечатана заметка краеведа В. С. Ивановой из села Утятское о комсомольской свадьбе Александра Секачёва – тракториста колхоза «Советская Армия» – и Нины Ушаковой – фельдшера Утятской больницы. Свадьба проходила в сельском клубе, гостей было более ста человек, и каждому руками комсомолок – подружек невесты на грудь был приколот букетик цветов. От колхоза молодым был вручён очень нужный подарок – мебель для комнаты. До глубокой ночи длился свадебный бал. Духовой оркестр сменила радиола, баян – русская гармошка. Весёлой получилась комсомольская свадьба [16].

В канун 40-летия ВЛКСМ в райцентре прошло большое праздничное мероприятие с массовой демонстрацией. Успехами в труде встретила молодёжь это событие. Комсомольцы автороты выполнили сентябрьский план на 110 %. Особо отличились Виктор Логиновских и Иван Каланов.

В октябре 1959 года на XVIII районной комсомольской конференции первым секретарем райкома вместо В. Дедова был избран М. Ф. Ермаков. Всего в 25 комсомольских организациях насчитывалось 1090 членов ВЛКСМ, чего, как было отмечено на конференции, явно недостаточно.

Электрификация района началась в 1960 году. На IX областной комсомольской конференции комсомольцы решили взять шефство над электрификацией области. При райкомах ВЛКСМ повсеместно были организованы штабы

для контроля этой работы. Штабом по электрификации Глядянского района было подготовлено следующее обращение: «По решению IX областной конференции и II пленума райкома комсомола, комсомольцы и молодёжь нашего района, как и комсомольцы всей области, должны принимать участие в электрификации своих сёл.

Комсомольцы и молодёжь сёл Митино, Патраки № 2, Могильное, Козлово, Обухово, Утятское, Новое, Заборка, Нагорка, Камышное, Раскатиха, Чернавское, Ярославское, Осиновка, Давыдовка, Патраки № 1, Поляковка и Комановка! Вам предстоит в 1960 году построить линию электропередач протяжённостью 186,2 км, вынуть для ям под опоры 6500 кубометров земли, заготовить, оштукатурить и вывезти 8800 штук столбов, прорубить просеку на площади 65 гектаров...

Комсомольцы и молодёжь! Вносите свой сильный вклад в дело электрификации советской деревни!...» [19].

И закипела работа в молодых руках – в Обухово и Обрядовке начали строить подстанции. В вывозе столбов под опоры отличились комсомольцы колхозов «Победа» и им. Фрунзе. Особо отличились Дмитрий Криванков, Виктор и Леонид Путинцевы. Вручную копали ямы комсомольцы колхозов «Россия», «Дружба», им. Кирова. Было выполнено и много другой работы [15].

Кроме того, комсомольцы района взяли обязательства усилить работу в животноводстве и полеводстве, достроить в 1961 году клубы в Раскатихе, Плотниково, Давыдовке, Чернавском, послать не менее 60 комсомольцев вожатыми в школы района.

В те годы спорт в районе был в большом почёте, особенно футбол. В памяти старожилов переполненные трибуны и скамейки на стадионе райцентра во время матча сборной команды района с любым соперником. Верные болельщики поддерживали игроков и в успехах, и в неудачах.

Команду в Глядянке тренировал Иван Павлович Постовалов, председатель районного ДСО «Урожай». Местные футболисты были почти легендой. Вратарём команды был Иван Гулин, центральным защитником – Геннадий Сенников, защитниками – Станислав Сидоров, Олег Бунин, Виктор Александров, Олег Свиридов, нападающими – Леонид Севастьянов и Степан Художитков.

На 1960 год пришёлся пик популярности футбола в нашем районе. Глядянский «Урожай» не знал поражений в первенстве области, стал чемпионом области по сельским коллективам. Затем команда победила в зональном турнире Урала и Сибири, что открыло путь в финал чемпионата России в Дербенте. «Нашу команду полюбили на юге за форму – жёлтые футболки с эмблемой на груди – колосок пшеницы, – написал в своём рассказе «Команда молодости нашей» О. В. Бунин. – Игроки у местных болельщиков получили ласковое название «колоски». То и дело доносилось с трибун: «Вперёд, колоски!»... В Дербенте команда

заняла 6-е место, показала хороший самоотверженный футбол; не подвела район и область» [4] (рисунки 1, 2).

Кто-то из спортсменов связал свою жизнь с районом, кто-то – выехал за его пределы. Станислав Иванович Сидоров после окончания пединститута преподавал в Звериноголовском, затем – служил в армии. На проводах сыновей Станислава и Михаила в ряды вооружённых сил наказ отца – работника райкома КПСС, первого притобольца, удостоенного ордена Красной Звезды за бои у озера Хасан – был таким: «Служить честно, не посрамить своей семьи и своих земляков». И сыновья не подвели – выручала деревенская смекалка и хорошая физическая подготовка. Удивительно, но судьба распорядилась так, что братья целый год служили вместе, в одном полку, в одной роте в учебном центре ракетных войск стратегического назначения. Затем Михаила отправили в Пермскую область, Станислав дослуживал в Даурии. Но в отпуск в Глядянку из разных мест братья приехали в один день (рисунок 3).

В 1964 году, отслужив, Станислав преподавал в Звериноголовской школе, но вскоре был переведён в райком ВЛКСМ в Глядянское, затем обком ВЛКСМ. В дальнейшем вернулся на малую родину и много лет трудился в системе образования. Михаил Сидоров работал в районном военкомате.

Леонид Севастьянов трудился в райкоме ВЛКСМ, Геннадий Сенников – в школе (рисунок 4).

Олег Вячеславович Бунин работал в редакции районной газеты. В настоящее время является членом Союза журналистов и членом Союза профессиональных литераторов Курганской области, Почётным гражданином Притобольного района. Другими и соратниками по журналистской и литературной деятельности у Олега Бунина были Виктор Потанин, Николай Аксёнов, Вера Киселёва – ныне известные литераторы. Все они были членами литературного объединения при районной газете, на страницах которой в 1950–60-е годы часто можно было увидеть их публикации.

Молодым комсомольцем начинал трудовую деятельность Иван Николаевич Прокопьев в колхозе родного села Камышное – сначала трактористом, затем бригадиром тракторной бригады колхоза «Россия». Заочно окончил Петуховский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства, работал механизатором в колхозе им. Калинина (с. Глядянское). Здесь к нему пришли мастерство, известность и уважение товарищей. Его избирали членом правления и парткома колхоза, членом Притобольного райкома и Курганского обкома партии, делегатом XXVII съезда КПСС. Иван Николаевич является полным кавалером ордена Трудовой Славы, лауреатом премии им. Т. С. Мальцева [5].

Справедливости ради нужно отметить, что на страницах районной газеты в то время довольно

часто обличали работу комсомольских и даже партийных организаций. В частности, говорилось о недостаточной работе по привлечению несоюзной молодёжи в ряды ВЛКСМ. Так, в 1960 году в комсомол были приняты всего 120 человек. В колхозах «Красное знамя» и им. Ленина принято по одному человеку. В колхозе им. Ленина при том, что там живёт и работает 138 человек в возрасте от 15 до 24 лет, всего 31 комсомолец. В колхозе «Восход» за время работы секретарём комсомольской организации Люды Куйкиной в комсомол не принято ни одного человека.

Но были и примеры хорошей работы. В колхозах «Родина» и «Россия» принято 14 и 11 членов соответственно. В «России» вновь принятых комсомольцев направили работать в животноводство и полеводство. Успешно выполняя взятые обязательства, уже на следующий год они завоевали переходящее Красное знамя райкома ВЛКСМ. Активно работала организация Глядянского промкомбината (секретарь – Галина Глинских). Регулярно проводились собрания, где активно обсуждались насущные вопросы. Коллектив художественной самодеятельности часто выступал на сцене Дома культуры. Силами молодёжи была озеленена территория промкомбината и сооружена волейбольная площадка. Комсомольцы добивались высоких показателей в труде, постоянно перевыполняя производственный план. Гале Головиной и Вале Зыковой были даны рекомендации для вступления в партию [9].

«XXII съезд коммунистической партии Советского Союза... В то время вряд ли бы нашёлся человек, у которого при этих словах не зажглось в глазах радостное ожидание. На съезде утверждался проект программы КПСС. А это значит, что строки Программы после съезда будут реализовываться в жизнь, даже в более короткие сроки, чем будет намечено. Поэтому понятно желание каждого комсомольца района порадоваться на предсъездовской вахте партию большими трудовыми успехами. И вот 17 октября 1961 года комсомольцы рапортуют о своих победах. Отличились кукурузоводы колхоза «Россия» Иван Ужгин, Владимир Шевалдышев, Геннадий Калинин, кукурузоводы совхоза «Давыдовский» Дмитрий Фенин и Александр Лаврентьев, 20 юношей и девушек совхоза пошли работать в животноводство. А переходящее Красное знамя уже два месяца удерживают комсомольцы им. Фрунзе» [1].

В 1962–64 гг. в соответствии с постановлениями Пленума ЦК КПСС от 19–23.10.1962 г., II Пленума ЦК ВЛКСМ от 15.12.1962 г., IV пленума Курганского обкома ВЛКСМ от 21.12.1962 г., бюро Курганского сельского обкома ВЛКСМ от 10.03.1964 г. о построении комсомольских организаций по производственному принципу, в области были образованы комитеты ВЛКСМ зональных промышленно-производственных и производственных колхозно-совхозных управлений. Для руководства первичными комсомольскими орга-

Рисунок 1 – Команда на отдыхе

Рисунок 2 – Команда на тренировке

*Рисунок 3 – Михаил и Станислав Сидоровы
в отпуске в Глядянке*

*Рисунок 4 – Выпускники начала 1960-х гг. у здания райкомов КПСС и ВЛКСМ.
В левом нижнем углу в светлом костюме Г. Сенников*

низациями колхозов и совхозов и организаций, связанных с сельхозпродукцией, были созданы комитеты ВЛКСМ производственных колхозно-совхозных управлений. В структуру комитетов входили отделы: общий, пропаганды и агитации, школьный (или учащейся молодёжи).

13 января 1963 года 219 делегатов от Курганского территориального производственного колхозно-совхозного управления, куда вошли семь районов (Курганский, Глядянский, Звериноголовский, Белозерский, Варгашинский, Половинский и Чашинский), съехались в Кетово на свою первую конференцию. В докладе председателя оргбюро Пичугина, которого на конференции выбрали секретарём комитета комсомола управления, были отражены успехи сельской комсомолки, в том числе доярки колхоза им. Фрунзе (с. Раскатиха) Любы Криванковой, надоившей по 2644 кг молока от коровы. Делегат от Давыдовского совхоза Г. Якушев посетовал, что, хотя в совхозе около 200 комсомольцев, досуг провести негде. И сами комсомольцы, показывая трудовые успехи, не очень активны в общественной жизни [8]. Статья о конференции была опубликована в газете «Ленинский путь», которая издавалась на три района, первый номер газеты вышел 20 апреля 1962 года.

К 45-летию образования Ленинского комсомола молодёжь управления подошла с большими трудовыми успехами. Комсомольцы являлись проводниками всего нового, передового. Горячий отклик нашёл в сердцах тружеников села призыв июньского Пленума ЦК ВЛКСМ учиться. За парты вечерних школ сели сотни молодых людей, многие заочно учились в институтах и техникумах. В селе Ялым (колхоз «Восход») комсомольцы Г. А. Никитин, М. М. Кузнецова, Л. М. Кузнецов являлись заочниками высших учебных заведений. И таких примеров немало.

Управления ликвидировали в 1964–1965 гг. в связи с возвращением к территориальному принципу партийно-комсомольского руководства, функции их перешли к восстановленным райкомам комсомола.

В 1960-е годы началось улучшение социально-культурной сферы деревенской жизни. Возводились новые школы, клубы, библиотеки... Геннадий Александрович Никитин весной 1963 года с дипломом культпросветшколы вернулся в родное село Ялым заведующим клубом. И закипела работа. Дело близилось к весеннему севу, и Геннадий взялся за создание агиткультбригады. Вскоре артисты своими концертами радовали односельчан и жителей соседнего села Плотниково. Много работы было у заведующего клубом – оформление наглядной агитации, выпуск стенгазет и боевых листков, проведение устных журналов и многое другое. Кроме того, помощь колхозу в страду в заготовке кормов, прополке, переработке зерна... И всё он делал с энтузиазмом, энергией, задором [7].

В 1964 году в Глядянский район приехали 54 молодых специалиста, 20 из них стали работать зоотехниками, агрономами, ветврачами, инженерами, экономистами, бухгалтерами в колхозах и совхозах. Педагогический коллектив увеличился на 20 молодых учителей. 14 выпускников высших и средних учебных заведений пришли трудиться в больницы района.

В этом же году район получил новые границы, а в начале 1965 года – название «Притобольный». С апреля 1965 года районная газета стала называться «Притоболье». Для жителей района она стала интереснее, чем «Ленинский путь», выходящий на три района. В газете появилось больше статей и о комсомольцах. В одном из первых номеров вышла заметка зав. школьным отделом райкома ВЛКСМ Л. Барышевой о членах районного штаба старшекласников, подведении итогов областного соревнования «Горят маяком Ильичовы заветы». Вымпел соревнования средних школ остался в Глядянке.

24-летним комсомольцем в 1966 году Николай Горьков был назначен директором Утятской школы. В комсомольскую организацию школы входили учителя Ия Саранина, Евдокия Колегова, наставниками были коммунисты – заслуженная учительница школы РСФСР А. Т. Потанина и отличник народного образования А. Г. Девятова. Помимо основной работы, молодые учителя занимались повышением образовательного уровня работников села. Это было важно – многие, будучи детьми в годы войны, были вынуждены работать и зачастую не получили никакого образования. При школе были открыты вечернее и заочное обучение. Работа по вечерам требовала и сил, и времени, но молодые преподаватели успешно справлялись с этой нагрузкой.

Коллектив Утятской школы по подготовке к новому учебному году вышел победителем, а Н. Горькова выбрали делегатом XXII районной комсомольской конференции [10]. На этот районный форум в январе 1968 года съехались 225 делегатов. Как знак верности революционным традициям старших поколений, всем делегатам на грудь были приколоты красные гвоздики. Ударники коммунистического труда Александр Самсонов, Клавдия Цымбуляк и ударница учёбы Валя Гладкова, чеканя шаг, с гордостью внесли Красное знамя комсомольской организации. Следом Переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС внесли Владимир Бочкарёв – лучший комбайнер совхоза «Давыдовский», Нина Силина – телятница колхоза «Заря» и Зинаида Маркова – передовая доярка колхоза «Победа». Делегаты бурной овацией встретили знаменосцев, как будто чествовали Его Величество Труд. Докладчиками были Татьяна Шулежко из совхоза «Притобольный», Иван Изотов из колхоза «Россия», Юрий Третьяков – зав. клубом села Плотниково и другие молодые активисты. На конференции говорилось о трудовых успехах и

культурном досуге молодёжи, избран райком комсомола и программа работы на два года. Первым секретарём Притобольного райкома ВЛКСМ был избран Н. Горьков.

«Юность! Она вечна и не вечна: когда приходит новое время, она не кончается и не тускнеет, а просто-напросто преобразовывается, её романтика одухотворяется новыми идеалами, более жизнеспособными, действенными, чем прежние. Дела и действия молодых несут на себе печать этого времени», – писал Г. Саунин, автор статьи о конференции [21].

В год 50-летия комсомола десятки молодых тружеников были отмечены наградами обкома и ЦК ВЛКСМ, правительственными орденами и медалями. Большую группу производственников занесли в Книгу трудовой комсомольской славы района.

Трудовая активность продолжалась под девизом «50-летию Ленинского комсомола – ударный труд молодых хлеборобов Зауралья». В юбилейном соревновании оспаривали первенство 132 тракториста, 40 комбайнёров, 60 шофёров, 80 животноводов, десятки молодых людей работали на предприятиях местной промышленной сферы обслуживания. За прочные знания боролись 900 учащихся-комсомольцев. Районная комсомольская организация была признана лучшей в области, и на вечное хранение ей было вручено Переходящее Красное знамя. Красный вымпел получили комсомольцы Глядянкой средней школы. Николай Горьков принял участие в работе торжественного пленума ЦК ВЛКСМ, который проходил в Москве во дворце съездов [10; 20].

Комсомольцы тех лет не представляли жизни без борьбы и творческой работы во имя торжества коммунизма. Это было время, создавшее социальные, экономические и духовные условия, время, воспитавшее поколения умных, честных, трудолюбивых людей. Их позиции и чувства выражены в стихотворении комсомольца 1960-х годов Н. Ковалёва «Комсомолу»:

*Память выстоит. И в веках
Затвердевшим камнем – рубином
Через годы наверняка
Долетит комсомольца имя!
Под Каховкой, Крондштадтом,
Пулковым
Имя Ленина ты принял.
Под бандитскими белыми пулями
Закалялся, крепчал, мужал.
По призыванью высокой чести
Коммунисты ринулись в бой.
Комсомольцы шагали вместе,
Заслоняя свободу собой.
Отгремели залпы гражданской,
Подняло обрез кулачьё.
Комсомолия в дружбе братской
Встала снова – к плечу плечо.
Возводила домны Магнитки,*

*Днепрогэс,
Комсомольск-на-Амуре.
В слякоть, дождь,
Промокая до нитки,
Всё же шли мы навстречу буре.
Чёрный «мессер»
Кружил над страной.
Багровели от крови билеты.
Шли в атаку за нас с тобою,
За Отчизну, за наши Советы.
Погибали, но не сдавались.
И в бессмертие уходили,
И навеки в живых остались –
Мы могилы их не забыли.
Май Победу принёс с весной,
С вестью радостной обошёл.
Что разбито было войною –
Ты залечивал, комсомол.
Целина, ты помнишь палатки,
Рёв моторов
В безмолвной степи?
Не беда, что наш путь –
Не гладкий.
Трудно, сверстник, а ты терпи.
Краны нынче развесили стрелы
Там, где грозно ревела пурга.
Мы начали большое дело.
Эта жизнь нам с тобой дорога.
Горы хлеба везут составы,
К коммунизму держа свой путь.
Рука об руку доблесть и слава,
Комсомолец, с тобой идут.
Память выстоит. И в веках
Затвердевшим камнем – рубином
Через годы наверняка
Долетит комсомольца имя!*

Библиографический список

- 1 Абабков Л. Комсомольцы 22 съезду! / Л. Абабков // Искра. – Глядянское, Курганская обл., 1961. – 17 окт. – С. 2.
- 2 Андреева Р. Комсомольский секретарь / Р. Андреева // Искра. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 26 июля. – С. 2.
- 3 Антипов И. Молодёжь – в ряды БСМ! / И. Антипов // Искра. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 9 окт. – С. 4.
- 4 Бунин О. Команда молодости нашей // Светлая моя родина: рассказы, очерки, стихи / О. Бунин. – Куртамыш, 2004. – 94 с.
- 5 Бунин О. Родом из Камышного / О. Бунин // Слово о Человеке Труда: по итогам обл. лит. конкурса. – Куртамыш, 2019. – С. 33–38.
- 6 Ванюков И. С. Они побывали на фестивале в Москве / И. С. Ванюков // Искра. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 14 авг. – С. 2.
- 7 Володин Н. Энтузиаст / Н. Володин // Ленинский путь. – Курганская обл., 1963. – 29 окт. – С. 2.
- 8 Вперёд комсомолия, к новым вершинам! // Ленинский путь. – Курганская обл., 1963. – 15 янв. – С. 1.
- 9 Галкина Л. Организация дружных / Л. Галкина // Искра. – Глядянское, Курганская обл., 1961. – 25 апр. – С. 2.
- 10 Горьков Н. Как мы встречали 50-летие ВЛКСМ / Н. Горьков // Комсомол – моя судьба: страницы из истории курганской обл. комсом. орг. / ред.-сост. Т. А. Менщикова. – Курган, 2018. – С. 309–311.
- 11 Дедов В. Активнее участвовать в производственной деятельности колхозов и МТС / В. Дедов // По сталинскому пути. – Глядянское, Курганская обл., 1956. – 14 нояб. – С. 2.

12 Дедов В. *Сеять и строить надо умело и отдыхать – со знанием дела* / В. Дедов // *По сталинскому пути*. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 10 февр. – С. 2.

13 Дедов В. *Что помешало хорошему начинанию* / В. Дедов // *По сталинскому пути*. – Глядянское, Курганская обл., 1956. – 8 февр. – С. 2.

14 Емельянов Н. *Молодёжь на трудовой вахте* / Н. Емельянов // *Искра*. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 9 авг. – С. 2.

15 Ермаков М. *Комсомольцы шефствуют* / М. Ермаков // *Искра*. – Глядянское, Курганская обл., 1960. – 12 июля. – С. 2.

16 Иванова В. *У нас в колхозе была весёлая комсомольская свадьба* / В. Иванова // *Искра*. – Глядянское, Курганская обл., 1958. – 4 февр. – С. 1.

17 Нечухрин А. *Ивашин Николай Митрофанович* / А. Нечухрин // *Золотое созвездие Зауралья* / сост. Г. П. Устюжанин, В. А. Есетов. – Курган : Парус-М, 2002. – Т. 2 : Герои Социалистического Труда. – С. 197–205.

18 Охохолина. *Будем застрельщиками в любом деле* / Охохолина // *Искра*. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 7 апр. – С. 2.

19 *Пусть быстрее вспыхнет лампочка Ильича* // *Искра*. – Глядянское, Курганская обл., 1960. – 24 марта. – С. 4.

20 *50 пламенных лет* // *Притоболье*. – Глядянское, Курганская обл., 1968. – 20 окт. – С. 1.

21 Саунин Г. *Факел молодости горит вечным огнём* / Г. Саунин // *Притоболье*. – Глядянское, Курганская обл., 1968. – 11 янв. – С. 2.

22 Яковлев Г. И. *Кукуруза в Зауралье : из тридцатилетнего опыта* / Г. И. Яковлев. – Куртамыш, 2010. – 84 с.

23 Яковлев Г. *О настоящем и будущем* / Г. Яковлев // *Искра*. – Глядянское, Курганская обл., 1957. – 25 дек. – С. 4.

Н. Д. ТОМИН – ЧЕЛОВЕК, ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТИ

Николай Дмитриевич Томина родился 4 декабря (по ст. ст.) 1887 г. в посёлке Кочердыкском Усть-Уйской станицы Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне с. Казак-Кочердык Целинного района Курганской области) [1].

С 1902 г. жил в с. Куртамыш, служил приказчиком у купца А. Завьялова. Здесь, в Куртамыше, он женился на А. И. Клоповой. Построил дом. Отсюда он ушёл на Первую мировую войну, оставив завещание на имя жены и фотографию на память... «Нюсинька, сегодня пишу и шлю тебе привет из Златоуста... сели в вагоны в 11 ч. ночи... нас везут в вагонах по 30 человек...» [2].

С августа 1914 г. Николай Томина в составе 12-го Оренбургского казачьего полка участвовал в боях против германских и австро-венгерских войск. Постоянно писал письма жене: «Дорогая мама и Нюся! ... Вот уже 3-и сутки с позиции снялись, стоим в лесу... 4 июня (1916 г. – прим. автора) ходили в атаку в конном строю.... Наш полк сильно пострадал... нас из 700 чел. убито и ранено 170 чел. и 10 лошадей... не стоит много говорить. Жив буду, потом всё расскажу, что видел и слышал» [3].

За участие в боях и проявленное личное мужество Н. Томина был награждён Георгиевским крестом IV степени № 402016 и Георгиевской медалью IV степени № 266003, а также был произведён в младшие урядники, о чём сообщал жене в очередном своём письме: «Меня наградили крестиком... был очень сильный бой, такой что не каждому посчастливится остаться в живых... я слава богу остался жив...».

После февральской революции 1917 г. Томина был избран членом сотенного, полкового и дивизионного комитетов, а в январе 1918 г. он – член Троицкого горисполкома, начальник охраны города и уездный военный комиссар. Он – один из инициаторов проведения в Троицке съезда казаков-фронтовиков в марте 1918 г. Командир первой сотни созданного в Троицке 1-го социалистического казачьего полка имени Степана Разина.

С июля 1918 г. Томина – командир Троицкого отряда в партизанской армии В. Блюхера и братьев Кашириных. После боёв на Урале Томина был награждён золотыми часами с надписью «Честному воину РККА Н. Д. Томина. ВЦИК. 1918 год». В последующем он – командир бригады 30-й стрелковой дивизии, начальник 10-й кавалерийской дивизии. Томина также входил в командование Забайкальской группы войск. В 1923–24 гг. – слушатель Высших академических курсов. Неожиданно он был отозван с курсов и, как писала Анна Ивановна Томина своей матери

в Куртамыш, «получил назначение в Бухару» [4]. С апреля 1924 г. он командовал 6-й Алтайской кавалеристской бригадой в Восточной Бухаре, громил басмачей.

Неотъемлемой чертой Томина как командира являлось его непосредственное участие в боях. Только за 15 дней он побывал в 27 атаках против басмаческих банд. В одной из стычек с басмачами он был ранен и находился на излечении в Кулябском госпитале. Басмачи, узнав, что в Кулябе остался небольшой красноармейский отряд, 11 августа 1924 года готовились напасть на малочисленный гарнизон. Как только Томина получил сведения об этом, он покинул больницу и, возглавив комендантский эскадрон, направился на розыск басмачей.

«12 августа 1924 г. в 5 часов вечера преследую басмаческую банду в районе кишлаков Шар-Юкутут, в 20 верстах от с. Куляб», – писала 22 августа 1924 г. газета «Красная звезда». Томина был «смертельно ранен и через 20 минут скончался» [5].

Похоронен Н. Д. Томина был в г. Куляб. К 1950-м гг. город стал расширяться, и его могилу в 1951 г. перенесли в центр города. В 1956 г. стараниями секретаря горкома Мирзо Бекматова на могиле Н. Д. Томина был установлен памятник высотой 5 м 45 см [6].

За годы службы в Красной Армии Н. Д. Томина был награждён советским правительством высшими государственными наградами того времени – двумя орденами Красного Знамени. От младшего урядника (младший сержант – прим. автора) дослужился до командира дивизии (генерал-майор – прим. автора). Именем Н. Д. Томина названы улицы в городах Троицке, Кургане, Куртамыше и краеведческий музей в г. Куртамыше. Его имя носили пионерские отряды, дружины и колхозы. В городах Троицке, Кулябе, Кургане, Куртамыше и с. Казак-Кочердык Томина установлены памятники. Он – первый куртамышанин, которому в Куртамыше установлен памятник, а на доме – мемориальная доска.

Годы забвения

Прошедшие с развала Советского Союза десятилетия, смена политического строя, гражданская война 1992–1997 гг. в Таджикистане, нарастающий исторический нигилизм изменили отношение к личности Томина. В Куртамыше после смерти в 1985 г. его жены отказались от идеи создания мемориального музея в доме Томиных, исчезли пионерские дружины, училище в Кургане, развалились колхозы... Не было многие годы никаких сведений о его могиле в г. Куляб – только

три года назад я узнал о том, что памятник на его могиле в Кулябе был снесён. По его могиле местные жители протоптали тропинку ещё более четверти века назад, а сквер забросили...

Возращение памяти

В 2014 году, в год 90-летия гибели Н. Д. Томина, группа «Память-201» 201-й российской военной базы в Таджикистане начала реставрацию памятника на месте гибели легендарного комбрига, и 15 марта 2015 г. эта работа под руководством организатора, корреспондента газеты «Солдат России» Гафура Шерматова была завершена. В торжественной церемонии открытия памятника приняло участие руководство Восейского района Хатлонской области Таджикистана, командир 201-й российской военной базы, генерал-майор Е. В. Тубол, представители посольства России, ветераны Великой Отечественной войны, ветераны-афганцы, представители таджикской общности, учащиеся школ Восейского района.

Выступающие на открытии памятника отмечали, что Н. Д. Томин прожил недолгую, но яркую жизнь, посвятив её без остатка борьбе за лучшее будущее. «Сын двух народов» – так до сих пор называют Николая Томина местные жители. Он остался в истории не только как умелый военачальник и отважный воин, но и как человек, помогавший местному населению наладить мирную жизнь, чем снискал к себе любовь и уважение таджикского народа.

На заброшенной могиле Н. Д. Томина в г. Куляб полковым священником 201-й российской военной базы, отцом Романом, была отслужена заупокойная лития [7]...

Активисты обратились в хукумат (администрацию города) Куляба с просьбой разрешить перезахоронить останки Томина на закрытое русское кладбище Куляба. Было получено согласие, но не было выделено на это средств. По могиле Томина жители города продолжали ходить...

В 2019 г. наш музей и правнучка дяди Н. Д. Томина из Свердловской области Н. М. Ялунина три года через МИД РФ и Посольство РФ в Таджикистане вели работу по перезахоронению его останков из Таджикистана в Куртамыш, рядом с могилой его жены. Была проделана большая подготовительная работа, но мэр Куляба нынче отказал в перезахоронении [8].

Неожиданно мы узнали, что 17 июля в Кулябе прошли торжественные мероприятия памяти Томина: местные власти установили и открыли новый памятник на могиле Н. Д. Томина и бюст на месте его первого захоронения. В мероприятии приняли участие мэр Куляба Бахтиёр Назарзода, посол России в Таджикистане, представители Комитета ветеранов по делам воинов-интернационалистов Кулябской группы районов, военнослужащие Минобороны РТ и 201-й военной базы РФ, представители Совета ветеранов войны и труда города и другие. Это историческое для Куляба событие было освещено в местных СМИ. Пришло

официальное извещение об этом событии из Посольства РФ в Республике Таджикистан и губернатору Курганской области [9].

Так могила Н. Д. Томина и память о нём в Кулябе были восстановлены, ведь он человек, достойный памяти.

Библиографический список

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 244. Оп. 1. Д. 20.
- 2 ГАКО. Ф. Р-1668. Оп. 2. Д. 1–3.
- 3 ГАКО. Ф. Р-1668. Оп. 2. Д. 39–48.
- 4 ГАКО. Ф. Р-1668. Оп. 2. Д. 4–88.
- 5 ГАКО. Ф. Р-1668. Оп. 2. Д. 89.
- 6 ГАКО. Ф. Р-1668. Оп. 2. Д. 131.
- 7 Дубовицкий В. Томин – человек и воин! / В. Дубовицкий // Народная газета: печ. орган Правительства Респ. Таджикистан. – URL: http://www.narodnaya.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=1145:2016-05-05-10-53-58&catid=107:arhive-s-sayta (дата обращения: 23.08.2023).
- 8 Куртамышский музей им. Н. Д. Томина. О. Ф. 1181.
- 9 Куртамышский музей им. Н. Д. Томина». Папка «Перезахоронение Н. Д. Томина».

А. А. Бенедиктов
МГУ имени М. В. Ломоносова;
Союз возрождения родословных традиций
г. Москва

НАХОДКА НОТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КУПЦОВ СМОЛИНЫХ

Нередко ревизия семейной библиотеки преподносит интереснейшие открытия. В семейной библиотеке я обнаружил нотные партитуры рубежа XIX–XX вв. во владельческом переплёте. Мой дед музицировал на скрипке, и ноты принадлежали ему. Собрание пережило долгую историю, о чём свидетельствовали разводы на обложке и страницах, а также небольшие утраты нескольких листов в конце. На каком-то этапе, как полагаю, оно побывало в скупке, о чём говорила надпись карандашом на левом форзаце, обозначающая цену «10-74». Кроме этого на пустой странице последней партитуры, обложке и некоторых первых страницах имелись рукописные пометки.

В переплёте присутствовало 24 нотные партитуры на 154 листах (включая титульные и вставочные) размером 328×255 мм, с обложкой 338×266 мм при толщине 25–30 мм. Коричневый кожаный корешок нёс внизу маленькие золочёные буквы «Н. С.» (рисунок 1). Тёмно-зелёный переплёт имел тиснёную узкую рамку и узоры в каждом из углов, надпись разновеликими буквами «РОЯЛЬ скрипка» в две строки ближе к центру и те же литеры «Н. С.» (рисунок 2), смещённые к правому нижнему углу. Сзади обложки имелось оттиснутое клеймо переплётной мастерской: «пер. Литвинова» (рисунок 3).

Сборник содержал произведения композиторов Г. Гольтерманна, М. Бруха, Э. Жилле, Г. Венявского, Ф. Томе, Б. Годара, К. Рейнеке, П. И. Чайковского, Ф. Шуберта, Э. Направника, Ф. Шопена, Дж. Мейербера, А. Тома, Ж.-Б. Синжеле.

Но самым важным было наличие владельческих и других знаков на титульных страницах большинства нот. Далее в тексте надписи этих знаков даны с сохранением старого написания.

Все партитуры, за исключением единственной, имели штампы музыкальных магазинов Екатеринбурга. Тема музыкального прошлого этого города освещена профессором Уральской государственной консерватории С. Е. Беляевым [1]. Один из магазинов, принадлежавший Е. И. Иванову, занимался торговлей в городе с начала 1890-х гг. Его штампы в две строки «музыкальный магазинъ Е. И. Иванова Екатеринбургъ», в которых фамилию и город разделяло изображение лиры (рисунки 6, 8, 9), оказались наиболее многочисленными. Присутствовали они в двух оттенках: розовом (10 раз) и синие-фиолетовом (9 раз). Ещё один оттиск розового оттенка был выполнен единой строкой без лиры «Въ Екатеринбургъ у

Е. И. ИВАНОВА» (рисунок 7). Все штампы помещались внизу страниц по центру.

Музыкально-фортепианный магазин Ф. Н. Кеттерера существовал в Екатеринбурге с начала 1880-х гг. Партитур с его оттисками оказалось всего три. На двух из них фамилия владельца значилась с одной «Т» и указано название магазина «музыкал. фортепиан. магазинъ Ф. Н. КЕТТЕРЕРЪ в Екатеринбургъ», подчёркнутое фигурной линией (рисунок 10), а на одной – с двумя «ТТ» без других обозначений, «КЕТТЕРЕ... Екатеринбург...» (слова выходят за обрез) (рисунок 11). Эти штампы проставлены синими чернилами ближе к правому нижнему углу страниц. Надо полагать, что все листы подрезались под переплёт, о чём свидетельствовали утраты штампов.

Некоторые штампы нотных магазинов ставились поверх монограмм издателей А. Гутхейля («АГ» в овале, рисунок 8) и А. Зейванга («АЗ», рисунок 9) (по 6 экз. каждого), выполненных синим цветом. На нотах издателей П. Юргенсона (5 экз.), Ю. Циммерманна (4 экз., на двух – дата 1902 г.), А. Йохансена, К. Леопаса, Шотта и сыновей (по 1 экз. каждый) монограммы отсутствовали.

Уникальность собранию придавало наличие на титульных листах владельческого знака «Александръ Дмитриевичъ Смолинъ». Попытка узнать об этом человеке привела меня к статье Т. Н. Селезнёвой (1956–2016) о книгах из личных библиотек курганской династии купцов Смолиных – Дмитрия Ивановича (1833–1898) и его сыновей: Петра (1860–1930), Александра (1869 – после 1920), Фёдора (1873–1919) и Льва (1876 – после 1930). Автор долгое время возглавляла сектор редкой книги Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А. К. Югова (ГБУК «КОУНБ им. А. К. Югова»), где хранится эта коллекция. На то время было известно о 25 книгах, которые внесли в список Книжных памятников Российской Федерации регионального значения [4]. Среди них из книжного собрания Александра Смолина имелось лишь 5 экземпляров, подтверждённых владельческими знаками. О них сообщалось следующее. На «титульном листе имеется владельческий знак курсивом “Александр Смолин”. Такой же знак есть ещё на 2-х книгах. На издании из фонда ГАКО внутри книги имеется автограф “А. Смолин”, а на книге Н. Я. Данилевского – владельческая печать “Из книг А. Д. Смолина № 25/182”» (все надписи в цитате, надо полагать, даны в современном написании, без твёрдого знака) [5, с. 169].

1, 2, 4, 5 – владельческие (1 – на корешке, 2 – на передней стороне переплёта, 4, 5 – на титулах партитур); 3 – переплётчика на задней стороне переплёта; 6–11 – музыкальных магазинов и издателей нот (8, 9 – монограммы)

Рисунок 1 – Знаки на переплёте и нотных партитурах

При сравнении с описанием Т. Н. Селезнёвой очевидно, что владельческие знаки на нотных страницах имеют отличия и представлены полной надписью «Александръ Дмитриевичъ Смолинъ» в двух вариантах курсива: тонким с большим наклоном (рисунок 4) (4 раза) и полужирным с меньшим (рисунок 5) (18 раз). Все они проставлены под углом на титульных листах 21-й партитуры и один раз – полужирным курсивом в верхнем правом углу первой страницы нот первой партитуры. Ещё три партитуры в переплёте – без владельческих знаков вовсе.

Возникло два вопроса: кому принадлежало это собрание нот и как оно оказалось в Москве? У меня не вызывает сомнения, что буквы «Н. С.» на корешке и обложке переплёта – суперэкслибрис владельца, выполненный в традициях других членов семейства Смолиных. По данным Т. Н. Селезнёвой, своими инициалами внизу корешка метили книги братья Александра – Пётр и Фёдор [5, с. 169, 170].

По информации о курганском купечестве А. М. Васильевой [2, с. 133–138], в ближайшем окружении Александра Дмитриевича были только две персоны с подходящими именами: супруга Наталья Михайловна (1876–1941) и дочь Нина (между 1898 и 1903 – ?). Также сообщалось, что Александр Дмитриевич в начале 1900-х гг. постоянно проживал в Кургане. Как раз до этого време-

ни, скорее всего, и были приобретены партитуры в магазинах Екатеринбурга. Но с конца 1900-х гг. он уже чаще жил в Москве, куда, видимо, им или членами его семьи были привезены ноты. В это же время в Москве обучались его дети.

Пока ещё не до конца выяснено, где и когда был сделан переплёт. Но это произошло после 1902 г. и, скорее всего, не в Екатеринбурге, где на рубеже XIX–XX вв. фамилия Литвинова отсутствует [6, с. 310–319]. По личному сообщению сотрудников сектора редкой книги, в фондах Отдела краеведческой и редкой книги (ОКиРК) библиотеки имеется издание с персональным знаком «СПЕЦИАЛЬНАЯ Переплетная ЛИТВИНОВА ВЪ КУРГАНЪ СОБ. ДОМЪ.».

На 2020 г. коллекция книг Смолиных ГБУК «КОУНБ им. А. К. Югова» насчитывала 47 экземпляров, датированных 1856–1905 гг. [3]. Обнаруженный новый артефакт передан в дар сектору редкой книги в 2023 г.

Выражаю искреннюю признательность ведущему библиотекарю сектора редкой книги ОКиРК Е. В. Гаевой и заведующей сектором редкой книги Е. П. Кликонос за информацию по персональному знаку Литвинова. Также хочу поблагодарить заместителя директора по проектной деятельности и развитию ГБУК «КОУНБ им. А. К. Югова» М. А. Колчеданцеву за обсуждение темы.

Библиографический список

1 Беляев С. Е. Где купить рояль? : заметки о муз. торговле в старом Екатеринбурге / С. Е. Беляев // Урал. – 2015. – № 3. – С. 195–198. – URL: <http://uraljournal.ru/work-2015-3-1352> (дата обращения: 19.04.2023).

2 Васильева А. М. Курганское купечество : (конец XVIII – начало XX веков) : в 2 т. / А. М. Васильева. – Шумиха : ШМРТ, 2010. – Т. 2. – 320 с. – URL: <http://yugovalib.ru/site/read?id=449> (дата обращения: 19.04.2023).

3 Коллекция купцов Смолиных // Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова. – URL: <http://yugovalib.ru/site/view/1035> (дата обращения: 19.04.2023).

4 Личные (владельческие) книжные памятники // Российская государственная библиотека. – URL: <https://kr.rsl.ru/collections/personal?letter=%D0%A1> (дата обращения: 19.04.2023).

5 Селезнёва Т. Н. Книжное собрание купцов Смолиных / Т. Н. Селезнёва // Зырянские чтения : материалы III межрегион. науч.-практ. конф. (Курган, 2005). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 168–170. – URL: <http://kounb.kurganobl.ru/new/pdf/public2005/seleznyovaKuptySySmoliny.pdf> (дата обращения: 19.04.2023).

6 Устьянцева М. В. Переплётные мастерские дореволюционного Екатеринбурга : источниковая база краевед. исслед. / М. В. Устьянцева // Восьмые Чупинские краеведческие чтения : материалы конф. (Екатеринбург, 2016). – Екатеринбург, 2019. – С. 310–319. – URL: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44402> (дата обращения: 19.04.2023).

С. Б. Борисов,
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск

ЗАУРАЛЬСКИЙ БИБЛИОГРАФ-КРАЕВЕД ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БУРЛАКОВА: КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В статье мы хотим рассказать о человеке, чьё имя пока недостаточно ярко сияет на карте Зауралья – о заслуженном работнике культуры, заведующей библиотекой Шадринского государственного педагогического университета, члене Шадринского общества краеведов, авторе трудов в сфере краеведческой библиографии Бурлаковой Елене Александровне.

Елена родилась в селе Мыльниково, расположенном в семи километрах от города Шадринска. Это была главная усадьба колхоза «Путь Ильича» Шадринского района, в состав которого входила и деревня Воробьёва (переселённая на территорию с. Мыльниково по программе укрупнения сельских населённых пунктов). Население села в 1960-е годы составляло порядка шестисот человек, в селе действовала начальная школа, имелись клуб, фельдшерский пункт, магазин.

Мать – Валентина Петровна Брякова (в девичестве Авдеева; 1930–2013), отец – Александр Васильевич Бряков (1927–1964).

В годы войны подростком Валентина Петровна работала в колхозе, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Почти всю жизнь Валентина Петровна проработала в колхозе, дояркой и телятницей на ферме. Каждый день – подъём в 4 часа, а то и раньше, сразу – на ферму. Валентина Петровна была награждена бронзовой медалью Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ).

Рано оставшись вдовой, Валентина Петровна одна растила сыновей Анатолия и Виктора и младшую дочь Елену. Жили небогато, просто, своим хозяйством. После фермы мать спешила домой – свою корову доить, кормить кур, овец, свиней. И так изо дня в день, практически без выходных. Мама была строгой, рано приучила детей к труду, самостоятельности. При этом имевшая за плечами лишь пять классов школы простая деревенская женщина не пресекала тягу детей к техническому образованию. Анатолий (1952 г. р.) окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, Виктор (1956 г. р.) окончил Курганский машиностроительный институт.

Елену, как самую младшую, оберегали от тяжёлой работы, но всё же она помогала матери на ферме: разносила корм коровам, посыпала силос дроблёнкой из пшеницы, иногда даже приходилось доить коров. Дома в обязанности Елены входили поливка огорода, его прополка и сбор урожая. Бывало, что ездила в лес за дровами: там

ручной пилой спиливали берёзы, топором обрубали сучья, распиливали на «метровник».

В пионерские лагеря Елена не ездила, в дальние поездки семья не отправлялась. Гостила Елена разве что у родственников в селе Глубоком (Могильном) в двадцати пяти километрах от Шадринска.

С 1969 по 1971 год Елена училась в начальной школе села Мыльниково. В 1970 году – в год 100-летия со дня рождения В. И. Ленина – в классе была оформлена специальная парта, покрытая красной материей. За отличную учёбу Лена Брякова со своим двоюродным братом Колей Авдеевым некоторое время сидели за этой партией.

С четвёртого по десятый класс Елена училась в средней школе № 32 станции Шадринск Южно-Уральской железной дороги. Детей из села Мыльниково брали на обучение в эту школу. Ежедневно школьники по бесплатным проездным билетам ездили на рейсовом автобусе до школы и обратно. Иногда приходилось идти пешком: в весеннее половодье разливалась Исеть и подтопляла дорогу.

По окончании восьмого класса Елена собиралась поступить в Катайское педагогическое училище. Но по настоянию родных осталась продолжать обучение в 9 и 10 классах школы № 32 станции Шадринск.

Елена была активным читателем Мыльниковской сельской библиотеки. Библиотекарь привлекала юную читательницу к обработке и ремонту литературы, заполнению читательских формуляров, доверяла даже расставлять книги на полках.

Так в какой-то момент Елена приняла окончательное решение стать библиотекарем. В девятом классе она подружилась со Светланой Зыряновой, с которой в 1979 году и поехала поступать в Челябинский институт культуры. Конкурс – более трёх человек на место, подруге преодолеть его не удалось, а Е. Бряковой посчастливилось стать студенткой Челябинского государственного института культуры – ведущего библиотечного вуза Южного и Среднего Урала. Елена Александровна была зачислена на специальность «Библиотековедение и библиография общественно-политической литературы».

Сразу же после зачисления, 26 августа 1979 года, Елена Брякова вместе с другими первокурсниками на месяц с лишним отправилась на сбор урожая картошки в село Муслимово Кунашакского района Челябинской области. Жили

в сельском клубе. В помещении зрительного зала размещались девушки, в фойе клуба располагались студенты-юноши, прикрывая девушек от возможных непрошенных ночных визитов сельской молодёжи, хотя местные жители в целом вполне дружелюбно относились к студентам. И вот уборка картошки в Муслимово закончилась, началась учёба.

Среди преподавателей выдающиеся деятели российской библиографии, уникальные личности.

Борис Тимофеевич Уткин – библиограф-практик, учёный и педагог, заслуженный работник культуры РСФСР, более четверти века работал в Челябинской областной универсальной научной библиотеке, заложил основы современной библиографической службы библиотек, научной организации фондов и справочно-библиографического аппарата, разработал систему библиографических изданий о крае, методику составления краеведческих библиографических пособий. На своих лекциях по библиографии он завораживал студентов своей эрудицией, интеллигентностью, тактичностью, формировал в них базисные навыки библиографической деятельности, раскрывал секреты библиотечной профессии. Елене Бряковой повезло, что она вместе с сокурсниками именно у него, в уральской школе библиографии, прошла «курс молодого библиотекаря».

Выдающийся российский учёный Исаак Гершенович Моргенштерн – доктор педагогических наук, профессор, член Международной академии информатизации, ведущий специалист в отечественном библиографоведении – был настоящим популяризатором библиографической деятельности и профессии библиографа.

Кандидат педагогических наук, ведущий специалист в области краеведческой библиографии Елена Ильинична Коган. Уже на первом курсе юная студентка из Шадринска впервые услышала из уст своего преподавателя имя известного земляка, выдающегося библиографа Н. В. Здобнова. В курсе «Краеведческая библиография», который читала Елена Ильинична, деятельность известного библиографа уже изучалась подробно. Не тогда ли у уроженки Шадринского района зародилось сознание общероссийской значимости своей малой родины, чувства гордости за своих земляков и желание своей работой в какой-то степени продолжить их дело?

Челябинск сыграл огромную роль в становлении личности Елены Александровны. Великолепные театр юного зрителя и академический драматический театр имени Н. Орлова, академический драматический театр оперы и балета им. М. И. Глинки, студенческий театр эстрадных миниатюр при Челябинском политехническом институте, краеведческий музей, крупнейшая публичная библиотека, современные кинотеатры. В Челябинске Елена обрела друзей, с которыми и поныне поддерживает отношения.

С первого по третий курс Елена жила в обще-

житии по улице Цвиллинга – в двух трамвайных остановках до института. По дороге в институт трудно было миновать булочную, где продавались очень аппетитные «кунцевские» булочки и молочные коктейли. В здании районного профсоюза железнодорожников, неподалёку от института, имелась замечательная столовая. Там готовили вкусный, почти домашний плов, и студенты при возможности охотно там обедали. Порой студентки устраивали себе «праздник» – поход в кафе возле площади Революции в центре Челябинска, где можно было полакомиться мороженым с джемом или шоколадной крошкой.

В общежитской секции (четыре комнаты) девушки жили фактически коммунально, особенно в период экзаменационной сессии: вместе готовили обеды, пекли пироги, отмечали Первомайские, Октябрьские (7 ноября) и новогодние праздники, дни рождения. В первые годы учёбы юных студенток часто выручали пакетики концентрированных супов (встречались даже болгарские и венгерские). На кухне ставили большую кастрюлю и готовили суп сразу из нескольких пакетов.

Во время первой сессии, начавшейся 2 января 1980 года, студентки устроили рождественские гадания. Поскольку Елена единственная на случай суровой зимы запаслась валенками, именно её валенок студентки бросали с седьмого этажа и ждали, кто же его поднимет.

Кстати, на протяжении всех лет обучения Елена сдавала сессии успешно и получала государственную стипендию, что было немалым подспорьем для жизни в крупном городе. Ей даже удавалось порой выкраивать из стипендиальной суммы деньги на приобретение небольших подарков (игрушки, книги) своим племянникам.

Домой удавалось съездить раз в два месяца. Поезд, называемый в народе «кругосветка», перемещался по маршруту Челябинск – Курган с заездом в Каменск-Уральский. В Челябинск поезд прибывал часов в девять утра, а в Шадринск – в два или три часа ночи. Зачастую в течение более четырёх часов приходилось сидеть в пустом зале железнодорожного вокзала и ожидать первого автобусного рейса в Мыльниково – в 6:30 утра.

1 мая и 7 ноября требовалось быть на праздничной демонстрации в Челябинске. Несколько раз по заявлению в деканат Елену отпускали на праздники домой. Из дома в Челябинск везла тушёнку, топленое масло, сало, мамины пирожки с черёмухой. А вот овощи покупали в Челябинске – в овощном магазине по улице Цвиллинга (недалеко от института) всегда были в продаже картофель, морковь, лук, свёкла.

На третьем курсе Елена вместе со своей учебной группой помогала достраивать новое общежитие Челябинского института культуры (тогда это называлось «работа в стройотряде»). И на четвёртом курсе жили уже в новом общежитии: просторные холлы с телевизором, бытовые ком-

наты, превращающиеся в читальные залы, горячая вода, в комнатах – по два–три человека.

В институте работали специализированные кабинеты общественных наук, библиографии и библиотекведения. Кабинеты были оснащены библиотеками. Этого вполне хватало для подготовки к семинарским занятиям и коллоквиумам. После занятий Елена зачастую оставалась в институте, чтобы подготовиться в этих кабинетах к семинару или коллоквиуму.

А в воскресенье стайка студенток из общежития устремлялась в Челябинскую областную публичную библиотеку, в отдел библиотекведения или общий читальный зал. Библиотека в воскресенье работала с 12 до 20 часов. В будние дни здесь можно было засидеться и до закрытия, до 22 часов. Здесь готовили курсовые работы, писали рефераты.

На третьем курсе Елена выполняла курсовую работу – составляла библиографический указатель «Анатолий Карпов – чемпион мира по шахматам». Поскольку А. Е. Карпов родился в Златоусте Челябинской области, много материалов о нём публиковалось в челябинских и златоустовских газетах. Елена заказывала в хранилище годовые подшивки этих газет и просматривала их от корки до корки. На обнаруженные публикации составлялись библиографические описания, затем весь собранный материал группировался по разделам. Производственную практику она проходила в татаро-башкирской библиотеке г. Челябинска, в филиалах Челябинской Централизованной библиотечной системы, в Курганской областной и Шадринской городской библиотеках. И вот окончен институт, настала пора выбора места работы, по месту распределения надо отработать три года.

Побывав на четвёртом курсе на практике в Центральной городской библиотеке г. Шадринска, Елена сделала для себя вывод: нужно вернуться, в родную среду, в родное село; одним словом – домой!

Получено целевое направление из отдела культуры г. Шадринска, распределение состоялось, и 1 августа 1983 г. молодой специалист Елена Александровна Брякова получила трудовую книжку с записью о том, что она принята на должность старшего библиографа в Центральную городскую библиотеку ЦБС г. Шадринска.

В 1986 году Елена Александровна перешла в Шадринский государственный педагогический институт и стала работать под руководством опытного специалиста Лидии Степановны Шальковой.

Многому Елена Александровна научилась у своего наставника: умению жить заботами и проблемами института и библиотеки, не страшиться даже самых трудных задач, самой браться за всякое дело и своим примером побуждать других к действию.

В ту же пору завязались дружеские отношения

Елены Александровны с Прасковьей Васильевной Брюхановой – первой заведующей библиотекой Шадринского вуза, заставшей военные годы, когда в помещении Шадринского тогда ещё учительского института располагался госпиталь, и она проходила в комнаты с библиотечными книгами по особому военному пропуску. Не в том ли общении сформировалось у Елены Александровны чувство патриотизма и исторической ответственности за развитие вуза и его библиотеки?

В те же годы установились тёплые отношения Елены Александровны с ветеранами библиотеки Шадринского пединститута.

Глубокие научные знания и прочные практические навыки, приобретённые за годы учёбы в Челябинском государственном институте культуры (1979–1983), в сочетании с воспитанной матерью в детстве трудолюбием и в органичном соединении со сформированными навыками практической работы в Центральной городской библиотеке (1983–1986), обрётённым в ходе работы в Шадринском пединституте (1986–1988) профессионализмом и сформировавшимися навыками управленческой деятельности закономерно привели к тому, что в 1988 году 27-летняя жительница села Мыльниково возглавила библиотеку старейшего вуза Зауралья, объём книжного фонда которой исчислялся сотнями тысяч экземпляров.

Молодая заведующая взяла курс на привлечение в библиотеку специалистов с высшим библиотечным образованием. За короткий срок все работники библиотеки прошли стажировку в Челябинске. Наиболее активные стали участвовать в конференциях вузовских библиотек Перми, Свердловска, Челябинска, Оренбурга. Сама Елена Александровна совершенствовала свои профессиональные умения в институтах культуры Москвы и Санкт-Петербурга. За короткий срок библиотека Шадринского университета превратилась в эффективный центр библиотечного обслуживания студентов и преподавателей.

Не отстраняясь от повседневной руководящей деятельности в библиотеке Шадринского вуза, в 1995 году Елена Александровна начала систематическую научно-исследовательскую деятельность краеведческо-библиографической тематики. Вот как это произошло.

Первые выпуски альманаха «Шадринская старина» (1993, 1994) включали, по инициативе их ответственного редактора С. Б. Борисова, библиографические обзоры краеведческих публикаций. Для выпуска 1995 года готовилась подборка материалов, посвящённых юбилею краеведа В. Н. Иовлевой. Редактор альманаха обратился к Е. А. Бряковой с просьбой подготовить максимально полный перечень её краеведческих публикаций разных лет. Елена Александровна, откликнувшись на просьбу составить библиографический обзор публикаций ведущего шадринского краеведа, провела тщательный просмотр местных газет в библиотеке Шадринского пединститута и

в Государственном архиве г. Шадринска для выявления статей краеведа. В результате в третьем выпуске альманаха «Шадринская старина» был опубликован список публикаций В. Н. Иовлевой из более 100 библиографических записей.

В том же выпуске альманаха «Шадринская старина» (1995) был напечатан материал Е. А. Бряковой «Краеведческая тема в изданиях Шадринского пединститута 1950–1960-х гг.». Он включал список публикаций краеведческой тематики, которые нашли отражение в выпусках «Учёных записок ШГПИ» и сборниках материалов различных конференций указанного периода.

В издании «Шадринск военной поры», увидевшем свет в мае 1995 года, был напечатан подготовленный Е. А. Бряковой (совместно с Л. П. Сухих) «Краткий библиографический список публикаций о Шадринске в годы Великой Отечественной войны за 1974–1994 гг.». Подготовленный Еленой Александровной библиографический материал был напечатан в изданном в 1995 году сборнике «Сказки Шадринского края».

В 1996 году в литературно-краеведческом издании «Контрапункт» был напечатан материал Е. А. Бряковой «Краткий библиографический список публикаций о Шадринске литературном (за 1990–1996 гг.)».

В 1997 году в первом выпуске литературно-краеведческого издания «Шадринский альманах» был размещён материал Е. А. Бряковой «“Шадринский следопыт”: опыт библиографического обзора». В нём были максимально полно представлены материалы краеведческой страницы «Шадринский следопыт», появлявшейся в газете «Шадринский рабочий» с 1965 по 1986 год.

В 1997 года вышли в свет составленные Е. А. Бряковой библиографический указатель «Шадринск» и брошюра «Л. П. Осинцев – историк-краевед: биобиблиографический указатель». В том же году Елена Александровна выступила в качестве одного из авторов-составителей издания «Шадринское краеведение: краткий библиографический словарь».

В феврале 1998 г. в Шадринском пединституте прошла вторая региональная краеведческая конференция «Шадринская провинция». Е. А. Брякова выступила на одной из секций конференции, в сборнике материалов был опубликован её доклад «Владимир Павлович Бирюков – библиограф».

По истечении более трёх лет неформального участия в шадринском краеведческом движении, в 1998 году Елена Александровна приняла решение официально вступить в ряды Шадринского общества краеведов. В течение нескольких лет она вела протоколы заседаний общества. Вступив в ряды Шадринского общества краеведов, Елена Александровна опубликовала в альманахе «Шадринская старина. 1998» фундаментальную научную статью «Шадринская краеведческая би-

блиография XX века» и материал «Шадринское Движение за культурное возрождение».

Когда в 1998 году в Шадринском пединституте началась работа по созданию книги к 60-летию вуза, Елена Александровна повела работу сразу по нескольким направлениям. Первое – подготовка материала по истории институтской библиотеки. Е. А. Брякова максимально тщательно изучила все хранящиеся в библиотеке ежегодные статистические отчёты, альбомы, вырезки, справки и воспоминания, материалы, хранившиеся в архиве института, и материалы Государственного архива в г. Шадринске. Елена Александровна изучила личные дела сотрудников за все годы существования библиотеки, провела серию бесед с ветеранами. В результате на страницах книги появился очерк по истории библиотеки. Далее в книгу вошли подготовленные Е. А. Бряковой библиографические обзоры «Деятельность Шадринского пединститута на страницах печати» и «Научно-исследовательская деятельность института». Наконец, в книге «Шадринский государственный педагогический институт» были напечатаны статьи Е. А. Бряковой о бывшем ректоре вуза Д. А. Панове и о преподавательской деятельности в Шадринском пединституте «урало-сибирского Даля» В. П. Бирюкова.

В 1999 году в свет вышел составленный Е. А. Бряковой биобиблиографический указатель, посвящённый основателю шадринской газеты «Исеть», классику отечественной библиографии Николаю Васильевичу Здобнову. В том же году в журнале «Наука и образование Зауралья» была напечатана статья Е. А. Бряковой «Шадринский государственный педагогический институт как субъект российского литературного процесса».

В 1999 году библиотеке были выделены новые помещения: более 200 м² для абонементов и более 400 м² – для книгохранилища. Помещения надо было оснастить металлическими стеллажами и мебелью, и Елена Александровна с рулеткой и карандашом лично планировала размещение оборудования. После установки стеллажей возникла необходимость перебазировать в новые помещения более 200 тыс. книжных томов и несколько тысяч газет и журналов. Елена Александровна сумела организовать координацию с деканатами факультетов, и при помощи студентов сотрудники библиотеки переместили книжные фонды из прежних абонементов и книгохранилища на новое место.

Спустя ещё год заработал третий читальный зал, и библиотека получила возможность проводить массовые мероприятия. Ярko и весело проходили в читальном зале фольклорные игры. Новые произведения отечественных прозаиков становились предметом обсуждения на читательских конференциях. Библиотека стала центром воспитательной и творческой работы института. Яркими, запоминающимися были встречи с писателями-земляками.

Совместными усилиями библиотеки и факультетов в читальном зале проводились встречи студентов университета с журналистами, спортсменами, проходили презентации изданий Шадринского общества краеведов, вечера бардовской песни и русского романса, Шекспировские чтения, презентации книг по истории института, книг зауральских литераторов, фольклорных сборников, выставки декоративно-прикладного искусства преподавателей, творческие отчёты актёров Шадринского драматического театра и молодёжной театральной студии.

Традиционными стали встречи с участниками Великой Отечественной войны, детьми военного времени, с ветеранами педагогического труда и тружениками тыла.

За три десятилетия библиотекой Шадринского университета под руководством Е. А. Бряковой было организовано и проведено несколько сотен мероприятий краеведческой, патриотической, литературно-художественной и просветительской направленности. В альманахе «Шадринская старина. 2016» можно познакомиться со статьей Е. А. Бряковой «Краеведческие мероприятия библиотеки Шадринского государственного педагогического института в 1987–2011 гг.».

Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2001 г. Е. А. Бряковой было присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Между тем продолжалась и краеведческая деятельность Е. А. Бряковой. В альманахе «Шадринская старина. 2001» была напечатана её статья «Шадринцы – члены Союза российских писателей», в издании «Шадринская старина. 2002» – статья «Деятельность по укреплению материально-технической базы Шадринского пединститута», а в выпуске «Шадринская старина. 2004» – статья, посвящённая ветерану библиотечного дела Лидии Степановне Шальковой (1932–2003).

В 2003 году Е. А. Брякова выпустила в свет включающий более 1200 записей 150-страничный библиографический указатель, посвящённый основателю Шадринского научного хранилища, выдающемуся уральскому лексикографу и краеведу Владимиру Павловичу Бирюкову (1888–1971). В том же году она выступила одним из авторов-составителей выпущенного «Шадринского краеведческого словаря».

В 2005 году Елена Александровна (в этом году она вышла замуж за Михаила Юрьевича Бурлакова) опубликовала небольшую статью о библиотеке Шадринского пединститута в 1941–1945 гг. в книге «Шадринск военной поры» и 30-страничное исследование «Шадринская краеведческая библиография XX – начала XXI вв.» в девятом выпуске «Учёных записок Шадринского государственного педагогического института».

Нелёгкой ношей лёг на плечи Е. А. Бурлаковой капитальный ремонт читальных

залов Шадринского пединститута, проводившийся с осени 2005 года. Ежедневно студенты с восьми часов утра до трёх часов дня, пачка за пачкой, переносили книги. Затем в течение недели лопатами и ломом вырубали грунт и на носилках перемещали его на улицу. Вынесенным грунтом студенты загрузили в общей сложности несколько десятков «КамАЗов». Закончилась работа лишь осенью следующего, 2006 года. И вновь студенты переносили книги, а библиотекари размещали на стеллажах в строгом порядке десятки тысяч томов учебной и научной литературы.

Только благодаря слаженной работе библиотечного коллектива в течение всего учебного года осуществлялось бесперебойное библиотечное обслуживание. Вся организующая роль лежала на плечах Е. А. Бурлаковой. Она блестяще справилась и с этим сложным испытанием.

Помимо руководства работой библиотеки Елена Александровна в течение нескольких лет была учёным секретарем руководящего органа вуза – Учёного совета. Также на протяжении нескольких лет Елена Александровна возглавляла работу профсоюзного комитета Шадринского пединститута.

В 2012 году Е. А. Бурлакова выпустила брошюру «Историко-краеведческие исследования в ШГПИ в 1940-е – 2010-е годы» и краткий словарь-справочник «Преподаватели Шадринского пединститута 1940-х – 1980-х гг.». В том же году на страницах «Шадринской старины» был размещён подготовленный Еленой Александровной библиографический указатель содержания двадцати выпусков краеведческого альманаха.

В 2014 году в издании «Шадринская старина» был размещён подготовленный к печати Е. А. Бурлаковой архивный материал 1944 года «О Шадринском государственной учительском институте в 1939–1944 гг.». Также в нём увидели свет три статьи Е. А. Бурлаковой: «О презентации фонда Д. А. Панова в библиотеке ШГПИ», «Книги с дарственными надписями Н. И. Здобновой в библиотеке Шадринского пединститута» и «Зауральцы на литературной карте России».

При подготовке к 75-летию Шадринского пединститута Елена Александровна подготовила материалы о первой заведующей библиотекой пединститута П. В. Брюхановой, о ректоре института в 1954–1971 гг. Д. А. Панове, о служившем на фронте телефонным радистом-разведчиком и демобилизованном по ранению сотруднике института Н. К. Лисьих... Всего в изданной в 2014 году «Энциклопедии ШГПИ» было опубликовано более ста (!) подготовленных Е. А. Бурлаковой персональных и тематических статей.

Важным направлением в деятельности Шадринского педагогического института (университета) в XXI веке стали встречи с ветеранами, важнейшую роль в организации которых неизменно играет Елена Александровна. В читальном

зале библиотеки регулярно проходят научные конференции, круглые столы, мероприятия научно-просветительского общества «Знание». Созданы и продолжают пополняться электронные базы трудов преподавателей Шадринского университета и выпускных квалификационных работ.

Елена Александровна активно способствует включению трудов преподавателей ШГПУ в российское электронное библиотечное пространство. Так, в 2021 году в результате организованного Е. А. Бурлаковой сотрудничества с Российской Национальной библиотекой (Санкт-Петербург) издания «Шадринский краеведческий словарь» (2003) и «Шадринская энциклопедия» (2010), а также подготовленные в Шадринске издания «Уральская художественная энциклопедия» (2016) и «Литературный Урал: Краткий энциклопедический словарь» (2017) были включены в электронный фонд «Региональные энциклопедии России» и стали доступны всем читателям страны.

Далеко не каждая библиотека обладает «лица необщим выраженьем». Уникальность, неповторимость библиотеки в немалой степени формируется профессионализмом, мировоззрением и, в конце концов, личными качествами её сменяющих друг друга руководителей.

Фонд библиотеки университета уникален по богатству своего содержания. Здесь хранятся и «Учёные записки Казанского университета» середины XIX века, и сотни томов журнала «Русская мысль» второй половины XIX века, и энциклопедии конца XIX века, и иллюстрированные альбомы начала XX века, и краеведческие издания 1920-х годов, и академические собрания сочинений 1950-х годов. В библиотеке хранятся подшивки газет «Советское Зауралье», «Шадринский рабочий», «Шадринский курьер», «Шадринск-сити», журналов «Уральский следопыт», «Урал», полное собрание выпусков альманаха «На земле курганской», «Шадринская старина».

Благодаря особым усилиям и заботе заведующей библиотеки в Шадринском педагогическом университете существует фонд редких книг, представляющий собой собрание изданий конца XVIII – начала XX века. В этом фонде присутствуют и книжные памятники федерального значения: например, «Курс математики», изданный в годы царствования императора Павла I, «Опыт риторики», изданный Императорской Академией наук в пору царствования Екатерины II. Имеется в библиотеке Шадринского университета и обширная коллекция книжных миниатюр.

За три десятилетия под руководством Е. А. Бурлаковой при поддержке ректора Шадринского университета А. Р. Дзиева библиотека из рядового подразделения провинциального педагогического вуза стала ведущей фундаментальной научной библиотекой Урала.

Елена Александровна продолжает руководить библиотекой Шадринского университета. Всероссийский журнал «Библиография» опубли-

ковал статью Е. А. Бурлаковой «Город Шадринск как исторический центр реализации словарно-энциклопедических проектов». Подошла к завершению работа над библиографическим указателем к 30 выпускам краеведческого альманаха «Шадринская старина», включающим описание порядка 600 статей. Таким образом, плодотворная работа Е. А. Бурлаковой на ниве вузовского педагогического образования, шадринского краеведения и зауральской библиографии продолжается.

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК

В последние годы в России большое внимание уделяется развитию сферы туризма. Согласно Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» туризм определен новым эффективным инструментом социально-экономического развития Российской Федерации.

Один из наиболее востребованных видов туризма – культурно-познавательный, цель которого – знакомство туриста с культурно-историческими ценностями, памятниками природы, традициями и обычаями той или иной культурно-туристской зоны.

Особенностью таких зон является их использование как туристами, так и местными жителями. И если туристы, стремящиеся познакомиться с зауральской глубинкой, обязательно находят для себя что-то новое и интересное, пишут восторженные отзывы, делают массу фотографий, то местные жители часто удивляются самому факту появления туристов на улицах города.

Как заинтересовать жителей и гостей города его историей, помочь им разглядеть достопримечательности, мимо которых они равнодушно проходят? Как повлиять на местную идентичность человека?

Для этого у менеджеров туризма, занимающихся культурно-познавательными программами, должны быть не только знания в туристике, но и глубокие знания локальной истории.

Основные накопители и трансляторы краеведческих знаний – архивы, музеи, библиотеки. Краеведческие ресурсы библиотек представляют собой структурированную достоверную и наиболее полную информацию об объектах культурного туризма, об исторических фактах из прошлого и событиях современной туристской жизни.

В современных условиях библиотеки не только аккумулируют и транслируют накопленные знания, они занимают новую для себя нишу в индустрии гостеприимства. На базе краеведческих отделов библиотек создаются информационно-туристические центры.

Туристско-информационный центр (ТИЦ) г. Шадринска был создан на базе краеведческого отдела ЦБ им. А. Н. Зырянова. Датой рождения центра считается 17 июня 2019 года. Специалисты ТИЦ совмещают библиотечную работу и работу Туристско-информационного центра и занимаются краеведческим туризмом.

В рамках краеведческого туризма мы работаем по двум основным направлениям: инфор-

мационное обеспечение туризма и экскурсионная деятельность.

ТИЦ г. Шадринска имеет официальный сайт – <https://visitshadrinsk.ru>. В 2020 году была создана группа в социальной сети «ВКонтакте» – <https://vk.com/visitshadrinsk>. Эти ресурсы созданы для более полного освещения туристической привлекательности г. Шадринска: его исторического прошлого, туристской инфраструктуры, предлагаемых турмаршрутов и экскурсий.

Специалисты ТИЦ г. Шадринска ежегодно пополняют список выпущенных информационных изданий. Среди них флаер «Что есть культура», буклет-памятка «Краеведческие книги в помощь учителю», серия буклетов «Купеческий Шадринск в лицах», листовка «Событийный туризм», буклет «Прогулки по купеческому Шадринску». Ещё один буклет – «12 причин посетить Шадринск» – существует как в печатном, так и в видеоформате.

Два комплекта буклетов посвящены гастрономическим брендам нашего города: шадринскому гусю и шадринскому прянику. Мы постарались собрать полную информацию об этих брендах: исторические справки, рецепты, фольклор, информацию о продвижении бренда в настоящее время.

ТИЦ города Шадринска выпускает литературно-художественные издания серии «Шадринские истории – детям». Это совместный проект с Детской художественной школой им. Ф. А. Бронникова. Лучшие рисунки учащихся художественной школы становятся иллюстрациями к сказкам шадринского уезда, собранным и записанным в XIX веке А. Н. Зыряновым. В настоящее время серия состоит из четырёх книг. В эту же серию вошли два издания адаптированной для разного школьного возраста повести «Шадринский гусь» Е. Фёдорова.

В ходе работы над серией изданий для детей мы решили создать ещё и видеoversии шадринских сказок. В рамках проекта «Семейный меридиан» специалистами ТИЦ было записано 12 видеороликов со сказками. Ролики были созданы с использованием разных техник: элементов мультипликации, театра теней, кукольного театра. Мышили кукол, расписывали ширму, оформляли декорации. Познакомиться с видеороликами можно на сайте <http://www.ziranov.ru>.

Сказочной тематике посвящён и квест «В поисках Елены Прекрасной». Он знакомит ребятшек с главными героями сказок, записанных в шадринском крае А. Н. Зыряновым: Еленой Прекрасной, Кощеём, Жихаркой, Сивкой-Буркой, а также сразу с тремя Бабками-Ёжками. Елена

Прекрасная написала ребятам письмо с просьбой помочь ей снять наложенные на неё чары. Для этого необходимо пройти трудный путь и выполнить различные задания. Ребята отгадывают наши местные загадки, знакомятся со старинными предметами обихода, катаются на метле Бабы Яги, проползают через тёмный туннель и попадают в Окаменелое царство, у входа в которое их встречает ещё один герой шадринских сказок – Солдат, который, как и все жители этого царства, заколдован и окаменел. Найдя подсказки и отгадав волшебное слово, ребята расколдовывают Елену Прекрасную. В ходе квеста ребята узнают историю сказочного символа города Шадринска – Царевны-Лягушки, благодаря которому наш город попал на Сказочную карту России.

Сотрудники ТИЦ города Шадринска создали несколько игр, знакомящих с историей, архитектурой и знаменитыми шадринцами. Одна из них – настольная краеведческая познавательная игра «Шадринские хроники», имеющая интересную легенду. В Шадринске обнаружили аномальную зону: внезапно пропали современные улицы и дома, а на их месте появились старинные купеческие усадьбы и улицы с деревянными тротуарами. По заданию главы г. Шадринска создаются две команды из добровольцев, чья задача – исследовать аномалию и закрыть временной портал. Для этого добровольцам необходимо выполнить все задания и раздобыть ключ, который находится у его хранителя – городского главы XIX века. Не выполнив задания, команды рискуют остаться по ту сторону временного портала и навсегда потерять связь со своими близкими. Игровое поле – это точная карта исторического центра города Шадринска размером 1500×1200 см. Вопросы игры объединены в 12 тематических блоков: «Историческая геометрия», «Машина времени», «Толмачи», «Краеведческие уравнения», «Литературная география» и т. д. Вопросы подобраны таким образом, чтобы быть максимально оригинальными, интересными и не требующими специальных знаний от игроков. Цель игры – дать игроку эти знания. Участники игры в непринуждённой обстановке запоминают максимум новой информации. На выездных мероприятиях мы используем игру в несколько другом формате – в виде викторины. Игра может быть использована в учебном процессе, а также быть полезна всем тем, кому интересна история и культура Шадринска. Кроме того, игра может стать отличным сувениром для гостей города Шадринска.

Краеведческая интерактивная игра «Символы Курганской области» в доступной форме знакомит с историей нашей области в целом и отдельных её муниципальных образований через символику – гербы и флаги. Первый блок этого мероприятия – краткое ознакомление с символикой Курганской области посредством презентации PowerPoint. Второй блок мероприятия – непосредственно игра. Читателям предлагается 3 сета по 10 вопросов в каждом. На каждый вопрос есть

4 варианта ответа (один – правильный), подсказка и возможность сократить количество вариантов (50×50).

По аналогии проводится краеведческая интерактивная игра «Судьбы, ставшие историей», созданная на материале об известных земляках.

ТИЦ г. Шадринска ежегодно проводит работу с гражданами из социально незащищённых слоёв населения. 1 июня, к Международному дню защиты детей, мы с горячим источником «Шадринский» традиционно проводим благотворительную акцию для детей из семей, стоящих на учёте в КСЦОН по г. Шадринску и Шадринскому району. Детям предлагается обширная культурная программа, для которой сотрудники ТИЦ ежегодно готовят новый квест.

Специалисты ТИЦ принимают участие в таких международных, региональных, районных и городских мероприятиях, как международный туристский форум «Большой Урал»; открытие туристического сезона (г. Курган); фестиваль славянской и казачьей культуры «Русское поле» (г. Курган); Крестовско-Ивановская ярмарка; фестиваль православной культуры «Батуриная святыня»; День города Шадринска; гастрономический фестиваль «Шадринский гусь»; сказочный фестиваль Елены Прекрасной. Все вышеназванные мероприятия можно отнести к информационному обеспечению туризма.

По направлению «Экскурсионная деятельность», работая в зале краеведения, мы имеем под рукой обширный материал для создания экскурсий – сердцевины туризма.

Наибольшим спросом пользуются пешеходные экскурсии «Золотые истории купеческого Шадринска» и «Шадринск можно как книгу читать».

Пешая экскурсия «Золотые истории купеческого Шадринска» позволит узнать, почему Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк называл наш край «золотым дном», как Российский флот связан с Шадринском и кто из шадринских купцов своими действиями послужил падению государственной монополии на продажу золота. Екатерина II и Пётр I, князь Мещерский и Иван Шадр – как эти имена связаны с провинциальным зауральским городом? В каком из шадринских дворилов гуляли павлины? Какая из шадринских купчих шила кошкам платица? Кто из шадринцев имеет отношение к истории советских денежных знаков? Правда ли, что шадринские пряники покупали на вес платины? А ещё: золото скифов, потайные ходы, двухэтажные подвалы, клады, фальшивомонетки и многие другие тайны раскроются перед вами в ходе экскурсии по историческому центру города.

В процессе литературной экскурсии «Шадринск можно как книгу читать» вы сможете проследить связь некоторых старинных зданий города с тем или иным поэтом, писателем или прозаиком. Экскурсия проходит по одной из старейших улиц Шадринска – Комсомольской (ранее

Торговой), начиная от р. Исеть и заканчивая площадью им. Н. В. Здобнова перед Администрацией.

Для Всероссийской акции «Экскурсионный флешмоб», региональными координаторами которой мы являемся с 2021 года, мы создали и впервые провели костюмированную квест-экскурсию «Секреты старого Шадринска: что, где, когда...». Особенность этой экскурсии в том, что участники должны выполнить ряд заданий, чтобы определить дальнейшую точку маршрута. На каждой точке их ждут экскурсоводы в роли Елены Прекрасной, поручика 4-го Прокопа Великого чешского полка или шадринской калачницы.

По просьбе турагентств из других городов мы организуем туры выходного дня с полным сопровождением и комплектацией по выбору заказчика. Наиболее часто в маршрут включаем обзорную экскурсию по городу, посещение горячего источника «Шадринский», музея Елены Прекрасной и сказок шадринского уезда, а также Шадринского краеведческого музея им. В. П. Бирюкова.

Подводя итог, хочется сказать, что ориентация на развитие внутреннего туризма и активное продвижение новых туристических направлений невозможны без слаженной работы всех участников туристической индустрии и без хорошей результативной работы по краеведению, которую ведут библиотеки, музеи, архивы. ТИЦ города Шадринска нашёл своё место в инфраструктуре туризма как информационный партнер и связующее звено в цепи «потребитель туристических услуг и исполнитель».

Д. С. Захаров,
МКУК «Мишкинский историко-краеведческий музей им. А. П. Сычёва»,
Мишкинский МО, р. п. Мишкино

НЕОСУЩЕСТВЛЁННЫЙ ПРОЕКТ: ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ВЕТКА ШАДРИНСК – МИШКИНО – ЗВЕРИНОГОЛОВСКОЕ

В своей исследовательской поисковой работе мы очень часто обращаемся к подшивкам районной газеты «Искра» как к источнику краеведческой информации. На её страницах за теперь уже 91 год можно найти огромное количество интересных статей из истории населённых пунктов района: о первых учителях района, о ликвидации неграмотности в 30-х годах, об участниках Гражданской и Великой Отечественной войн и др.

Одним из активных нештатных авторов газеты был Александр Павлович Сычёв – хранитель фондов Мишкинского историко-краеведческого музея с 1982 по 2005 г. Этот человек целиком посвятил себя изучению родного края. Изучая фонд Александра Павловича, его краеведческое наследие, я обнаружил в «Искре» от 15 января 1994 года, в рубрике «Краевед», занимательную статью под названием «Неосуществлённый проект» [2]. В публикации говорилось о том, что в начале 1916 года, когда шла Первая мировая война, комиссия о новых дорогах министерства путей сообщения Российской империи рассмотрела и одобрила проект железной дороги Шадринск – Мишкино – Звериноголовское. Эту однокольную дорогу должны были вручную построить немецкие и австрийские военнопленные из лагерей в окрестностях Шадринска, Мишкина, Куртамышя.

Эта статья меня заинтересовала, и я решил найти документы, где более подробно говорилось бы об этом проекте. Поиски привели меня в город Челябинск, в Музей Южного Урала. В фондах музея хранится документ «Записка об экономическом значении и вероятной доходности железнодорожной линии Мишкино-Шадринск» [1, с. 36.] Забегая вперёд, хочу выразить огромную признательность заместителю директора по научно-исследовательской работе Государственного исторического Музея Южного Урала Александру Николаевичу Лымареву за душевную беседу и предоставленные материалы. Всего в документе 36 страниц печатного текста. Предлагаю читателям познакомиться с некоторыми его положениями. Итак, в документе говорится о том, что сооружение линии было намечено по двум вариантам:

«По первому: проектируемая линия начинается у г. Шадринска и, направляясь к югу, пересекает р. Исеть выше города, затем поднимается на водораздел между р. Исетью и р. Барневкой, переходит р. Барневку у д. Зевакиной, направляясь по долине р. Солодянки, которую и пересекает у с. Батурина. Следующие этапы: дер. и озеро Боровое, дер. Троицкое и озеро Штанное. Пересекая р. Миасс ниже с. Воскресенское, про-

ектируемая линия проходит далее у д. Гагановой, откуда, пересекая Дресвянский лог, направляется почти по прямой линии к ст. Мишкино Сибирской железной дороги, к которой подходит со стороны Челябинска.

По второму: линия проходит теми же местами до деревни Зевакиной, от которой отклоняется к западу, направляясь по прямой линии до с. Шаламовского. Далее линия поворачивает к востоку, проходит у с. Красноярского, выше которого пересекает р. Миасс, направляясь на дер. Черноярское, М. Такташинское и у села Мишкино принимает направление и подход варианта № 1».

Подробно в документе описываются климат, топографические и геологические условия, растительность нашей местности:

«Климат района проектируемой линии можно назвать умеренным. Наиболее холодным месяцем является январь и наиболее тёплым – вторая половина июня и первая июля. Средняя температура января около –17 (по Цельсию) и июля – +19. Крайние температуры – 38 тепла и 47 холода. В общем же климат континентальный, с жарким летом и суровой зимой... Наиболее значительной рекою данного района является Исеть. Из притоков отметим Миасс и Барневку. Все эти реки, хотя и несудоходны, но приносят большую пользу мукомольной промышленности, являясь даровой движущей силой для мельниц. Встречается немало озёр с пресными и солоноватыми водами. Из них около десятка имеют размеры в несколько кв. вёрст, остальные же относятся к разряду мелких... Из полезных ископаемых встречаются: торф, различных типов глина, гравий и песок... Леса здесь представлены берёзой, осиной и отчасти сосной. Берёза является самой распространённой и преобладающей лиственной породой... Сосна встречается редко в юго-восточной части Шадринского уезда и северо-восточной Челябинского уезда. Что же касается травяного покрова, то он относится к степной фации и отличается богатством видов и мощностью развития» [1].

В разделе «Общее значение линии» приводятся серьёзные доводы в пользу строительства железнодорожной ветки, значимости для развития в районе промышленного производства и сельского хозяйства:

«Богатый сырьевыми продуктами и обильный водами район представляет благоприятную для возникновения и роста крупной фабрично-заводской промышленности. Тормозом в этом отношении, как и всегда, являются недостатки путей сообщения... Проектируемая линия (при выбо-

ре кратчайшего варианта № 1, протяжением в 90 вёрст) сокращает расстояние между станциями Мишкино и Екатеринбург на 59 вёрст. Вследствие чего для грузов участка Сибирской железной дороги Мишкино – Мариановка, направляемых в северную часть Европейской России и обратно, образуется новое кратчайшее направление через Мишкино – Шадринск, вместо существующего через Челябинск... В сфере влияния дороги насчитывается до 1100 всевозможных кустарных предприятий по обработке сырья. Выделка кож, овчин, изготовление валяной и кожаной обуви, шорное и экипажное производства – всё это старинные занятия населения. Деревни Шадринского уезда исполняли заказы Интендантства по поставке валенок и полушубков, здесь же скупался и готовый солдатский сапог. Всех видов кустарничества насчитывается до 25, а количество занятых рабочих рук – 2026. Если припомнить, что все крупнейшие ныне фабрично-заводские центры в зачатках переживали стадию кустарничества, то станет понятным, что кустарные промыслы района заслуживают серьёзного внимания. Достаточно толчка – а таковой, несомненно, даст проектируемая дорога, – чтобы здесь создался целый ряд крупных предприятий по обработке сырья, а это, в свою очередь, послужит к оживлению края и увеличению товарообмена. Мукомольное производство увеличится в размерах благодаря удешевлению транспорта муки и возможности получать для перемола зерно из более отдалённых пунктов Сибири. На местное крестьянское хозяйство проведение проектируемой линии, несомненно, окажет серьёзное влияние, облегчив сбыт зерна и вообще всех продуктов сельского хозяйства»[1].

Библиографический список

1 Записка об экономическом значении и вероятной доходности железнодорожной линии Мишкино-Шадринск // Государственный исторический музей Южного Урала (г. Челябинск). О. Ф. 7409/492.

2 Сычёв А. П. Неосуществленный проект / А. П. Сычёв // Искра. – Мишкино, Курганская обл., 1994. – 15 янв. – С. 5.

*Л. Ю. Иванова,
Зауральское генеалогическое общество им. П. А. Свищёва,
г. Курган*

ЗАУРАЛЬЕ – КУЗНИЦА КАДРОВ ДЛЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Я хочу рассказать о людях, которые стояли в Кургане у истоков зарождения кузницы кадров для машиностроения. Одной из них является Черемухина Елена Михайловна (28.05.1921–15.01.2010), первый директор Курганского машиностроительного техникума.

Конец 50-х и начало 60-х годов XX столетия в Зауралье были ознаменованы бурным развитием машиностроения. Курган становится не только аграрным, но и промышленным городом страны.

В Кургане возникла необходимость в собственных инженерно-технических кадрах, в связи с чем в 1955 году правительством было принято решение об открытии машиностроительного техникума.

В 1944 году молодой инженер Елена Черемухина приехала в Курган, чтобы начать трудовую деятельность в качестве мастера инструментального цеха на Курганском заводе деревообрабатывающих станков.

Продвижение по карьерной лестнице: инженер-конструктор, начальник технического бюро, старший инженер-технолог на Курганском арматурном заводе.

С 1953 до 1955 гг. Елена Михайловна весьма успешно работала старшим технологом в отделе на Курганском арматурном заводе: в её трудовой книжке множество благодарностей и записей о поощрениях к праздникам («отрез шерсти», «отрез на платье», «отрез шёлка» и т. п.).

Приказом Министра машиностроения и приборостроения СССР № 194 от 30.07.1955 года было образовано первое в Кургане среднее специальное учебное заведение машиностроительного профиля – Курганский машиностроительный техникум.

Директором техникума предложили быть бывшему в то время директору ремесленного училища № 1 – Фрейману Александру Яковлевичу.

Из истории развития ремесленного училища № 1 в Кургане

В 1911 году на пожертвования купцов Фёдора и Екатерины Березиных на улице Троицкая (ныне Куйбышева) открылась низшая ремесленная школа с платным четырёхгодичным обучением. Она имела два отделения: кузнечно-токарно-слесарное и столярное. Плата за обучение составляла десять рублей в год.

В 1916 году открылось жестяно-медницкое отделение, на которое принимались преимущественно инвалиды войны и их дети.

В 1921 году ремесленная школа была переименована в профтехшколу для подготовки специалистов по ремонту сельскохозяйственной техники.

В 1928 году профтехшкола преобразуется в школу фабрично-заводского ученичества, базой которого становится завод «Турбинка» («Кургансельмаш»).

С 1935 года в учебные планы включены общеобразовательные, общетехнические и социально-экономические предметы. Школа ФЗУ гарантировала получение оконченого среднего образования и право поступления в институты. В годы Великой Отечественной войны мастера и преподаватели ремесленного училища № 1 в труднейших условиях подготовили сотни токарей, слесарей-сборщиков, слесарей-инструментальщиков, рабочих других специальностей для заводов, выпускавших военную продукцию.

В 1962 году ремесленное училище № 1 преобразуется в Курганское Государственное профессионально-техническое училище № 2. Его выпускники работали на машиностроительном заводе «Уралсельмаш».

В 1972 году недалеко от Курганского завода колёсных тягачей были построены три здания ГПТУ-2. Современные светлые и просторные корпуса, новое оборудование позволили готовить рабочих более высокой квалификации.

В 1994 году училище переименовано в ПУ-2 (Государственное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональное училище № 2»).

1 августа 2006 года ГОУ НПО «Профессиональное училище № 2» путём слияния с ГОУ СПО «Курганский машиностроительный техникум» реорганизовано в Курганский техникум машиностроения и металлообработки.

Постановлением Правительства Курганской области № 102 от 13.04.10 Государственное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональное училище № 9» было присоединено к Государственному образовательному учреждению среднего профессионального образования «Курганский техникум машиностроения и металлообработки».

Постановлением Правительства Курганской области № 205 от 10.05.11 к Государственному образовательному учреждению среднего профессионального образования «Курганский техникум машиностроения и металлообработки» было присоединено Государственное образовательное учреждение начального профессионального образования «Профессиональный лицей № 8».

В этом же 2011 году «Курганский техникум машиностроения и металлообработки» был переименован в Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего про-

фессионального образования «Курганский промышленный техникум». Административный корпус техникума стал размещаться по адресу: г. Курган, ул. Невежина, д. 26.

Постановлением Правительства Курганской области № 333 от 29.07.13 Государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Курганский промышленный техникум» переименовано в Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Курганский промышленный техникум».

Вернёмся к 1955 году

В июле 1955 года Черёмухину Е. М. пригласили в Горком КПСС и предложили работать во вновь создаваемом учебном заведении на должности заместителя директора по учебной части Курганского машиностроительного техникума.

8 августа 1955 года А. Я. Фрейман с Е. М. Черёмухиной приступили к работе. Всё надо было начинать с нуля. Не было ни здания, ни штата преподавателей, а нужно уже было начинать приём учащихся. Своего помещения не было: одна комната в ремесленном училище по ул. Куйбышева, 1 заменяла всё, документы хранились в старом диване.

17 августа начались первые вступительные экзамены. Вся работа проводилась в помещении этого же ремесленного училища, в котором работал Фрейман. Многие желали поступить в техникум, ведь это было первое в Зауралье машиностроительное среднее специальное учебное заведение.

26 августа 1955 года, в соответствии с планом и по результатам вступительных экзаменов, были зачислены первые учащиеся техникума: 120 человек на дневное отделение и 120 человек на вечернее отделение по специальности «Обработка металлов резанием».

С 1 сентября 1955 года 75 учащихся дневного отделения были направлены в колхозы для оказания помощи в уборке урожая, а 45 человек – на строительство здания ремесленного училища, которое передавалось техникуму.

В это же время комплектовался штат преподавателей. Одной из первых была принята на работу в техникум преподавателем математики Коваль Тамара Григорьевна (годы жизни 1931–2008).

Тамара Григорьевна в 2005 году вспоминала: «Мы с супругом приехали в город Курган в начале августа 1955 года по направлению после окончания Пермского Госуниверситета (тогда он назывался Молотовским). Супруга моего направили на Курганский машиностроительный завод, а у меня был «свободный диплом»».

В Кургане в то время выходила местная газета «Красный Курган». В ней было напечатано объявление: «Организуется машиностроительный техникум, нужны кадры. Адрес – ул. Куйбышева, дом № 1». В этом здании на самом берегу реки Тобол, справа от памятника Красину, было ре-

месленное училище № 1. Главное здание училища стоит там и сейчас. Во дворе были учебные мастерские и административное здание – двухэтажный деревянный домик. Сейчас там этого нет. Тогда во всём Кургане, кроме центральной площади и улицы Ленина, были деревянные частные домики.

Вначале техникуму предназначалось строящееся здание по ул. Пролетарской (ныне КМИ), потом высокое начальство перепланировало: в этом здании решили разместить Курганский машиностроительный институт, а машиностроительному техникуму – отдать здание, которое строилось для ремесленного училища.

Постепенно укомплектовывался штат преподавателей и сотрудников техникума: преподаватель физики Сима Борисовна Либерман, преподаватель истории Ксения Александровна Вахрушева. На должность заведующей библиотекой, а также преподавателя русского языка и литературы была принята Валентина Геннадьевна Шевелина.

Немного позднее пришли в техникум преподаватель английского языка Ася Семёновна Таращанская, преподаватель немецкого языка Белла Юрьевна Ксендзовская, секретарь вечернего отделения Надежда Сергеевна Подгорбунская, бухгалтер Вера Ивановна Меркулова, секретарь-машинистка Анна Рогова, заведующий хозяйством Николай Дмитриевич Брызгин.

12 сентября 1955 года А. Я. Фрейман отказался от должности директора техникума по личным причинам, и Елене Михайловне Черёмухиной было предложено вступить в исполнение обязанностей директора техникума. На должность заместителя директора был принят Пономарёв Анатолий Николаевич.

Елене Михайловне предстояло возглавить строительство нового учебного заведения в Кургане по ул. Химмашевской, дом 14. В сентябре 1955 года она была утверждена директором строящегося Курганского машиностроительного техникума.

Елена Михайловна Черёмухина вспоминала: «В связи с тем, что строительство здания, которое предназначалось для техникума, не было закончено, временно техникум разместили в бытовых помещениях Курганского арматурного завода. Там оборудовали четыре классные комнаты на тридцать мест, библиотеку, преподавательскую и ряд других административных служб.

Начали приобретать оборудование для лабораторий и кабинетов. Большую помощь в оснащении лабораторий и кабинетов, а затем и учебных мастерских, оказали заводы «Химмаш», «Арматурный», «Кургансельмаш», Курганский машиностроительный завод и другие заводы. Небольшому коллективу техникума пришлось проделать объёмную работу по созданию необходимых условий для работы в техникуме и организации учебного процесса. Очень большой вклад

в дело организации учебного процесса сделал Пономарёв Анатолий Николаевич» [7].

Вновь назначенная на должность директора Черемухина Елена Михайловна должна была справиться с поставленной ей задачей: в установленные сроки построить здание техникума и начать подготовку квалифицированных специалистов. Это было важно для всей Курганской области, Зауралья и страны в целом. Трудностей было не счесть, но, несмотря на молодость, начинающий руководитель – человек обязательный и дисциплинированный – взялась за организацию учебного процесса и строительство нового здания. Она координировала и контролировала ход строительно-монтажных работ, подбор штата педагогических работников, ведение учебно-воспитательного процесса в приспособленных условиях.

Много трудностей выпало и на долю учащегося дневного отделения, которые принимали участие в строительстве здания техникума, позднее и в оборудовании кабинетов, лабораторий.

Весной 1956 года студенты каждый день после занятий помогали достраивать здание техникума.

Лидия Георгиевна Подкорытова, одна из студентов первого выпуска Курганского машиностроительного техникума, рассказывала, как без применения техники, вручную копали траншеи под коммуникации, красили пол и белили стены, на носилках поднимали кирпич на этажи и т. п.

Педагоги в своих воспоминаниях отмечали добросовестность в учёбе и работе студентов первого выпуска: Горцило, Позднякова, Кузьмина, Мамонтова, Песоцких, Хлызова, Аверьянова, Журовой, Гребенщикова и других.

Ответственность руководителя Елены Михайловны Черемухиной и всего коллектива, другие факторы, влияющие на работу, позволили в срок достроить и оснастить учебно-производственные мастерские, оборудовать аудитории необходимыми средствами обучения, укомплектовать библиотеку книжным фондом.

Итак, в 1955 году было открыто первое в Кургане среднее специальное учебное заведение машиностроительного профиля – Курганский машиностроительный техникум, детище первого его директора – Елены Михайловны Черемухиной.

В первый 1955–56 учебный год по приказу Министерства набирали студентов только на базе семи классов. Среди абитуриентов было много девушек, которые окончили десять классов и желали поступить в техникум. Им очень хотелось приобрести машиностроительную специальность и пополнить ряды ИТР на заводах Кургана. Этим людям пришлось поступить на общих основаниях на базе семи классов и учиться четыре года, как все остальные студенты. Таких девушек набралось целых две группы по тридцать человек. На первых порах они терпеливо повторяли общеобразовательные предметы и оживились, когда

начались спецпредметы: им стало интересно учиться.

Так как в то время в Кургане это было первое учебное заведение, обучающее машиностроительным специальностям и готовящее руководителей среднего звена, многие молодые люди, демобилизованные из армии, сели учиться вместе с семиклассниками. Им было уже по двадцать три года и больше, поэтому приходилось трудно: школьный учебный материал они уже подзабыли, но очень старались.

В первый год занятия студентов проходили в холодных бытовых помещениях арматурного завода, которые тоже было необходимо подготовить своими силами. На занятиях студенты сидели в пальто и в варежках, чернила замерзали.

Важным направлением в работе директора была забота о быте студентов, среди которых были сироты, поэтому вопросы открытия столовой и размещения иногородних студентов в бытовках арматурного завода, приспособленных под общежитие, были безотлагательными.

В конце 1955–56 учебного года образовательное учреждение разместилось в новом здании. Первые пять лет были особенно тяжёлыми, так как дорог и общественного транспорта до техникума не было. В любое время года преподаватели и студенты по болотным тропинкам добирались до техникума пешком. Как вспоминает Т. Г. Коваль: «Транспорт до техникума не ходил. Там, где сейчас построено много зданий между улицами Дзержинского и Химмашевской, было болото. В холодное время года мы ходили пешком, прыгая по болотным кочкам».

В 1959 году состоялся первый выпуск молодых специалистов по специальности «Обработка металлов резанием», получивших дипломы с квалификацией «Техник-технолог».

В 1960 году в Кургане открылся машиностроительный институт, куда Елену Михайловну пригласили на кафедру начертательной геометрии и графики в качестве старшего преподавателя. Сначала она преподавала черчение и начертательную геометрию, потом много лет заведовала кафедрой черчения и инженерной графики.

В 1970 году Высшая аттестационная комиссия в Москве (ВАК) по совокупности работ присвоила Черемухиной Елене Михайловне учёное звание доцента кафедры черчения и инженерной графики Курганского машиностроительного института. Такое бывает лишь в исключительных случаях, когда высокая квалификация преподавателя не вызывает сомнений.

Учёный секретарь института, наряду с основной работой, постоянно занималась общественной: была членом партийного бюро института, членом и председателем профсоюзного комитета, дважды избиралась депутатом Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся города Кургана, возглавляла комиссию по культурно-просветительской работе.

Работа в области народного образования Е. М. Черемухиной отмечена правительственными медалями: «За трудовую доблесть», «Ветеран труда» и другими. Но одна награда была особенно дорога ей: маленький нагрудный значок «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР».

За период трудовой деятельности в машиностроительном институте с 1960 по 1981 год педагог опубликовала сорок одну научно-методическую печатную работу.

Где бы ни трудилась Елена Михайловна Черемухина – инженером на заводе, директором техникума, преподавателем в институте, на общественной работе – она везде проявляла себя грамотным специалистом, ответственным и добросовестным работником. Её ученики и сослуживцы с большим уважением отзывались о квалифицированном педагоге и талантливом руководителе. Бывший студент первого выпуска Курганского машиностроительного техникума Владимир Александрович Зотов выразил уважение и признательность своему преподавателю и наставнику Е. М. Черемухиной такими словами: «Нас было много у Вас, а Вы у нас – одна! Для Вас, наверное, многое не имеет значения, а для меня... Ваше отношение ко всем и лично ко мне не стирается в моей памяти. Спасибо Вам!»

Однозначно, под этими словами могла бы подписаться целая армия студентов Курганского машиностроительного техникума и Курганского машиностроительного института, когда-то учившихся у талантливого педагога.

Члены Зауральского генеалогического общества им. П. А. Свищёва, которые были выпускниками Курганского машиностроительного техникума, с не меньшей теплотой вспоминают первого директора техникума, которая дала им путёвку в жизнь: Хлызов Михаил Иванович, Подкорытова Лидия Георгиевна, Пушкарёв Николай Александрович, Никитуха Людмила Николаевна и др.

С Курганским машиностроительным техникумом, у истоков которого стояла первый директор Елена Михайловна Черемухина, меня связывают годы учёбы и трудовая деятельность в кадровой службе в течение тридцати двух лет. Будучи председателем Совета ветеранов учебного заведения, я неоднократно бывала у Елены Михайловны дома. Её дом всегда был рад гостям. На свой 85-летний юбилей она самостоятельно испекла по разной рецептуре двенадцать тортов, один из которых традиционно назывался «Черёмуховый».

Е. М. Черемухина является представителем многочисленной педагогической династии, родоначальниками которых в Зауралье были Марк Яковлевич (1800–1872) и Мария Андреевна Флоринские, выходцы из семьи священнослужителей Владимирской губернии. В роду было много священников и учителей, которые внесли большой вклад в народное образование страны. Примером

тому стал Василий Маркович Флоринский (1834–1899), основатель Томского университета.

Славная династия рода, к которому относится Елена Михайловна Черемухина, подарила Зауралью (и не только ему) священнослужителей, медиков и огромное количество учителей, чей общий педагогический стаж перевалил за восемьсот лет.

Елена Михайловна была инициатором поиска генеалогического материала и оформления поколенной росписи своего рода. В составе авторской группы она подготовила для потомков работу «Династия Флоринских-Кокосовых-Черемухиных». Копию этой работы она подарила мне с дарственной надписью: «...На память о нашем знакомстве, с благодарностью за внимание к этой работе. 6 марта 2006 года».

Курган и народное образование заняли важное место в жизни этого замечательного человека. Практически на каждом машиностроительном предприятии нашего города работали и работают выпускники Курганского машиностроительного института и Курганского машиностроительного техникума, первым директором которого была Елена Михайловна Черемухина.

Библиографический список

- 1 Винаковская Л. О чём поведал старый альбом // Л. Винаковская // Курган и курганцы. – 2000. – 18 апр. – С. 3.
- 2 Дата создания образовательной организации // ГБПОУ «Курганский промышленный техникум». – URL: <http://kpt-kurgan.ru/svedeniya-ob-obrazovatelnoi-organizatsii/osnovnyiesvedeniya-o-gbpou-kurganskiy/data-sozdaniya-obrazovatelnoy-organizatsii/> (дата обращения: 10.04.2023).
- 3 Династия Флоринских – Кокосовых – Черемухиных : [машинопись] / Е. М. Черемухина, Г. А. Король, В. С. Блохина, В. П. Федотова. – Курган, 2006. – 45 с.
- 4 Курганское ремесленное училище № 1 (1911–2006) // КурганВики. – URL: <https://clck.ru/35q8ie> : (дата обращения: 10.04.2023).
- 5 Коваль Т. Г. Воспоминания : [рукопись]. – 9 с.
- 6 Подкорытова Л. Г. Устное повествование.
- 7 Черемухина Е. М. Воспоминания : [машинопись]. – 2 с.

*С. И. Кулакова,
ГАУК «Курганское областное музейное объединение»,
г. Курган*

ГЕРМАН ТРАВНИКОВ: ГЕНИЙ МЕСТА И ГРАЖДАНИН МИРА

Сколько уже всего написано и сказано об удивительном и прекрасном художнике и человеке, нашем земляке Германе Алексеевиче Травникове! Долгая и яркая жизнь мэтра зауральского искусства вместила великое множество самых разнообразных событий, творческих поездок и путешествий по миру, памятных встреч со знаменитостями и просто интересными людьми, художественных поисков и достижений, а ещё она всегда наполнена служением искусству, культуре, своей большой и малой родине.

Не случайно Герман Травников удостоен высоких званий народного художника России и Почётного гражданина Курганской области. Его имя присвоено Курганскому областному художественному музею, где хранится крупнейшая в стране коллекция живописи, графики и, конечно же, акварели этого мастера. С полным правом музей может говорить о Германе Травникове как о гении места, своём духовном покровителе и настоящем члене большой музейной семьи, ведь в каждом курганском музее есть бесценные дары художника: его картины и акварели, книги и различные артефакты.

Знаменитый дом-мастерская Германа Травникова по улице М. Горького становится время от времени то литературной гостиной, то салоном искусств для любителей живописи, музыки и театра, то местом встреч художников и искусствоведов, а иногда и кровом для гостей-художников из других регионов. Много лет правилом хорошего тона для приезжих знаменитостей было посещение гостеприимной мастерской талантливого художника.

Более полувека назад Герман Травников как успешный выпускник Свердловского художественного училища приехал в Ленинград для поступления в знаменитую Академию художеств. Тогда один из её профессоров по-отечески мудро и прозорливо посоветовал молодому дарованию раскрывать недюжинный талант у себя на родине, а не гнаться за академической выучкой, неминуемо нивелирующей всяческую самобытность в искусстве. И наш художник внял его совету и ни разу не пожалел об этом.

Первым его большим успехом можно назвать приём в Союз художников в 1967 году после отчёта в Свердловской организации Союза художников о работе в Доме творчества «Горячий Ключ». Тогда Герман Травников и его земляк Александр Петухов стали первыми ласточками среди молодых курганцев, удостоенных членства в этой весьма уважаемой творческой организации, и, что примечательно, сразу, без кандидатской ступени. По сути, это была путёвка в жизнь, в настоящее большое искусство.

Следующей творческой победой молодого художника стало участие во Всесоюзной выставке акварели в Ленинграде в 1969 году. Тогда Герман Травников и его коллега Александр Петухов стали настоящим открытием для мэтров отечественной акварели. Подающих большие надежды курганских акварелистов стали включать во Всесоюзные акварельные группы по стране. Уже после той знаковой выставки они отправились с группой в Карелию. Акварель же с той поры стала поистине путеводной звездой Германа Травникова.

В то время в стране разворачивалось мощное акварельное движение, и молодой художник стал его полноправным и активным участником. Где он только не побывал в составе Всесоюзных республиканских акварельных групп: Тува, Дальний Восток, Кольский полуостров, Москва, Киев, Прибалтика, Средняя Азия и Кавказ! Причём в ряде поездок Герман Травников был не просто участником, а руководителем группы.

*Виталий Носков. 2014. Холст, темпера
(КОХМ им. Г. А. Травникова)*

Гроза. 2010. Холст, масло (КОХМ им. Г. А. Травникова)

В групповых и самостоятельных творческих поездках оттачивалось его мастерство акварелиста, развивалось пейзажное видение. Об этом ярко свидетельствуют обширные пейзажные серии: «Карелия» («Карелия»), «Тува» («Табун»), «Русский Север» («Ветер к ночи»), «По Осетии» («Утренние облака»), «Киеву – 1500 лет» («Стрижи над Подолом»), «Туркмения» («Предгорья Копетдага»), «Камни Армении» («Вдали Арарат»), «У дальних берегов» («Залив Посьета»), «Камчатка» («Авачинская бухта»), «Узбекистан» («Афрасиаб. Ветер»), «На Кольской земле» («Безымьянная высота»), «Переславль-Залесский» («Горицкий монастырь»), «По Карачаево-Черкесии» («Куст алычи»).

*Лукоморье. 1974. Бумага, акварель
(КОХМ им. Г. А. Травникова)*

*С пастбища. Из серии «Египет». 2010. Бумага, акварель
(КОХМ им. Г. А. Травникова)*

Уже в них стала заметной одна из главных характерных черт творчества художника: искренний интерес к жизни людей в разных краях. Он выразился в стремлении дополнить пейзажи не только стаффажными фигурами, иногда – в колоритных национальных костюмах, но и занимательными бытовыми подробностями, и жанровыми сценками из жизни аборигенов. В их числе: «На родной земле» (1970), «Жатва» (1976), «Очистка кукурузы» (1977), «У пастушьего костра» (1981),

«Весенний ручей. Семья». (1984), «Воркует горлица». (1984), «Старый аул» (1990), «Хижина Сары» (2010), «Намаз» (2010), «Дворик в Афинах» (2013), «Всюду жизнь» (2014), «Осенние заботы» (2014), «Овощной базар» (2014), «Рыбный рынок» (2014), «Будний день» (2022), «С базара» (2022).

Уважительное отношение художника к представителям разных народов, на чьей земле ему доводилось творчески работать, сквозит в каждом портрете, привезённом из многочисленных путешествий по свету. Например, «Три поколения» (1970), «Бася» (1975), «Мы возим руду» (1981), «Дильбар» (1984), «Подруги» (2015).

«Очарованным странником» назвал Германа Травникова зауральский писатель Вячеслав Веселов: «Удивительно ли, что постоянным персонажем русской литературы от фольклора до Лескова и Горького является странник. Он пускается в дорогу не от скуки. Его путь – это поиск истины и красоты.

Герман Травников – духовный наследник этих странников. Он не «картинки» пишет, а открывает миры. Его занимают не точная передача природы и зрительные эффекты, а самый дух местности. Именно поэтому так удаются ему пейзажи чужих краёв. После знакомства с ними в памяти остаются не детали, а мелодия, свидетельство встречи с иным миронастроением, иным мироощущением» [1, с. 25–26].

В 1970-х годах Герман Травников одним из первых курганских художников стал участником международных и зарубежных выставок, а также акварельных пленэров (в Чехословакии, Югославии, Болгарии, Мексике, Польше, Монголии, Румынии, Венгрии). Первым он открыл свою персональную выставку за границей, в Польше, и она экспонировалась в целом ряде польских городов. Герман Травников даже был награждён орденом «За заслуги перед польской культурой».

Побывав за границей, посмотрев музеи и современные выставки, встретившись с зарубежными коллегами, Герман Травников сделал свой выбор в пользу реалистического метода в искусстве, отвергнув все новомодные стили и увлечения европейских художников. Его искусство несёт в себе идеалы отечественной школы живописи и русской пейзажной школы. Оно глубоко реалистично, тесно связано с жизнью, современностью и историей, чувствами и переживаниями соотечественников во всех уголках необъятной Родины.

Особое место в творчестве Германа Травникова занимает тема Русского Севера, который сам художник называет своей второй, духовной родиной. И дело не только в том, что предки художника – выходцы из Архангельской губернии. Русский Север притягателен для многих деятелей искусства сохранившимися памятниками старинного деревянного зодчества, исконно русскими традициями в культуре и быту, цельными характерами его жителей. Вот почему Герман Травников десять раз (с 1966 по 2019 год) ездил

в эти суровые и прекрасные края, чтобы получить духовно-нравственную подпитку для своего дальнейшего творчества. Акварельные серии, посвящённые Русскому Северу, занимают весомое место в наследии художника. Среди них: «Озёрный край», «Памятник в Кеми», «Сети» (1969) из серии «У Белого моря»; «Териберка. Сияние» (1973), «Лукоморье» (1974), «На песчаной косе» (1974), «У родного причала» (1979), «Осень в Ковде» (1980); «У моря студёного», «Утро. Белое море», «На берегу» (из серии «У моря студёного», 1985); «Утро», «Среди камней», «Белая ночь. Берег» (из серии «Русский Север», 2006); «Мост в Териберке» (2020).

Куда бы ни забрасывала судьба нашего непоседливого земляка, он всегда спешил вернуться в родной дом в селе Боровлянка, где прошло его детство, где жила его мама. Герман Травников создал обширный цикл акварельных и живописных произведений, посвящённых своей малой родине, – знаменитый «Боровлянский дневник». В него, кроме пронзительно лирических пейзажей («Тропинка» (1967), «По первому льду» (1970), «Земля потеплела» (1973), «Околица» (1974), «В ожидании письма» (1986), «Скоро холода» (1986), «Сентябрьский вечер» (1986)), можно включить и портреты боровлянских жителей, среди которых немало выразительных детских образов («Нюрка» (1966), «Лидка» (1964), «Девка» (1963)), в том числе романтическая картина-автопортрет «Облака детства» (1973). Отчуждению и матери посвящены акварельная композиция «Гость» и одноименная большая картина (1979), а также живописный триптих Германа Травникова (1987): «Горница», «Кухня», «Крыльцо». Автобиографические черты заметны и в его большом полотне «Ожидание» (1979), посвящённом памяти о Великой Отечественной войне.

Художник объехал всю Курганскую область, работая на этюдах, охотно встречаясь с сельскими жителями на своих выставках и акварельных мастер-классах. Зауральские леса и перелески, кособоры и цветущие луга, древние курганы посреди полей, многочисленные озера и речки, живописные деревни на их берегах – всё нашло любовное и внимательное отражение в акварелях и на холстах Германа Травникова. Это «Курган» (1970), «Отзимок» (1974), «Весна в Утятке» (1994), «Над забытым покосом» (1996), «Метель» (1995), «Клубничная поляна» (1997), «Шкодино. Вечер» (2000), «Цветущий луг» (2001). Излюбленными местами художника для поездок и работы на пленэре стали село Острова в Юргамышском районе («Осень в Островах» (1993), серия «Село Острова») и деревня Шепотки неподалеку от Кургана («Лето в Шепотках» (1998), серия «Июль в окрестностях Кургана»).

Зауральские пейзажи Германа Травникова – настоящий гимн родной земле, запечатленной в разные времена года, в разных состояниях и настроениях природы. Ярче всего это выразилось в

монументальном живописном полиптихе мастера «Времена года», в котором звучат трогательные весенние мелодии («Весной», 2007) и восторженное многоголосие летней палитры («Гроза», 2010), живёт хрустальная тишина осени («Осенние дали», 2007) и завораживает почти космическая высь небес зимним вечером над деревней («Огни негасимые», 2007).

Ф. М. Достоевский был убеждён: «...Дети людей должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация... должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» [2, с. 81]. Судьба и творчество нашего земляка Г. А. Травникова полностью подтверждают эту мысль великого русского писателя.

В 2010-х годах Герман Травников предпринял ряд поездок в зарубежные страны. Итогом этих захватывающих путешествий стали не менее впечатляющие акварельные серии, рассказывающие о природе и жизни людей в Египте, Тунисе, Турции, Швейцарии и Греции. Среди них: «Берег», «Край бедуинов»; «Сухое дерево»; «Пятничная мечеть», «Дорога в поле»; «Первый снег»; «Парфенон».

Настоящей вершиной акварельного мастерства можно назвать египетскую серию художника, передавшую своеобразие природных ландшафтов и самой атмосферы в этом пустынном и горном крае: «Перекрёстки Синая», «Пыльное марево», «Вечерний луч», «С пастбища», «Бегущие тени», «Стражи моря». О своём восприятии этого древнего края художник писал так: «Мне мало интересен Египет туристический – пирамиды и Долина фараонов. Я стремился почувствовать дыхание ветхозаветной древности, написать мир, помнящий ветхозаветных пророков» [2, с. 345].

Особое место в творчестве художника занимает тема «Декабристы в Кургане». Во многом этот пристальный интерес к теме связан с другом Германа Травникова – краеведом, журналистом и искусствоведом Борисом Карсоновым, посвятившим многие годы изучению жизни декабристов в Кургане. Неслучайно в акварельном портрете Б. Н. Карсонова художник изобразил его в интерьере курганского музея декабристов, для открытия которого его друг так много сделал.

В разные годы наш город становился прибежищем для 13 ссыльных участников восстания на Сенатской площади Петербурга. По пятницам в доме декабриста М. М. Нарышкина собирались все курганские декабристы: обсуждали российские события и местные новости, читали книги и письма. Хозяйка дома играла на клавикордах и пела. Именно такую встречу изобразил в своём акварельном листе «Вечер у Нарышкиных» (1984) Герман Травников. Свеча в руках маленькой приемной дочки Нарышкиных, распахнувшей двери в гостиную, воспринимается как символ негасимой веры и надежды, объединившей всех собравшихся накануне отбытия части из них в действующую армию на Кавказ по указу императора.

Герман Травников всегда был неравнодушен к портретному жанру: и в советское время, когда приветствовалось создание образов людей-тружеников, и в неблагоприятные для жанра портрета 1990–2000-е годы, когда, лишившись основного заказчика в лице государства, художники почти перестали писать портреты достойных людей, к тому же отсутствовал сам положительный образ героя того времени.

Вопреки всем этим неурядицам Герман Травников по своему личному почину создаёт живописную портретную галерею, героями которой стали его земляки – писатели и поэты Виктор Потанин, Алексей Еранцев, Алексей Пляхин, Виталий Носков, Елена Ситникова, а ещё – прославленный ортопед академик Г. А. Илизаров и его коллега профессор Галина Дьячкова, народный академик-хлебороб Т. С. Мальцев, художники Михаил Булгаков, Елена Попова и Эдуард Дудин. Очень часто это портреты-картины с «говорящим» фоном и окружением. Так, поэт-фронтовик Алексей Пляхин изображён с орденами на груди на фоне победного салюта в вечернем небе. Писатель и участник боевых действий в Чечне Виталий Носков – на фоне карты боевых действий и в военной форме. А прославленный патриарх зауральских писателей Виктор Фёдорович Потанин предстаёт зимним днём возле мощного старого дерева, и это очень удачная смысловая и изобразительная метафора.

И всё-таки самой большой любовью и страстью художника Германа Травникова остаётся акварель. «Думаю, что именно акварель помогает мне выразить то, что я ценю в искусстве, – истину и красоту» [3, с. 5]. Эти слова Германа Травникова непременно отзовутся в благодарных сердцах почитателей его таланта – а их у художника великое множество: ведь первое знакомство с его пейзажами происходит уже в детском саду, и «дедушку Германа» знает каждый зауральский дошкольник.

Герман Травников – признанный мастер акварели. И это, наряду с насыщенной выставочной, организационной и общественной деятельностью нашего земляка, явилось весомым основанием для присвоения ему высоких званий: сначала заслуженного художника, а позднее – Народного художника России. Задумывался ли Герман Травников о некоторых удивительных поворотах в своей профессиональной судьбе? Например, о том, как, отказавшись в молодости от получения академического образования, он спустя годы был удостоен персональной выставки в залах Российской Академии художеств в Москве.

Сотни акварелей и холстов Германа Травникова рассеялись по свету: осели в музейных и частных коллекциях, в учебных и медицинских учреждениях, сельских клубах, офисах и кабинетах руководителей всех рангов, домах друзей и любителей искусства. Иностранцы гости, побывав в мастерской Германа Травникова, увозили на родину не только купленные или подаренные ра-

боты художника, но и незабываемые впечатления о русском гостеприимстве и широте загадочной русской души.

От всей глубины и широты своей русской души Герман Алексеевич одарил Курганский областной художественный музей не одной сотней своих произведений и десятками произведений своих коллег из разных регионов бывшего Советского Союза, а также работами польских художников. Герман Алексеевич не устаёт удивляться миру и удивлять других своими неподражаемыми проявлениями. Так, уже не единожды он в свой день рождения сам делал подарки, причём дарил не по одной своей работе, а целыми выставками!

Участник более 200 выставок самого разного масштаба, он постоянно вспоминает как самую дорогую из них свою первую персональную – по сути, ещё детскую – экспозицию в селе Исетское, где ему довелось заканчивать среднюю школу. И сейчас он с большим энтузиазмом откликается на приглашения Исетской школы сделать свою очередную выставку в её стенах.

В свои 85 лет Герман Травников остаётся открытым для общения, активно участвует в культурной жизни не только Кургана и Зауралья, но и всей страны. И хотя в силу возраста дальних поездок становится гораздо меньше, в его мастерской накоплен такой огромный и разнообразный этюдный материал, что работы с ним художнику хватит ещё на долгие-долгие годы.

Много лет Герман Травников пытается осуществить свою мечту – открыть в Кургане музей акварели. На сегодняшний день в Курганском областном художественном музее хранится около трёх тысяч акварельных листов, значительная часть из которых поступила туда благодаря Герману Травникову, начавшему собирать коллекцию для будущего музея акварели ещё в советские времена. Это были листы больших мастеров акварели из разных городов и республик Советского Союза, с кем Герман Алексеевич вместе ездил на пленэры и участвовал во Всесоюзных акварельных выставках. Сам Герман Травников представлен в собрании акварели нашего музея 201 произведением. Его вклад в формирование крупнейшей в России музейной коллекции акварели просто бесценен!

Остаётся только пожелать нашему прославленному земляку здоровья и долгих лет жизни, чтобы увидеть свою мечту о музее акварели в Кургане воплощённой в жизнь!

Библиографический список

1 Веселов В. Очарованный странник / В. Веселов // Герман Травников : книга о художнике, написанная его друзьями и иллюстрированная им самим / ред. А. Бритвин. – Москва : Юридический мир, 2008. – С. 21–30.

2 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год, май – октябрь / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1981. – 423 с.

3 Травников Г. А. Путешествие с акварелью : альбом произведений, созданных во время путешествий по стране и за рубежом / Г. А. Травников. – Курган, 2022. – 415 с.

А. Д. Перминов,
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск

СТАТИСТИКА НАСЛЕДИЯ Ф. А. БРОННИКОВА В МУЗЕЯХ И НА АУКЦИОНАХ РОССИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Фёдор Андреевич Бронников (1827–1902) – русский художник, родился в семье иконописца в городе Шадринске в Пермской губернии. Профессор исторической живописи Бронников внёс весомый вклад в развитие искусства и оставил после себя большое художественное наследие, которое включает разные жанры, художник работал как портретист, жанрист, пейзажист, однако наибольшую известность ему принесли картины на темы античной и средневековой истории, написанные в духе «салонного» искусства того времени. На сегодняшний день существует много информации о жизни и творчестве художника, хорошо раскрыты его биография и описания картин, но совсем немного известно о творческом наследии Бронникова, о том, как рассредоточены его работы по стране, в каких музеях они хранятся и в скольких экземплярах, именно с этих позиций в докладе рассмотрено наследие художника.

Изначально картины, эскизы и рисунки сам Бронников оставил г. Шадринску, о чём писал в своём завещании от 1887 года: «Все имеющееся у меня картины, приобретённые своим собственным трудом <...> после смерти моей <...> жертвую я на пользу своих сограждан города Шадринска Пермской губернии, родины своей <...>». Часть завещанного была получена городом Шадринском в 1906 году, другая часть – в 1909. Помимо картин, город унаследовал 42100 рублей [3].

В настоящее время картины Ф. А. Бронникова находятся во многих музеях страны, а также в частных коллекциях и появляются на аукционах в России. Из открытых источников удалось выяснить, что на сегодняшний день работы Бронникова находятся в 16 российских музеях: Шадринский государственный краеведческий музей, Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева, Вольский краеведческий музей, Брянский областной художественный музейно-выставочный центр, Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Пермская государственная художественная галерея», Астраханская государственная картинная галерея имени П. М. Догадина, Государственный Русский музей, Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Мемориальный музей-усадьба художника Н. А. Ярошенко, Оренбургский областной музей изобразительных искусств, Пензенская областная картинная галерея им. К. А. Савицкого, Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой, ФГБУК «ВМО «Государственная

Третьяковская Галерея»», Иркутский художественный музей, Тверская областная картинная галерея.

Общее число работ, находящихся в музеях страны, согласно Государственному каталогу Музейного фонда РФ и официальным сайтам музеев, составляет 851 экземпляр. Общее количество работ Ф. А. Бронникова, выставленных на аукционах в России, – 7: «Улица в Атине» (1876 г.), «Золотая свадьба» (1870 г.), «Чтение газеты в неаполитанском кабачке» (1868 г.), «Крёстный ход по случаю обретения чудотворного Образа Казанской Божьей Матери в 1579 г.» (1854 г.), «Портрет» (1866 г.), «Портрет итальянки» (1891 г.), «Улица в Субиако. Религиозная процессия» [5].

В число работ входят рисунки, эскизы, картины и копии. Рассматривая процентное соотношение распределения картин в разных музеях и коллекциях, можно увидеть что 57,3 % находится в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева, 37,2 % – в Шадринском краеведческом музее, 4,7 % – в других музеях страны. Работы, выставленные на аукционах, составляют 0,8 % от общего количества. Самыми богатыми коллекциями обладают Шадринский краеведческий музей им. В. П. Бирюкова (в его коллекцию входят 319 работ художника) и Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева (в этом музее находится 492 экземпляра). Большой процент картин в этих музеях объясняется тем, что Шадринск являлся родиной художника, и, как было указано выше, по завещанию город унаследовал произведения Ф. А. Бронникова, а музей им. Радищева в Саратове обрёл столь большую коллекцию благодаря А. П. Боголюбову, с которым Бронникова связывала многолетняя дружба, а также самому художнику. В остальных музеях находится немного произведений, которые попали туда из архивов, фондов и коллекций. Так, в Государственной Третьяковской галерее находятся 7 работ: «Автопортрет», «Старик-нищий», «Белладжо», «У часовни», «Проклятое поле. Место казни в древнем Риме. Распятые рабы», «Гимн пифагорейцев восходящему солнцу», «Освящение гермы». В Вольском краеведческом музее и Государственном Русском музее – по 6 работ. В ВКМ находятся «Итальянский крестьянин на бочке», «Сцена убийства», «Иуда перед смертью», «Палермо», «Голова пожилого мужчины», «Художники в квартире (в приёмной) богача». Русский музей хранит работы Бронникова:

«Освящение герма», «Улица итальянского города», «Цыганская девочка», «Итальянский дворик», «Дама с собачкой в парке Фраскати», «Последняя трапеза мучеников» [1]. Коллекция Пермской государственной художественной галереи содержит 4 работы художника: «Вид на озеро Комо», «Римские бани», «За водой. Картина», «Именинница» [2], в остальных музеях число работ составляет 1–3 единицы.

Фёдор Андреевич Бронников оставил богатое наследство своих работ, которые располагаются во многих музеях и коллекциях России. Распространение картин по музеям и коллекциям страны, в первую очередь, обуславливается высокой культурной ценностью картин, подтверждением этому служит нахождение работ в главных музеях страны – Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, а также престижных аукционных домах – «Совком», «Кабинет». Также важным аспектом является связь географических объектов с биографией художника. Влияние на количество работ в музее оказывает и его направленность. Важным фактором является историческая ценность картины для конкретного музея.

Библиографический список

1 Бронников Ф. А. // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. – URL: [https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=бронников %20Фёдор %20андреевич&imageExists=null](https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=бронников%20Фёдор%20андреевич&imageExists=null) (дата обращения: 01.03.23).

2 Бронников Ф. А. // Пермская художественная галерея. – URL: <https://permmuseum.ru/search?key=Бронников&filter=exhibits> (дата обращения: 01.03.23).

3 Лукиных О. В. Выставки коллекции работ художника Бронникова Ф. А. в Шадринске / О. В. Лукиных // Государственный архив в г. Шадринске. – URL: <http://gash.archives.kurganobl.ru/> (дата обращения: 01.03.23).

4 Осинцев Л. П. Имен связующая нить : записки краеведа / Л. П. Осинцев. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. – 204 с.

5 Приисетье в пространстве и времени : сб. науч. статей IX этнолого-краевед. конф. (Шадринск, 2017) / сост. Н. Ф. Зольникова. – Шадринск, 2018. – 60 с.

С. А. Радченко,
ГБУ «Курганская областная клиническая больница»,
г. Курган

НАТАН РУБИНШТЕЙН: ВОСПИТАНИЕ НОМО SAPIENS

Золотыми буквами в книгу Курганской педагоги должно быть вписано имя Натана Хаимовича (Ефимовича) Рубинштейна, Заслуженного учителя Российской Федерации. Расцвет педагогической карьеры Натана Ефимовича пришелся на тяжёлые девяностые годы. Рушилось старое тоталитарное общество, открылся железный занавес, открылось окно возможностей для людей ярких, талантливых и инициативных. В ту пору педагогический коллектив школы № 47 под руководством Лилии Николаевны Бурлак, опытного организатора и практика, искал пути для дальнейшего развития, совершенствования системы школьного образования. Был выбран курс на развитие и внедрение специализированного профилированного образования в рамках общего среднего образования, формирования потоков учащихся по направлениям их дальнейшего обучения в высших учебных заведениях. Одним из «отцов-основателей» принципиально новой модели обучения в старших классах и куратором биолого-химического направления стал наш герой.

Натан Хаимович Рубинштейн родился 15 января 1951 года в городе Кургане. После окончания школы учился в машиностроительном техникуме, а затем работал на Курганском машиностроительном заводе слесарем. Натан Ефимович всегда с гордостью вспоминал ту страницу своей биографии: именно она привила ему любовь к труду и технический образ мышления, который позволил создать свою уникальную методику преподавания естественно-научных дисциплин. Увлечениями Натана Ефимовича были лёгкая атлетика и туризм: он много путешествовал по Кавказу, ходил в горы. Нацеленность на результат была главной в его жизни, а также тем, что он вкладывал в своих учеников: дойти до финиша, прийти первым, достичь вершины! После окончания Курганского

педагогического института Натан Ефимович работал в школах № 38 и № 22, а затем, как талантливый учитель-новатор, в компании таких же энтузиастов – Лилии Николаевны Бурлак, Александра Владимировича Спичкина, Бориса Соломоновича Шалютина – создавал педагогический лицей на базе школы № 47, которая с 1968 года являлась специализированной школой с углубленным изучением английского языка, куда шёл отбор не по районному принципу, а по способностям.

Скрининг способных учеников, интересующихся биологией и химией, желающих связать своё будущее с медициной, фармацевтикой, преподаванием естественно-научных дисциплин, химическим производством, биоинженерными технологиями, Натан Ефимович начинал с девятого класса. Смотрел, наблюдал, тестировал, убеждал, а некоторых и разубеждал в правильности выбора, подготавливая учеников к лицейским классам.

Лицейское образование начиналось с 10 класса. Очень интересным был ритуал посвящения в лицеисты. Театральная миниатюра из жизни Царскосельского лицея, режиссированная признанным мастером любительского театра А. В. Спичкиным, погружала нас в атмосферу Пушкина и его друзей-лицеистов, убеждая в причастности к тому культурному слою, к той социальной страте избранных, интеллектуалов, ярких личностей, будущих творцов, деятелей – а вместе с тем таких же, как мы, подростков с понятными нам ценностями. При горящих свечах в темноте мы приносили клятву учиться и уважать своих учителей.

Программа по биологии и химии шла в расширенном объёме с выделением максимально возможного количества часов преподавания без ущерба основным экзаменационным предметам, но сокращая программу, например, того же английского языка, которого в школе № 47 традиционно было много. Вместе с тем английский язык сохранялся два часа в неделю, как в обычных школах, что при наличии уже солидной базы с прежних лет не шло в ущерб знаниям. Принципиальным было изучение дополнительной дисциплины – технического перевода, с преподаванием которого блестяще справлялся гений педагогики, кандидат педагогических наук Александр Владимирович Спичкин. Каждый день, пять дней в неделю, было два спаренных урока: либо биология, либо химия. Такое количество часов позволяло проходить основную программу 10–11-х классов, плюс повторять пройденные в предыдущих классах курсы ботаники, зоологии, анатомии и физиологии, неорганической химии.

Преподавание основных предметов, биологии и химии шло по чисто вузовской системе. Занятия шли парами. В течение двух-трёх недель Натан Ефимович начитывал вышлифованные по содержанию, компилированные из различных источников лекции, затем проводился зачёт, где ученики в устной форме отвечали заученные практически слово в слово лекции, причём каждый последующий зачёт включал в себя вопросы по всем пройденным предыдущим темам (принцип снежного кома). До сих пор в памяти всплывают фразы, заученные из лекций Натана Ефимовича. В конце каждого полугодия (семестра) был экзамен. Приходилось заучивать и держать в голове колоссальные объёмы информации, регулярно воспроизводить их. Это, без сомнения, развивало мышление, логику, память, а также устную речь. После такой подготовки значительно легче запоминались такие объёмные дисциплины в медицинском вузе, как анатомия, фармакология и прочие. Наша речь при ответах на вопросы преподавателей или при произнесении докладов на конференциях выгодно отличалась от речи однокурсников. Навык устных докладов, например, очень пригодился мне и впоследствии – в моей лекторской деятельности.

Практически каждый день проводились спаренные дополнительные седьмые и восьмые уроки, на которых преподавались цикловые спецкурсы: экология, иммунология, химическая технология, практикум по решению химических задач. Экология изучалась по вузовскому учебнику, который мы вызубривали от корки до корки, делая пометки именно так, как нас учил Натан Ефимович. Это было формированием полезного навыка работы с учебной литературой, выделение главного в тексте и того, что он называл «на ля-ля» (т. е. пустая ненужная информация, общие фразы, наглядные примеры). Иммунологию мы изучали по книге Рэма Петрова «Новая иммунология». Да, это научно-публицистическая литература, экскурс в историю вопроса и трактат об устаревших уже на тот момент знаниях, но это опять же было привитие навыка работы с текстами, в данном случае – конспектирование и пересказ.

Натан Ефимович вообще заставлял нас много читать, причём не только научную литературу. Так, проходя генетику, он настоял, чтобы каждый из нас прочитал книгу Даниила Гранина «Зубр» о судьбе известного советского учёного-генетика Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, истинного патриота, развивавшего отечественную генетику во времена гонений, лысенковщины и массовых репрессий. Воспитание характера учёного, полагаю, было тоже заложено Натаном в программу обучения. Химическую технологию мы изучали очень глубоко – по специальным учебникам для техникумов, ведь в программе вступительных экзаменов даже в медицинские вузы стояла пара вопросов по принципам химических и металлургических производств. Практикум по решению химических задач был направлен на

подготовку к вступительному экзамену, чтобы без осечки, с закрытыми глазами решить любую задачу. Вместе с тем это был ещё и способ подготовки к олимпиадам.

Олимпиады были неотъемлемой частью образовательного процесса. Подготовкой к ним были как основная учёба, так и чтение дополнительной литературы. К биологии готовились по мировому бестселлеру – трёхтомнику «Биология» под редакцией Найджела Грина, Уилфа Стаута и Дэниса Тэйлора, редкого издания, только-только переведённого на русский язык и опубликованного издательством «Мир», которое чудом удавалось находить в магазинах. Помимо этого мы штудировали книги – определители флоры и фауны, регулярно посещали краеведческий музей (а именно залы, посвящённые зауральской природе), лаборатории Курганского госуниверситета. Ученики Натана Хаимовича регулярно одерживали победы на городских, областных, зональных, всероссийских и Соросовских олимпиадах.

Деятельность фонда Сороса можно по-разному оценивать, но в те нищие времена он являлся хорошим подспорьем для российского образования. Победители и призёры Соросовских олимпиад получали бесплатно Соросовский образовательный журнал с отличной глянцевой полиграфией, где ведущие российские эксперты писали статьи-лекции по самым современным достижениям науки. Оттуда мы впервые узнали о сигнальных молекулах, цитокинах, о расшифрованном недавно сложнейшем механизме свёртывания крови, о перспективных разработках иммунотерапии рака. Эти знания ложились фундаментом для наращивания последующих знаний и для докладов на студенческих научных конференциях. Победители Соросовских олимпиад получали и денежные гранты в долларах США, и возможности съездить на стажировку в европейские страны. Сам Натан Хаимович был трижды Соросовским стипендиатом, их выбирали по результатам опросов студентов вузов, что говорит о высочайшем качестве подготовленных педагогом Рубинштейном учеников и его исключительном профессионализме.

Свой опыт Натан Хаимович передавал только лучшим. К нему на практику стремились многие студенты педагогического института. Одним из них был Олег Филистеев – талантливый студент, ставший впоследствии деканом факультета естественных наук химического факультета КГУ и и. о. ректора Курганской сельхозакадемии.

Новым и удивительным казалось исключительное уважение, с которым Натан Ефимович относился к ученикам. Со всеми на вы, никаких оскорблений и унижений. Начиная «звездить» ученика он шуточно называл «крупным специалистом» – максимум, что мог позволить себе. Всегда приветливый, улыбчивый, но вместе с тем и требовательный, он внушал всем, что их будущее – в их руках. Это была совершенно инно-

вационная для российской педагогики практика: воспитание личности целостной, самостоятельной, исполненной самоуважения, способной творить и достигать высоких целей. Сейчас ученики Натана Хаимовича работают в различных городах и странах, являются видными учёными, врачами, руководителями. Все всегда с теплотой и любовью вспоминают этого умнейшего, добрейшего человека. В термин «педагог» он вкладывал гораздо большее значение, чем в слово «учитель». «Педагог» в переводе с древнегреческого – «ведущий детей». И он вёл, вёл своих учеников к заветной цели!

После того, как формат школы № 47 вновь поменялся, был сделан акцент на гуманитарное образование, лингвистику; лицей стал гимназией, Натан Хаимович продолжил работать в «медицинских» классах школы № 57, подготовив ещё много учеников к большому будущему.

После тяжелой продолжительной болезни 4 сентября 2021 г. Натан Хаимович Рубинштейн ушёл из жизни.

ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ СЕЛА ОЗЁРНОГО

Впервые на необходимость заселения Оренбургского края и укрепления юго-восточных рубежей Российского государства обратил внимание Пётр Первый. На Урале создавалась крупнейшая металлургическая база России. Требовалось надежно прикрыть Урал от возможных проникновений кочевников. С середины 40-х годов XVIII в. сооружение крепостей было крайне необходимо, так как началось приближение кочевий к русской границе. Набеги стали систематическими. В 1701 году было 7 столкновений с кочевниками, в 1708 – 8 столкновений. В 1724 году кочевники убили 142 человека.

Жизнь на пограничной линии требовала постоянной бдительности. Все работы вне крепости проводились только в сопровождении солдат и казаков. Например, при заготовке сена собиралась группа по 30–40 человек. С собой брали ружья, штыки и шашки. Группа делилась на две части: одна работала, другая охраняла. Сбор ягод вблизи пограничной линии тоже проводился под охраной военных. Как только ягоды поспевали, комендант назначал день сбора. Утром охрана осматривала ягодные места, каждый дом выделял женщину для сбора ягод. Все собирались на площади и под охраной шли за ягодами.

Между редутом Озёрным и крепостью Звериноголовской славился ягодами березняк Долгий. Солдаты окружали сборщиц ягод и охраняли их. Собирали ягоды до установленного часа. Трубочка играл сбор, и все шли домой снова под охраной.

Всё это было обусловлено тем, что киргизы-кочевники (так называли казахов) нападали на людей, угоняли скот. Каждое лето сотни людей попадали в плен и гибли в аулах. Женщин продавали в турецкие гаремы, мужчин продавали в Хиву, Бухару, Персию. Кочевники за всякую попытку к побегу надрезали пятки, набивали туда мелко настриженного конского волоса и заживляли раны. Под кожей образовывался слой волоса, причинявший нестерпимую боль при опоре на пятку. Жили пленные впроголодь, жили в рваных кибитках.

Ишимская (крепостная) оборонительная линия не смогла защитить границу. Кочевники постоянно старались либо прорвать, либо обойти её. Сибирские крепости и остроги находились далеко и ещё не были соединены между собой прямыми дорогами укрепления.

С 1738 года все крепости соединили между собой одной дорогой, а также создали службу разъездов на Ишимской линии, что позволило заранее обнаруживать противника. Но огромные расстояния и невыгодное расположение крепо-

стей определили слабость разъездной службы. Необходимо было кардинально решать эту проблему. Было принято решение строить укрепления Оренбургской линии – Уйскую линию пограничных укреплений.

Первая казачья крепость на месте будущей Уйской линии была поставлена в 1717 году, в пойме Тобола у озера Бакланского, но из-за неудобного расположения и частых наводнений в 1743 году укрепление перенесли на высокий правый берег, что рядом с урочищем Звериная Голова (в береговых осыпях здесь часто находили останки древних животных – однажды среди них оказалась и большая голова неизвестного зверя (вероятно, мамонта), потому позже пятиугольную деревянную цитадель и назвали крепостью Звериноголовской. В это же время начинает строиться редут Озёрный, который относится к Звериноголовской крепости.

Новый Оренбургский губернатор И. И. Неплюев вместе с генералом фон Штокманом разрабатывают так называемый «запасной план». Он предлагает наступать на казахскую степь, отталкиваясь от уже имевшихся военных укреплений с запада и севера, со стороны Урала и Сибири «сплошной линией военных укреплений».

По северному региону казахских кочевий, вплоть до сибирских крепостей, протянулись крепости Уйской линии: от Верхнеяицкой крепости, основанной в 1734 г. в предгорьях Урала, до крепости Звериноголовской. Уйская пограничная линия протяжённостью 753 версты была построена согласно именному указу, данному в 1839 г. ген.-л. В. А. Урусову. Это была система оборонительных сооружений в составе Оренбургской военно-пограничной линии для соединения Верхнеяицкой линии крепостей с Сибирской пограничной линией и прикрытия юго-восточных границ России вдоль берегов р. Уй.

Уйская линия делилась на Верхне-Уйскую и Нижне-Уйскую. Нижне-Уйская пограничная линия начиналась от Троицкой крепости. В её состав входили крепость Троицкая, редут Ключевской, крепость Каракульская, редут Березовский, крепость Крутоярская, редут Луговой, крепость Усть-Уйская, редут Качардыцкий, крепость Звериноголовская, редут Озёрный.

Населённые пункты Нижне-Уйской дистанции по сей день являются самым стабильным участком границы России и Казахстана – она неизменно пролегает здесь на протяжении более 280 лет. Царское правительство считало эти линии границами с казахской степью. Сюда на военную службу направлялись воинские части и казачество. Лучшие пахотные земли, луга, богатые рыбой и

солью озёра были отданы им. Редут Озёрный относился к этой крепости и был одной из крайних военных поселений Уйской пограничной линии.

При изучении архивных материалов [9, оп. 1, д. 15, л. 18] было выявлено, что на карте Уфимского наместничества за 1792 год уже был обозначен редут Озёрный. Относился редут к Сибирскому казачьему войску и крепости Звериноголовской. В 1839 году редут Озёрный и крепость Звериноголовская были причислены к Оренбургскому казачьему войску.

Строили редуты и крепости драгуны, солдаты и крестьяне. В строительстве редута было задействовано 30 человек. Редут служил убежищем для проезжих на случай неожиданного нападения кочевников.

В «Кратком историческом очерке Оренбургского казачьего войска. 1890 г.» нами была найдена информация: «Редуть Озерный служил исходным пунктом Нижне-Уйской линии и посредством кр. Звѣриноголовской соединялся съ Прѣсногорской линіей сибирскаго вѣдомства. Однако, несмотря на усиленные разъѣзды и караулы при работахъ, въ особенности во время покоса, хищники незамѣтно прорывались сквозь линію, пробирались чрезъ кусты и тайги и нападали въ расплехъ на работающихъ: однихъ рубили на мѣстѣ, другихъ подхватывали и уносились съ несчастными жiertвами въ глубь степей. Оставшіеся изъ работающихъ въ живыхъ давали знать въ крѣпости, форпосты и пикеты, гдѣ тотчасъ же зажигались шесты, обвитые соломой (майки) – вѣстники несчастія» [13, с. 42].

Редут – это отдельно стоящее укрепление сомкнутого вида, как правило, земляное, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны от неприятеля. Озёрный редут находился в 14 вёрстах от Звериноголовской крепости к Оренбургу. «Селение сие не малое и живущие в нём казаки по видимому зажиточные. Оно окружено сосновым строевым лесом, в котором и Звериноголовская инженерная команда заготавливает брёвна, доски, дрова и уголья. Хорошие брёвна, однако, в сѣм лесе становятся уже редки, и потому следует принять меры к сбережению его, приказывая строго жителям подбирать на дрова валежник и тем очищать лес, а дерев с корня без нужды не рубить» (Стиль сохранён) [13, с. 42].

«Редут сей расположен при озере, и не имеет никакого укрепления, в котором на первый случай и нужды не предвидится. Киргизцы против сего места кочующие весьма спокойны, естли б они и вздумали сделать набег то жители которых число довольно велико могут достаточно от них защищаться, но для спокойствия их и совершенной безопасности должно бы окружить все селение палисадом на что издержки не могут быть велики, и вероятно можно будет согласить жителей чтобы они сами вырубил брёвна и поставили на место без платы. В сѣм редуте находится старая деревянная казарма, в которой прежде стояли солда-

ты. Ныне она никем не занимается, и пришла в ветхость, продать» (*стиль сохранён*) [13, с. 42].

В книге «Правила о порядке составления и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках» 1851 г. рассказывается о строительстве казачьих станиц, крепостей и редутов. Строились они по строгому плану. План строительства станиц, где есть присутственные места, представлялся на Высочайшее утверждение. План строительства редута Озерного был утверждён «Командиромъ Отдельнаго Оренбургскаго Корпуса» [10, с. 28]: «...Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ плановъ расположенія станицъ возлагается: на станичныхъ начальниковъ, на окружныя сыскныя, полковыя и другія начальства, составляющія местную полицейскую власть.» Строить селения «будуть дозволять, на прямыхъ путяхъ сообщения, где бывають большіе проезды, или проходятъ воинскія команды и партіи, дабы такимъ образомъ способствовать къ облегченію и удобнншему исполненію местныхъ повинностей». Если нужно было для того, чтобы построить по плану, снести строения жителей, то не торопились: «особенно не делать сего во время нахождения хозяевъ-казаковъ на полевой службе, хотя бы и наступило время къ переносу строений: ибо остающіяся безъ нихъ семейства не всегда могутъ иметь способы къ новымъ постройкамъ» (*стиль сохранён*).

В редуте Озёрном, как и в других пограничных поселениях, основным занятием, согласно штату 1748 г., было содержание «отводных», караульных форпостов, командировки в конвой, «куда и зачем по губернаторской канцелярии нужда востребуется». С весны по осень они находились на линии, участвовали в разъездах, конвоях, пикетах. Также они были задействованы в фортификационных работах, ремонте и строительстве дорог, мостов, заготовке и перевозке леса, конвоировании почты.

Тяжёлой и беспокойной была жизнь в прилинейных крепостях и редутах. Все подчинялись строгому распорядку и конкретным командам. С восходом солнца звучал сигнальный рожок и раздавалась барабанная дробь. Это на главной гауптвахте играли подъем и утреннюю зарю. Солдаты шли за чаем, женщины – за водой и полоскать бельё под охраной солдат. Служивые называли эту позицию «водяной» заставой. Летом до 7 часов нужно было успеть вытопить печи, иначе солдаты заливали их водой: была большая плотность построек и высок риск пожаров.

С 7 утра были уже на крепостных работах (рыли рвы, строили) и на военных учениях. Около 12 часов в линейных крепостях раздавался барабанный бой, который звал к обеду. Большая часть личного состава гарнизона – семейные, что жили в собственных домах. Они ежемесячно получали продовольственные товары из провиантских магазинов: муку, соль, перец и др., мясо выдавалось

еженедельно. Продукты доставляли в крепость крестьяне близлежащих селений. На общей солдатской кухне питались только бессемейные и каноники (ученики).

Наиболее свободное время было с 7 до 9 часов вечера. Точно в 9 часов гарнизон выходил на «зарю», и гражданская жизнь замирала до утра. Выходить из дома строго запрещалось. Подвыпивших солдат, казаков и обывателей отправляли на гауптвахту и утром наказывали 25–30 розгами; могли арестовать на трое суток.

На всех выездах опускались шлагбаумы, и до утра въезд и выезд запрещался. По улицам ходили ночные патрули, часовые у ворот, на гауптвахте и у порохового погреба несли службу. Проверка часовых осуществлялась громким окриком «слу-ша-й». Сначала окрик звучал на главном посту, потом на воротах, затем у арсенала, провиантских складов и т. д. – до самой утренней зари разносилось «слу-ша-й». [4, с. 51]. В ревизской сказке 1817 года [9, оп. 11, д. 1013, л. 070] (*стиль сохранён*): «Ревизская сказка. По указу его императорского величества 1817 года января 30 дня Оренбургская губерния Челябинского уезда крепости Звериноголовской Озёрного редута, о состоящих мужеска и женска пола об отставных солдатах их редута службу издавна вели от сынов из пахотных солдат известить о том служащих людей на службу в заставу внаём владеть землёй пожелали остаться всем семейством на жительстве Озёрном редуте наделён наделом И 5–80 пункта К: Уделения Высочайшего ...15 июня, прописанного в указе правительствующего сената 28 июля 1816 года» есть имена и фамилии солдат и членов их семей.

Солдаты, строившие крепости и редуты, остались на постоянное жительство, женились и были повёрстаны в казаки в 1817 году и причислены к Оренбургскому казачьему войску. Выйти из казаков и уехать в другую местность им было запрещено. Солдаты, «вышедшие в отставку», не прекращали нести службу. Они оставались в отрядах, наделялись землёй и вели хозяйство. Грамотные отставные солдаты выполняли работу «гражданских лиц». Так формировалось население.

Сейчас в Озёрном есть потомки солдат, строивших редут. В «Справочнике фамилий казаков Оренбургского казачьего войска по населённым пунктам, 1816–1834 гг.» [12, с. 72] есть информация о том, что в 1816 году в посёлке Озерный проживали казаки с фамилией Батуринов, Булков, Буславьев, Важенин, Ведёрников, Викторов, Воронин, Вотяковский, Грالیлевский, Егоров, Забродин, Замятин, Ивин, Казанцов, Калачев, Кандалов, Кармалинцов, Киселёв, Колотинский, Коробейников, Корольков, Костылёв, Кузнецов, Куликов, Лаптев, Лизунов, Лисин, Малков, Маркелов, Мартынов, Машьянов, Минеев, Нехорошков, Носов, Першин, Пленных, Попов, Потапов, Речкалов, Романов, Серебряков, Стариков, Сутормин, Третьяков, Ушаков, Фёдоров,

Фомичев, Харитонов, Черепанов, Чернышев, Шалебаев, Шеин, Шилков, Шишалов, Широбакин, Широбаков, Ярушин. Существенная часть фамилий принадлежит причисленным к казачьему войску отставным солдатам. В качестве источников для данного справочника использованы ревизские сказки казачьего населения 8 народной переписи (1834 г.), находящиеся на хранении в Государственном архиве Оренбургской области, Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан, Центральном государственном архиве Самарской области, а также ревизские сказки казачьего населения 7 народной переписи (1817 г.), находящиеся на хранении в Государственном архиве Оренбургской области. Существенная часть фамилий принадлежит причисленным к казачьему войску отставным солдатам. В метрических книгах Михайло-Архангельской церкви с. Озёрного [2, оп. 1] можно найти эти фамилии.

Работа с метрическими книгами требует внимательности и терпения. Приходится часто сравнивать записи, высчитывать года рождения из анализа даты бракосочетания или смерти. Часто приходится менять свои выводы или подтверждать их. Так, найденная мною запись в Курганском Госархиве за ноябрь 1843 года подтвердила ранее найденную информацию об Андрее Афанасьевиче Носове. [2, оп. 1, д. 5, л. 18] «Свидетельство дано, что Звериноголовского станичного правления в том, что озёрного отряда девица Надежда Андреева Носова 30 лет. от долговременной болезни сего месяца 27 числа умерла. Станичный Кукаревь».

При беседе с потомками А. Носова, анализируя их воспоминания, сопоставляя их с полученной из различных источников информацией, можно объяснить своеобразное построение села Озёрного (со слов А. Я. Панариной, живущей в настоящее время в г. Челябинске):

- улицы очень широкие: «Улицы в посёлках, опасаясь пожаров, намеренно устраивали широкими, с проулками-разрывами. Ни улицы, ни усадьбы не имели зелёных насаждений...»

- огороды были расположены по берегу Тобола: «...Кроме зелёных насаждений отсутствовали в казачьих усадьбах огороды и сады. ... Обычно огороды и бахчи располагались за посёлком. Огороды по берегам рек, а бахчи в степи».

- садов в Озёрном не было. Набор культур был традиционен: «В огородах – огурцы, капуста, лук, чеснок, морковь, свёкла, репа. На бахчах – арбузы, дыни, тыквы, “семечки”».

В центре посёлка Озёрного была церковь Михайло-Архангельская. Сейчас на этом месте установлен большой крест.

Работая с метрическими книгами и ревизскими сказками в госархивах, при беседах с родственниками нам удалось проследить историю образования села Озёрного как фортификационного сооружения пограничной линии; проанали-

зировать специфические условия и особенности расположения улиц села Озёрного.

В большой стране у каждого человека есть маленький уголок – деревня, улица, дом. Это его маленькая родина. А из множества таких маленьких родных уголков и состоит наша общая великая Родина. Познание истории родного края, района, посёлка даёт возможность понять, кто мы есть, кто наши предки, что они нам завещали; лучше оценить прошлое, понять настоящее, заглянуть в будущее.

Библиографический список

- 1 Аетбаев А. Состояние Оренбургской пограничной линии в начале XIX века: «Рапорт инженер поручика Г. Ф. Генса от 23 декабря 1814 г. Оренбургскому военному губернатору Г. С. Волконскому» / А. Аетбаев // *Ватандаш*. – 2017. – № 9. – С. 33–35. – (История).
- 2 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 244 (Оренбургская духовная консистория).
- 3 Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. : сб. науч. трудов / Рос. АН, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. – Екатеринбург : УрО РАН, 1993. – 154 с.
- 4 Михащенко А. Л. Казачество Южного Зауралья : учеб. пособие для студентов вузов / А. Л. Михащенко ; Курганский гос. ун-т. – Курган : КГУ, 2000. – 219 с.
- 5 Муратова С. Р. Фортификационные особенности пограничных укреплений Урала и Западной Сибири XVIII в. / С. Р. Муратова, З. А. Тычинских // *Проблемы востоковедения*. – 2017. – № 3 (77). – С. 33–38.
- 6 Населённые пункты Оренбургской губернии. – Оренбург, 1927. – Вып. 1. – VIII. (3–85). – (Итоги всесоюзной переписи населения 1926 года).
- 7 Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. И-138 (Оренбургская казённая палата).
- 8 Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГОО). Ф. 6 (Приказы по ОКВ).
- 9 ОГОО. Ф. 173 (Оренбургская духовная консистория).
- 10 Правила о порядке составления, утверждения и приведения в исполнение планов для расположения станиц, хуторов и помещичьих селений в казачьих войсках : [утв. воен. министром 21 янв. 1851 г.]. – Санкт-Петербург : Тип. Деп. воен. поселений, 1851. – 12 с.
- 11 Самигулов Г. Х. Южное Зауралье (первая треть XV – конец XIX века) / Г. Х. Самигулов, Д. Н. Маслюженко, М. В. Моисеев. – Челябинск : ЮУрГУ, 2019. – 432 с. – (История Южного Урала ; т. 6).
- 12 Справочник фамилий казаков Оренбургского казачьего войска по населённым пунктам, 1816–1834 гг. / сост. В. Вишневикий. – Оренбург : Издательские решения, 2020. – 88 с.
- 13 Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска / Ф. М. Стариков. – Оренбург : Оренбургский губ. стат. ком., 1890. – 183 с.
- 14 Условия формирования военно-административной системы Южного Зауралья. Уйская пограничная линия // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Уйская_пограничная_линия (дата обращения: 11.02.2023).

*Е. Е. Свищёва,
ГКУ «Государственный архив социально-политической
истории Курганской области»,
г. Курган*

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ФОНДА ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ Ф. И. ШАКИРОВОЙ)

Современный мир – это мир процессов глобализации и межкультурных коммуникаций. Эти процессы сопровождаются усилением противоречий сосуществования народов и культур. В этих условиях как никогда актуальными становятся вопросы совместного проживания в мире и добрососедстве представителей различных национальностей и конфессий без взаимных претензий и нападок, без неприязни. И на примере фонда документов личного происхождения Ф. И. Шакировой мы попытаемся посмотреть, как происходит данный процесс.

Презентация фондов документов личного происхождения – это знакомство исследователей и других заинтересованных лиц с документами личного происхождения, а также популяризация источников комплектования, находящихся на хранении в ГАСПИКО.

Архивным фондом личного происхождения называется архивный фонд, состоящий из документов, образовавшихся в процессе жизни и деятельности отдельного лица, семьи, рода [6, с. 5].

Многие документы первоначально находились и теперь находятся в семейных, личных архивах. Важно уберечь эти документы, чтобы со временем они стали общественным достоянием. Поэтому среди всех документов, находящихся в архивах, документы личного происхождения занимают важное место. Особенностью документов личного происхождения является разнообразие их содержания, они отражают общественную и трудовую деятельность заслуженных людей, раскрывают отношения, сложившиеся как в быту, так и в трудовой и общественной деятельности [6, с. 18].

В 2010 году на государственное хранение в Государственный архив социально-политической истории Курганской области поступили документы личного происхождения краеведа, основателя и директора Альменевского районного музея «Дружба», Почётного гражданина Альменевского района Курганской области и села Альменево Файрузы Ибрагимовны Шакировой [1].

Шакирова Файруза Ибрагимовна родилась 1 марта 1922 года в с. Альменево Ичкинской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии. В 1941 году она окончила Сафакулевскую среднюю школу и в июне была приглашена на работу в редакцию Альменевской районной газеты «За урожай». Файруза Ибрагимовна прошла путь от корректора и корреспондента до ответственного редактора газеты.

В 1948 году Ф. И. Шакирова перешла на работу в Альменевскую среднюю школу. Работая учителем истории, Файруза Ибрагимовна окончила заочно Шадринский государственный учительский институт, получила диплом учителя. В 1959 году, окончив Курганский государственный педагогический институт, получила специальность «Учитель истории средней школы» [2]. Работая учителем, всегда активно участвовала в общественной жизни школы и села, была секретарём парторганизации школы, лектором и пропагандистом.

С 1965 году на протяжении двенадцати лет Шакирова работала заведующей отделом пропаганды и агитации, секретарем по идеологической работе РК КПСС. В то же время Файруза Ибрагимовна, где бы она ни работала, на всю жизнь сохранила привязанность к газетному слову. Регулярно на страницах Альменевской районной газеты «Трибуна» появлялись её публикации, посвящённые истории Альменевского района Курганской области, сохранению культурного наследия ичкинских татар, поэту-фронтовику М. З. Гатау и многие другие.

В фонде отложилась переписка Ф. И. Шакировой с разными людьми по истории села Альменево, ичкинских татар, о событиях Гражданской войны 1918–1922 гг., школьного образования, биографии политических и общественных деятелей, живших и работавших на территории Зауралья. Среди её адресатов участники становления советской власти на территории Зауралья, их родственники, краеведы и учёные.

В 1977 году, после выхода на пенсию, Файруза Ибрагимовна начинает создавать краеведческий музей. В ноябре 1980 года Альменевский районный музей боевой и трудовой славы «Дружба» начал свою работу. Ф. И. Шакирова возглавляла его с 1980 по 1994 год [3]. При создании Альменевского районного историко-краеведческого музея «Дружба» Файруза Ибрагимовна смогла объединить земляков, тех, кому дороги стремление сохранить народную память и воспитать в подрастающем поколении патриотизм и любовь к родному краю.

Из документов Фонда мы узнаём, что музей стал центром культурной жизни района, в котором сохранились исторические корни различных национальностей, издавна проживающих на альменевской земле. Здесь организована пропаганда замечательных трудовых и боевых традиций родного края среди подрастающего поколения. В

музейной экспозиции можно увидеть рукописные и старопечатные книги, старые фотографии, документы, предметы быта, произведения народного творчества и многое другое.

Поражает воображение титанический труд по сбору экспонатов, оформлению экспозиционных залов, классификации историко-краеведческого материала, собранного на протяжении нескольких десятков лет. Личные встречи, беседы, письма, воспоминания участников событий – всё собрано вручную (интернета не было) Ф. И. Шакировой. 28 апреля 2014 г. музеем было присвоено имя Файрузы Ибрагимовны Шакировой.

Ф. И. Шакирова много лет руководила фольклорным коллективом, получившим звание народного, при Альменевском районном Доме культуры. Создала детскую фольклорную группу и руководила ею. В течение нескольких лет вела на районном радио радиопередачу на татарском языке [4].

Из документов фонда мы видим, что Ф. И. Шакирова всегда вела активную общественную и краеведческую работу. 20 лет проработала в Альменевском районном Совете ветеранов, неоднократно избиралась депутатом Альменевского районного Совета депутатов и трудящихся [5].

Труд её отмечен орденами и медалями, благодарственными письмами Губернатора Курганской области, Курганской областной Думы и Администрации области, областного Совета ветеранов, многочисленными почётными грамотами и благодарностями. Файруза Ибрагимовна – Почётный гражданин Альменевского района Курганской области и с. Альменево.

В фонде документов Ф. И. Шакировой мы знакомимся с рукописью и компьютерной вёрсткой её книги «Вехи истории Альменевского района Курганской области», где отражена история от заселения и начала освоения территории нынешнего Альменевского района до конца 80-х годов XX века. Автор повествует о хозяйственном освоении края, о местных праздниках, обрядах и обычаях, об установлении советской власти, жизни населения, образовании и развитии Ялано-Катайского района и Альменевского района как самостоятельной административно-территориальной единицы (1 января 1941 года). Начавшаяся Великая Отечественная война 1941–1945 гг. потребовала концентрации всех сил для отпора врагу и на фронте, и в тылу. Файруза Ибрагимовна рассказывает о ратных и трудовых подвигах своих земляков, о перестройке всей работы на военный лад, а затем о жизни населения Альменевского района в послевоенный период и до конца 80-х гг. XX в. В книге показана не только история Альменевского района, но и его замечательные люди, которые внесли значительный вклад в развитие как своего края, так и всей страны в целом.

В Курганской области живут в едином пространстве русские, татары, башкиры, казахи, украинцы, белорусы, немцы, армяне, цыгане и др. Все народы имеют свою самобытную культуру,

обычаи, традиции, историческое прошлое и индивидуальны пути развития. Поэтому в Курганской области всегда уделялось большое внимание укреплению дружбы и мира между народами, формированию диалога, изучению и анализу взаимоотношения культур.

Фонд составляет 33 единицы хранения, документы датированы с 1935 по 2009 год. В него вошли документы к биографии Ф. И. Шакировой: её личные документы, автобиография, документы профессиональной и общественной деятельности, а также документы, собранные по интересующим её темам: воспоминания Р. Таипова о быте татарского населения с. Альменево конца XIX – начала XX века, стихотворение-баит З. Ашраповой, представляющее собой особый жанр поэтического творчества татарского народа (стихотворения этого жанра создаются в период или после важных исторических событий – войн, крестьянских восстаний, или после каких-либо исключительных происшествий – внезапной смерти, неожиданной, чаще всего, трагической гибели кого-либо).

Главная ценность фонда состоит в том, что Ф. И. Шакирова собрала богатый по своему значению материал по истории и национальной культуре ичкинских татар, а также по истории Альменевского района Курганской области.

Материал, собранный Ф. И. Шакировой и вошедший в её фонд документов личного происхождения, может послужить хорошей основой для написания исследовательских работ по истории нашего региона.

Документы личных архивов граждан – ценнейший исторический источник, позволяющий через личную жизнь гражданина увидеть развитие многих событий и фактов. Сохраняя личные архивы, мы сохраняем память о наших выдающихся современниках, о наших земляках, прославивших трудом свой район, область и страну в целом.

Библиографический список

- 1 Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 7049. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- 2 ГАСПИКО. Ф. 7049. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.
- 3 ГАСПИКО. Ф. 7049. Оп. 1. Д. 7. Л. 2. Д. 25. Л. 9 об.
- 4 ГАСПИКО. Ф. 7049. Оп. 1. Д. 10. Л. 2. Д. 30. Л. 1.
- 5 ГАСПИКО. Ф. 7049. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
- 6 Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учёту и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / Федер. арх. агентство, Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. – Москва, 2020. – 185 с.

*А. Д. Сыровацкая,
ГКУ «Государственный архив социально-политической
истории Курганской области»,
г. Курган*

ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ КУРГАНСКОГО ОБКОМА КПСС 1943–1991 ГГ. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

6 февраля 1943 года Президиум Верховного совета СССР принял Указ об образовании Курганской области. После создания областного партийного аппарата возникла необходимость в создании архива, в который будет поступать документация, образовавшаяся в результате деятельности. 19 июня 1943 года на заседании областного комитета партии было принято постановление: «Просить ЦК ВКП (б) разрешить организацию партийного архива в составе четырёх ответственных и двух технических работников» [10, с. 21]. Вскоре было получено разрешение на создание партийного архива, однако его штат был урезан вдвое и состоял из заведующего, научного работника и архивариуса. Первым заведующим архивом был назначен Максим Яковлевич Беляшов. Он приступил к исполнению своих обязанностей 25 сентября 1943 года.

Решением бюро обкома партии от 17 ноября 1943 года архиву было выделено два помещения площадью около 20 м в здании по улице Советская, 75. Помещение срочно нуждалось в ремонте, но его выполнение откладывалось на неопределённый срок из-за военного времени. В докладной записке от М. Я. Беляшова говорилось: «Условий для хранения документов не создано никаких. На дверях нет замков, печь разваливается, и топить её пожарные запрещают. Решетки на окнах и стеллажи не установлены, крыша течёт, снабжать архив дровами физхосектор отказывается. В архиве отсутствует мебель, нет умывальника, мыла и тряпок для мытья полов» [10, с. 21]. К тому времени в неподготовленный архив уже прибыли первые дела из Челябинского партархива: 27960 единиц хранения и 12103 учётные карточки. Большая часть архивных материалов при транспортировке была перемешана, у многих связок оторвались ярлычки. Поступивший на хранение материал нуждался в срочной обработке и систематизации.

Именно в таких условиях начинал свою работу Курганский партийный архив обкома КПСС. Положение осложнялось и тем, что в архиве работало только два сотрудника: заведующий архивом и архивариус. Причём заведующий часто отвлекался на задания обкома партии. Например, осенью 1944 г. он был отправлен на полтора месяца на хлебозаготовку в Ольховский район.

Первые три года основной работой сотрудников являлся учёт документов, прибывших из Челябинска. Большая часть документации приходилась на документы партийных и комсомольских

органов районов, вошедших в состав Курганской области.

За всё время существования области в местных организациях успели скопиться документы, которые подлежали передаче на хранение в партийный архив. Было положено начало инструкторской деятельности, обследованию местных и районных архивов партийных организаций. М. Я. Беляшов вместе с двумя специалистами объехал все районы образовавшейся области, где смог отобрать на хранение документы волостных, окружных и уездных организаций РКП (б) и РКСМ. Именно благодаря его работе архив пополнился материалами по истории Зауралья 1910–1930 годов [1, с. 12].

Партийный архив в 1945 году активно участвовал в работе по комплектованию. Он выдвигал на передний план систематизацию уже имеющихся документов, собирал документы от организаций, организовал глубокое изучение и научную обработку этих материалов. К июлю того года архив занимал 5 комнат, из них одна комната была рабочим местом, вторая – комната заведующего, остальные являлись хранилищем. Здание не соответствовало пожарной безопасности: в этой же постройке под одной крышей находилась автомастерская ВКП (б) и склад горючих веществ. В партархиве на тот момент на хранении находилось 162 фонда, в них содержалось 30214 единиц хранения. Было положено начало публикаторской деятельности – была написана первая статья «Октябрьский переворот в Шадринске» [2].

В начале декабря 1948 года партийный архив перемещён в здание обкома КПСС на площади В. И. Ленина и занял 5 комнат. 21 декабря 1948 года на основном заседании партии архив получил на первом этаже здания ещё одну комнату и стеллажи на 417 погонных метра [11, с. 114]. В новом помещении имелось центральное паровое отопление, специальная электропроводка, окна с решётками, противопожарный водопровод. Площадь архива составила 100 м².

В 1952 году было сдано в эксплуатацию новое здание Курганского обкома ВКП(б), в котором архиву было отведено 240 м² под архивохранилище и 3 кабинета для сотрудников [10, с. 22]. Были заведены книга фондов, книга поступления фондов, алфавитные карточки на основные фонды и фонды партийных организаций. Хранилища находились в подвальном этаже, пол и потолок их – забетонированы, электропроводка – проложена под штукатуркой. В помещении архива

был установлен вентилятор для проветривания. Все материалы размещались на деревянных стеллажах [3].

Подводя итоги работы архива за 1958 год, его руководство пришло к выводу, что в следующем году хранилище не сможет вместить в себя сдаваемые документы. Чтобы принять документы, архиву необходимо получить дополнительное помещение. Помимо расширения хранилища, архив решил расширить свою площадь за счёт читального зала. Возникали неудобства, когда исследователи работали в рабочих комнатах вместе с сотрудниками, поэтому было отстроено новое помещение для работы исследователей [4]. Также была отстроена новая комната для хранения документов первичной Комсомольской организации. Благодаря приобретённым метрам архив получил запас площади на 2–3 года. В 1962 году количество комнат сократилось до 4 [5]. Это было связано с тем, что некоторые отделы обкома были реорганизованы, и для их работы потребовалась дополнительная площадь. Несмотря на потерю одного кабинета, загруженность оставалась на уровне 90 %.

Остро встал вопрос о расширении площади архива. Под конец 1969 г. уровень загруженности хранилища достиг 98 %. Если бы объём хранилища не увеличился, то уже через пару лет некуда было бы складывать поступающие материалы.

Процент загруженности в 1972 году удалось снизить за счёт передачи одной рабочей комнаты под нужды хранилища. Таким образом, площадь хранилища увеличилась на 15 м² [6]. Началась активная стройка нового типового здания архива. Уже под конец года был заложен фундамент и частично завезено оборудование для машинного отделения. К концу года было достигнуто стопроцентное заполнение хранилища. Новое здание было практически готово, но переезд в него отложили до 1974 года в связи с тем, что возникла нехватка листового железа для изготовления стеллажей хранилища.

Событием, разделившим историю архива на «до» и «после», был переезд в новое здание. Стремительно развивающийся партийный архив получил шесть полностью оборудованных хранилищ. Площадь всего здания составляла 2393 м², под хранилище было отведено 1698 м². Загруженность сразу после переезда составила 40 %. Рабочие комнаты и читальный зал оборудованы новой мебелью. Обеспечены хорошие условия для работы как посетителей, так и сотрудников. Штат работников был увеличен до 17 человек.

Однако, несмотря на все плюсы нового здания, в первые месяцы эксплуатации были выявлены серьёзные недостатки: имеющиеся кондиционеры не были оборудованы системой автоматического регулирования, что затрудняло поддержание в хранилищах заданных параметров по темпера-

туре и влажности. Архив столкнулся с серьёзной проблемой: при работе кондиционера температура на первом этаже поднималась до 25–30° [7].

В 1975 году было завершено перемещение документов в новое здание партийного архива. Для поддержания постоянной температуры в хранилищах утеплены окна и двери, отрегулирована работа кондиционеров. В результате показатели влаги и температуры в хранилищах приблизились к норме. По всем этажам были установлены углекислотные огнетушители, хранилища и стеллажи пронумерованы. По каждому хранилищу составлены фондовые топографические указатели, на каждый фонд составлены карточки фонда. Во избежание перемешивания дел выделенные документы, не подлежащие хранению, складывались в обособленном помещении [8].

В июле 1987 была проведена подготовка лаборатории микрофильмирования. После непродолжительной работы 18 декабря 1987 года съёмочная камера отправлена в Казань на обслуживание и ремонт. За год было отснято 144 дела, из них было расшито 13 дел, изготовлено 183 микрофиш и 8515 диазаконий. В конце 1990 года в партийном архиве курганского обкома КПСС, исходя из уменьшения фонда заработной платы, были сокращены штатные единицы архивариуса, инженера и оператора лаборатории микрофиширования. Изменение штатов потребовало частичного перераспределения обязанностей, а также отказа от работ по микрофишированию [9].

После запрета деятельности КПСС в августе 1991 года партийный архив был преобразован в филиал областного государственного архива. Данное преобразование значительно поменяло функции бывшего партийного архива. Он перестал носить статус учреждения закрытого типа, и его двери открылись для исследователей. В читальных залах работали учёные, студенты, учащиеся школ, работники учреждений. Интерес к документам возрос благодаря проводимой в архивах работе по рассекречиванию документов и снятию с них необоснованных ограничений.

Сложившаяся общественно-политическая ситуация не смогла не отразиться на состоянии архивного дела. Традиционная система комплектования партийных архивов требовала незамедлительных преобразований. В целях сохранения документов партии и документов общественно-политических движений, а также продолжения своей деятельности архив расширил источники комплектования и стал пополняться документами российских политических партий и общественных объединений.

Архив не только стал пополнять свои фонды политической документацией, но и начал собирать всевозможную информацию, которая отражает события прошедших лет. При отборе документов на хранение архив как государственное учреждение стал использовать принцип «внепар-

тийности». Главная задача – сохранить все источники, независимо от авторства, взглядов, убеждений, оппозиционности.

Библиографический список

1 Васенёва Т. В. Из истории становления архивных учреждений Курганской области : (к 100-летию гос. арх. службы России) / Т. В. Васенёва // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган : Курганский гос. ун-т, 2018. – С. 11–14.

2 Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 5857. Оп. 2. Д. 13. Л. 20.

3 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 30. Л. 12.

4 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 69. Л. 3.

5 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 122. Л. 2.

6 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 210. Л. 8.

7 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 244. Л. 9.

8 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 268. Л. 24.

9 ГАСПИКО. Ф. 5857. Оп. 2. Д. 459. Л. 32.

10 Мозин М. М. Полувековой путь облгосархива общественно-политической документации / М. М. Мозин // Земля Курганская: прошлое и настоящее : краевед. сб. / отв. ред. Н. Ф. Емельянов. – Курган : Исеть, 1994. – Вып. 8. – С. 20–27.

11 Ревнякова С. А. Первое десятилетие работы партийного архива Курганской области : (из истории парт. архива Курган. обл. 1943–1954 гг.) / С. А. Ревнякова // Зыряновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган : Курганский гос. ун-т, 2013. – С. 112–114.

*Н. Ю. Толстых,
МКУ «Центральная библиотека Варгашинского района»,
Варгашинский МО, р. п. Варгаши*

НАЧИНАЛОСЬ С ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ: К СТОЛЕТИЮ ЛИХАЧЁВСКОЙ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Очень редким явлением в досоветское время в зауральских деревнях и сёлах были такие культурные учреждения, как клубы, библиотеки, народные дома. Только с началом советской эпохи стали появляться избы-читальни – предшественники нынешних библиотек, сельских клубов и домов культуры. Ведь в их деятельности соединилась специфика этих учреждений. Избы-читальни были призваны наряду с просвещением культурным нести в народ и просвещение политическое. Поэтому они входили в систему советского культполитпросвета.

1 января 1923 г. уездная газета «Красный Курган» поместила сообщение о том, что Моревской волостной комитет (волком) Российской коммунистической партии «постановил открыть избы-читальни в тех деревнях и сёлах, где имеются сельячейки РКП». Моревской волком обратился с просьбой в уездный политпросвет «снабдить открываемые избы-читальни литературой, в особенности по сельскому хозяйству».

Вполне очевидно, что именно тогда была открыта в числе прочих изба-читальня в селе Лихачи, которое до укрупнения волостей входило в состав Моревской волости, а после – Сычёвской (перед началом создания районов). Как раз наличие в селе Лихачи избы-читальни отмечено в документе, составленном в мае 1923 г. – «Сведения о количестве действующих политико-просветительных учреждений по Сычевскому волкому» [2, оп. 1, д. 146, л. 12–12 об.]. Это первое по времени выявленное документальное упоминание о Лихачёвской избе-читальне.

В другом документе отмечается, что с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г. в Лихачёвской избе-читальне состоялись 32 чтения, 9 бесед, 2 агитсуда и 3 лекции [1, оп. 1, д. 32, л. 43]. Как сообщала 1 марта 1925 г. уже окружная газета «Красный Курган», в Лихачах «есть изба-читальня, в ней небольшая библиотечка... работают кружки аккуратно», выпускалась стенная газета 2 раза в месяц. Средняя посещаемость в день составляла 20 человек. «На время святок свою работу усилил драматический кружок. Молодёжь вместо вечеров, пьянок шла на спектакль». Избачом в этом 1925 г. работала Агафья Пысына. С августа 1926 г. избачом в Лихачи был назначен Максим Павлович Беззубцев. Он родился в 1889 г. и, помимо начального образования в сельском училище, окончил советскую партийную школу. Выпускники такой школы готовились в том числе для работы в избах-читальнях. При этом сам М. П. Беззубцев не являлся членом партии (ком-

мунистом), а в комсомольцы по возрасту уже не подходил. Сохранившиеся несколько документов, относящиеся к деятельности Лихачёвской избы-читальни в 1926–1927 гг., составлены и написаны именно Беззубцевым. Без них было бы теперь невозможно получить конкретное представление о начальном периоде существования избы-читальни в Лихачах.

Так, из отчёта за ноябрь 1926 г. явствует, что «отношение населения к избе-читальне удовлетворительное». За месяц в ней было проведено 9 бесед, 17 громких чтоток с присутствием на них 297 человек. Для избы-читальни выписывались на средства райисполкома две газеты: центральная «Крестьянская газета» и окружная газета «Красный Курган». Как раз публикации из них прочитывались избачом во время громких чтоток для местного населения. Ведь грамотность в его среде распространялась неравномерно: наибольший уровень имелся у молодого поколения, а наименьший – у старшего.

Читатели, бравшие книги на дом, назывались подписчиками. «Подписчиков на книги было за ноябрь 60 человек, оборот книг за месяц 600 книг – выдаются на руки, после прочитки возвращаются обратно и заменяются новыми». В статистике содержалось не только число подписчиков-читателей, но и число всех посетителей избы-читальни. Средняя посещаемость в день в ноябре 1926 г. составила 17 человек, в месяц 510. Больше всего среди посетителей оказалось молодёжи в возрасте до 20 лет – 300 человек. Число посетителей свыше 20 лет составило 210 человек. В отчёте указан и социальный состав посетителей, их принадлежность к семьям батраков (60), бедняков (180), середняков (200), зажиточных (70). Особо отмечается наличие среди посетителей женщин – 90 человек [1, оп. 1, д. 112, л. 8–8 об.].

Собственный книжный фонд изб-читален был ещё очень маленьким. Поэтому Варгашинская районная библиотека для них формировала библиотеки-передвижки. Для Лихачёвской избы-читальни за последний квартал 1926 г. библиотека-передвижка включала 486 книг, из них 22 – антирелигиозные, по общественным знаниям – 68, по сельскому хозяйству – 240, беллетристика (художественная литература) – 87, по истории – 5, по географии – 9, по библиографии – 2, детских – 42 и «чистых наук» – 11 [1, оп. 1, д. 112, л. 43].

В январе 1927 г. число подписчиков Лихачёвской избы-читальни составило 109. Они взяли для чтения около 1 тыс. книг. Видно, что в

зимний период, когда хозяйственная деятельность в деревне снижалась, читательская активность, наоборот, возрастала. Избач Максим Беззубцев в январском отчёте пишет о желательности чаще менять библиотеку-передвижку, доставлявшуюся из районной библиотеки. «Некоторые читатели прочитали всю литературу, – сообщает он, – и просят новых книг, а их нет». Конечно, наибольшим интересом и спросом пользовалась беллетристика [1, оп. 1, д. 112, л. 48].

Одна из обязанностей избача заключалась в составлении и написании для сельских жителей разных заявлений, а также в выдаче устных и письменных справок. Опять же эта деятельность избача, в первую очередь, должна была помогать неграмотным и малограмотным жителям. К примеру, за январь 1927 г. избач выдал 27 справок и написал 22 заявления, а за квартал (март, апрель и май) 1927 г. – 68 заявлений.

Если поначалу избачом отмечалось отсутствие помощи избе-читальне со стороны местных организаций (имелись в виду сельсовет, школа, кооперативы), то уже в 1927 г. наметились положительные сдвиги. «Кооперация обещала давать керосина на 1 руб. 99 коп., и сельсовет помогает в уборке избы-читальни». В квартальном отчете значилось, что «от Лихачёвского общества потребителей поступило 4 руб. 48 коп. и все израсходованы – 3 руб. 52 коп. на приобретение “Декларации СССР” и 96 коп. на керосин для избы-читальни». Потребность в керосине для освещения помещений была особенно важной, так как деятельность изб-читален большей частью приходилась на вечернее время. Другая важная статья расходов была связана с отоплением. Тут средства выделялись районной властью: от Варгашинского райисполкома (он же РИК) поступило «12 руб. на заготовку дров для избы-читальни и таковые израсходованы по назначению» [1, оп. 1, д. 112, л. 48 об., 90–90 об.].

Для привлечения общественности к деятельности изб-читален при них создавались советы. Подобный совет появился и при Лихачёвской избе-читальне. Его работа, как отмечалось в ноябрьском отчёте 1926 г., «идёт хорошо, хотя и есть иногда частичное непосещение членами заседаний совета избы-читальни, но работа начинает налаживаться». К марту 1927 г. совет избы-читальни состоял из 10 членов. Кроме избача Беззубцева в него входили: от местной комсомольской ячейки – Шамасюк Антон Александрович, от кооперации – Пудов Моисей Александрович, от крестьянского комитета общественной взаимопомощи – Галашов Андреян Иванович и другие. На заседаниях члены совета рассматривали и утверждали планы работы, намечали подготовку к памятным датам. В частности, 14 января 1927 г. совет избы-читальни постановил провести подготовку к 21 января – дню памяти В. И. Ленина [1, оп. 1, д. 112, л. 49, 92].

Со временем число получаемых избой-чи-

тальной газет возросло. Из них выписывались центральная «Крестьянская газета» (в двух экземплярах), окружная «Красный Курган», «Красноармеец», а от общества потребителей доставлялась «Кооперативная газета». Сверх того выписывались ещё журналы «В помощь земледельцу» и «Изба-читальня». Если первый журнал преследовал цель помочь крестьянам в вопросах ведения их хозяйства, то второй служил подспорьем для избачей в их практической работе. Любопытно, что в отчётах сообщалось также о выписке населением газет «разных названий». Например, в ноябре 1926 г. жители получали 34 экземпляра, в январе 1927 г. – 25, в марте – 32 [1, оп. 1, д. 112, л. 8, 48, 90].

Отвечая на вопрос о запросах населения, Максим Беззубцев отметил его тягу к зрелищам – «пристрастие к спектаклям, кинопередвижке и т. д.» Но показ спектаклей и фильмов затруднялся тем, что требовалось просторное помещение, а изба-читальня им не располагала [1, оп. 1, д. 112, л. 48].

Вероятно, состоявший из молодёжи драмкружок действовал при местной комсомольской ячейке, поэтому в отчетах Беззубцева он не фигурирует. Зато там упоминается об организации кружков самообразования, безбожников и сельскохозяйственного. Правда, к деятельности первые два кружка так и не приступили, востребованным оказался лишь третий.

«Сельскохозяйственный кружок организован 8 декабря 1926 г., на первом же организационном собрании было записано желающих...16 человек, из них были избраны 3 человека в бюро, а также установили определенный день для занятий ...в субботу каждую неделю». Членами кружка стали лихачёвцы разного возраста – от 20 до 40 лет и старше. Разным был их достаток: от хозяйства без лошади до хозяйства с четырьмя лошадьми. Существовало различие в числе коров, раз- мере посева. За исключением одного члена, все остальные являлись грамотными. На протяжении зимы посещаемость занятий кружка была хорошей. Ослабла она к концу зимы в связи с празднованием масленицы, а с наступлением поры полевых работ члены кружка уже не собирались. Видимо, это был вынужденный перерыв.

На занятиях кружка шло ознакомление с породами рогатого скота, выяснялась их годность для разведения в условиях Зауралья, рассматривались темы кормления скота и его молодняка, устройство тёплых дворов и их влияние на продуктивность. Знания, полученные в сельскохозяйственном кружке, подталкивали членов кружка к применению их на практике в собственных хозяйствах. С целью улучшения поголовья свиней крестьяне приобрели породистого хряка-производителя. В марте 1927 г. члены кружка «пожелали организовать животноводческое товарищество, они же обошли всё село» и записали в него желающих 113 человек. Для правильной по-

становки дела в этом товариществе они выразили желание, чтобы к ним прибыл агроном и дал свои пояснения. Впрочем, советы агронома требовались и по другим вопросам, в том числе по семеноводству. Заканчивая 27 марта 1927 г. свой отчёт о сельскохозяйственном кружке и упоминая о состоявшемся в тот же день собрании его членов, М. Беззубцев сообщил, что прибытие агронома ожидается в скором времени [1, оп. 1, д. 112, л. 93–93 об.].

Как ни мало сохранилось документальных свидетельств от самой ранней поры Лихачёвской избы-читальни, они все-таки дают на её примере представление о содержании деятельности избчитален в 1920-е годы. В конце 1930-х на короткое время наряду с избой-читальней в Лихачах действовала и библиотека. В военные годы её пришлось закрыть, а библиотекарь вместе с заведующим Лихачевской избой-читальней (избачом) состоял в её штате. Лишь в 1950-е гг. избучитальню окончательно сменила сельская библиотека, которая с учётом «послужного списка» избычитальни в этом году отмечает своё столетие.

Библиографический список

1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-492 (Варгашинский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет).

2 Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 1 (Курганский уездный комитет (уком) РКП (б)).

*Т. Н. Филимонова,
МКОУ «Барабинская средняя общеобразовательная школа»,
Кетовский МО, с. Бараба*

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БАРАБИНСКОГО СЕЛЬСОВЕТА

*Всякая местность освящается
построением в ней монастыря или церкви,
историческими или церковно-историческими
воспоминаниями. По сути дела, на этом
строилось и понятие «Святой Руси»: каждое
место в ней утверждалось в своей абсолютной
ценности благодаря этим «отметкам» –
освящению их воспоминаниями и строениями.
Д. С. Лихачёв*

Храмы – это наша культура, наша история; это труд и любовь его создателей; это душа народа, его вера, традиции. А значит, храм – это будущее народа.

По-настоящему искренне и от души полюбить свою землю, свою малую родину можно, лишь когда ты знаешь её историю. Без прошлого нет будущего. Без знания своих корней невозможно развитие личности, её духовного становления. А корни наши – в Православии.

История Российского государства тесно связана с Православием. Неудивительно, что между словом «русский» и «православный» очень часто ставится знак равенства. От отца к сыну на Руси передавались вера в Бога и любовь к родной земле. Во славу Божию наши предки строили храмы, писали иконы – «украсно украшали» землю и оставили нам в наследство. Эта красота – видимое отражение духовной и нравственной жизни русского народа. К числу забытых ныне добродетелей относятся почитание родителей, богобоязнь, благочестивый образ жизни. В наши дни возвращается историческая память русского народа, восстанавливается культурное наследие.

Известно, что в селе Бараба, на левом берегу реки Тобол, была построена церковь Успения Пресвятой Богородицы в 1730 году (рисунок 1). Вся жизнь прихожан была неразрывно связана с церковью: рождение, крещение, праздники, отпевание. В 1849 году приход Успенской церкви села Барабинского состоял из деревень: Утятская, Мухина, Предеина, Обухова. В 1913 году в приходе числились деревни: Мушина, Утятско-Мушина, Темлякова, Ново-Затобольная, Предеина [2, Б].

С церковью было связано и развитие образования в селе Бараба. В 1886 году была открыта Барабинская одноклассная церковно-приходская школа. Заведующим школой был священник Никанор Лапин. Учительница – Клавдия Никаноровна Лапина. В школьном музее хранится «Похвальный лист» и «Свидетельство об окончании курса обучения в Барабинской школе». Открытие школы было важным событием на

селе и сопровождалось особой церемонией: «Всё население деревни во главе с волостным начальством под колокольный звон, с иконами собиралось в школе. Священник произносил речь об обязанностях родителей заботиться о воспитании детей в религиозном духе. Торжество заканчивалось молебном» [1, с. 127].

С приходом Советской власти началось планомерное уничтожение и разграбление церковного имущества. 2 августа 1925 г. оставшаяся церковная утварь была передана от сельского совета с. Барабы Утятского района Курганского округа церковному совету по описи. По некоторым данным, церковь официально закрыли в 1935 году. Но и после этого времени она действовала нелегально. В годы Великой Отечественной войны церковь стояла нетронутая. В это тяжёлое время как никогда нужна была людям поддержка. И приходили сельчане её в веру.

После войны сняли колокола. Среди местного населения живёт легенда, что один мужик из местных решил приспособить колокола для своих нужд, но колокола, когда он повёз их через Тобол, затонули. Так и лежат они где-то на дне реки. Прожила Успенская церковь 100 лет. Многие церкви и храмы были уничтожены и разорены. Но веру в сердцах людей окончательно уничтожить не удалось. На долгих семьдесят лет замолчала округа, не было поблизости церкви. Только иногда приносил лёгкий ветерок отзвуки колокольного звона из села Утятского.

С 2000 года по территории Барабинского сельсовета проходит ежегодный Никольский крёстный ход. Тысячи паломников с песнопениями и молитвами несут икону Николая Мирликийского Чудотворца. Крёстный ход стал значимым событием для многих людей, которые воочию становились свидетелями возрождения православной веры, чувствуя себя частичкой неповторимого таинства. У односельчан затеплилась надежда на строительство церкви на селе. Именно поэтому многие жители села Темляково обратились к Отцу Павлу (Балину), настоятелю Храма прп. Прокопия Устюжского, с просьбой о помощи в строительстве православной церкви в честь Святого Савватия.

15 июля 2008 года в центре села Темляково торжественно прошла закладка камня для будущего храма. В октябре 2008 года началась укладка фундаментных блоков. Равнодушных не оказалось, каждый принимал посильное участие. Кто-то помогал материально, кто-то – советом, кто-то – делом. Да, по сей день существует такой метод сбора средств на новый храм. «Работает»

Рисунок 1 – Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Барабинском. 1853 год

одинок на берегу Тобола, напоминая о лихих годах в истории русского народа.

История церкви Успения Пресвятой Богородицы села Барабы и новой церкви Зосимы и Савватия Соловецких села Темляково неразрывно связана с историей страны, Кургана и Курганской области.

Библиографический список

1 История земли Курганской : учебное пособие по истории родного края для средних общеобразовательных учреждений : в 3 ч. / В. А. Кислицын, В. А. Никитин, В. Г. Савельев, П. А. Свищёв. – Курган : Зауралье, 1998. – Ч. 2. 1861–1917. – 160 с.

2 Михайлов А. Курганские храмы от А до Я / А. Михайлов // Государственный архив Курганской области. – URL: <http://www.gako.archives.kurganobl.ru/b> (дата обращения: 02.04.2023).

Рисунок 2 – Церковь Зосимы и Савватия Соловецких

он чаще всего в российской глубинке, где на церковь собирают всем миром.

23 марта 2009 г. появились первые ряды сруба будущей церкви святых преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. На следующий год, в августе, началось покрытие сруба железом, приобретенным на средства предпринимателя Виктора Михайловича Калинина.

Колокола, отлитые в Воронеже на средства благотворителей, были привезены летом 2010 года, а на следующий год в июне подняли на колокольню первые колокола весом 100 кг и 42 кг. Все жители села и окрестных деревень пришли к храму, когда начали устанавливать золотые купола. Бабушки плакали от радости и молились, ребятишки – веселились и играли в сторонке. Медленно, но уверенно шло строительство храма.

В августе 2016 года небольшой деревянный храм во имя Зосимы и Савватия Соловецких был освящён (фото 2). Благодаря кропотливой работе строителей и пожертвованиям благотворителей он теперь сияет на солнце куполами, зазывая верующих на регулярные службы. Льётся колокольный звон над полями и лесами ближних сёл, крепнет вера прихожан, по желанию которых исполняются требы: крещение, отпевание, церковные праздники.

А старый разрушенный храм остался стоять

ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

О. В. Балмасова,
МКУК «Центр культуры и досуга Мишкинского МО»,
Мишкинский МО, р. п. Мишкино

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОРОВ

*...Поэзия народная
Была во все века.
Ты – мудрость благородная,
Поэзии река,
Хочу я душу выплеснуть
В твой творческий поток
Пусть её отведают
И Запад, и Восток...
Н. А. Суворов*

Где бы мы ни жили, на каком бы языке ни говорили, Россия – наша общая большая и единственная Отчизна.

Многое связывает человека с местом, где он живёт. Родной край, его люди становятся частью человеческой судьбы. Когда человек пишет стихи – это прекрасно, ведь что может быть красивей стихотворных строк? В Мишкинском муниципальном округе есть поэты и писатели. Каждый из них по-своему смотрит на жизнь, на окружающий его мир, у каждого есть большая необъятная душа, и каждый, несомненно, по-своему талантлив...

Рядом с нами, на мишкинской земле, жил поэт Николай Аркадьевич Суворов. Родился он 10 апреля 1951 года в городе Челябинске в семье рабочих. Мать вышла замуж второй раз за Аркадия Петровича Суворова, который стал мальчику приемным отцом. Среднее образование получил в вечерней школе. Срочную службу проходил на острове Сахалин. Работал вольнонаёмным рабочим в группе советских войск в Германии, агентом Госстраха, плотником в Мишкинской передвижной механизированной колонне, столяром в лесхозе, санитаром в Мишкинской областной психиатрической больнице. Вместе с женой Лилией воспитал и выдал замуж двух дочерей. Много путешествовал по стране: был на Украине, на севере, в Приобье. Ходил по местам боёв под Калачом, трогал руками кирпичи Брестской крепости. Увлекался охотой, рыбалкой и параллельно писал стихи.

На творческий путь его подтолкнул урок литературы в Мишкинской средней школе, который вела педагог Галина Константиновна Гелич. Она принесла на урок проигрыватель, поставила пластинку Чайковского «Времена года» и предложила слушать и думать, как композитор в музыке передал чувство природы. Первую поэму написал в школьном сочинении «За что я люблю Пушкина». В 1966 г. в газете «Искра» напечатали первое сти-

хотворение о маме. Став взрослее, писал на злобу дня и читал друзьям. Своим учителем считал Твардовского.

В 2010 году в р. п. Мишкино открывается поэтический клуб «Родник», организатором и вдохновителем которого была Надежда Викторовна Моторина. Конечно же, Николай Аркадьевич сразу становится его активным участником. В 2011 году газета «Искра» печатает ещё несколько стихотворений автора: «Артист», «Боль», «Я видел странную картину», «Дед и комар». Вместе с участниками клуба «Родник» поэт объехал все крупные населённые пункты Мишкинского района, встречаясь на творческих вечерах с любителями литературы. Выступал в образовательных учреждениях, имея в своём поэтическом багаже детские произведения. В 2017 году, уже после ухода Николая Аркадьевича из жизни, вышла в свет книга его детских стихов «Как, откуда и когда?» (рисунок 1).

Рисунок 1 – Книга детских стихов «Как, откуда и когда?»

Благодаря члену Союза писателей России Надежде Викторовне Моториной Николай Суворов активно общался с «Поэтической горницей» города Кургана и думал о том, чтобы собрать свои стихи в поэтический сборник. 14 февраля 2016 г. Николай Аркадьевич ушёл из жизни, так и не осуществив свою мечту. Сотрудники Мишкинской межпоселенческой центральной библиотеки имени Н. В. Моториной обратились к родственникам Николая Аркадьевича о предоставлении рукописного материала для выпуска сборника стихов и произведений в память о его творчестве. При из-

учении всего материала оказалось, что Николай Аркадьевич – разносторонний человек, его стихи и произведения написаны на разные темы, – и поэтому сборник назвали «На крыльях поэзии» (рисунки 2).

Весь сборник разделён на две части. Каждая часть разделена по темам.

Рисунок 2 – Сборник назвали «На крыльях поэзии»

В раздел «Минуты вдохновения» вошли произведения о том, как поэт складывал строки в стихи...

*Скрипит горбатое перо,
Рождая строки,
Чтоб затеряться среди слов
В большом потоке.
Но я пишу
И не могу остановиться
О том, что мучает меня,
С листом делиться.*

*И кто-то пишущий, как я,
Кивнёт с укором:
– Мол, всё написано не так,
В порыве скором.
Но я так чувствовал всё то,
о чём творенье.
Я так хотел
И написал стихотворенье.*

Для каждого человека дорого то место, в котором он родился, где прошли его детство, школьные годы, юность. В разделе «Тропой жизни проходя» собраны стихи о жизни.

За околицей

*Опершись на тросточку,
Выйду за околицу.
Вспомню свою молодость,
Удалую вольницу,
Где, бывало, бегали
Молодые олухи
Воровать для девочек
Спелые подсолнухи.
А потом объездчики
Под кнутом на лошади
Отдавали матери
С деревенской площади.
Как отцом наказанный,*

*Но не опозоренный,
Наблюдал в окошечко
За ржаными зорями.
И куда всё кануло,
Вроде бы и не жили...
Поле не засеяно,
А виски заснежены.*

Пожалуй, тема любви в поэзии самая распространённая: ведь ни одно чувство так сильно не может тронуть человеческую душу, как прекрасная, тяжёлая, безответная, взаимная, сказочная, обжигающая, противоречивая любовь. Так и Николай Аркадьевич не обошёл эту тему. В разделе «Скажите женщине “люблю”» собраны стихи о любви.

Незнакомка

*В карусели людей и событий –
Ёлка, шум и каток заливной.
Ты стояла, шутила с подругой,
Я услышал твой смех за спиной.
Оглянулся,
мы встретились взглядом,
Пробежал между нами огонь.
Ты сама телефон попросила,
Как блокнот, протянула ладонь.*

*Я писал между павших снежинок,
Может, что-то в пути
расплылось.
Незнакомка, твой голос поныне
В телефоне узнать не пришлось.
Через год я вернулся обратно, –
Тот же парк и каток заливной,
Я стою и пытаюсь услышать
Снова смех у себя за спиной.*

Природа – вторая наша жизнь. Следующий раздел сборника называется «Как всё взаимосвязано в природе». В него вошли стихи о природе, которая окружает нас каждый день.

*Деревья опутал
Серебряный блеск,
На озере лёд появился,
И солнечный луч
В миллионах зеркал,
Как в сказке живой, отразился.
Вот птичка вспорхнула,
И, ветку качнув,
Просыпала снежные крошки.*

*Упали снежинки
На плечи твои,
На волосы, губы.
Дай руку твою,
Я тебя проведу
По сказочной этой аллее.
Дай руку твою,
Я дыханьем своим
Озябшие пальцы согрею.*

Нельзя выразить словами то состояние, которое охватывает человека при упоминании о войне. Она несёт с собой страшное напряжение,

боль, разлуку, страдания и муки миллионов людей. Такие чувства выразил Николай Аркадьевич в своих стихах, которые вошли в раздел «Война во мне не умолкает».

Брестская крепость

*Камни крепости Бреста
Обжигали ладонь.
В них остался навечно
Дней военных огонь.
Мы, потомки погибших
Забывать не должны.
Всех защитников Бреста
Той, зловещей, войны.
На колени вставая,
Братъ молитву в уста.*

*Память, вера святая,
Нам дана неспроста.
Я сегодня жалею,
Что земли не набрал,
Не увёз в узелочке
За великий Урал,
Возле местного храма
У стены не зарыл,
Временного портала
Дверь святым не открыл.*

Много стихов поэт посвятил родным и друзьям. И следующий раздел сборника называется «Моим родным и друзьям посвящается».

*Всегда я в день рожденья рад,
Когда приходит старший брат.
Он неуклюж, он непригож,
Но для меня всегда хорош.
И что бы мне ни говорили,
Он дорог мне, ему я рад.
Мне больно будет, если я когда-то
Тебя лишусь, тебя, мой старший брат.*

Николай Аркадьевич Суворов писал не только стихи, в сборник вошли и рассказы, написанные им: «Олешек», «Между шумом и тишиной», «Ласточка», «А кто виноват?».

В последний раздел «Спасибо всем, кто был со мною рядом» вошли стихи, которые написал поэт, когда уже был болен.

Я ухожу

*Спасибо всем, кто был со мною рядом,
С кем хлеб и кров по-братски разделил.
Простите, те, кого обидел словом,
И словом добрым тоже обделил.
Спасибо тем, кто даже плюнул в душу:
Я больше стал друзьями дорожить.
Простите, те, кому любви не додал,
Зато хотел по-честному дружить.
Хорошего гораздо было больше,
Люблю плохое быстро забывать.
Конечно, нужным быть всегда приятно,
Не только братъ, а больше отдавать.
Я ухожу! И это очень больно!
Хотя придумал повод и мотив.
Но главное, что никого не предал!
Прощай, «дурной» любимый коллектив.*

*Когда заходит солнце, светят звёзды,
Но утром снова надо ждать рассвет,
И жить тогда, когда бывает больно, –
Я ухожу, не выключая свет!*

Творчество Суворова Николая Аркадьевича – это мир его души, выраженный в словах. Тревога, боль, сомнения, размышления о прожитом, о дружбе, о любви – в каждой строке вехи жизненного пути, и у каждого стихотворения есть своя история.

Библиографический список

- 1 Купцова В. У каждого свои журавли / В. Купцова // Искра. – Мишкино, Курганская обл., 2011. – 21 окт. – С. 3.
- 2 Суворов Н. Артист : / Н. Суворов // Искра. – Мишкино, Курганская обл., 2011. – 3 июня. – С. 7.
- 3 Суворов Н. Боль / Н. Суворов // Искра. – Мишкино, Курганская обл., 2011. – 24 июня. – С. 7.
- 4 Суворов Н. Брестская крепость ; Между шумом и тишиной / Н. Суворов // Не спеши Россию хоронить : стихи и проза. – Мишкино ; Шадринск : Шадринский Дом Печати, 2015. – С. 83–96.
- 5 Суворов Н. Дед и комар / Н. Суворов // Искра. – Мишкино, Курганская обл., 2011. – 2 сент. – С. 7.
- 6 Суворов Н. Как, откуда и когда? / Н. Суворов. – Шадринск : Шадринский Дом Печати, 2017. – 40 с.
- 7 Суворов Н. О войне / Н. Суворов // «В России нет семьи такой, где б не памятен был свой герой...» : сб. творч. работ обл. дет. конкурса, посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечеств. войне / Курганская обл. дет. б-ка [и др.]. – Курган, 2010. – С. 68.
- 8 Суворов Н. Ромашковый закат / Н. Суворов // К любви строкою прикоснуться... / Мишкин. лит. клуб «Родник». – Курган ; Мишкино : Отклик, 2012. – С. 26–35.
- 9 Суворов Н. Я видел странную картину / Н. Суворов // Искра. – Мишкино, Курганская обл., 2011. – 12 авг. – С. 7.

А. Д. Белоусов,
Каширинский литературно-краеведческий музей
им. В. К. Кюхельбекера,
Кетовский МО, с. Каширино

ЯКОВ ВОХМЕНЦЕВ: К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ

В 2023 году свои юбилеи могли бы отметить наши земляки-поэты: Яков Терентьевич Вохменцев (1913–1979), Борис Александрович Ручьёв (1913–1973), Михаил Михайлович Люгарин (1908–1993).

Этих людей соединила эпоха. Удивительное время: ему ещё дают эпитет «героическое», и рядом с этими определениями добавляется слово «трагическое». Вновь зародившееся государство с невиданным доселе социальным укладом – называвшее себя государством рабочих и крестьян, с корнями многовековой крестьянской России – устремилось вперёд из векового отставания к промышленному прогрессу.

На этом непростом пути ломались многие стереотипы. Миллионы строителей новой жизни отбросили столетиями вставшее в сознание понятие «своя рубашка ближе к телу». Они созидали будущее: «город-сад», где нет «твое» и «моё», а есть всеобщее «наше», есть «Россия-страна». Для себя, для товарищей, для следующих за ними поколений.

Выходцы из крестьянских семей, из других условий, завязанных на верности отчей земле, радостях от созидательного труда, со всех уголков России стекались на стройки социалистической индустрии. Одним из таких центров притяжения стала гора Магнитная. В трудовом коллективе будущего города Магнитогорска слагались тесные товарищеские взаимоотношения между людьми особенного – социалистического – труда, клокотала творческая инициатива в производственных делах, естественным образом перетекавшая в строки литературных начинаний.

Там, в Магнитке, в трудовых буднях рождались и будущие поэты, к которым можно причислить наших земляков. Один из таких – будущий секретарь Курганского союза писателей, замечательный лирический поэт Яков Терентьевич Вохменцев.

Яков Вохменцев – из деревни Вохменка Юргамышского района. Стоит ли гадать, что здесь является ключевым определением: фамилия ли поколения – Вохменцевы, что и сегодня живут среди нас, а может, место на земле – необычайно живописное, одарившее наш край даровитыми потомками, чьи предки пришли в Сибирь вслед за Ермаком из далёкой Вологодчины, с реки Вохмы? Сегодня из трёх братьев Вохменцевых более на слуху имя Якова Терентьевича. Если бы не Великая Отечественная война, имя Василия Терентьевича наверняка стояло бы в ряду наших замечательных поэтов, судя по сохранившемуся его творческому наследию и воспоминаниям старшего брата Якова.

Тракторострой в Челябинске стал начальной творческой площадкой для Якова и Василия:

Мы пришли сюда со всей России.

Посмотреть на внешность – простаки:

За спиной котомки холстяные,

А в руках – пустые сундучки.

Строки эти из стихотворения Я. Вохменцева «Нашему Тракторному».

Простаки ли... В ещё не опубликованной рукописи Якова есть воспоминания о его работе слесарем на одном из кирпичных заводов Челябинска. Врождённая крестьянская наблюдательность и сообразительность позволили начинающему слесарю низшего разряда починить мундштук кирпичного пресса, запустить пресс в работу, чем и поразил бывалых механиков. Простой агрегата лишал стройки их «хлеба» – кирпича. Заслуженно получил он за это шестой слесарный разряд, чем немало гордился, судя по строкам рукописи, на протяжении всей жизни. В таких случаях с удивлением кое-кто говаривал: «Надо же, отец тележного скрипа боялся, а сын эвоно как», таким образом подчёркивая своё восхищение умельцем.

Отдельно скажем о рукописной неопубликованной повести Якова Терентьевича. Поднял её из архивов отца сын Михаил Яковлевич. Оцифровал. От него мы и получили её в музей. Автор закончил изложение своих впечатлений о путешествии по стране в места индустриальных начинаний незадолго до своей кончины. Стоит ли удивляться тому, насколько его впечатления органично ложатся в общую канву небывалого устремления Страны Советов к своему совершенствованию буквально во всех областях происходящих свершений. Вершили и созидали историю страны и крестьянские сыновья России. На производственных участках постигали ремёсла, а вечерами шли за парты постигать грамоту, а далее и инженерные специальности. Страна ковала вместе с промышленным и свой интеллектуальный потенциал.

Не погасили заводское дело и сопутствующая ему городская жизнь изначально врождённой сути в творчестве у Якова Терентьевича. Вполне подтверждают это стихи уже из первого его сборника «Золотая Долина» (Челябинск, 1950 г.). Хороши в сборнике стихи соавтора – Николая Николаевича Кутова, горожанина по рождению, друга на всю оставшуюся жизнь. Однако вторая часть сборника, стихи Вохменцева, обнажают, прежде всего, крестьянские корни автора, если и не противопоставляя их предыдущим, из первой части, то наверняка дополняя сельским колоритом. Солдат, прошагавший дорогами Великой Отечественной,

по возвращении к мирной жизни с радостью подмечает:

*Вновь на меня, как на друга,
Смотрят родные поля.
Сталью не танка, а плуга
Вспахана всюду земля.*

И ...«суровость солдатская» теряется и тает от теплоты воспоминаний о родительском доме, миновавших годах, памятных с детства местах.

Отклики на окружающую реальность получает читатель от автора и далее в сравнениях, доступных лишь поэтическому воображению.

Как пример стихотворение «Моя Магнитка» [1]. Многие строки из него и отдельные четверостишия просятся в цитаты. Только автор, повязанный деревенской сутью, мог подметить и произвести следующие слова:

*В степи дремал порядок первобытный:
Коль день, то свет, а коли ночь, то мрак.
Скрывался в норке суслик беззащитный,
Когда летел ноздрястый аргамак.
В сухой траве вились коровьи тропы.
Вглядевшись в них, подумать мог джигит,
Что ими здесь передний край Европы,
Как дратвой, крепко к Азии пришит.*

По этим двум четверостишиям автор, как на ладони, просматривается всей своей биографией. Невелик объём выданного нам индустриального повествования в строках на бумаге, зато каков размах от начального приезда «безусых из дальних городов и деревень», творивших историю в начале «в содружестве лопаты и топора». А уж затем, вслед за автором, постигших простую истину: «.../что я мог в сравнение со спецами/, постигший только примитивный труд?! И вот, наметив план, я вечерами/ ходил, озябший, в горный институт».

А ещё творцы истории, без сомнения, понимали следующую истину:

*Тогда страна ещё не доедала.
Но каждый видел, если не был слеп,
Как ей хотелось именно металла,
Он, может, был чуть-чуть важней, чем хлеб.*

Будущие бури были ясны не только на самых высоких этажах власти, но и среди тех, кого необоснованно, с долей принижения называют «простой народ». Именно руками и жизнями этого народа и «...заткнули глотку вражьей канонаде лишь потому, что был у нас металл». В немалом количестве и металл Магнитки. А далее в строках уже следующего стихотворения «Незабываемое» с горечью подчёркивает цену победы, необходимой ему и всей стране:

*А для учёта слёз и стонов
Ещё шкала не создана.
Погибли двадцать миллионов?
Да это ж целая страна!
Мне снилось: пар струится ало
От окровавленной земли.
А солнце медленно вставало,
Взвалив себя на костыли.*

Погружаясь в строки стихотворения «Победа

мне была необходима» Якова Терентьевича, воина Великой Отечественной, видно в свете дня текущего полное совпадение с происходящими событиями ныне:

*Пусть каждый бой упорен был и жарок –
Враг, люто огрызаясь, отступал,
Хотя оружием всех новейших марок
Его снабжал берлинский арсенал.*

Сегодня этот арсенал подпитывается не только всей Европой, но и её заокеанскими партнёрами. К сожалению, история повторяется. Новые бури и грозы не обошли стороной и нынешние поколения.

Действительная приземлённость в творчестве, земные соки, дающие энергию его стихам, его рождение и становление в крестьянской семье – суть поэта в его творчестве. В его стихах – земляки, то окружение людей, в котором мы и живём. Поэт раскрывает перед нами через характеры и судьбы земляков и свою судьбу, неразрывно сросшуюся с их бытием. Сетует на то, что в анкетах, заполняемых для отделов кадров, нет графы, вопрошающей «волнует ли участь отчизны тебя, иль ты озабочен лишь собственным бытом?» Всей полнотой души он вместе со стариком, потерявшим за годы войны сыновей:

*Сидит он, очень слаб и одинок,
Как изваяние скорби и печали.
Не будь войны, теперь у этих ног
Наверняка уж правнуки б играли.*

Вспоминая своё детство, открывает «простую истину» для нынешнего поколения прозревающих «воспитателей»:

*Мы лет с пяти уже вязали сети,
А в семь уже любой бороновал,
Хотя тогда дела простые эти
Трудвоспитаньем мир не называл.*

Родственными связями и сыновними чувствами наполнены стихи Вохменцева о природе-матушке. Вечная её красота гибнет «в поединке с топором и ядом», зачастую совершенно бездумно и безжалостно рассеиваемыми человеком. Многие Яков Терентьевич подмечает исподволь. Вот и в «Воспоминаниях лесоруба» говорит о поверженных соснах столетнего бора, о свершённых трудовых успехах, а в заключение – и другом результате, как говорится, что посеяли, то и пожали.

*Жаль, нет ни леса, ни ручья –
В сухой траве трещат кобылки,
Один трухлявый пенёк. Да я,
Сидящий с пятернёй в затылке.*

Не обошёл вниманием Вохменцев и тему, сопряжённую с проблемами дня текущего. Из-под его пера брызнули искры сатирических произведений. Одно из них – «Ревность». Про то, как «ревновала Фёкла мужа Епифана» сначала совсем безосновательно, а к чему в конце концов подтолкнула, расписано с немалой долей иронии далее. В комментариях Ивана Павловича Ягана не раз приходилось слышать: «Да это же классика!».

Не давали душе поэта покоя головотяпство

и безответственность, тунеядство, беспринципность, особенно в среде литераторов, и другие пороки общественной жизни. Не знаю, ведал ли он про то, что расцветающий букет пороков в недалёком будущем даст смертельный для страны урожай.

Стихи Якова Терентьевича без закрученных метафор, общедоступны для любого читателя. Не только современники беседуют с нами в его стихотворениях. Портреты великих соотечественников, предоставленные взором Вохменцева, достигают внимания читателя. Пушкин, Некрасов, Толстой, Горький. Перечень можно продолжать. У Алексея Максимовича Горького есть воспоминания об одной из бесед с имевшим отношение к нашему краю Н. Е. Карониным-Петропавловским. Так вот Каронин убеждал его в том, что русский писатель (сюда входит и понятие «поэт», надо полагать) «хочет написать книгу ко всему миру... Это стремление и больших, и маленьких писателей, ...часто маленькие-то вечную правду чувствуют вернее, глубже гениев». Осмелимся добавить и утверждать, что стихи Якова Вохменцева составляют особенную книгу – книгу судеб его современников, далеко не ограниченную околицей сельского бытия.

Библиографический список

1 Вохменцев Я. Т. *Моя Магнитка // Застенчивая профессия : стихи / Я. Т. Вохменцев. – Москва : Современник, 1979. – С. 8–14.*

Ю. Н. Данилова
ГБУК «Курганская областная универсальная
научная библиотека им. А. К. Югова»,
г. Курган

ПОЭТЫ – ФРОНТОВИКИ – УЧИТЕЛЯ

*Стояли мы на штормовом ветру
С глазами непоседливых мальчишек,
А как хотелось из мордушки поутру
Вытряхивать на травку карасишек.*

*А как хотелось бегать по росе,
Чтоб брызги серебристые летели.
А нам пришлось на огненной косе
Вытряхивать осколки из шинели!*

Виктор Овчинников

Данная статья посвящена литературному творчеству зауральцев – участников Великой Отечественной войны; зауральцев – педагогов, пришедших после войны в вузы и школы Кургана и Курганской области.

Ставя в заглавии статьи слово «поэты» на первое место, мы хотели подчеркнуть важность поэтической составляющей в жизни этих людей: пройдя тяжёлыми военными дорогами, пережив немало потерь, они решили передать память об этом посредством художественного слова. Этот же творческий настрой привёл многих из них в институты и школы, где они рассказывали студентам и школьникам о любви к своему краю, о людях, создающих историю и культуру своей малой родины. Этот факт ещё раз подтверждает то, что человек, нацеленный на творческое созидание, способен перенести все невзгоды и привить любовь к жизни другим.

Те же из бывших фронтовиков, кто посвятил себя журналистике, юриспруденции, спорту, сфере культуры, военному или библиотечному делу, также старались запечатлеть свои воспоминания о войне в стихотворной форме, не раз издавали свои стихотворения на страницах городских и областных газет и журналов.

Афанасьев Анатолий Павлович (1920–2004)

Уроженец села Ушаково Катайского района Курганской области. Участник боёв под Москвой и Сталинградом. После войны служил на Камчатке и в Карпатах.

О себе говорил: «В 1939 году я окончил Барнаульскую фельдшерско-акушерскую школу. В 1940-м был призван на действительную службу в Армию. Стихи пишу давно. Первое стихотворение опубликовано в краевой газете «Алтайская правда» в 1939-м году. Продолжал их писать в армейских условиях. Печатался в окопных «Боевых листках», «Листках-молниях», которые писались от руки. Печатался в дивизионных, армейских, фронтовых газетах» [1].

Война осталась с Анатолием Павловичем навечно – в памяти, в чувствах, в ощущениях: любая незначительная житейская мелочь могла привести к тому, что один за другим перед внутренним взором бывшего бойца вставали воспоминания:

*В мелколесье скачут белки
И орехи – щёлк-пощёлк...
Я от этой перестрелки
Неожиданно примолк.
Вспоминаю бой на склоне, –
А скорлупки наяву,
Словно гильзы от патронов,
Звонко падают в траву [1].*

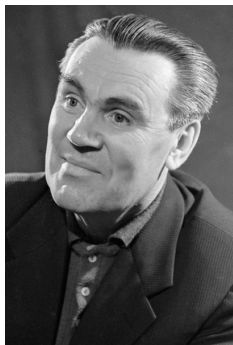
Спросите у любого участника Великой Отечественной войны: ради чего гибли люди, ради чего не щадили себя? Они ответят без промедления – ради жизни будущих поколений, мирного неба, достойного труда тысяч советских людей. Так ответил бы каждый. И Анатолий Павлович тоже. Все они, победившие в войне, отличались от людей послевоенного времени – они не чувствовали своего возраста, умели радоваться всему, умели любить и верить – они это заслужили как никто другой. Они ценили каждое новое переживание, каждый день для них был особенным:

*Так мела зима, куда там!
Домик мой в снегу исчез.
Я без лесенки с лопатой
На него по насту влез.
Глыбы белые швыряю,
«Шпарь, светило!» – подморгну...
С крыши – снег! Да нет, с себя я
Сбрасываю седину [1]*

Анатолий Павлович прожил честную, смелую, полную тревог и надежд жизнь. Думается, что, повторись случившееся, он, как и миллионы других, повторил бы свой ратный путь:

*А пуля, что в тебе застряла где-то?..
Потомки скажут: жил, мол, – не гостил,
Спасибо скажут, что ты пулю эту
В их двадцать первый век не пропустил [1].*

Васильев Сергей Александрович (1911–1975)

Поэт и журналист, военкор, уроженец Курганской области. Первые его стихи были опубликованы в московских газетах и журналах: в 1933 г. вышла его первая книга «Возраст», а в 1935 г. опубликована поэма «Голубь моего детства», которые принесли ему первый успех.

Во время Великой Отечественной войны был сначала бойцом народного ополчения, затем военным корреспондентом газеты «Красная звезда», воевал в Подмосковье, на Украине и в Крыму, вместе с частями 1-го Украинского фронта прошёл через Польшу и Германию.

О чем мог написать поэт, переживший войну? О своей ненависти к врагу, о смелости и самоотверженности своих товарищей:

*Мы врагу на подлость отвечаем
рёвом наших ядер разрывных,
свистом пуль,
гремучим, грозным граем
лёгких
истребителей стальных!
Зоркостью и хваткой ястребиной,
гневом,
низвергающим грома,
волею своей неистребимой,
силой рук
и ясностью ума...*

(«Ответ врагу»)

На первый взгляд, это стихотворение, полное воинственного, но праведного пафоса, не несёт в себе ничего личного, в нём не слышится голоса автора. Но голос автора звучит очень хорошо и сливается с тысячами других голосов. Стихотворение «говорит» о том, что на вероломство можно ответить только одним – смелостью духа и верой в победу.

Уже после победы, спустя годы, можно вернуться на места сражений и увидеть, что силы природы, несмотря ни на что, берут своё – на месте пожарищ, смертей сотен людей, снова поднимаются травы, цветут цветы. В этом и состоит главная философия жизни: всё и всегда возвращается на круги своя, и людям нужно понять, что жизнь всегда будет брать верх над смертью:

*Медленно и бережно ступая,
мы идём под небом голубым,
в полевых ромашках утопая,
вежливо дорогу уступая*

*синим колокольчикам степным.
Любо здесь увидеть стаи птички
и не видеть дым пороховой.
Вот оно во всем своём величье,
поле нашей славы боевой.
Вот оно простёрлось перед нами.
Встань к нему, родимому, лицом,
полюбуйся пышными цветами,
политыми кровью и свинцом.
Всё, что было выжжено и смято,
заново оделось в зелень.
Но хранит земля торжественно и свято
страшный стон железа и огня...*

(«Поле русской славы»)

Но понять это может только тот, кто смотрел смерти в лицо и кто видел гибель своих товарищей – а потом, используя свой поэтический дар, донёс свои воспоминания до других. На стихи Сергея Васильева было сложено немало песен, получивших широкую известность, но главной ценностью обладают не они, а стихи малоизвестные, полные скрытой боли и надежды, что подобное не повторится никогда.

Куликовских Николай Степанович (1926 г. р.)

Уроженец села Пепелино Куртамышского района Курганской области. Участник Великой Отечественной войны. Стихи начал писать уже после войны, не раз публиковался в районной газете. Является автором четырёх поэтических сборников.

Его стихотворение «1943-й год» хорошо передаёт состояние, какое переживали молодые ребята, которых судьба приговорила к войне:

*Семнадцатилетним
Призвали на службу.
Познал в взводе третьем
Солдатскую дружбу.
Ялutorовск – город.
Учебная рота.
Сибирский холод.
Святая пехота.
Порядку приучат.
В беде не оставят.
Не можешь – научат,
Не хочешь – заставят.
Ботинки. Обмотки.
Задачи условны.*

*Команды коротки,
Но беспрекословны.*

*С утра в расписание
Полезные знания:
Отвага, смекалка,
Муштра и закалка.
Ни в поле, ни в город
Без строя ни шага.
Здесь холод и голод –
Не краше ГУЛАГа.
Житуха что надо.
Под стать и природа.
А фронт, как награда,
Но через полгода.
Из поlying в воду.
Закалка до бреда.
Несладко народу
Досталась победа.*

(«1943-й год»)

Те из них, кто дошёл до Победы, смогли сохранить молодость духа и стать прекрасными учителями для миллионов мальчишек и девчонок, врачами, художниками, строителями... Те же, кто не дожил, – стали героями будущих стихотворений своих боевых товарищей...

Многие из бывших фронтовиков стали учителями и пришли работать в школы, институты Кургана и Курганской области: А. А. Белых, В. П. Бондаренко, Е. П. Горгоц, А. Е. Долгова, С. Т. Ильин, Н. Ф. Филимонова и многие другие преподаватели Курганского педагогического института. Т. Ф. Ковальчук – учитель начальных классов в школах города Шумихи, И. А. Климов – учитель Любимовской средней школы, В. М. Грязнова – учитель-воспитатель

Далматовской санаторной школы-интерната, А. С. Балуква – учитель Мишкинской средней школы [3]. Не все они писали стихи, а те, кто мог, большую часть своего поэтического творчества посвящали военной теме.

Тошгигин Ким Владимирович (1923–1995)

(на фото с выпускниками 1960-х годов – второй справа в нижнем ряду)

Родился в 1923 году в г. Ярославле Ярославской области. В 1941 г. поступил в педагогический институт, два последующих года работал учителем русского языка и литературы в сельской школе. Несмотря на очень плохое зрение, в 1944 году его признали годным к нестроевой службе. Во время службы Ким Владимирович выполнял различную работу – был сапёром-инструктором, радистом, автоматчиком. Закончил войну старшим писарем батальона 21-й армии 1-го Украинского фронта. После войны окончил Куйбышевский педагогический институт, преподавал в Куйбышевском суворовском военном училище. С 1962 по 1994 год работал в Курганском пединституте на кафедре русского языка.

В памяти учеников он остался преподавателем высокой квалификации, благородства, интеллигентности, человеком высокой духовной культуры. Что позволило человеку, прошедшему страшную войну, сохранить в себе веру в человечность – в то, чему всегда учила и учит русская литература? Возможно – то, что всегда в бою он чувствовал надёжное плечо, был уверен в своих товарищах и сам был готов прийти на помощь в любую минуту:

*Россия далёко...
Навстречу с утра
С запада дуют
Злые ветра.*

*Мороз крепчает,
Ботинки скользят.
От ветра лицо
Прикрывает солдат.
Рядом, с левой
И с правой руки
Шагают ребята –
Мои земляки.<...>
Снег забивает глаза и рот.
Хрипло торопит
Взводный: «Вперёд!»
Здесь протянулись
К Берлину пути...
Всем ли дано
До Победы дойти?..*

(«На польских дорогах») [4, с. 53–54]

Тему солдатской взаимопомощи и поддержки продолжает в своих стихах **Николай Васильевич Таранников (1924–2013)** – уроженец Омской области, участник Великой Отечественной войны. Вернувшись на родную землю, он окончил литературный факультет Омского педагогического института, несколько лет проработал директором средней школы в Омской области. После защиты диссертации сорок один год проработал в Курганском пединституте доцентом и профессором на кафедре педагогики. Все его коллеги отзывались о Николае Васильевиче как о высоком профессионале: «Это был интеллигентный, эрудированный, хорошо знающий свой предмет, русский и литературу, учитель...» [4, с. 37].

*Много законов действует в мире,
Но есть среди них закон основной –
Быть Человеком: на службе, в квартире,
В парке, на пляже, на мостовой,
На остановке, в толпе, в магазине,
В театре, столовой, в суперкафе.
<...>*

*Быть Человеком всегда на досуге,
Быть Человеком в часы суеты.
Стань уважаем в родимой округе,
Знай: Человек – это гимн красоты!
Хамство, нахальство не украшают,
Преступная дерзость – вечный порок!..*

(«Быть человеком») [4, с. 58–59]

Пройдя тяжёлыми военными дорогами и зная не понаслышке, что такое солдатская поддержка, он перенёс это важное качество на мирную жизнь – человек и в обычной жизни должен соответствовать главным этическим качествам.

Николай Фёдорович Яковлев (1921–2000)

Уроженец Саратовской области. Служил разведчиком гвардейского артиллерийского полка, стрелком-радистом бомбардировочного полка, прошёл с боями от Дона до Дуная. В 1952 г. окончил Саратовский пединститут, защитил диссертацию. В конце 70-х гг. начал работать в Курганском пединституте на кафедре педагогики. Всегда любил поэзию и с выходом на пенсию занялся написанием стихов и прозы. Бывший фронтовик на

своих лекциях хотел привить студентам любовь к красивому, доброму, правильному:

*Если ты изнемог от российских дорог,
Если ветер подует сильнее и капризней,
Не тужи: на привале ждёт щей котелок,
Радуйся жизни, радуйся жизни!
Если грудь твою реёт боль тоски и невзгод,
Если сердце скорбит о страданиях отчизны,
Верь, придёт перемена. И солнце взойдёт,
Радуйся жизни, радуйся жизни!..*

(«Радуйся жизни») [4, с. 59]

В завершение мы представляем стихотворение **Орлова Александра Ивановича** – фронтовика, учителя, поэта. Девятнадцатилетним пареньком в феврале 1942 г. он ушёл на фронт, воевал в Белоруссии, Прибалтике, Польше, Германии. Победу встретил в Берлине, в звании старшины пехотной стрелковой роты. После войны окончил педагогическое училище, много лет работал в школе № 4 города Шумиха:

*Они среди нас, хотя их нет.
Они ушли, откуда нет возврата,
Но каждый был нам другом или братом.
Они среди нас, пока есть белый свет.
Мы пробиваем вместе с ними путь
Наперекор преградам, даже смерти.
Свои дела по жизням павших сверьте,
Чтобы себя ни в чём не упрекнуть... [3, с. 43]*

Мы не могли назвать всех – учителей, поэтов, бывших фронтовиков, жителей послевоенного Кургана и Курганской области. Все они пережили страшную войну, на долю каждого из них выпали тяжёлые испытания. Но они остались людьми, стали учителями для новых поколений, написали десятки стихов о войне, себе, боевых товарищах... Что для них было важнее – быть фронтовиком, учителем, поэтом? Трудно сказать...

Библиографический список

- 1 Афанасьев А. П. Штрихи к автобиографии / А. П. Афанасьев // Управление культуры Курганской области. – URL: <http://kultura.kurganobl.ru/3555.html> (дата обращения: 28.08.2023).
- 2 Фронтовики – преподаватели Курганского педагогического института : к 75-летию Победы в Великой Отечеств. войне 1941–1945 гг. / ред.-сост. А. Л. Михащенко. – Курган : Экономика и реформы, 2020. – 62 с.
- 3 Священна память о войне : сб. стихов заурал. поэтов / Курганская обл. универс. науч. б-ка им. А. К. Югова ; сост. Н. В. Корнийченко. – Курган, 2010. – 179 с.
- 4 Вернулись с Победой. Преподаватели и сотрудники КГУ – ветераны Великой Отечественной войны : справочник / отв. ред. К. Ю. Кладова. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. – 204 с.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЁЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ А. Н. ЗЫРЯНОВА)

В уникальных по своему содержанию материалах этнофольклориста середины XIX века А. Н. Зырянова впервые зафиксированы основные фрагменты свадебного действа в тесной взаимосвязи с предсвадебной и послесвадебной обрядностью. Непосредственное включение этапов свадебного церемониала в контекст обыденной жизни зауральских простолюдинов способствовало восприятию свадьбы как одного из важнейших явлений их общественной и семейной жизни.

Так, первое обращение А. Н. Зырянова к исследованию свадебной обрядности датируется 1850 годом – ранняя рукопись «Свадьбы Пермской губернии» (хранится в научном архиве РГО в Санкт-Петербурге) [9]. Более поздняя серия публикаций «Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии» [3–8] напечатана в неофициальной части на страницах газеты «Пермские губернские ведомости» в 1863–1864 годах.

Ранее мы отмечали, что материалы собирателя А. Н. Зырянова – «редкая возможность проследить как становление молодёжного коллектива, так и подготовку отдельной личности к семейной жизни» [2, с. 202]. Отмечена также особая заслуга крестьянина А. Н. Зырянова: «на основе собранных им в середине XIX века в зауральском регионе уникальных сведений он показал развитие, становление молодёжного коллектива, подробно описал своеобразие образа жизни и форм поведения молодёжи во многих бытовых и сакральных ритуалах: совместные забавы, совместный труд, участие в приуроченных к календарным циклам свадебных обрядах, главной целью которых являлось создание благополучных семейных отношений и дальнейшее продолжение рода» [2, с. 205].

Понятийные категории «время» и «пространство» причислены к важнейшим категориям культуры и вместе с тем являются одним из значимых элементов особой мифопоэтической модели мира в каждой культуре. Эти категории, представляющие собой мировоззренческую и гносеологическую проблему, всегда были предметом пристального внимания учёных: лингвистов и литературоведов, психологов, философов и др.

Одной из важнейших задач изучения свадьбы является описание пространственной структуры обряда, т. е. представлений об устройстве, организации и функциях пространства, в котором протекает обряд. Уже сами термины «идти замуж, вести и пр. (с их индоевропейской перспективой) свидетельствуют о возможности восприятия брака и свадьбы как не только социального, но и пространственного перемещения» [1, с. 88].

Это обусловлено той ролью, которая в обрядовом значении приписывается категории пути: «Всё пространственное поведение участников свадьбы состоит из прохождения определенных границ и пребывания в разделяемых ими локусах» [1, с. 91]. Исследователи организации пространства в восточнославянской свадьбе А. К. Байбури и Г. А. Левинтон различают границы и локусы как две основные категории пространственной модели в свадебном обряде. При этом, с одной стороны, противопоставляются значительно удалённые друг от друга локусы как «этот» и «тот» свет – своя и чужая сторона. С другой стороны, «ритуальные действия разворачиваются в реальном топографическом пространстве, расчленённом реальными, т. е. физически воспринимаемыми, границами, отделяющими дом от двора, двор от улицы и, наконец, деревню от «леса» [1, с. 92]. В рамках пространственно-временных отношений берёт своё начало, функционирует и развивается зауральская традиционная свадебная обрядность. А. Н. Зырянов обращает внимание на темпоральные границы свадебного торжества в регионе. Он отметил, что свадьбы в Шадринском уезде в середине XIX века праздновались исключительно в зимний период, что определялось восприятием свадьбы как значимого фрагмента не только в семейной, но и в календарной обрядности. Свадебные обряды в традиционной русской культуре являлись художественным закреплением двух основополагающих идей. Во-первых, их главное предназначение заключалось в том, чтобы способствовать счастливому перемещению невесты из «своего» мира в «чужое» пространство, поскольку архаические представления зауральских крестьян о бинарном устройстве мира нашли отражение не только в их социально-бытовой, но и обрядовой жизни.

В материалах А. Н. Зырянова категории «время» и «пространство» можно проследить на всех этапах зауральской свадьбы. В данной работе мы остановимся на некоторых из них. Как один из знаковых моментов досвадебного обрядового комплекса А. Н. Зырянов подробно рассмотрел предсвадебное знакомство, анализ содержания которого свидетельствует об его архаическом происхождении. При этом символическое значение пространства актуализируется в предсвадебный период, а именно в день Богоявления Господня: «Родители жениха заблаговременно заботятся о подборе пары. У них жених, как камень на сердце – высматривают невест иногда в день Богоявления Господня, при освящении воды,

куда молодые ребята сходятся для того, чтобы высматривать невест, а девы – выглядывать женихов» [9]. В приведённом фрагменте рукописи А. Н. Зырянов не случайно указывает на связь выбора невесты женихом с ритуальным освящением воды. Обряд смотра невест, имевший общерусское распространение, в локальных традициях отличался различными хронологическими рамками в календарной обрядности, а также своими вариативными чертами. Типологической чертой разных региональных проявлений предсвадебного ритуала выбора жениха и невесты была его характерная локализация – неподалёку от водоёмов.

Подтверждение этому – описание А. Н. Зыряновым хода данного обряда во временном и пространственном отношении, приуроченного к празднику Крещения Господня при освящении воды и в более поздней фиксации свадьбы в регионе: «Богоявленский крёстный ход на Иордань принято считать днем подсматривания женихов и невест. Тогда везде по Шадринскому уезду стечение народа на богослужение бывает необычайное. Тогда отцы и матери, сыновья и дочери зорко здесь выглядывают зрелых годами парней и девушек. После сего возникает серьёзная мысль о сватовстве и свадьбе» [3, с. 235]. В древнерусской славянской традиции река считалась природным объектом, наделённым сакральной семантикой. У водной стихии рек совершались различные обряды; она являлась символом очищения, изобилия и плодотворности. Выставка невест у воды отразила всеобщее отношение к браку не только как к внутрисемейному мероприятию, но и как к общественному празднику, социальному действию, ритуалу, обозначающему зарождение новой семьи.

Обратимся ещё к одному свадебному мотиву – «вытью зари» невестой и её подругами, которое должно было выполнить прощальную функцию традиционного свадебного ритуала. В приведённом А. Н. Зыряновым причете находит отражение архетипическая природа этого явления: дорога – потенциально опасный участок бытия в пространственном отношении:

Меня выпустил сударь-батюшка
На широкою большую улицу,
На проезжу на дороженьку.
Посмотрю же я, молода жена,
На все четыре сторонушки [9].

В приведённой песне образ пути представлен метафорически. Он перекликается с мотивом всей свадебной обрядности – мотивом перепутья, здесь подчёркнута неопределённость дальнейшей судьбы самой оказавшейся на «широкой большой улице» невесты. Именно дорога связывает жизненные этапы человеческой судьбы в единое жизненное пространство. Она объединяет мироздание в целом и жизненный путь отдельно взятого человека. Таким образом, конкретный фрагмент географического пространства в нейтральной зоне – «проезжая дороженька» – заставляет невесту всерьёз задуматься о своей судьбе,

своём жизненном предназначении, при этом «нейтральная зона» является тем промежуточным пространством, которое (как и промежуточный переход в ритуале) служит необходимым условием самого ритуала» [1, с. 99–100]. Передвижение обусловлено пространственной структурой в обрядовом комплексе, наличием «своей» и «чужой» сторон, границу между которыми необходимо преодолеть: «представление о “своём” актуализируется только в противопоставлении более внешнему, “чужому” локусу, отделенному значимой границей. Причём такое противопоставление каждый раз определяет отношение двух данных локусов: того, в котором находится персонаж, и того, в который ему предстоит попасть. Эти статические топографические представления, таким образом, выстраиваются, по мнению А. К. Байбурина и Г. А. Левингтона, в ритуале в сюжетную последовательность» [1, с. 93].

Причитания, как неотъемлимая поэтическая часть, исполнялись и на следующем этапе свадьбы – девичнике. Причеты были направлены на достижение благополучного перехода невесты в пространственном отношении на «чужую» сторону и на закрепление единения двух противоположных родов. К основным ритуальным событиям в обрядовой драматургии в записи А. Н. Зырянова относятся: расплетание и заплетание косы, прощание с «красотой»:

Улетела дивья красота
Во далече во чисто поле,
Сошла дивья красота
На горькую на осиночку... [6, с. 257].

В своих материалах А. Н. Зырянов приводит несколько образцов жанра причета, связанных с девичником. В одном из них (в рукописном варианте) невеста, обращаясь к отцу-матери, причитает:

Походить бы мне, молодёшенькой,
По высокому по терему,
Поискать бы мне, молодёшенькой,
Себе местечка кручинного.
Уж я выйду же, молодёшенька,
На широку большу улочку,
На прекрасное на крылечушко.
Уж ты небо, да небо синее,
Уж вы звёзды, звёзды частые,
Батюшка млад светел месяц,
Вы посмотрите-ка,
Красно солнышко,
На мою-то на дивью красоту,
Любо дивье украшеньице [9].

В приведённом причете путь связывает закрытый локус родительского дома и открытое пространство мироздания. Невеста находится в ритуальном пространстве: «мироздание – родной дом». Здесь ритуальные действия разворачиваются в реальном топографическом пространстве. Именно изображение дороги обозначено тремя содержательными компонентами текста: характеристикой времени через описание небосвода (звёзды, месяц, солнце), пространственными ло-

кусками от периферии к центру (*улочка, крылечушко*) и глаголами, обозначающими способы передвижения в пространстве (*походить, выйду*). При этом временная составляющая причета показана через изображение суточной цикличности, она обозначает темпоральную протяженность пути героини в данном свадебном обряде. После обряда венчания, по записям А. Н. Зырянова, причитания уходили из поэтической составляющей зауральской свадьбы: «В соответствии с общей схемой (смерть – возрождение) происходит перерождения пути невесты, с какого-то места её дальнейший путь воспринимается как “рождение”: в обряде исчезает причет» [1, с. 98]. Так как в этом эпизоде обрядового сюжета зауральская невеста благополучно переходила в пространственном отношении на «чужую» сторону, то в дальнейшем в драматургии свадьбы на смену печали приходила радость, и начинали звучать уже лирические, величальные, хороводные, игровые свадебные песни.

Заплетание и расплетание косы невесты – ещё один символический акт в свадебном обряде. «Девичьями производится заплетание косы у невесты с грациозным накрытием всей головы её десятками ленточек, алых, голубых и вишнёвых, а затем косу расплетают совершенно, снимая все ленты, украшавшие её девство, – начинается переход из девичества в замужество, переход в новую, неизвестную для неё жизнь» [6, с. 256]. Помимо переходной функции, традиционные ритуальные действия заплетания и расплетания косы имели также защитную функцию оберега и пожелания невесте всех благ, здоровья и семейного счастья.

Для обеспечения благополучного перехода невесты из одного мира в другой в день венчания в Шадринском уезде отмечены и другие магические ритуальные действия. Так, знаковым моментом символического пути было прибытие свадебного поезда в дом невесты накануне обряда венчания. Так как обрядовая семантика отправления поезжан за невестой восходит к древнему обычаю похищения, то в зауральской свадьбе «поезд останавливается у ворот невесты, где толпа любопытных старается разом заградить путь в ограду посредством нахватавших в руки палок и поленьев, чтобы вынудить этим внимание и угощение от жениха» [8, с. 42]. Закрытие пути в данном случае – способ защиты от потенциально опасного чужого влияния, создание внешней границы, целью которой являлось сокрытие истинного смысла происходящего. В пространственном отношении проявление данного обычая локализовано символической границей между «своей» и «чужой» стороной, а именно воротами дома невесты, и призвано было защитить участников свадебного обряда от пагубного влияния сверхъестественных сил и сглаза. Ворота, как граница внешнего и внутреннего, отделяли дом невесты от окружающего «чужого» пространства,

поэтому пересечение этой границы было связано с соблюдением ряда правил преодоления всевозможных препятствий.

Таким образом, в записи свадебных обрядов А. Н. Зыряновым представлены два мотива: необходимость единения двух противоположных родов и благополучный переход невесты из «своего» мира в «чужое» пространство, перемещение женщины из одного семейного пространства в другое. Все ритуальные действия сложного обрядового комплекса призваны были обеспечить достижение этих главных целей в зауральской свадьбе. Современные А. Н. Зырянову свадебные обряды представляли собой сложную драматическую игру, в которой все подчинялось единой цели – показать, как складывается в праздничной обстановке новая семья, как во временном отношении, так и в пространственной структуре обряда.

Библиографический список

- 1 Байбурин А. К. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон // *Русский народный свадебный обряд: исслед. и материалы* / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 89–105.
- 2 Драгунова О. С. Формирование молодёжного коллектива и личности в календарной и свадебной обрядности (по записям зауральского фольклориста XIX века А. Н. Зырянова) / О. С. Драгунова // *Культура и антикультура. Соотношение цивилизации и культуры, материального и идеального, традиций и преемственности. Проблемы региональной культуры: коллектив. монография* / Тюменский индустр. ун-т; науч. ред.: Л. Н. Захарова, Л. Н. Шабатура. – Тюмень: ТИУ, 2020. – С. 200–206.
- 3 Зырянов А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // *Пермские губернские ведомости*. – 1863. – 22 нояб. (№ 47). – С. 234–235.
- 4 Зырянов А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // *Пермские губернские ведомости*. – 1863. – 13 дек. (№ 50). – С. 246–247.
- 5 Зырянов А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // *Пермские губернские ведомости*. – 1863. – 20 дек. (№ 51). – С. 250–251.
- 6 Зырянов А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // *Пермские губернские ведомости*. – 1863. – 27 дек. (№ 52). – С. 256–257.
- 7 Зырянов А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // *Пермские губернские ведомости*. – 1864. – 17 янв. (№ 3). – С. 15–17.
- 8 Зырянов А. Н. Свадебные обряды в Шадринском уезде Пермской губернии / А. Н. Зырянов // *Пермские губернские ведомости*. – 1864. – 14 февр. (№ 17). – С. 42–44.
- 9 Зырянов А. Н. Свадьбы Пермской губернии, 1850 // *Научный архив Российского Географического общества (НА РГО)*. Р. 29. Оп. 1. Д. 32 б.

*А. Г. Казанцев,
ГБУК «Курганская областная детско-юношеская
библиотека им. В. Ф. Потанина»,
г. Курган*

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «НАШ ВИКТОР ПОТАНИН» СОТРУДНИКАМИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ В. Ф. ПОТАНИНА

Уже более пяти лет, с 6 октября 2017 года, Курганская областная детско-юношеская библиотека носит имя выдающегося российского писателя – нашего земляка, лауреата нескольких литературных премий Виктора Фёдоровича Потанина. Поэтому вполне объяснимо, что библиотека прилагает все усилия, направленные на продвижение культурного наследия знаменитого писателя в детской и юношеской среде посредством разных форм и методов библиотечной работы. Именно с этой целью в январе 2018 года был запущен проект «Наш Виктор Потанин», автором которого была Акимова Светлана Александровна, бывшая заведующая отделом методического обеспечения и психологии детско-юношеского чтения. Этот проект можно считать инструментом инновационного развития именной библиотеки. В его рамках проходят мероприятия, которые в основном продвигают чтение в молодёжной среде. Произведения Виктора Фёдоровича всё-таки больше рассчитаны на взрослую аудиторию.

Так, в 2018 году был реализован цикл культурно-просветительских мероприятий «Потанинские сезоны в библиотеке». Названия сезонов соответствуют названиям произведений писателя: «Однажды зимой», «Шальная весна», «Мир, полный солнца», «До будущей осени». Много интересных мероприятий прошло в библиотеке при проведении «Шальной весны». К наиболее важным из них относятся чтение рассказов В. Ф. Потанина «Номерок», «Птицы» и «Голубые открытки» в исполнении актёров Курганского Альтернативного Театра и творческая встреча студенческой молодёжи с участниками литературной студии В. Ф. Потанина, которой он руководит уже 20 лет.

В марте был организован видео-опрос «Хочу спросить у Виктора Потанина». В нём приняли участие известные люди Зауралья, сотрудники библиотеки, школьники и студенты. Писатель искренне и подробно ответил на все заданные ему вопросы. Итогом работы стало создание и презентация видеофильма «О счастье, о жизни, о судьбе: интервью с писателем Виктором Потаниным» совместно с веб-блогом «КГУ-ТВ» и его автором и ведущим с 2015 г. по 2018 г. Ринатом Джалиловым, на тот момент студентом Курганского государственного университета. А накануне 23 апреля, Всемирного дня книги, прошло мероприятие «Мой портрет с любимой книгой Виктора Потанина». Это фотопроект с юными читателями библиотеки (их фотографии разместили на сайте).

В летний сезон был проведён цикл мероприятий, посвящённых дню рождения В. Ф. Потанина, – «Мир, полный солнца». 14 августа состоялись чтения произведений Виктора Потанина, а на сайте библиотеки была размещена «ПОТАНИНская онлайн-ВИКТОРИна», включавшая в себя 14 вопросов о жизненном и творческом пути писателя.

Осенью состоялись Областные Потанинские чтения. Их участниками стали представители учреждений культуры и образования, творческая интеллигенция, студенческая молодёжь.

Опыт работы библиотеки по реализации проекта описан автором проекта С. А. Акимовой в методическом пособии «Библиотека и писатель: творческий тандем». Тандем – потому, что В. Ф. Потанин был участником многих мероприятий. Статья С. А. Акимовой под заглавием «Мы с этим именем живём, мы этим именем гордимся» была напечатана в профессиональном журнале «Библиотечная палитра» № 4 за 2018 год, изданном Липецкой ОДБ [1].

В 2019 году продолжилась реализация проекта. Областная культурно-образовательная акция «Диктант по произведениям В. Ф. Потанина» была организована 13 марта. Для диктанта были выбраны 8 известных произведений В. Ф. Потанина, среди которых «Когда прошли дожди», «Привези мне камешек...», «Поезда не возвращаются» и другие. Для чтения текстов были приглашены заслуженная артистка России, артистка Курганской областной филармонии Ольга Владимировна Манус и актриса и режиссёр Курганского театра кукол «Гулливёр» Татьяна Юрьевна Леняшина. В акции, кроме библиотеки Потанина, приняли участие 22 центральные, детские и сельские муниципальные библиотеки и 45 образовательных учреждений Курганской области – то есть всего более 2000 человек: учащихся 5–11-х классов, студентов и преподавателей. В каждой группе участников диктанта были выявлены победители (всего 325 человек), получившие оценки «отлично». Это значит, главные цели проведения диктанта – продвижение творчества писателя В. Ф. Потанина в подростковой и молодёжной среде, а также проверка грамотности школьников и студентов Зауралья – были достигнуты.

Для пробуждения интереса детей к чтению в летний период в библиотеке была открыта Арт-мастерская «Пока солнышко спит» по произведениям В. Ф. Потанина и проведён конкурс иллюстраций к его книгам. А 14 августа состоялась

Акция под открытым небом «Виктор Потанин. Мы знаем! Мы любим! Мы читаем!», приуроченная ко дню рождения писателя.

В сентябре 2019 года библиотека Потанина подала заявку на участие во Всероссийском конкурсе «Самый читающий регион», представив проект «Наш Виктор Потанин». Статья С. А. Акимовой «Наш Виктор Потанин» была напечатана в московском справочном издании «100 проектов про чтение» (100 проектов про чтение. Молодёжные инициативы – 2019 : образоват. атлас : справ. изд. / ред.-сост. Р. В. Раппопорт. – Москва : Фонд президентских грантов, 2019. С. 132–133). А статья С. А. Акимовой «Уроки нравственности, мудрости и правды: тандем писателя и коллектива» вышла в общероссийском журнале «Библиотека» № 10 за 2019 год. Там же было размещено интервью с Виктором Потаниным [1].

В сентябре был подготовлен к изданию и напечатан в типографии литературно-биографический календарь на 2020 год «Виктор Потанин. Слово и душа». Каждый из 12 месяцев календаря был представлен фактами из жизни писателя, цитатами из его произведений, высказываниями коллег-писателей и друзей о творчестве Виктора Потанина, что сделало это издание уникальным.

Всего в 2018–2019 годах в рамках проекта «Наш Виктор Потанин» было проведено более 30 мероприятий, участниками которых стали около 3500 человек. Мероприятия областного масштаба проводились при поддержке нашего учредителя – Управления культуры Курганской области.

С 20 января по 31 марта 2020 года на базе нашей библиотеки состоялся областной профессиональный конкурс на лучшую организацию читательской акции «Наследник солдата. Нравственно-патриотическое воспитание юношества на примере произведений В. Ф. Потанина». Главными целями и задачами конкурса были сохранение исторической памяти у подрастающего поколения, активное продвижение в детско-подростковой и молодёжной среде творческого наследия В. Ф. Потанина, который внёс неоценимый вклад в нравственно-патриотическое воспитание юношества. Всего в конкурсе приняли участие 55 библиотек из 19 районов Курганской области и города Шадринска. Свои конкурсные материалы в номинации «Акция в детской библиотеке» представили 11 детских библиотек области.

Семинар-практикум для заведующих школьными библиотеками города Кургана по теме «Педагогические технологии в библиотечной практике: метод кейсов» состоялся в библиотеке Потанина 19 февраля. Коллегам было предложено принять участие в деловой кейс-игре «Метод ситуационного анализа для продвижения художественной литературы о Великой Отечественной войне в детско-юношеской среде». В 2020 году отмечалось 75-летие Великой Победы. Этим и был обусловлен выбор темы. Для игры были выбра-

ны 3 произведения, в том числе повесть «Снег» Виктора Потанина.

В ноябре 2020 года у Виктора Фёдоровича появился собственный YouTube-канал. В одном из первых выпусков писатель рассказал о своей книге «Белые кони», а также ответил на вопросы читателей о своём творчестве. В декабре 2020 г. в третий раз на базе нашей библиотеки прошли областные Потанинские чтения «Именные библиотеки: работа по изучению и популяризации культурного наследия».

В 2021 году состоялась Областная литературная эстафета «Всё-таки жизнь продолжается! Представляем книги Виктора Потанина». Муниципальные библиотеки Курганской области представили произведения писателя в различном формате: буктрейлер, электронная презентация, эссе, виртуальная выставка и др. (ко дню рождения В. Ф. Потанина). А в ноябре 2021 года состоялась Межрегиональная литературная конференция «Потанинские чтения» по теме «Русская художественная литература как средство нравственного воспитания детей и юношества». Проектная деятельность позволяет библиотеке целенаправленно мотивировать детей и молодёжь к чтению и быть своеобразным «маяком» в безбрежном океане литературы.

Что же касается 2022 года – то ни для кого не секрет, что 14 августа член Союза писателей России, наш выдающийся земляк, писатель Виктор Фёдорович Потанин отметил свой 85-летний юбилей. И потому в прошлом году на базе Курганской областной детско-юношеской библиотеки имени В. Ф. Потанина, носящей имя прославленного земляка, состоялся целый ряд мероприятий, приуроченных к этому торжественному событию и объединённых общим проектом «Наш Виктор Потанин. Юбилейный сезон».

Так, 2022 год был ознаменован проведением творческого конкурса «Потанинские пейзажи». Конкурс был посвящён юбилею нашего писателя и проходил с 1 марта по 29 июля. Школьники из Курганской, Мурманской, Омской областей и Алтайского края прислали иллюстрации к его произведениям. Всего приняли участие 19 человек.

С 22 марта по 15 апреля проходил областной конкурс эссе «Дорога к Виктору Потанину». Его главной целью стало привлечение внимания жителей Зауралья к неординарной личности писателя В. Ф. Потанина, к его неповторимому, самобытному творчеству. Участие приняли 25 библиотек из 11 районов и областного центра Курганской области (22 – муниципальные, 3 – библиотеки образовательных учреждений). Всего в 3 номинациях поступило 38 конкурсных работ. Самыми активными участниками этого профессионального и читательского конкурса стали представители номинации «Библиотекари, учителя, воспитатели» (23 эссе). Школьники и студенты прислали 15 эссе. Авторы написали о незабываемых встречах с Виктором Фёдоровичем, о его произведении-

ях, несущих в себе глубокий смысл, воспитывающих в читателях чувство добра и справедливости. По итогам конкурса был подготовлен в электронном формате сборник материалов, в который вошли лучшие конкурсные работы.

Областная акция «Золотой потанинский ковчег, или Путешествие по творчеству Виктора Потанина и его литературных современников» стала одним из самых масштабных мероприятий, посвящённых юбилею писателя. Акция прошла с 1 по 14 августа. Главная цель – популяризация в детско-юношеской среде творчества В. Ф. Потанина и его литературных современников – Виктора Астафьева, Василия Белова, Виктора Лихоносова, Валентина Распутина, Василия Шукшина и других российских писателей. В акции приняли участие 75 муниципальных библиотек из 20 районов и округов Курганской области, в том числе 14 центральных, 9 детских и 52 сельские библиотеки. В рамках акции проведено в офлайн- и онлайн-режимах 143 мероприятия, участниками которых стали 1456 человек. Информацию о проведённых мероприятиях библиотеки-участники размещали на своих страницах или в своём сообществе в соцсетях «ВКонтакте» или «Одноклассники» с обязательным хештегом «#ЗолотойПотанинскийКовчег». Активными партнёрами библиотек стали средние общеобразовательные школы, детские сады, центры социального обслуживания населения, районные дома культуры, сельские клубы, детско-юношеские центры.

15 августа состоялось торжественное мероприятие, посвящённое 85-летию В. Ф. Потанина. В Курганской областной детско-юношеской библиотеке писатель отметил свой юбилей. На торжественном мероприятии в адрес Виктора Фёдоровича прозвучало много добрых слов. Губернатор Курганской области В. М. Шумков объявил, что в регионе появится специальная премия для молодых писателей имени Потанина. Глава города Кургана Е. В. Ситникова вручила юбиляру Почётную грамоту и Памятный знак «За выдающийся личный вклад в социально-экономическое развитие города». Директор библиотеки А. Г. Сидорова рассказала о проекте «Подарим рук своих тепло», в котором приняли участие зауральские мастерицы из всех 24 районов и округов Курганской области. Общими силами было сшито лоскутное одеяло – арт-объект, свидетельство всенародной любви и уважения к писателю. В этот день в библиотеке состоялась презентация новой книги В. Ф. Потанина «На семи холмах».

А 15 декабря был вручён Грант Губернатора Курганской области в сфере литературы имени Виктора Фёдоровича Потанина. На конкурс было подано 29 заявок. Жюри во главе с Виктором Фёдоровичем выбрало трёх победителей:

I место – Виктор Павлович Воинков;

II место – Андрей Алексеевич Ветров;

III место – Борис Иванович Пospelов.

Итак, проект «Наш Виктор Потанин» успешно реализуется. Вся информация о проекте представлена на сайте библиотеки. В будущем также планируем организовывать работу библиотеки с именем, которое она носит, так, чтобы она наиболее точно и содержательно достигала поставленных целей.

Библиографический список

1 Акимова С. А. Если есть у библиотеки имя – имя крепи делами своими: «Потанинки» в деятельности ГБУК «КОДЮБ им. В. Ф. Потанина» / С. А. Акимова // VII Югоевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 2022) / Курганская обл. универс. науч. б-ка им. А. К. Югова, Курганский гос. ун-т ; отв. ред.: Д. Н. Маслюженко, Н. А. Катайцева. – Курган, 2022. – С. 273–282 : ил.

*В. С. Норкин,
Институт истории и археологии УрО РАН,
МАОУ «Гимназия № 120»,
г. Екатеринбург*

ЛИЧНОСТЬ И ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАУРАЛЬСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ ПОМОРСКОГО СОГЛАСИЯ Г. Ф. ЛОГИНОВА (1898–1985)

Имя Григория Филатовича Логинова сегодня известно только узкому кругу специалистов и краеведов, занимающихся изучением истории старообрядчества поморского (беспоповцы) согласия в Зауралье (Курган, Челябинск) [12; 13]. Между тем жизненный путь Г. Ф. Логинова тесным образом был связан с историей Курганского уезда. Исследование личности и письменного наследия Г. Ф. Логинова представляется актуальным для изучения истории развития поморских Зауралья в XX веке. Письменное наследие Г. Ф. Логинова представляет из себя яркий пример традиционной старообрядческой крестьянской письменности Зауралья, которой посвящена объёмная работа «Традиционная книжная культура русского населения Южного Урала и Зауралья в XVII–XX вв.» [17].

Для реконструкции биографии Г. Ф. Логинова были использованы рукописные источники, которые хранятся в Челябинском собрании ЛАИ УрФУ, большая часть которого состоит из архива Г. Ф. Логинова. Среди большого количества его сочинений следует выделить несколько источников, которые позволяют реконструировать биографию.

Письмо Г. Ф. Логинова внучке Людмиле Ивановне. Со слов: «Внучке Людмиле Ивановне и твоим деткам, Кате и Лёше, шлю привет!...». Август 1985 г. В письме много биографической информации, благодаря которой можно реконструировать родственные связи Г. Ф. Логинова [8].

Письмо к супругам Ануфриевым в Курган. 70-е гг. В письме имеются биографические сведения об отце и деде Г. Ф. Логинова, поморской общине д. Обухово [10].

Отдельные короткие воспоминания, размышления и биографические заметки в ряде сочинений и писем Г. Ф. Логинова.

Для реконструкции биографии Г. Ф. Логинова использовался также материал из беседы с М. Г. Логиновой – младшей дочерью [2]. Беседу с М. Г. Логиновой можно отнести к элементам устной истории. Следует подчеркнуть, что М. Г. Логинова находится в достаточно преклонном возрасте (94 года), что, конечно, отражается на памяти и воспоминаниях.

Когда речь шла об основных вехах биографии Г. Ф. Логинова, то воспоминания М. Г. Логиновой в дальнейшем подтверждались иными источниками из её личного архива – военный билет и трудовая книжка Г. Ф. Логинова [3; 18], письмами Г. Ф. Логинова. Интервью можно охарактеризовать

как достаточно достоверное. В интервью изложено большое количество информации, которая при сопоставлении с другими источниками позволила реконструировать биографию Г. Ф. Логинова и его родословную (рисунок 1).

Григорий Филатович Логинов – видный старообрядческий деятель и писатель поморского согласия Зауралья второй половины XX века. Из рода Логиновых. Григорий Филатович родился в д. Обухово Чернавской волости Курганского уезда 4 ноября 1898 года. Большую часть д. Обухово заселяли старообрядцы поморского согласия. В 1924 году д. Обухово стала относиться к Глядянскому району Уральской области, затем, с 1934 по 1943 гг., – к Челябинской области, с 1943 г. – Курганской области. Сегодня с. Обухово относится к Притобольному району Курганской области [15].

Род Логиновых был достаточно большой. Все были членами поморского согласия. Дедушка Григория Филатовича – Иван Иванович Логинов (???–???) был духовным наставником общины поморцев в д. Обухово [10, л. 5]. Он был достаточно грамотным, влиятельным и уважаемым человеком в общине. И. И. Логинов был участником Всероссийского собора старообрядцев-поморцев брачного согласия, прошедший в 1909 году [10, л. 6]. Во второй половине XIX века Зауралье охватили активные споры в среде старообрядцев-поморцев о чиноприёме федосеевцев и филипповцев и о признающих «безсвященнословесные» браки [12]. Община д. Обухово и её наставник И. И. Логинов были активно вовлечены в этот процесс. В результате разразившейся полемики И. И. Логинов во избежание раскола общины ушёл со служения наставником в 1909 году [10, л. 6].

Про своих родителей Григорий Филатович Логинов упоминает изредка. Мать Г. Ф. Логинова была из федосеевского согласия родом из д. Сумки [10, л. 7]. Она перешла в поморское согласие в результате брака с Филатом Ивановичем Логиновым (1874–1920). Супругой Ф. И. Логинова была Феврония. Брак с Февронией, по всей видимости, был в 1890-е гг. У Ф. И. Логинова и его супруги было 5 детей [2, с. 4]. Старшим ребёнком был Г. Ф. Логинов.

Он вспоминал, что «отец меня всегда водил с собой на моление» [10, л. 7]. Очевидно, что включённость Г. Ф. Логинова в богослужебную жизнь Обуховской поморской общины была довольно значительной. Сюда можно добавить и традици-

онное семейное воспитание, научение грамотности, особое отношению к книге и письму.

После смерти наставника поморской общины д. Обухово Семёна Лаврентьевича [Лаптева] [10, л. 8] руководителем общины в 1910-е гг. становится Филат Иванович Логинов, который пробудет наставником общины вплоть до своей смерти 1 марта 1920 года [10, л. 7].

Буквально перед самой революцией, в 1916 году, Григорий Филатович женится на Евдокии Анфиногеновне Предеиной (1899 – 12.05.1945). По всей видимости, фамилия Предеины была также широко распространена в д. Обухово, как Логиновы, Лаптевы. В семье Г. Ф. Логинова и Е. А. Логиновой было семь детей. М. Г. Логинова, вспоминая о своей маме, говорит, что она «совершенно неграмотная была» [2, с. 8]. Евдокия Анфиногеновна много молилась в течение жизни. Мария Григорьевна вспоминает, что в 30-е годы мама молилась дома, «псалмы пела, но папа ей запретил это делать, чтобы никто не доложил и не начались гонения. Время страшное было» [2, с. 7]. Приверженность старой вере сочеталась в крестьянском сознании Евдокии Анфиногеновны с народной религиозностью. На Алтае в 30-е годы она заболела малярией, которая сильно подорвала её здоровье и дала осложнения на сердце. Она скончалась от болезней 12 мая 1945 года.

Произошедшая в 1917 году революция привела не только к изменению политического строя государства, но и к глубоким социальным сдвигам во всей общественной структуре. Оказала она своё влияние на личность и жизненный путь Г. Ф. Логинова. В 1917 году Г. Ф. Логинов был призван Курганским УВК и признан годным к нестроевой службе, а затем отправлен в запас [3, с. 4].

В период Гражданской войны Г. Ф. Логинов воевал в Красной Армии. В 1918 году Г. Ф. Логинов «призван из запаса на действительную военную службу Курганским РВК Курганской обл. 6 сентября 1918 года. Призван в 25-ю стрелковую дивизию им. Чапаева. Стрелок. Сен. 1918 – нояб. 1921 г. Уволен в запас 6 ноября 1921 года» [3, с. 7]. М. Г. Логинова вспоминает: «В Челябинске был. Чехи были здесь тогда. С ними воевал, рассказывал» [2, с. 9] (рисунок 2).

По окончании Гражданской войны Г. Ф. Логинов вернулся домой в Курган, в конце 1921 года. Сложно сказать, как проходила жизнь Логиновых в 20-е годы. По всей видимости, они продолжали заниматься своим большим хозяйством. Род Логиновых, вероятно, был достаточно зажиточным. Это подтверждается и тесным знакомством с Мякиниными. Также и тем, что им пришлось бежать от раскулачивания. М. Г. Логинова так вспоминает о хозяйстве своей семьи: «...хороший дом был, пятистенный, бревенчатый. Такой прямо крепкий. А мы в саманухе жили. Во дворе самануха была из самана, ну, как избушка сложенная. Русская печка, никаких полатей и всё, и кухня, и комната – и всё здесь. Ну, большая была. Ворота

были большие, хорошие, тесовые. Палисадничек был. И огород к речке, чуть впокат, такой был, и река [Чёрная] сразу. Стояла баня по-чёрному. Сарайки были, амбар был» [2, с. 11].

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 30.01.1930 «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» привело к крушению судеб многих зажиточных крестьян и их семей. Раскулачивание коснулось и семьи Логиновых. Г. Ф. Логинов, видя, как раскулачили Мякининых, а также многих других зажиточных крестьян, вероятнее всего, был сильно встревожен и напуган. Он стал искать возможность уехать из д. Обухово, чтобы избежать подобной участи: «Папа уехал сначала один. Раскулачивали когда, в колхозы-то загоняли. Ну, вот он уехал на Алтай» [2, с. 11].

Но процесс раскулачивания дошёл и до дома Логиновых. Мария Григорьевна так вспоминает об этом: «И вот помню, что, когда папа уже уехал, лошади-то у нас уже были. Но я не помню, как их водили, когда колхоз там организовывали. И вот помню: мы на кухне у бабушки с Тасей, она нам миску сметаны подала – глиняная мисочка, – ложки подала и сказала: “Девчонки, последний раз едите, больше не будет”. Две коровы, и их за рога верёвкой привязали и тянули. Они ревели страшно, бабушка редела, и мы ревели и сметану ели (смеётся). Вот это помню. Не знаю, он, видимо, боялся говорить о деревне тогда, что это вот раскулачивали, да всё. Не знаю. Про это он молчал» [2, с. 12].

Вероятнее всего, отъезд Г. Ф. Логинова был в 1933–1934 гг. В трудовой книжке Г. Ф. Логинова указано, что до официальной работы в Каргате общий стаж работы по найму был 3 года 6 мес., а первая официальная работа пришлась на 17.05.1937 г. На Алтае, в Барнауле, Г. Ф. Логинов устроился в леспромхоз [2, с. 12]. Из-за болезни супруги Г. Ф. Логинов вместе с семьёй переехали под Новосибирск, в г. Каргат. В Каргате первое время Г. Ф. Логинов работал пастухом, пас овец, пытался хоть как-то заработать на жизнь и прокормить семью [2, с. 12].

Вскоре о нём узнали, что он «маленько грамотный» и предложили «работать счетоводом». В трудовой книжке Г. Ф. Логинова значится, что 17.05.1937 года принят на работу «учётчиком»; 17.11.1937 года переведён на ферму Безлюдное счетоводом, а уже 23.03.1939 года переведён на Центральную ферму счетоводом [18, с. 2–3].

Сохранились воспоминания М. Г. Логиновой о жизни в Каргате: «Землянку рыли. В ней жили. Окошечко маленькое, на земле лежало. Окошечко и крыша. Остальное всё в земле. Ступеньки вниз, сеночки, в сенках ларь стоял, продукты. Одна большая комната, печка, плита. Папа с мамой на топчане спали, а мы на полу на кошме все вповалку. Нам сначала в Каргате еду колхоз давал, а потом и корова, и куры появились, и поросёнок» [2, с. 13].

Рисунок 1 – Григорий Филатович Логинов (1898–1985)

I. Военно-учетные сведения	
1. Год рождения	1898.
2. Отметка о категории учета	Западной (пропись) категории
3. Группа учета	ОВ
4. Состав	Солдат
5. № военно-учетной специальности	1
6. Наименование военно-учетной специальности	Служба в войсках
7. Наименование должностной квалификации	Сержант
8. Военное звание	Сержант

С С С Р	
ВОЕННЫЙ БИЛЕТ	
Серия АБ № 185853	
Фамилия	Логинов
Имя и отчество	Григорий Филатович
Год рождения	1898
Личная подпись владельца	<i>Григорий Филатович Логинов</i>
Выдан	военным комиссариатом.
	19... г.
	М. П.
	(Подпись: звание, фамилия)

Рисунок 2 – Военный билет Г. Ф. Логинова

Рисунок 3 – Челябинская община поморцев, 1960-е гг.

В Каргате семья Логиновых прожила до 1939 г. Родственники Г. Ф. Логинова вернулись домой, в Обухово, с Алтая в 1938 г. Григорий Филатович решил съездить, навестить их. «Он приехал повидаться с ими и всё... поедет на родину. Поедем и всё» [2, с. 13]. Решил увольняться. Директор всячески его отговаривал. Причиной этому были постоянные разговоры о грядущей войне в обществе. Но он отказался, и они уехали в Курган. 30.10.1939 года Г. Ф. Логинов уволен с Центральной фермы согласно собственному заявлению. Следует также подчеркнуть, что Г. Ф. Логинов за «аккуратное и своевременное предоставление отчётов» получил премию в 200 рублей от Каргатского совхоза 217 НСО [18, с. 4].

Период раскулачивания и гонений на верующих, ссылки друзей, знакомых, разорение Обуховской поморской общины – всё это оказало огромное влияние на Г. Ф. Логинова. Вероятнее всего, он был напуган этим. По этой же причине Г. Ф. Логинов запрещал своей супруге молиться под предлогом того, чтобы об этом не узнали и не доложили, а также не принуждал и не воспитывал детей в вере. Мария Григорьевна так вспоминает об этом: «Мама любила петь. Иной раз песни какие поёт, чего-нибудь делает руками. Вот мама когда псалмы пела, то он её ругал потому, что за это преследовали тогда. Никаких церквей. Ведь Сталин разрешил церкви в 1942 году. А там до 42-го года и не пикни про церковь. Да мы и не знали перекреститься. Он верить в душе-то верил, но едва ли он молился. Если увидят, то что? Тогда друг на друга знаете как доказывали?!» [2, с. 8].

Мария Григорьевна вспоминала о качествах личности Григория Филатовича: «Так-то он не дрался у нас, не буйный был никогда. Маму не бил никогда. Пить он не пил, по праздникам как обычно. Я ни разу его пьяного, ни в старости тем более, не видела» [2, с. 9].

По приезду в Курган семья Григория Филатовича поселилась в селе Иковка. «Жили мы на Иковке, 35 километров от Кургана. Перед войной-то вот. И это... они на шпалзаводе с Аркадием-то работали. Шпалы обтёсывали» [2, с. 13]. В трудовой книжке Г. Ф. Логинова значится: «11.10.1939 года принят на работу в Иковский МЛП при шпалзаводе в постоянный кадр рабочих» [18, с. 5]. Грядущая война была всё ближе.

Практически сразу после начала войны на фронт ушёл брат Г. Ф. Логинова – Еремей. В конце 1941 года в армию забрали Григория Филатовича и его сына Аркадия. Что касается Григория Филатовича, то «...когда его забрали, так он в трудармии был. У его ревматизм. Из-за ревматизма его на фронт-то не взяли. Бакал около Сатки. Его туда взяли, он работал там сначала коновозчиком. Продукты возил в столовую. Потом, видимо, с Татаренко, начальник ОРСа был, познакомились. Он его экспедитором назначил. Он занимался снабжением Бакала. Вагонами отгружал

продукты, наряды делал. И так было до конца войны» [2, с. 14]. В трудовой книжке Г. Ф. Логинова значится: «Согласно справке действительно работал в ОРСе Бакальского трудоуправления в качестве старшего товароведа с 3 ноября 1941 года по 11 сентября 1948 года. Уволен по собственному желанию» [18, с. 5]. БакалЛяг действовал с января 1942, 13 августа 1942 переименован в Челябинск при Бакалстрое «Челябметаллургстроя» НКВД СССР.

Семья осталась жить на Иковке. Логиновы жили в трудных условиях. Затем мать решила отправить Марию к отцу в БакалЛяг, чтобы она там устроилась работать. Условия жизни в БакалЛяге для служащих мало чем отличались от условий жизни для поселенцев.

В памяти М. Г. Логиновой сохранились воспоминания о непростой жизни на БакалЛяге: «Бараки были. Комнатёшка была: плита, кровать стояла, стол. Жили плохо. Карточки были. По карточкам маленько крупы выдавали, масла не было, заменяли рыбьим жиром. Весной чеснок дикий мешками таскали, три километра ходили. Мама напарит этот чеснок, душище! Весь посёлок в этом запахе был. Как только зачерствеет этот чеснок – его и не поешь уже, твёрдый, не жуёшь. Пока молодой только. Хлеба выдавали иждивенцу 150 г на человека, а я получала в мастерской 400 грамм. Сильно плохо было. Люди сейчас не знают. Хлеб у помойки валяется – сердце кровью обливается.

Крупы давали – может, полкилограмма на месяц. В столовой Тася работала официанткой. Так рабочим суп из крапивы и лебеды варили, маленько пшена бросали, и это суп был. Люди работали и жили. Куда деваться? Сажали картошку. На всю зиму и не хватало. Почва гористая. Не больно где посадишь. Бросали не целую картошку, а с ростками, а остальное съедали. Грибов там не было, не росли почему-то» [2, с. 14].

За понесённые труды на БакалЛяге Г. Ф. Логинов 6 июля 1945 года был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» [3, с. 6].

В 1947 году он женился на Пелагее Сергеевне, с которой он проживёт 21 год. В переписке с курганскими старообрядцами Г. Ф. Логинов неоднократно сталкивался с обвинениями в «прелюбодеянии» и «блуде» из-за своего второго брака с «иноверной». В выписках из писем А. Г. Лебедева встречаются нелестные фразы о Григории Филатовиче: «Григорий блудник!», «Григорий прелюбодей!» [11, л. 44]. В своём письме к И. А. Благинину от 21.08.1974 года Г. Ф. Логинов опровергает данные обвинения, используя тексты Священного Писания [9, л. 54]. Вероятнее всего, второй брак послужил причиной, что Г. Ф. Логинов не смог стать духовным наставником общины, хотя, с точки зрения начитанности и образованности, он имел все данные для этого.

После войны Г. Ф. Логинов продолжал рабо-

тать на БакалЛаге до 1948 года. 30.11.1948 г. он устроился на Челябинский трубопрокатный завод десятником в экспедиторское направление с окладом в 800 руб. в месяц. В 1949 году он был переведён на КПЗис, принят там в кузнечный цех бригадиром. Затем переведён на должность кладовщика в кузницу. После он становится завхозом с окладом в 830 рублей [18, с. 10].

В сентябре 1953 года Г. Ф. Логинов был переведён на должность бригадира хозяйственной части, а уже в апреле 1954 года – на должность бригадира-контроллера [18, с. 10].

Годы отдаления от родных мест, отсутствие возможности активного участия в богослужбной жизни поморской общины не охладили веру в Г. Ф. Логинове. По всей видимости, он продолжал молиться, поддерживать какие-то связи с Обуховым, с Курганом. В 1947 году из ссылки и плена вернулись престарелые члены и наставники Курганской общины поморцев. В Курган начинают стягиваться другие поморцы. Община продолжала функционировать [9, л. 49].

Курган становится центром притяжения всех сил поморского согласия Зауралья. Завязывается интенсивная переписка, кто может – переезжает в Курган, начинаются попытки вернуть молитвенный дом. В 50-е годы богослужения совершались в частных домах. Вопросы, волновавшие старообрядцев в послереволюционный период и будоражившие Зауралье, никуда не исчезли. Они вернулись с былой энергией в возрождающуюся общину поморцев Кургана. Начались споры, дискуссии. В 1955 году в Курганской общине старообрядцев-поморцев брачного согласия начинается раскол по старым богословско-каноническим вопросам о браке и приёме федосеевцев, филипповцев [9, л. 40]. Это привело к формированию двух групп старообрядцев в г. Кургане. Первая группа получила название «крестители», лидерами были Е. Г. Богатырёв (1890–???) и В. А. Половников. Среди поморцев она получила название «ерофеевцы». Дом для богослужений этой общины был предоставлен М. И. Ануфриевым по ул. Аргентовской, 131, г. Кургана. Вторая группа получила название «защита» – наставником был В. И. Федулов (1899–???). Собирались в пос. Мало-Чаусово и других посёлках близ г. Кургана (рисунок 3).

Г. Ф. Логинов периодически приезжал в Курган, включаясь в жизнь поморской общины, и, по всей видимости, в эти годы вёл активную переписку с местными старообрядцами по вопросам чиноприёма федосеевых и филипповых. В общине шли интенсивные обсуждения проблем отношения староверов к текущей политической, социальной, культурной ситуации в стране. Г. Ф. Логинов участвовал в дискуссиях в Курганской общине в 50-е годы относительно взаимосвязи религии и науки и отношения старообрядцев к последней [14].

Г. Ф. Логинов отстаивал позицию «защи-

ты». Он активно включился в процесс полемики и горячих дискуссий, которые возникли на почве Курганского раскола. Большая часть рукописного наследия Г. Ф. Логинова в той или иной степени посвящена вопросам полемики о Курганском расколе, который тянулся с 1960 по 1970 гг., а в тлеющей форме продлился до середины 70-х гг., пока не умерли оппоненты со стороны «крестителей» (В. А. Половников, Е. Г. Богатырёв).

В начале 60-х гг. дом на КПЗиСе был продан, и Г. Ф. Логинов с супругой купили половину дома в Кургане, недалеко от родственников Логиновых («тёти Нюры», сестры Г. Ф. Логинова), и стали жить там [2, с. 17]. В этот период он стал регулярно посещать моленную, активно включился в процесс написания сочинений, вёл полемическую переписку со староверами СССР и Зауралья. По всей видимости, супруга не очень хорошо относилась к его стремлению к вере и участию в жизни поморской общины.

В результате длительной полемики и переписки с руководителями старообрядческих общин СССР Г. Ф. Логинову вместе со сторонниками «защиты» удалось добиться духовного суда в Вильнюсе над крупными сторонниками и идеологами «крестителей» – Е. Г. Богатырёвым, А. Ф. Лебедевым.

Активная религиозная жизнь Г. Ф. Логинова, по всей видимости, тяжело отражалась на неверующей супруге, которая не понимала всей проблематики и сложности взаимоотношений в поморском согласии. Брак был расторгнут 29 февраля 1968 года на основании решения Курганского горсуда (запись № 187) [16].

В 1970-е годы Г. Ф. Логинов очень часто болел. У него признали туберкулёз горла.

В первой половине 70-х гг. курганский раскол не завершился, но перешёл в тлеющую фазу. Исходя из письма Г. Ф. Логинова к И. И. Никитину, можно сделать вывод, что Г. Ф. Логинову было запрещено исповедоваться у духовного отца Курганской общины [4, л. 1]. Это запрещение было пролоббировано наставником Курганской общины В. А. Половниковым.

Итогом полемики стало то, что Г. Ф. Логинов перестал посещать моленную в Кургане. Периодически ездил в Челябинск, в Копейск в моленную. По предложению М. Г. Логиновой и старшего сына Аркадия, Г. Ф. Логинов обменял квартиру в Кургане на такую же в Челябинске, чтобы за ним могли ухаживать дети [2, с. 16].

В Челябинске Г. Ф. Логинов стал посещать моленную. Чертой характера Г. Ф. Логинова была любовь к правде, истине, попытка добиться точного и ясного понимания Священного писания и канонического наследия Православной церкви. Он уделял большое внимание изучению священных церковно-исторических и канонических текстов. Возникшая в Кургане полемика обогатила духовный и полемический арсенал Григория Филатовича и привела к формированию яркого

и умелого церковного полемиста, обладающего способностью к трезвому аналитическому суждению и ясным рациональным выводам.

Вторая половина 70-х гг. прошла в полемике по текущим обрядовым и религиозным вопросам, с которыми к Г. Ф. Логинову обращались рядовые члены общины. Среди старообрядцев Зауралья его называли «философом». Да и сам Григорий Филатович неоднократно создавал полемические ситуации, стараясь добиться правды в текущих делах общины поморцев Челябинска (рисунок 4).

Последние пять лет жизни Г. Ф. Логинова (1980–1985) прошли в напряженной интеллектуальной работе. Он написал свои крупные библейские полемические сочинения: опровержение на книги З. Косидовского «Сказания евангелистов» и К. Л. Воропаевой «Жил ли Христос?» [7],

«Изложение о открытии седми печатей» [6], «О времени продления тленной жизни на земле и об Антихристе» [5] и др. Г. Ф. Логинов продолжал вести активную переписку с прихожанами поморских общин Зауралья и видными деятелями старообрядчества СССР (А. Л. Мурниковым и др.).

Отличительной чертой характера Г. Ф. Логинова была его способность к примирению после любого, порой даже самого жаркого, спора или конфликта. Во многом такая черта была сформирована под влиянием изучения христианского наследия. Идея любви, милосердия и всепрощения Божия прослеживается во всех сочинениях Г. Ф. Логинова.

В конце 70-х – начале 80-х гг., во время археологических экспедиций, Г. Ф. Логинова посещали археографы-исследователи ЛАИ УрФУ. В ряде

Рисунок 4 – Полуустаев. Почерк Г. Ф. Логинова. Сочинение «История старообрядцев поморцев законнобрачного согласия г. Кургана»

2021/5/3 13:25

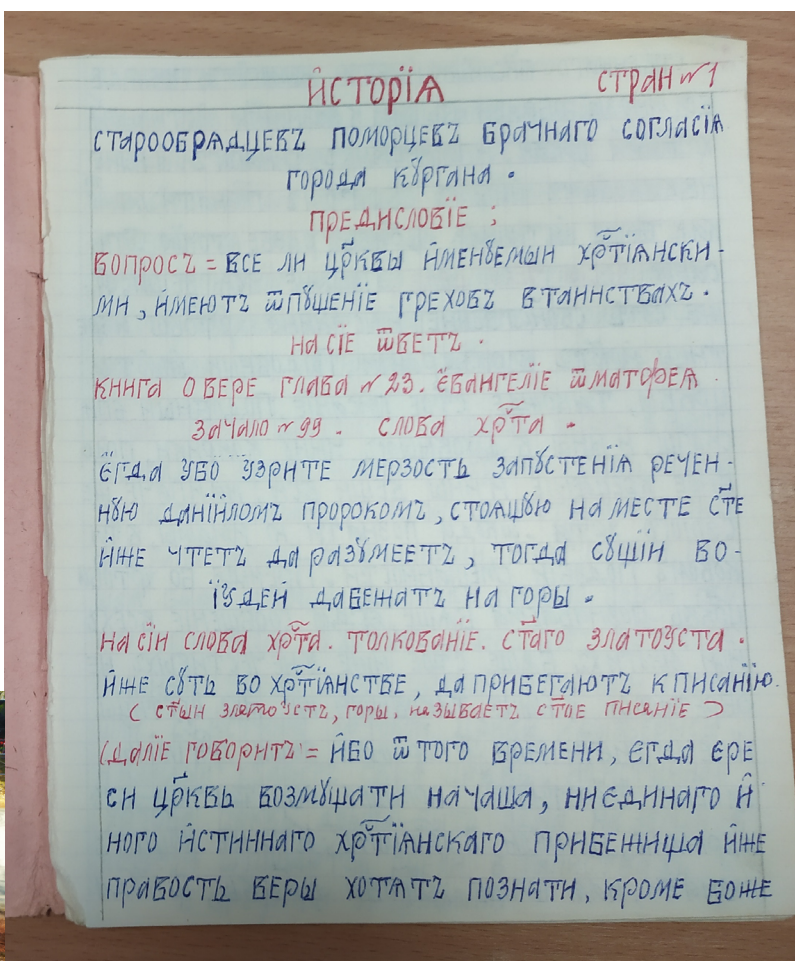

Рисунок 5 – Могила Г. Ф. Логинова на Градском кладбище г. Челябинска

полевых дневников остались небольшие заметки о Г. Ф. Логинове, которые дают дополнительные сведения к описанию его личности: «02.08.1979. Григорий Филатович Логинов (Образцовая, 15–38). Живёт у своей дочери, которая уехала от-дыхать. Очень грамотный и начитанный старик. Увлекается историей всех религий, много читает... Чрезвычайно грамотен, изучает историческую литературу... Модернист, сторонник рационалистического толкования Священного Писания» [1, д. 103/85-7, л. 21, 23, 25].

Григорий Филатович Логинов скончался от рака желудка 9 сентября 1985 года. Он был похоронен на Градском кладбище города Челябинска. В одной оградке с ним захоронен его старший сын Аркадий (рисунок 5).

Таким образом, следует сказать, что личность Григория Филатовича Логинова органично вписана в историю Курганской области. Необходимо подчеркнуть, что непростая судьба и сложный жизненный путь выковали достаточно интересную, глубокую и разностороннюю личность, в которой органично сочетаются традиционное религиозное старообрядческое мировоззрение и определенные веяния тех периодов, которые ему пришлось прожить. Это личность, в которой можно найти массу положительных качеств, но при этом поддававшаяся определённым слабостям, страхам и недостаткам. Размышляя о личности Г. Ф. Логинова, необходимо говорить, прежде всего, о человеке с большой буквы. Знакомство с его личностью и взглядами возможно через неспешное внимательное чтение его рукописного наследия. Ведь именно в своём наследии он реализовывал и раскрывал свою личность, оттачивая все её сложные грани.

На протяжении всей своей жизни Г. Ф. Логинов оставался верным вере и продолжал по мере сил участвовать в жизни поморских общин Зауралья (Курган, Челябинск) и СССР. Активное участие в событиях поморских общин он стал принимать в начале 50-х гг. XX века. Религиозная жизнь поморских общин послевоенной эпохи вновь находится на подъёме. Врожденная пассионарность Г. Ф. Логинова привела к тому, что он стал одним из ярких деятелей этой полемики. Личность Григория Филатовича в своём роде стала «притчей во языцех» в старообрядческой среде г. Кургана 60–80-х гг. XX вв. Такое стало возможно потому, что он регулярно писал, много полемизировал и вёл активную переписку по религиозным вопросам с членами поморских общин в СССР. После выхода на пенсию, в 1958 году, им было написано большое количество рукописных сочинений, собран значительный эпистолярный архив, который представляет огромный интерес для исследователей. На сегодняшний день атрибутировано более 100 рукописных сочинений и 60 писем (обращений, заявлений и пр.) из архива Г. Ф. Логинова.

Анализ богословских, канонических, церковно-исторических и эсхатологических взглядов Г. Ф. Логинова – дело будущих исследований.

Библиографический список

- 1 Архив Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета (ЛАИ УрФУ). Дневники. № 103/85-7, 107(2)/86, 66/79, 102(7)/85.
- 2 Беседа с М. Г. Логиновой от 02.05.2022 / интервьюер В. С. Норкин // Личный архив В. С. Норкина. 19 с.
- 3 Военный билет Г. Ф. Логинова // Личный архив М. Г. Логиновой. 45 л.
- 4 Копия письма Г. Ф. Логинова к И. И. Никитину : фрагмент : со слов «Брату по вере Христовой и честному отцу Иосифу Ивановичу Никитину...», май 1975 г. // Древлехранилище Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета (ЛАИ УрФУ). Челябинское собр. XVIII. 173р/4142. (Переписка старообрядцев-поморцев городов Кургана, Челябинска, Томска, 70–80-е гг. XX в.). 2 л.
- 5 Логинов Г. Ф. О времени продолжении тленной жизни на земле, о воцарении Антихриста и о времени его царствования, конец 70-х – начало 80-х гг. XX в. // Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Челябинское собр. XVIII. 125р/4094. 72 л.
- 6 Логинов Г. Ф. Об открытии седми печатей, начало 80-х гг. XX в. // Древлехранилище ЛАИ УрФУ Челябинское собр. XVIII. 35р / 1676. 48 л.
- 7 Логинов Г. Ф. Опровержение на книги З. Косидовского «Сказания Евангелистов» (Москва, 1979) и К. Л. Воропаевой «Жил ли Христос?» (Москва, 1959), начало 80-х гг. XX в. // Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Челябинское собр. XVIII. 117р/4086. 104 л.
- 8 Логинов Г. Ф. Письмо внучке Людмиле Ивановне, август 1985 г. // Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Челябинское собр. XVIII. 173р/4142. 10 л. (Переписка старообрядцев-поморцев городов Кургана, Челябинска, Томска, 70-80-е гг. XX в.).
- 9 Логинов Г. Ф. Письмо к И. А. Благинину, 21.08.1974 // Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Челябинское собр. XVIII. 86р/1883. 86 л.
- 10 Логинов Г. Ф. Письмо к супругам Ануфриевым в Курган : рукопись, 70-е гг. XX в. // Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Челябинское собр. XVIII. 215р / 4288. 123 л.
- 11 Логинов Г. Ф. Сборник (Выписки из писем А. Ф. Лебедева ; Тропари ; Подборка выписок из различных книг: «о примирении чашных оскорблений между людьми», «о спорах еретиков», «о пастырях и о согрешениях», «о благодатном действии церкви», «о чтении и пении», «о постничестве» и др.), 60–70-е гг. XX в. // Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Челябинское собр. XVIII. 151р/4120. 48 л.
- 12 Мангилев П. И. «Возражение последователей Озерского собора» как источник по истории полемики о браке у старообрядцев-поморцев Южного Зауралья / П. И. Мангилев, В. О. Олищук // Исторический курьер. – 2022. – № 2 (22). – С. 260–268.
- 13 Мангилев П. И. Полемика о браке в беспоповщине и решение этого вопроса поморцами Урала и Зауралья в XVIII – первой половине XIX века / П. И. Мангилев // Православие в славянском мире: история, культура, язык. – Olsztyn, 2014. – С. 135–151.
- 14 Норкин В. С. Советская научно-популярная литература в сочинениях уральских поморцев / В. С. Норкин // Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания : 6-й молодеж. конвент УрФУ : материалы междунар. конф. (Екатеринбург, 2022). – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2022. – С. 134–137. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/120721/1/978-5-7996-3605-0_2022_040.pdf (дата обращения: 28.08.2023).
- 15 Обуховское, село Чернавской области Курганского уезда // Государственный архив Курганской области. – URL: <http://gako.archives.kurganobl.ru/o3> (дата обращения: 14.03.2023).
- 16 Свидетельство о расторжении брака Г. Ф. Логинова и П. С. Логиновой // Личный архив М. Г. Логиновой. 1 л.
- 17 Традиционная книжная культура русского населения Южного Урала и Зауралья в XVII–XX вв. / П. И. Мангилев, С. А. Белобородов, Н. В. Ануфриева [и др.] ; под ред. И. В. Починской. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. – 508 с.
- 18 Трудовая книжка Г. Ф. Логинова // Личный архив М. Г. Логиновой. 15 л.

*Н. В. Радченко,
ГАУ «Курганский областной Дом народного творчества»,
г. Курган*

УШЕДШАЯ СТАРИНА В ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ФОНДЕ

Каждый народ имеет свои вековые традиции и обычаи, являющиеся не только основополагающими чертами, определяющими весь образ мыслей, стиль жизни и само будущее того или иного народа, но и главным связующим мостом между многими поколениями. Сколько стран и народов – столько и различных обрядов, обычаев, которые отличаются идейной направленностью, своего рода философией, смысловым и эмоциональным содержанием.

В основе любой культуры лежит традиция, которая определяется как элемент социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т. д. Чтобы традиция жила в народе, она должна поддерживаться людьми разных поколений.

Составляющей традиции может выступать обычай – сложившийся на определенной территории свод социальных установок и правил, определяющий поведение человека при тех или иных обстоятельствах.

Фиксацией и сохранением элементов традиционной культуры занимаются фольклорно-этнографические фонды, в частности, фонд Курганского областного Дома народного творчества. Это собрание документальных материалов по фольклору и этнографии, относящихся к категории «нематериальное культурное наследие».

В фонде хранятся уникальные фольклорные материалы, собранные специалистами во время проведения фольклорно-этнографических экспедиций на территории региона. Среди них материалы по свадебной обрядности в Зауралье. В данной статье приводятся воспоминания информантов, повествующие о существовании на территории современного Шатровского муниципального округа Курганской области и прилегающей к нему территории Исетского района Тюменской области обычая, известного как «Каралишно воскресенья». Бытование обычая подтверждается материалами, собранными в 80-е годы XX века фольклористом и этнографом, заслуженным работником культуры РФ Михаилом Григорьевичем Екимовым.

Суть его состоит в том, что после замужества дочери теща была обязана привезти в дом сватовьев несколько коробов «каралек» – плетёных пирогов, сделанных из кислого теста. Проходила церемония одаривания родственников, переходившая в большое празднество с участием не только свадебных чинов, но и жителей поселения.

Обычай имел несколько значений. Как пишет

исследователь свадебной обрядности в Зауралье В. П. Фёдорова, «мудрый опыт поколений подсказывал необходимость материальной помощи родившейся семье». «Каралишно воскресенья» она называет особой страницей в истории молодой семьи, направленной на породнение хлебом двух новых семей [2, с. 164].

В первый год супружеской жизни, особенно если молодые сразу начинали жить отдельно, у них могло не хватить запасов хлеба до новины (нового урожая), и теща, привезя зятю каралек, делала в хлебном бюджете молодой семьи хорошую прибавку. Как правило, зятю хватало этих каралек на весь пост. И переносить пост молодым было легче, попивая чай с медовыми каральками. Другая причина – забота матери о том, чтобы молодую сноху в доме свекра не корили куском хлеба.

«Каралишно воскресенья» было массовым праздником, относившимся к совершаемым после свадьбы обрядам, и приурочивалось к первой или второй неделе Великого поста. Обычай предписывал теще обязанность в первое воскресенье после масленицы навестить зятя, привезя с собой 2–3 короба плетёных сложными узорами пирогов. Они именовались «каральками» и представляли собой стряпню из кислого теста. «Каральки» – название условное, так как пекли не только баранки, но и украшенные пироги. Мастерицы украшали каральки – зятю, сватовьям, тысяцкому. «Ездили с каральками. Масленка пройдёт, и первое воскресенье после неё – даренье. Каральки из кислого теста. Много стряпают, возами возили. Кому наряженные – свахе, близким, – кому как» [3, с. 81].

Рецепт приготовления каралек находим у Татьяны Дёминой, жительницы села Рассвет Исетского района. «Ставили простое кислое тесто на воде, и когда оно ещё только-только поднималось до половины в первый раз, его вынимали и наминали в муке до густоты пельменного. Потом раскатывали в жгут, резали на отрезки, а из них катали длинные верёвочки. Потом на деревянных дощечках делали выкладные, плетёные, поднятые “каральки”. Делали это быстро, потому что тесто, дольше покиснув, начинает рваться и в дело не годится.

Каральки делали квадратные, прямоугольные, круглые, многогранные с самыми разными узорами. Старались, чтобы одинаковых каралек не было. Выложенную каральку тут же выносили на мороз, чтобы она вымерзла и стала белой. Ближе к празднику каральки пекли в нежаркой печке при открытой заслонке, но так, чтобы они оставались белыми, и потом снова выносили

на мороз. А уже перед самым праздником опять заносили в дом, намазывали подогретым мёдом или сахарным сиропом, давали им немного пропитаться, украшали промытым и слегка распаренным изюмом, цветным драже, леденцами. Затем снова выносили на мороз, складывали в короб или ящик, заодно определив, какую каральку подарить зятю, а также сватам, крёстным» [1].

Выпечь такое количество каралек теще одной было не под силу, поэтому помогали родственницы или подруги. «Это когда велико говенье начнется после масленицы, на первой неделе начинают каральки стряпать. Договариваются, у кого невеста вышла: “Вы каральки стряпаете?” – “Стряпаем”. Значит, они стряпают – надо мне стряпать. Я десяток настряпаю, кто пяток, кто сколь может» [3, с. 105].

Тёща везла не только каральки, но и подарок зятю – рубашку. Зять, в свою очередь, готовил подарок для тещи. Зятин отдарок – веретено и платье. Веретён точили до 200 штук. «Каральки отдаривали веретёшками. Приглашают на каральки гостей, женихову сторону, свои, знакомые, друзья, а жених за это дарит веретёнца» [3, с. 236].

Круг одариваемых был довольно широк. В него входили не только новые родственники, но и присутствовавшие на свадьбе гости, даже жители села. Смысл обряда заключался в том, что совершался акт дарения. В свою очередь, родственники молодой получали подарки от рода молодого. Зять дарил теще до 200 веретён, которые та частично раздавала по родне. Совершалась церемония отдаривания, которая объединяла два рода. «...Стряпают каральки, плетёные, скут тоненькие верёвочки и начинают их плести. Рисунок разной, всякой. И жениху каральку, дружкам по каральке, свёкру со свекровью, тысяцкому со свахой. И засадят конфетами, вовсе сплошь всю. А дружкам – папирос пачку. А которым – гроб да лестовку. А он привезёт веретён опять. Как тёща привезёт каральки, зятю – каральку и рубаху хорошеньку. А он опять встречает тещу, на стол ставит теще на платье подарок. А каральки разносят по всей родне. Дружкам и платки ладили на каральки, и кисеты, и пачку папирос, и конфеты» [3, с. 36].

В некоторых поселениях пекли шляпу для тысяцкого, выделяя его из всех поезжан как распорядителя свадьбы и крёстного жениха. Формой для выпечки брали суповую чашку, её смазывали подсолнечным маслом и с внешней стороны выкладывали узор с укрепленным общим жгутом из теста. Выпекали каральку с особой начинкой – нитями. При всём собравшемся родстве тысяцкий ломал каральку над своей головой, покрываясь нитями. Это разламывание встречалось хохотом и весельем.

Поезжанам, приехавшим «по невесту», преподносили особые каральки – круглые, украшенные витым тестом, в два-три яруса, унизанные цветными кругляшками конфет. «Каральки стряпают из квашеного теста. И ставят её тронуть.

Она тронется, вытронется – дак не эка, как ладонь, более двух ладоней – и насаживают конфетов сплошь. И запаковывают её в бумагу. И переплетают ленточкой алой. И на серёдке – букет из ленточки» [3, с. 37].

Молодёжь старалась использовать обычай как удобный случай завязать близкое знакомство и, возможно, найти себе пару. «Если на свадьбе познакомились – не обязательно жених, кто-то с его стороны – то та девушка, которая стряпала вместе каральки, вместе с каралькой посылала какой-то подарок этому парню. Тёща вручает: “Это вам от подруги подарок”. А она не присутствует».

Родня жениха собиралась с утра или днём. На столе были каральки, чай, выпивка. Тёща приезжала с мужем, с тестем. «Я у гостей, мне дают подарок, а я в своё время отдариваю. Раз мне хороший подарок подарили, я ей должен дать, девушке. Если смешной подарок, кукольный, – то и я ей тоже. Я сам веретёшки точил. Так получил такой подарок – и ей отточил веретёшко с двумя пятками на концах: на концах две пятки, а серединой пустая» [3, с. 236].

Большая часть выпечки раздавалась односельчанам молодого. На эти «каральки» сбегалось всё село, получая угощение, даже мужчины забавлялись каральками. Молодушек много, сроки каралек известны, вот народ и толпится на улицах в ожидании даяний – гостюшек с обрядовым хлебом. А мужики загораживали дорогу, чтобы получить каральку.

В воскресное утро, пораньше, со всякими ухищрениями и уловками, иногда в объезд и задними улицами, тёща с тестем везли ящик в дом зятя. Делалось это затем, чтобы меньше встретить «перехватчиков» «тёщиных каралек». Это тоже давний обычай – сродни тому, как натягивают веревку перед женихом и невестой. Грубостью отгонять «перехватчиков» не позволялось, да и занимались этим делом в основном дети, а обижать детей считалось грехом. Можно было детям с улицы войти в дом, и им без вопросов и долгих разговоров давали каральку.

Ниже приведены воспоминания жителя села Бархатово Исетского района Тюменской области о том, как ловили тещу с каральками. «Молодые женились, а тёща молодому стряпает каральки. Плетёные. Помногу стряпали. Соберёт своих подружек. Наплетут их, напекут. Она – в ящик их, и везёт. А мы стараемся ей перегородить дорогу, поймать тещу с каральками. Тёща едет – сейчас верёвку, дорогу перегородим. Сколько нас есть – двое, трое, пять, – она даёт нам по каральке. Мы маленькие были. Бегали: “Ко мне привезли каральки”. Бежим туда. Специально стряпали побольше каралечки ребятишкам. Зашли – нам дают их» [3, с. 237].

Участниками общего праздника была большая часть жителей поселения, даже маленькие дети. Таким образом, обряд породнения охватывал большой круг людей и совершался не только

в рамках семьи, но и рода, общины, что не только создавало ощущение сопричастности большому, важному событию – появлению молодой семьи, но и укрепляло семейные устои и способствовало упрочению сельской общины.

Угасание обычая фольклористы датируют окончанием XX века. Это связано с нарушением ритма семейной и календарной обрядности. С течением времени стёрлись сроки проведения свадеб, постепенно обычай прекратил своё существование, оставшись лишь в памяти информантов.

Происходящие в обществе под воздействием глобализации во всех сферах человеческого бытия коренные изменения привели к угасанию народных традиций, в связи с этим актуализируется проблема пересмотра взглядов на традиционную культуру. Сегодня народные традиции актуальны и жизненно необходимы обществу вне зависимости от естественных условий их бытования.

Между тем знать о существовании и соблюдать некоторые традиции недостаточно – важно понимать их значение, знать историю того или иного обряда, обычая. Ведь они могут приносить пользу, если понимать их смысл и духовную важность. Тогда традиционная обрядность может иметь практический выход в современность.

Локальные обряды, обычаи позволяют полно и отчётливо представить картину бытования, выявить специфику местной традиции, сравнить со свадебной обрядностью других регионов России. Суть «Каралишного воскресенья» как одного из элементов свадебной обрядности – это реализация исконных ценностей семьи, домашнего очага, что способствует укреплению родственных связей, формированию исконно народных семейных традиций, таких как почитание старших, гостеприимство и щедрость, трудолюбие, взаимное уважение, ответственность, хозяйственность. Сохранение и передача этих ценностей новым поколениям актуальны в реалиях современной жизни.

В последнее время наблюдается заметный рост интереса к традиционным ценностям – духовным, семейным, религиозным, что позволяет исследователям характеризовать данную ситуацию как культурное возрождение, поэтому возрастает роль фондов фольклорно-этнографических материалов как хранилищ нематериального культурного наследия России.

Фольклорно-этнографический фонд Курганского областного Дома народного творчества создан Михаилом Григорьевичем Екимовым в 1979 году; за это время собрано более 17 тысяч единиц хранения, содержащих песенно-музыкальный и словесный фольклор, описание календарных праздников и семейно-бытовых обрядов. В него входит рукописный материал, фото- и слайдотека, видеотека, CD и DVD-диски, из них «Фонд ГАУ «КОДНТ»» – 399 дисков; областной фольклорно-этнографический фонд «Фольклор Зауралья» (песня, танец, обряд, баллады, стихотворение и др.) – 410 дисков.

Фонд включает коллекции, собранные М. Г. Екимовым, Г. И. Ивановым-Балиным, В. В. Марковским, Е. С. Хабаровой, Л. А. Саверским, и другими исследователями и собирателями фольклора.

Хранящиеся в фонде фольклорные материалы активно используются специалистами разных областей: сотрудниками учреждений культуры Курганской области, руководителями профессиональных и самодеятельных фольклорных коллективов, преподавателями и студентами учебных заведений, исследователями фольклора из других регионов и т. д. Необходимо в дальнейшем шире популяризировать материалы фонда, чтобы различные слои населения, особенно молодёжь, имели возможность ознакомиться с ценностями традиционной культуры.

Библиографический список

1 Дёмина Т. *Сибирские каральки* / Т. Дёмина // *Сибирская православная газета*. – 2011. – № 4. – URL: <http://www.ihtus.ru/042011/st17.shtml> (дата обращения: 23.03.2023).

2 Фёдорова В. П. *Послесвадебная обрядность в Зауралье* / В. П. Фёдорова // *Земля Курганская: прошлое и настоящее* : краевед. сб. / отв. ред. Н. Ф. Емельянов. – Курган, 1991. – Вып. 2. – С. 162–167.

3 *Фольклорно-этнографический фонд «Курганского областного Дома народного творчества»*. *Фольклорный фонд ОНМЦ*. П. № 50.

*Е. В. Рычкова,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган*

ЗАУРАЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-СТАРООБРЯДЕЦ В. ТРЕГУБОВ

Особое отношение к книге в старообрядческой среде неоднократно отмечалось исследователями [1, с. 167]. Не стало исключением и старообрядчество Зауралья. Неистово защищая религиозные обряды, зауральские староверы бережно относились к старинным жизненно важным обычаям, нравственным установкам, поэтическому слову. Последнее, а также книга как основной носитель слова, были для них предметом особого почитания.

Старообрядцы Зауралья восприняли не только призыв своего духовного идеолога протопопа Аввакума к апологии старинных «дониконовых» книг. Они приняли и его убеждение в том, что «...не подобает данного нам таланта скрывать» [2, с. 123]. «В лесах по Исети и Ирюму находились важные старообрядческие центры, скиты, где крестьянские писатели создавали философские и исторические сочинения, а также биографии «страстотерпцев» – старообрядцев, жизнь которых является примером подлинной борьбы за «древнее благочестие» [4, с. 56].

Имена многих крестьянских писателей Зауралья до сих пор остаются для нас неизвестными, что связано с общей установкой старообрядческой книжности на анонимность, сформированной древнерусской литературной традицией. Благодаря счастливым находкам исследователей мы узнаём некоторые из них [3].

В 1977 году экспедиция археографов Е. И. Дергачёвой-Скоп и В. Н. Алексеевой привезла из Красноярского края в Новосибирск рукописную книгу 1880 года, переплетённую в доски с двумя медными застежками. Привезённая книга состояла из двух памятников. На 24 листах содержался популярный в народной среде памятник византийской литературы «Житие и страдание святыя великомученицы Екатерины». Предшествовала житию написанная на 231 листе «Повесть дивная и зело душеполезная, в ней же подробно писано житие и страдание, труды и посническия подвиги святых новых мученик и исповедник последняго времени». В последней чётким полууставным почерком записан подробный рассказ одного из шести оренбургских казаков, прогнанных сквозь строй. Указан автор произведения – Владимир Трегубов.

«Повесть дивная» представляет собой своеобразное житие – автобиографию, раскрытую на широком фоне старообрядческой борьбы. Произведение интересно освещением характера протеста зауральских старообрядцев против никонианства – «окаянства» и антихристовой власти. Жестокие истязания не только не наставили

старообрядцев на путь признания официальной церкви и помазанника божьего – монарха, но даже укрепили в них непокорство и упорство в своей вере. Обстоятельства, лёгшие в основу документального сюжета Повести, следующие. Шестеро казаков Оренбургского казачьего войска стали открыто проповедовать старообрядческую идею о царствующем Антихристе. Пятеро казаков были выходцами из зауральской станицы Усть-Уйской, один – из-под Оренбурга. Характерно, что в составе группы было трое Трегубовых: Владимир – автор и герой Повести – и два его брата. Фамилия Трегубовы для Усть-Уйки – родовая, т. е. коренная. И сейчас в бывшей станице живут Трегубовы. Кроме Трегубовых с протестом выступили устьуйцы Алексей Киселев и Иван Крылов и житель Оренбурга Евдоким Кукушкин. Казаки заявили, что служить намерены «одному только царю Небесному, а Земному не будут и знать не хотят».

Выпады в адрес царствующей персоны, помазанника Божия, стали известными начальству. Военным оренбургским губернатором был в то время известный недоброй славой В. А. Перовский. Год шло следствие. В 1856 году шесть названных казаков-старообрядцев были приговорены к 3000 ударов шпицрутенами каждому, лишению всех прав и состояния и каторжным работам на двенадцать лет.

Повесть написана как житие одного из наказанных – Владимира Трегубова, который остался жив и стал впоследствии одним из авторитетных организаторов семейной скитской жизни на Алтае. Она от первого лица повествует о чувствах и ощущениях человека, прогоняемого сквозь строй. К изображению той же позорной страницы в истории русской армии обратится позже Л. Н. Толстой («После бала», «Посмертные записки старца Фёдора Кузьмича», «Николай Палкин»). Но великий писатель-гуманист изображает экзекуцию глазами стороннего наблюдателя. Того, что чувствовал сам избиваемый, классик не знал. «Повесть дивная» от первого лица передаёт чувства и физическое состояние истязаемого, которого били «во всю руку, ...аки скота»: «Мнех бо ся, яко во огни стояти мни. Егда же ударяху мя, и то не мнех аз, яко прутом ударяют, но яко огнём жгут, или ножом режут мя по хребту моему. И от толика тягести и болезни не могах стояти на ногах моих. Аз же, егда ощутив ударение, паки падах на землю, и ниже памятовах, яко падаю, но ничто же ведях деящего ми ся» [5, с. 85].

В. Трегубов поведал о том, что перед наказанием их души подвергли искушению избежать страшного наказания, отказавшись от своих

убеждений. Перед экзекуцией генерал Перовский «громким гласом» в последний раз предложил «государю императору повиноватися»: «Естли вы хотите обратитися на старое положение и государю императору повинитесь, то аз имею власть и могу вас в сей же час отвести от фронта. А ежели пребудитесь в своём намерении и не хотите повиноватися высокой власти, то видите фронт сей, про вас сие уготовано есть». Но казаки твердо стояли на своём: «Слышавше же сие от генерала, блаженнии страстотерпцы тогда аки едиными уста отвещавше, глаголюще: Ни, никакo же не буди сего, еже бы отрещися нам древняго благочестия и приступити к нечестию. Лучше желаем смерть вкусити, нежели от предания апостольского и святых отец отступити» [5, с. 64].

Подготовке наказания «Повесть дивная» уделяет не меньшее внимание, чем описанию самого избиения. Подробно повествуется о том, как готовились телеги, чтобы везти в больницу страстотерпцев, когда ими будет пройдена страшная «огненная» улица, как выстраивался сам фронт.

Сам сценарий наказания был продуман до мелочей. «Секутор» (экзекутор) строго смотрел, чтобы никто из наказывающих не вздумал проявить сострадание и не ударил бы от жалости легче. Он «идяше со страны и глаголаше: Крепче, крепче» [5, с. 89]. Раздавался бой барабана, сопровождавшийся образчиком палаческой поэзии:

Пройди, пройди, молодец,
Недалече твой конец!

«И тако блаженным умиленно идущим, а салдатам же со обоих стран крепко биющим, плоти же их кусками на землю валящимся и крови источники лияхуся, яко и самой земли обагрятися. Блаженным же страстотерпцем ничто же ино в устах бяше в той час, егда же крегождо их воин прутом ударяше, то он велегласно възглаголаше: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго! И тако блаженнии пройдоша первый конец, еже есть шестьсот салдатов, приемше шестьсот ударов» [5, с. 90].

Через несколько часов после экзекуции умерли в больнице Максим и Пётр Трегубовы. Мужество не покинуло оставшихся в живых. Отказавшись от пищи и воды, через семь дней умер Иван Крылов. Оставшихся в живых раскольников отправили в Сибирь на каторгу. По дороге, тайно голодая, скончался Евдоким Кокушкин. Таким образом, в Иркутской тюрьме оказались Владимир Трегубов и Алексей Киселёв. Здесь они пробыли всю зиму – до весны 1856 года. С двух усть-уйских обличителей царя и новой веры Антихристовой сняли кандалы.

Владимир через много лет хорошо помнил то чувство удивительной радости и лёгкости, которое охватило его, когда он ощутил, что на нём нет оков и стража не стоит за его плечами, помнил, как плакал от радости, «смотряше на нозе и не видяше на себе желез». Владимир выбежал из «полаты», где с него снимали кандалы, «яко лев

из вертепа или яко орёл из бездны» [5, с. 135]. Той же ночью оба узника бежали с каторги.

Теперь для них жизненной программой стала нелегальная уединенная жизнь в недоступных местах, куда нет дороги царствующему Антихристу и его слугам (своеобразная реализация традиционной старообрядческой формы протеста – «ухода в пустыню»). Чтобы реализовать идеал пустынножительства, беглецы направились на Урал. Предполагалось взять с собой и семьи, для этого нужно было пробраться в родные места. Доброжелательное отношение местных жителей к старообрядчеству помогло усть-уйцам. Их укрывали в сёлах, тайно переводя из дома в дом. До родного дома было ещё далеко, в сёлах жить – опасно. Было принято решение основать скит недалеко от Режевского завода.

Весной 1857 года в лесные дебри Среднего Урала отправились Владимир, Алексей и ещё двое: некие Окантий и Стефанида. Последняя внесла в их жизнь много неудобств. Предполагалось, что с ней пойдёт какая-нибудь подруга. Им думали построить отдельный скит. Однако шли месяцы, а «подруга» не объявлялась, и Стефанида поселилась с мужчинами в одной келье. Её всё-таки удалось отправить обратно домой, несмотря на все её просьбы и уверения в любви к скитальцам, посланной богом. Правда, через какое-то время Стефанида вновь вернулась, умоляя не прогнать её. Так и стали жить втроём.

Алексей Киселёв побывал в родной станице, где нашёл единомышленников. К осени 1858 года к скрывающимся в ските староверам приехали родные: жена Алексея с детьми и мать Владимира с его детьми. Жена Владимира, по словам матери, умерла. Были построены две избышки, сделаны припасы на зиму. Но пустынножительство закончилось облавой и арестом обитателей скита. Алексей, Стефанида и Владимир начали голодовку. Стефанида умерла, не принимая пищи и воды. Беглых каторжников, Владимира и Алексея, отправили в Ирбитский тюремный замок, а их земляков – этапом на родину.

Первый побег из Ирбитской тюрьмы был неудачным. Опять наказание: шестьсот ударов плетью. Вторая экзекуция укрепила Владимира в мысли, что наказание ниспослано свыше. Основное предназначение страшного испытания видится ему теперь в том, чтобы он стал новым Мессией. Себя он начал сопоставлять с Христом, усматривая родство в страданиях за веру. В сложившейся ситуации путь изоляции от мира Антихриста представляется ему единственно правильным. Однако и мысль о проповедничестве овладела зауральцем.

Потом был снова этап в Сибирь, и новый побег – теперь уже из Иркутска. Целую зиму 1859 года пробирались в родные края. Весной 1860 года пришли в Курган, а затем в Шадринск. В Шадринске и окрестных сёлах укрывались более года, испытывая чрезвычайные неудобства.

Однажды пришлось сидеть двенадцать суток в подполье, в другой раз – два месяца прожили в тайнике. Несколько раз власти нападали на след казаков. Но беглецам удавалось скрыться.

Между тем росло число сторонников учения Владимира Трегубова. Это подтолкнуло к необходимости подыскать новое место для основания семейных скитских поселений. В поисках такого пристанища казаки отправились по традиционному маршруту крестьянского побега – на Алтай.

Искомое место было ими найдено. На одном из холмов обнаружили «пещеру, удобную ко вселению...». На описании этой пещеры «Повесть дивная» неожиданно обрывается.

О дальнейшей судьбе Владимира Трегубова и его сподвижников мы узнаем из материалов Центрального Государственного военно-исторического архива, обнаруженных Н. Н. Покровским. И в новообретённом пристанище раскольникам долго жить спокойно не удалось: их выследили через несколько лет. Экспедиция крутоберезовского областного управления (Алтай), посланная на поимку неизвестных людей, обнаружила скит из шести избышек, но без обитателей. Видимо, их кто-то предупредил, и они скрылись. В одной из избышек была найдена книга о царствующем Антихристе. Раскольники переселились в более глухие места – на Белую Убу, где держал пасеку тобольский крестьянин Иван Шадрин. Здесь была реализована ещё одна мечта Владимира Трегубова: были созданы мастерские для издательства книг, несущих людям «истинную» веру. На специально созданных меднолитейных станках переплетались книги, переписанные в скитах.

И здесь беглецов не оставили в покое. Весной 1868 года снова была снаряжена поисковая экспедиция под руководством заседателя Звенигородского. Результаты работы экспедиции описаны Н. Н. Покровским: «Проводники из местных крестьян всячески мешали заседателю, десяток дней напрасно таскали его с одной горной вершины на другую, но, в конце концов, Звенигородский обманул их и обнаружил главный пустынножительный центр из четырёх новых просторных изб с кузницей, слесарней, кладовыми, погребами. Захватили 100 пудов ржаной и 25 просяной муки, 3 пуда масла, 2 пуда сухой рыбы и много смолотого в муку древесного гнилья, употреблявшегося скитниками в пищу вместе с хлебной мукой. Хотя людей не было, но печи были ещё тёплыми, в одной из них осталась квашня заведённого теста. Звенигородский стал интенсивно прочёсывать местность и в густом пихтовом лесу нашёл большую группу мужчин и женщин, детей и дряхлых стариков. Вскоре он выловил ещё несколько человек в окрестных лесах и на заимке Ивана Шадрина, где за пасекой оказалось помещение хорошо организованного скриптория: там было много рукописных книг, включая пергаментные, большой переплётный станок, различные краски и т. д. Все захваченные пустынники (около

70 человек) своим главным наставником называли Владимира Григорьевича Трегубова. Владимир был захвачен вместе с остальными и не думал отпираться от своего главенства» [3, с. 180].

Отправленный в Бийскую тюрьму, Владимир Трегубов вновь бежал с этапа. Собрав около 50 единомышленников, он ушёл создавать новый скит в ещё более глухих местах – в Нарымской тайге. Далее след усть-уйского казака, пережившего две экзекуции, три побега, предпринявшего три попытки создания семейных скитов, не зависящих от власти Антихриста, прошедшего около двадцати пяти тысяч вёрст открытых дорог и тайных троп, теряется. «Повесть дивная», дошедшая до исследователей, рассказала об одной из форм протеста зауральских старообрядцев – это семейная скитская жизнь во имя активной проповеди старой веры и обличения царствующего Антихриста. Главным делом считалось производство книг.

По целенаправленности, воспитательным задачам, выявлению силы духа гонимых, изображению величия подвига во имя «древлего» благочестия и традиций духовного бытия «Повесть дивная» близка к «Житию протопопа Аввакума». «Повесть дивная» написана Владимиром Трегубовым в традициях древнерусской агиографии. Традиционна для жития сама тема «Повести» – описание личной жизни страдальца за веру, неотделимой от борьбы за «древнее» благочестие. Со страниц произведения предстают образы «святых» – незаурядных русских людей, в характере которых поражают стойкость, мужество, убежденность и бескомпромиссность. В «Повести» есть герои, по мнению автора, достойные причисления к лику святых, – убиенные за веру. Себя он видит страдальцем за обычаи отцов, но страдальцем активным. Это дает ему внутреннее основание, подобно «огнепальному» протопопу, написать своеобразное житие – автобиографию. В нём В. Трегубов обобщил лучшие стороны истинного борца за старую веру. Зауральский писатель XIX века для описания своего «тернистого» жизненного пути, отталкиваясь от старых традиций и в то же время опираясь на них, обратился к традиционной жанровой форме жития и внёс в неё не только описание бытовых подробностей, но и глубоко личное звучание.

Этот памятник зауральской старообрядческой словесности XIX века важен для нас как свидетельство развитости книжной традиции в регионе, причём не только в профессиональной литературной сфере, но и в крестьянской среде. Так называемая «наивная» литература, в контексте которой мы рассматриваем единственную дошедшую до нас повесть нашего земляка, активно развивалась в Зауралье уже в XIX веке. Останется в памяти потомков и сама жизнь автора и героя повести, как образец стойкости и бескомпромиссности во имя веры, идеи, собственных убеждений и книг.

Библиографический список

1 Бахтина О. Н. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей / О. Н. Бахтина. – Москва : Наука, 2003. – 180 с.

2 Житие протопопа Авакума, им самим написанное, и другие его сочинения / подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия [и др.]. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 367 с.

3 Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья : сб. статей / сост.: В. И. Байдин, А. Т. Шашков. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. – Т. 1. – Вып. 2 – 154 с.

4 Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами / Н. Н. Покровский. – Москва : Наука, 1984. – 265 с.

5 Трегубов В. Повесть дивная : [рукопись] // Российская академия наук. Сибирское отделение. Отдел редких книг.

*Н. Е. Украинцева,
ГБОУ «Курганский областной лицей-интернат для одарённых детей»,
Кетовский МО, пос. Балки*

ПЕСНИ КАЗАКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ВОИНСКОЙ ПЕСНИ

Сборник песен казаков Южного Зауралья (составитель Н. Е. Украинцева) [4] издавался поэтапно: вошёл в научный оборот сначала в электронном виде (2021 г.), затем – в бумажном (2022 г.), для массового читателя. В сборнике представлены тексты песен из фольклорных архивов, полевых материалов и литературных источников XX–XXI веков. Материалы являются яркой иллюстрацией культуры локуса Оренбургского казачьего войска (ОКВ), трудной судьбы казачества, ретранслируют духовные ценности субэтноса.

Работа проводилась в Целинном и Звериноголовском районах Курганской области при поддержке учителей, библиотекарей, работников культуры, фольклорных коллективов и их руководителей.

Во вступительной статье даётся краткий экскурс в историю казаков Южного Зауралья и рассказ о песенной культуре казачьего края. Песни (и варианты песен по хронотопу) располагаются по разделам в соответствии с их классификацией, приводятся комментарии текстов, есть обширный список литературы. Поскольку сборник адресуется прежде всего студентам, школьникам и преподавателям, эти вспомогательные материалы – хорошее подспорье для исследовательской работы по теме казачества, для составления спецкурса.

Первые собиратели этих песен – сотник Д. Е. Пичугин из станицы Усть-Уйской и подъесаул Н. С. Головин из ст. Оренбургской (1902–1904 гг.), готовившие появление собрания песен оренбургских казаков А. И. Мякутина [5], также А. И. Кривощёков из станицы Звериноголовской (1915) [3]. Во второй половине XX века здесь активно работали учёные-фольклористы и краеведы.

Каждая песня – неразгаданная тайна родного края. Обратимся к вариантам некоторых исторических и воинских песен казаков Южного Зауралья. Исторические песни казаков в художественной форме отражают историю военных походов. Упомянутые в них конкретные лица, события, географические названия, даты не всегда соответствуют действительности, однако песня воспроизводит историческое время, что является её основным эстетическим фактором. Привлекает внимание такое явление, как трансформация исторической песни в военно-бытовую или лирическую. Так, песня «Собирался наш Император...» [4, с. 23–24, № 10] сложена в память о безвременной смерти Александра I в сентябре 1925 г., которая настигла его вдали от столицы, в Таганроге. Доставка праха императора в Петербург долго откладывалась, по-видимому, по причине восста-

ния декабристов. Казаки, будучи верными «царю Белому» (царю православной, чистой веры), искренне переживали его кончину и невозможность упокоиться в положенном месте – отсюда появление исторической песни «Собирался наш Император...» и её вариантов. Так, вариант № 10 был записан в ст. Звериноголовской в 1902 г. от казака Григория Матвеева. Уже в первых по времени вариантах намечается тенденция к переходу исторической песни в военно-бытовую, для народа здесь важен не образ помазанника Божиего, а образ человека, сына, и не образ царицы, а горюющей по нему «маменьки родимой»:

*Собирался наш Император свою армию смотреть,
Обещался он обратно к Рождеству домой прибыть:
«К Рождеству, если не буду, то я буду в Новый год».
Уж все празднички проходят, Александра дома нет.
Его маменька родима – день и ночь она не спит,
День и ночь она не спит – из окошечка в окошечко
глядит:*

*«Пойду, выйду я на башенку, которая повыше всех;
Посмотрю я в ту сторонку, откуда Александр должен
быть».*

*Как по питерской дорожке что не пыль столбом
пылит,*

*Что не пыль столбом пылит – молодой курьер бежит.
– Ты куда, куда, молодой курьер, спешишь?*

*– Скидывайте цветны платья, надевайте траура:
Помер, помер Александра, в Таганроге жизнь кончал...»*

[4, с. 23–24, № 10]

Историческое время, отражённое в песне – время длительного напряжённого ожидания царицей похорон сына, императора Александра (в марте 1926). Понятно, что похоронная процессия сопровождалась работой курьеров – эта достоверная деталь также запечатлелась в песне. Далее, в 2016 г., от фольклорного коллектива «Россияночка» в с. Михалёво Целинного района Т. В. Багаевой была записана песня «Атаманша», которую напела коллективу А. Ф. Соловьёва, 1943 г. р. – уроженка пос. Лугового (бывшей станицы Усть-Уйской) [4, с. 24, № 10а]. Здесь другое историческое время – «атаманша молодая» ждёт мужа, погибшего «на германской, ой, да на войне». Удивительно, как трансформировался текст исторической песни «Собирался наш Император...». Атаман тоже думает вернуться домой к Рождеству, на Новый год, – и также напрасно ждёт его атаманша:

*<...> К Рождеству я буду дома,
Ой, да, на старый Новый год.
Вот все празднички проходят,
Ой, да, атамана дома нет.*

*По дороге пыль клубится,
Ой, да, молодой курьер спешит.
– Уж ты, дядюшка-курьерчик,
Ой, да, всю мне правду расскажи.
– Атаман давно убитый,
Ой, да, на германской, ой, да, на войне...*

[4, с. 24, № 11]

Оказался привлекательным образ курьера из песни о кончине императора: он развёрнут, курьер участвует в диалоге, который часто встречается в песнях казаков. Но здесь это художественная деталь: о гибели на войне станичного атамана никакие курьеры не оповещали. Мотив трансформации прозрачен. Об императоре, правившем почти сто лет назад, стали забывать, а с приходом Первой мировой, когда стон стоял по городам и весям, пелось о своём, насущном. Михалёвский вариант уже нельзя назвать строго исторической песней. Военно-бытовая, лирическая струя позволила песне сохраниться и звучать в XXI веке. Трепетная тема ожидания воина из похода, с войны волнует всех.

Интересно, что один из вариантов этой песни в исполнении Т. В. Дядик, 1923 г. р., был записан также в с. Михалёво известным курганским фольклорным коллективом «Цветень», который, изучив песенные каноны казаков Южного Зауралья, включил его в свой репертуар.

Лирические воинские песни отразили раздумья о доле казачьего сословия, постоянно ходившего в походах по грани между жизнью и смертью и мужественно принимавшего эту долю защитника Родины, родной стороны. Грустные думы в предчувствии того, что не придётся казаку вновь увидеть «разродимую сторонку», услышать «на зорьке соловья» отразились в вариантах песни «Сторона ли ты, моя сторонка...» (№ 52–52б) [4, с. 65–67], записанных в с. Усть-Уйском (2013), с. Звериноголовском (2014), в с. Михалёво / Луговое (2016). Песня эта, очевидно, пришла в Зауралье с донскими казаками или с исетскими казаками, ведущими родословную от донцов. Её можно найти в сборниках их песен, встретить в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [7, с. 20–21], когда автор изображает станичников на фронте Первой мировой в минуту затишья. Предчувствие не обманывает казака – в песне повествуется о его гибели и мысленном прощании с родными. Однако вариант № 52а обрывает безысходную концовку. Песня впечатляет суровым сдержанным утешением матери казака:

*Разродимая мамаша,
Не печалься обо мне,
Да не один я, право, погибаю,
Погибаю на войне.*

Так от варианта к варианту шлифовался текст песни, освобождаясь от трогательных, жалостливых деталей, выпевая самое сокровенное – то, что помогало преодолевать себя перед битвой. Видеоархив хранит запись незабываемого исполнения песни Ю. В. Скворчевским

(с. Звериноголовское, 2014), который бережно нотировал песни своего края [6].

И. А. Голованов, исследуя причины трансформации фольклорных жанров, указывает на сложную связь прошлого, будущего и настоящего в коллективном сознании [2, с. 19]. Он развивает мысль Н. А. Бердяева о том, что народы и общества живут не столько настоящим, которое неуловимо, сколько властью прошлого и притяжением грядущего. В коллективном фольклорном сознании идёт движение к тому, что «прошлое и грядущее должны сомкнуться в вечно ценном, непреходящем» [1, с. 267]. Жанр исторической песни казаков, угасая, трансформировался в военно-бытовую, воинскую лирическую песню, в которых живут вечные ценности народа.

Библиографический список

- 1 Бердяев Н. А. Истина и откровение : пролегомены к критике Откровения / Н. А. Бердяев. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христ. гуманитар. ин-та, 1996. – 383 с.
- 2 Голованов И. А. Жанровые преломления категории времени в фольклорной прозе / И. А. Голованов // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре : коллектив. монография / Т. Н. Маркова, И. А. Голованов, Е. И. Голованова [и др.]. – Челябинск : Энциклопедия, 2012. – С. 16–34.
- 3 Кривощёков А. И. Обряды и обычаи оренбургских казаков : (о свадеб. песнях и величаниях) / А. И. Кривощёков // Вестник Оренбургского учебного округа. – 1915. – № 1, науч. отд. – С. 9–27.
- 4 Культура казачества : песни казаков Южного Зауралья : хрестоматия / сост., вступ. ст. Н. Е. Украинцевой. – Курган : Изд-во Курганской гос. с.-х. акад., 2021. – 230 с.
- 5 Песни оренбургских казаков : в 4 т. / собрал сотник А. И. Мякутин. – Оренбург : Изд. Оренбургского казачьего войска, 1904–1910. – 4 т.
- 6 Сторона ли ты, моя сторонка : сб. нар. песен / сост. Ю. В. Скворчевский ; отв. ред. Л. А. Саверский. – Курган : Курганское обл. метод. об-ние «Культура», 2003. – 60 с.
- 7 Шолохов М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Шолохов. – Москва : Художественная литература, 1985. – Т. 2. Тихий Дон. – Кн. 2. – 352 с.

*И. В. Щурова, Н. А. Катайцева,
ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»,
г. Курган*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ОЧЕРКАХ Б. Н. КАРСОНОВА

Коммуникативно-функциональные характеристики текста в современной науке привлекают внимание большого количества исследователей. При этом предметом внимания учёных становится и прагматическая направленность высказывания, и функционирование основных элементов коммуникации (говорящего, собеседника, адресата). Это обуславливает значимость изучения коммуникативно-функциональных особенностей вопросительных предложений (далее – ВП).

Вопросительные конструкции исследовались в работах Г. В. Валимовой, И. П. Распопова, Г. Ф. Гавриловой, Л. Ф. Бердник, Л. Л. Дроботовой, В. И. Лысенко. Изучение, прежде всего, проводилось по формальным признакам. Позже учёные обратились и к системному анализу употребления ВП в разных типах текстов, в том числе художественных и публицистических (С. В. Невольникова, Л. В. Чернова и др.).

Борис Николаевич Карсонов (29.06.1928 – 23.09.2008) – известный курганский журналист, искусствовед, краевед. Он работал в газетных изданиях «Курган и курганцы», «Молодой ленинец», «Советское Зауралье», в которых опубликовал около 200 очерков о жизни декабристов в Кургане, об истории городских зданий, религии и культуре родного края. В 2015 году благодаря художнику Герману Травникову, Александре Васильевой и курганскому музейно-архивному сообществу был выпущен сборник исторических очерков Бориса Николаевича Карсонова «Диалоги времён». В издание вошли материалы, написанные с 1974 по 2008 годы и опубликованные на страницах газет «Советское Зауралье» и «Курган и курганцы».

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена интересом современной филологии как к различным аспектам функционирования вопросительных конструкций в текстах разных стилей и жанров, так и к творческому наследию ярких журналистов, создававших и создающих качественный контент современных СМИ.

Материалом исследования послужили очерки Бориса Николаевича Карсонова, входящие в цикл «Городские прогулки» и посвящённые истории и культуре города Кургана.

Жанр очерка – один из самых сложных в журналистике. Как отмечает А. А. Тертычный, «очерк считается “королём” художественно-публицистических жанров, но с точки зрения подготовки его – он один из наиболее трудоёмких» [7, с. 249].

Сложность создания очерка обусловлена тем, что в нём сочетаются черты и публицистического, и художественного, и научного стилей; «в

нём соединяется репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало» [7, с. 250]. Такая контаминированная природа этого жанра обуславливает многообразие используемых в нём языковых средств, в том числе и средств экспрессивного синтаксиса.

Оценивая использование вопросительных предложений в разных функциональных стилях, учёные отмечают: «Вопросительные предложения, составляя одну из основных форм общения в разговорно-бытовой сфере, в то же время весьма употребительны и в других сферах: художественной, публицистической, церковно-религиозной, научной» [4, с. 275]. К примеру, в художественном тексте основными функциями вопросительных конструкций являются 1) коммуникативно-прагматическая, 2) контактоустанавливающая (точнее – функция поддержания контакта), 3) эмоционально-экспрессивная; 4) диалогизация повествования; 5) характерологическая. Неслучайна мысль о том, что вопрос – единственный способ заставить человека думать: «Вопросительные предложения более мотивационны, чем повествовательные, потому что они больше побуждают к проникновению в суть дела и сопереживанию» [1, с. 126].

Более того, вопросы различных типов являются одной из характерных особенностей языка современных СМИ [9, с. 61]. А в жанре очерка, особенно проблемного, «проблема очень часто проявляется через конфликт..., через столкновения интересов людей» [7, с. 266]. И одним из актуальных средств обозначения этого конфликта являются вопросительные конструкции. Функционально ВП делят на предложения с первичными функциями (собственно вопросительные предложения) и вторичными. Как отмечает Л. В. Чернова, «во вторичных функциях вопросительное по форме предложение предполагает не столько поиск информации, сколько её передачу, так называемое сложное сообщение о чём-либо» [8, с. 129].

Какие виды вопросительных предложений могут быть использованы в очерке?

Это, прежде всего, *вопросно-ответные комплексы* (ВОК).

ВОК – введение в монологический текст характерной для диалога вопросно-ответной конструкции или её фрагментов (часть вопросно-ответной конструкции может быть представлена имплицитно; может быть введена реплика, по которой угадывается ответная реплика воображаемого читателя).

Например, в очерке «Прогулка» Карсонов использует ВОК для создания плана адресата: «Так

мы о чём? Да, об улице, какая самая старая? Климова. Вернее, Береговая [2, с. 301].

ВОК – это способ имитации диалога между автором и читателем, установления обратной связи с читателем путём активизации его внимания, способ вовлечения читателя в умственную работу, включения собеседника в общение, ведь вопросу свойственна функция напряжения (заданный вопрос «заставляет» читателя искать ответ).

Кроме того, ВОК придаёт речи оттенок непринуждённости, разговорности, что очевидно в приведенном нами примере. То есть ВОК в публицистике обладает большими выразительными возможностями: он расчленяет текст, создаёт экспрессию, способствует более тесному контакту с читателем, а в некоторых случаях выступает в качестве композиционного приёма, организуя весь текст.

Когда ВОК используется для пояснения текста, реализуется его информативная функция. В очерках Карсонова ВОК чаще всего применяются именно с этой целью:

«Кстати, знаешь ли ты, где пасли горожане свой скот? В основном в двух местах: или за кладбищем у Бошняковского озера (т. е. на месте нынешней площади им. В. И. Ленина, в сторону железной дороги), или на месте нынешнего ЦПКО, здесь особенно хороши были луга» [2, с. 303].

«Много ли народа умирало? Вот эта полоска в несколько десятков метров от драмтеатра и в сторону музея» [2, с. 304].

«Кто же поставил в это время дом, где жить декабристу? Это отставной солдат Пётр Нестеров» [2, с. 307].

«Кто же занимает интересующие нас усадьбы? С самого края, на углу, отставной солдат Пётр Нестеров...» [2, с. 315].

«А домик солдата? Да его давно уже нет» [2, с. 316].

Последовательное использование вопросно-ответного хода лежит в основе катехизиса – жанра поясняющей, в частности, дидактической речи. Да и сократический стиль изложения, восходящий к античности, тоже использует этот приём. К примеру, в очерке «Прогулка» мы можем наблюдать черты дидактичности, что подтверждает тезис о стилистической синкретичности этого художественно-публицистического жанра.

Очевидно, что ВОК актуален как для письменной, так и для устной формы речи, о чём свидетельствует, в частности, то, что в риторике для ВОК есть специальный термин – синоним: антипо'фора.

Таким образом, ВОК – универсальный стилистический прием, который используется в разных стилях, жанрах и формах речи. В художественно-публицистическом жанре очерка ВОК способен привлекать и активизировать внимание читателя, заставляя размышлять над поставленным вопросом, выполнять информативную функцию, создавать имитацию диалогического взаимодействия и тем самым вызывать доверие читателя, наконец,

композиционно оформлять текст, участвуя в его членении на удобные для понимания отрезки.

Ещё одна разновидность вопросов, которая используется в публицистическом стиле, – *дубитация*: ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения:

«Кстати, а хорошо ли ты знаешь свой город?» [2, с. 300]. В проанализированном материале вопрос в начале очерка «Прогулка» служит тематическим зачином и определяет весь ход мысли автора.

Очерк «Редакционный особняк» (о здании нынешней редакции газеты «Курган и курганцы») тоже начинается с вопроса:

«Нет, ты вот мне скажи, как-то спросил меня редактор, оставила ли история какие-либо следы о доме, в котором ныне находится «КиК»? [2, с. 335].

Сильной позицией текста является, как известно, не только заголовок и начало, но и конец текста. В очерке «А за фасадом что?» выводы автора тоже формулируются с помощью вопроса, поддерживающего экспрессивность текста: «Так как же в свете всех этих фактов рассматривать дом Розена? Старина это или не старина? Как видим, дом этот от фундамента и до конька крыши пропитан историей, каждая половица, каждое брёвнышко, каждый гвоздь дышат историей! Нет в городе у нас более исторического дома, чем этот. На нём не одна, а десяток мемориальных досок должны бы висеть!» [2, с. 308].

Кроме того, с помощью вопросительных предложений может быть обозначен переход к новой микротеме и новому абзацу. К примеру, в очерке «Старинный дом» читаем: «Невольно возникает вопрос: на что же Семён Иванович тратил деньги? По заграничным курортам не разъезжал, за личным богатством не гнался – постоянно ходил в тёмной поддевке да в сыромятных сапогах...» [2, с. 312].

Или: «Такова краткая история усадьбы и её хозяев. Ну а каково положение усадьбы Березиных теперь?..» [2, с. 313].

В очерке «История усадьбы декабриста» можно наблюдать аналогичное использование вопроса в начале абзаца: «К чему всё это я говорю? Да к тому, что дальнейшая история дома Розена, с 1837 по 1867 год, связана именно с польскими "политическими преступниками"» [2, с. 316]. (Отметим, что здесь вопрос не только обозначает новую микротему, но и помогает читателю ориентироваться в материале, выполняя функцию связочного средства.)

В очерке «Синемо-театр в старом Кургане» так же обозначен смысловой переход в начале абзаца: «Кто же тот человек, что первым решил рискнуть своим капиталом в таком неверном и непонятном коммерческом деле? Это был купец Василий Иванович Окладовников» [2, с. 327].

Вопросительные предложения могут использоваться авторами и в конструкциях коммуника-

ции. Коммуникация – мнимая передача решения проблемы читателю журналистского материала. Психологический эффект коммуникации состоит в том, что вывод не навязывается автором:

«А теперь вот и смекните: сей винно-колоннальный магазин внизу, а если наверху сделать синемато-театр? Вот то-то и оно. Некуда будет зрителю уклониться от гастрономических яств, что-нибудь да купит» [2, с. 328].

В создании эмоционально-оценочной рамки участвуют, прежде всего, риторические вопросы, которые выглядят как вопросительные по форме, но представляют собой экспрессивные утверждения или отрицания. Мнимо-вопросительное предложение усиливает эмоциональную окрашенность мысли и сосредоточивает внимание читателя на каком-либо положении. Оно осознаётся как эмоциональное предложение, реализуя два синтаксических значения – значение вопроса и значение утверждения:

«Вспомните его дерзкий штурм Бельвиля, за что прямо на поле брани он получил Георгия из рук самого императора.

Только ли? Многое можно бы рассказать и о штабс-капитане Фохте, и о полковнике Повалов-Швейковском» [2, с. 304].

«И сквер, и дорога – всё это хорошо, но при чём же здесь реставрация?» [2, с. 306].

В этих примерах мы наблюдаем функцию уверенного отрицания. А в нижеследующих примерах реализуется функция уверенного утверждения:

«И естественно предположить, что это уважаемое общество должно же знать, что оно охраняет?» [2, с. 306].

«Говорят: подумаешь. Какой-то купчишка жил... Стоит ли о нём вспоминать, дом его хранить?.. Ну, во-первых, не только купец, но и крепостной русский мужик. И, во-вторых, не какой-то, а гениальный мужик, лишний раз доказавший нам, какая же несокрушимая сила интеллекта дремала в глубинах русского народа, как он даровит, талантлив, совестлив и добр душой! [2, с. 312]. В этом примере (в очерке «Старинный дом») автор совмещает два приёма: вопросительное предложение одновременно выполняет функции риторического вопроса – отрицания, и вопроса внутри ВОК, на который Карсонов отвечает весьма экспрессивной репликой.

Риторические вопросы заставляют читателя быть внимательнее, предоставляют ему паузу для размышлений.

Эмоционально-оценочную рамку очерка создают также вопросы:

«Перенесись в то время. Слышишь, как радостно кричат зазывалы-коробейники? А вот мясные ряды с горами замороженных тушек, кадушки с маслом, а вот белоснежные кочаны...» [2, с. 302]. Здесь Карсонов воссоздаёт картину курганской ярмарки XIX в., и вопросительное предложение помогает передать эмоции весёлого и шумного ярмарочного дня.

«И самое удивительное, что подобная профанация на полном серьёзе упорно именуется реставрацией?! Говорят: а всё равно, мол, домик переделали, у Розена он был не такой... А какой был он у Розена? Кто ответит на это?» [2, с. 306].

Автор, стремясь к диалогичности текста очерка, может прибегнуть и к созданию вымышленного персонажа. В очерке «Прогулка» таким персонажем становится друг, появляющийся в самом начале текста: «Вечереет. Мы идём с другом по городу» [2, с. 300]. Этот художественный приём, использованный Карсоновым, даёт ему возможность ввести в текст не только вопросительные конструкции, характерные для монологической речи, но и диалог, в котором мы уже видим собственно вопросительные предложения:

«– Неужели на этой улице не сохранилось ни одного старого дома? – спрашивает мой товарищ.

– Мы как раз подошли к такому. Да ты, конечно, знаешь, что это дом декабриста Михаила Нарышкина» [2, с. 301].

Тут идёт речь об известном каждому курганцу Доме декабристов, расположенном на улице Климова (бывшей Береговой).

Или:

«– Каков провидец. Да кто это?

– Это из письма Михаила Нарышкина» [2, с. 302].

Или:

«– Сколько прошло? 15 минут? Всё так. Где мы сейчас?

– То есть? – не понял товарищ. – Стоим перед вокзальной площадью» [2, с. 303].

Интересно, что с помощью зафиксированного на письме даже не вопросительного предложения, а вопроса и восклицательного знака, автор передаёт удивление своего вымышленного собеседника, создавая для нас образ озадаченного друга и фактически фиксируя наши, читательские, эмоции:

«– Ну вот, друг мой, мы и на кладбище.

–?!» [2, с. 304].

Этот приём использован и в очерке «Тобол – река судоходная»:

«– Хочешь увидеть дно Тобола, выложенное чистым золотом?

–?!» [2, с. 343].

Здесь мы наблюдаем фиксацию «немного вопроса».

Очевидно, что и ВОК, и дубитация, и риторические вопросы – это фигуры экспрессивного синтаксиса, не характерные для разговорного стиля. Однако парадокс их использования в том, что они, тем не менее, призваны приближать монологическую речь автора к диалогической по природе речи разговорной. Это фигуры-имитаторы.

Собственно вопросительные предложения, направленные на запрос информации, то есть выполняющие коммуникативно-прагматическую и одновременно контактоустанавливающую функцию, используются автором также в «цитатах»,

которые, скорее всего, являются стилизациями цитат, продуктом художественного вымысла:

«– Где могила? – спросил Кюхельбекер.

– А там же, на взгорке, подле Фохта» [2, с. 304].

Если вопросительные предложения используются в заголовках, они, как правило, приобретают многозначность и особую экспрессию. В проанализированном сборнике форму вопроса имеет заголовок очерка «А за фасадом что?», посвящённого проблемам реставрации курганских домов, в которых когда-то жили ссыльные декабристы. Poleмичность и острота журналистского материала заявлена уже в заголовке, который в основном тексте находит продолжение в рассуждениях автора об искажении представления о возможностях и сути реставрационных работ. Такой заголовок создаёт коннотацию проблемности.

Обобщив функции вопросительных конструкций, мы можем констатировать, что они, во-первых, привлекают внимание читателей. Особенно это актуально для вопросов в заголовках публицистических материалов, но и в основном тексте ВП активизируют наше внимание.

Кроме того, ВП формируют интерес, вовлекая читателя в умственную работу, поскольку вопросу свойственна функция напряжения, когда заданный вопрос «заставляет» собеседника искать ответ и, в конце концов, выкристаллизовать мысль. И привнесённая извне идея становится его собственной.

Некоторые вопросы способны пробудить и социальную активность, вызывая читателей на решение практических задач.

ВП также облегчают восприятие и понимание новой информации, которая подаётся не в форме усложнённой синтаксической конструкции, а в форме диалога, свойственного более простой и естественной устной разговорной речи. ВП делают повествование более живым, приближают его к разговорной речи, для которой вопросительные конструкции являются одной из основных форм общения.

В ряде случаев ВП (прежде всего ВОК и дубитация) способны и развлечь читателя, вовлекая его в своеобразную игру: сможешь или нет сам найти ответ, прежде чем автор разъяснит всё в последующем тексте.

ВП участвуют в формировании эмоционально-оценочной рамки, не только мобилизуя внимание и интерес адресата, но и выражая авторские эмоции, оценку и оказывая психологическое воздействие на аудиторию. Разные типы вопросительных предложений выполняют, таким образом, эмоционально-экспрессивную функцию.

ВП также играют важную композиционную роль как средства выражения и компоновки событийных, предметных и эмоционально-оценочных компонентов текста. Они могут располагаться в сильных позициях произведения: в заголовках, в абсолютном начале и конце текста, в местах, где

формулируется основная тема, ставится проблема, решаются гипотезы. Вопросительные предложения, таким образом, служат для образования коммуникативно-дискурсивной рамки произведения (включающей элементы, определяющие вступление в речь, выход из речи, членение речи). Анализируя архитектуру очерков, мы обнаруживаем, что в основе их создания лежит единый – диалогический – механизм порождения речи.

Мы можем констатировать, что в очерках Б. Н. Карсонова, как и в очерках вообще, доминируют ВП с вторичными функциями.

Таким образом, активность употребления ВП обусловлена их полифункциональностью. Невольникова отмечает, что, «функционируя в качестве структурных элементов речевой деятельности, ВП являются инструментом речевой организации текста, где реализуется полифункциональность типов предложения. В ВП совмещается несколько интенций, т. е. наблюдается синкретизм потенциальных функциональных характеристик» [6, с. 16]. Очевидно, что этот синкретизм соответствует всем самым важным функциям работы с информацией: вопросительные предложения помогают восприятию сигналов, они участвуют в обработке информации и в запуске реакций на неё.

Поэтому в очерке как жанре сложной стилистической природы вопросительные конструкции оказываются весьма значимым ресурсом экспрессивного синтаксиса, предоставляющим богатые возможности воздействия на интеллект и эмоции адресата.

И не теряющие своей информативной и эстетической ценности очерки Бориса Николаевича Карсонова – тому безупречное подтверждение.

Библиографический список

- 1 Бердник Л. Ф. О семантике вопросительных предложений / Л. Ф. Бердник // Проблемы грамматической семантики : сб. статей / отв. ред. Л. Д. Чеснокова. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 126–128.
- 2 Карсонов Б. Н. Диалоги времен / Б. Н. Карсонов ; отв. ред. и сост. А. М. Васильева. – Курган, 2015. – 776 с.
- 3 Кивилиди Е. А. Специфика функционирования средств художественной выразительности в разных типах очерка / Е. А. Кивилиди // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – № 3 (126). – С. 161–164.
- 4 Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 464 с.
- 5 Кузьмин А. Борис Николаевич Карсонов / А. Кузьмин // Диалоги времен / Б. Н. Карсонов. – Курган, 2015. – С. 5–13.
- 6 Невольникова С. В. Функционально-семантические разновидности русских вопросительных предложений и их роль в текстообразовании : спец. 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Невольникова. – Ростов-на-Дону, 2004. – 25 с.
- 7 Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – Москва : Аспект Пресс, 2011. – 320 с.
- 8 Чернова Л. В. Вторичные коммуникативные функции вопросительных предложений / Л. В. Чернова // Вестник Армавирского государственного университета. – 2018. – Т. 1, № 2. – С. 128–136.
- 9 Щурова И. В. Русский язык и культура речи / И. В. Щурова. – Москва : КноРус, 2022. – 415 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Альбина Михайловна, библиограф, МКУК «Притобольная центральная библиотека», Притобольный МО, с. Глядянское

Афонасьев Владислав Дмитриевич, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Балмасова Ольга Викторовна, сотрудник, МКУК «Центр культуры и досуга Мишкинского МО», Мишкинская межпоселенческая центральная библиотека имени Н. В. Моториной, р. п. Мишкино

Батуев Станислав Владимирович, директор, МБУК «Куртамышский музей им. Н. Д. Томина»

Белоусов Андрей Дмитриевич, директор, Каширинский литературно-краеведческий музей им. В. К. Кюхельбекера, Кетовский МО, с. Каширино

Бельская Елизавета Викторовна, студент ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск

Бенедиктов Александр Александрович, младший научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова, Союз возрождения родословных традиций, г. Москва

Борисов Сергей Борисович, доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск

Бухарова Наталья Александровна, студент, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск

Виноградов Роман Олегович, лаборант учебно-исследовательской археологической лаборатории, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Волков Артём Владимирович, аспирант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Гаева Елена Владимировна, библиотекарь, ГБУК «Курганская областная универсальная научная библиотека им. А.К. Югова», г. Курган

Гуляева Марина Юрьевна, заведующая, Туристско-информационный центр МБУ «ЦБС г. Шадринска», г. Шадринск

Гильдерман Алексей Васильевич, студент, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», ЦИКИ «Астра», г. Екатеринбург

Давлетова Нелия Жаслановна, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Данилова Юлиана Николаевна, канд. филос. наук, библиотекарь, ГБУК «Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова», г. Курган

Драгунова Ольга Сергеевна, канд. филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Захаров Денис Сергеевич, хранитель фондов, МКУК «Мишкинский районный историко-краеведческий музей», Мишкинский МО, р.п. Мишкино

Иванова Людмила Юрьевна, член Зауральского генеалогического общества им. П. А. Свищева, г. Курган

Ильиних Дарья Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Казанцев Андрей Георгиевич, ведущий методист, ГБУК «Курганская областная детско-юношеская библиотека им. В. Ф. Потанина», г. Курган

Катайцева Наталья Александровна, канд. пед. наук, доцент, г. Курган

Козельчук Татьяна Валентиновна, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой «История и документоведение», ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Копылов Вячеслав Петрович, канд. ист. наук, г. Екатеринбург

Коровина Клавдия Евгеньевна, студент, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск

Кочкина Ксения Владиславовна, младший научный сотрудник МБУ «Шадринский краеведческий музей им. В. П. Бирюкова», г. Шадринск

Кулакова Светлана Ивановна, искусствовед, ГАУК «Курганское областное музейное объединение», г. Курган

Кулигина Яна Андреевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Кусков Сергей Александрович, канд. ист. наук, ведущий археолог, ГУ «Объединённый государственный архив Челябинской области», г. Челябинск

Леготина Наталья Александровна, канд. пед. наук, г. Екатеринбург

Литовченко Вера Павловна, библиотекарь, МАУК «ЦГБС», Библиотека истории города им. А. И. Текутьева, г. Тюмень

Лушниковая Нелли Анатольевна, канд. ист. наук, учитель, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 52», г. Курган

Максимова Галина Васильевна, хранитель, ГАУК «Курганское областное музейное объединение», г. Курган

- Маслюженко Денис Николаевич**, канд. ист. наук, доцент, директор гуманитарного института, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Менщиков Игорь Самуилович**, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Миронова Полина Владимировна**, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Москвица Елена Геннадьевна**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Неупокоев Игорь Валентинович**, канд. ист. наук, доцент, Курганский филиал РАНХиГС, г. Курган
- Никулина Дарья Андреевна**, специалист, Государственное казённое учреждение «Научно-производственный центр по охране и использованию объектов культурного наследия Курганской области», г. Курган
- Новиков Игорь Константинович**, заведующий кабинетом археологической лаборатории, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Норкин Виктор Сергеевич**, Институт истории и археологии УрО РАН, МАОУ «Гимназия № 120», г. Екатеринбург
- Павленко Дарья Александровна**, магистрант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Перминов Артём Дмитриевич**, студент, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск
- Петров Максим Сергеевич**, специалист, Курганский областной краеведческий музей (обособленное структурное подразделение ГАУК «Курганское областное музейное объединение»), г. Курган
- Писаревских Денис Олегович**, специалист, «Дом-музей Декабристов» структурное подразделение ГАУК «Курганское областное музейное объединение», г. Курган
- Подкорытова Светлана Валерьевна**, канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск
- Радченко Наталья Владимировна**, заведующая, ГАУ «Курганский областной Дом народного творчества», г. Курган
- Радченко Степан Александрович**, заведующий отделением, врач-хирург, ГБУ «Курганская областная клиническая больница», г. Курган
- Розова Надежда Александровна**, библиотекарь, Елошанская сельская библиотека – филиал МКУК «МЦБ Лебяжьевого района», Лебяжьевоцкий МО, с. Елошное
- Рычкова Екатерина Владимировна**, канд. филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Сазонова Ольга Афонасьевна**, заведующая библиотекой, ГБПОУ «Курганский промышленный техникум», г. Курган
- Сауков Геннадий Николаевич**, аспирант, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган
- Свищёва Елена Евгеньевна**, главный архивист, ГКУ «Государственный архив социально-политической истории Курганской области», г. Курган
- Середкин Андрей Александрович**, студент, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск
- Сыровацкая Анна Дмитриевна**, сотрудник, ГКУ «Государственный архив социально-политической истории Курганской области», г. Курган
- Тершукова Екатерина Владимировна**, главный хранитель, ГАУК «Курганское областное музейное объединение», г. Курган
- Толмачева Елена Валерьевна**, начальник отдела по контролю (надзору) в сфере саморегулируемых организаций Управления Росреестра по Курганской области, г. Курган
- Толстых Николай Юрьевич**, библиограф, МКУ «Центральная библиотека Варгашинского района», Варгашинский МО, р.п. Варгаши
- Украинцева Нина Ефимовна**, учитель русского языка и литературы, ГБОУ «Курганский областной лицей-интернат для одарённых детей», Кетовский МО, пос. Балки
- Усачёв Евгений Валерьевич**, директор, ГКУ «Научно-производственный центр по охране и использованию объектов культурного наследия Курганской области», г. Курган
- Филимонова Татьяна Николаевна**, учитель, МКОУ «Барабинская средняя общеобразовательная школа», Кетовский МО, село Бараба
- Шалютин Борис Соломонович**, д-р филол. наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Курганской области, г. Курган
- Швачко Богдан Евгеньевич**, учитель истории и обществознания, МАОУ «СОШ № 6», пгт. Рефтинский, Свердловская обл.
- Щурова Инна Валерьевна**, канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

СОДЕРЖАНИЕ

МАСЛЮЖЕНКО Д. Н., ВИНОГРАДОВ Р. О. ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МЕНЩИКОВА	3
--	---

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

АФОНАСЬЕВ В. Д., МАСЛЮЖЕНКО Д. Н. МЕМОАРЫ М. П. ЯКОВЛЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КУРГАНЕ И КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ	14
БУХАРОВА Н. А. ПРОИЗВОДСТВО ВАЛЯНОЙ ОБУВИ (ПИМОКАТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО) В Г. ШАДРИНСКЕ И ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ В XIX–XX ВВ.	19
ВОЛКОВ А. В. МЕДИКО-САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ КУРГАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	21
ГАЕВА Е. В. ПЕРВЫЕ ШАГИ ЗЕМСТВА В ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ	24
ГИЛЬДЕРМАН А. В., НОВИКОВ И. К., САУКОВ Г. Н. К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТЕКЛЯННЫХ КУВШИНОВ ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»	29
ИЛЬИНЫХ Д. Г., МОСКВИНА Е. Г., ДАВЛЕТОВА Н. Ж. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА СЕМЬИ В ГАЗЕТЕ «КУРГАН И КУРГАНЦЫ» В 1990-Е ГОДЫ	37
КОЗЕЛЬЧУК Т. В. ЧТО ТАКОЕ «НОВЫЙ БЫТ» И ПОЧЕМУ ЗА НЕГО БОРОЛИСЬ? (КУРГАН В 1920-Е ГОДЫ)	41
КОПЫЛОВ В. П., ЛЕГОТИНА Н. А. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (1945 – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)	46
КОРОВИНА К. Е. ИСТОРИЯ С. ПЕТУХОВО (ПЕТУШКИ) В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	52
КОЧКИНА К. В. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ СКУЛЬПТОРА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГАЛЯМИНСКИХ (16.08.1954 – 13.06.2022)	54
КУЛИГИНА Я. А. ДИНАМИКА ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В ГОРОДЕ КУРГАНЕ В 1799 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНСКОГО КУПЕЧЕСКОГО И МЕЩАНСКОГО ОБЩЕСТВА)	59
КУСКОВ С. А. ЭВАКОГОСПИТАЛИ КУРГАНА И ШАДРИНСКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ...	62
ЛИТОВЧЕНКО В. П. РАССЛОЕНИЕ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ В КУРГАНЕ В 1920-Е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ П. А. СЕРГЕЕВА)	64
ЛУШНИКОВА Н. А. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1967 ГОДУ	70
МАКСИМОВА Г. В. НАРОДНЫЕ (КРЕСТЬЯНСКИЕ) ИКОНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	73
МЕНЩИКОВ И. С., ШВАЧКО Б. Е. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Л. СКАЛОЗУБОВА В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ	78
МИРОНОВА П. В. СТРОИТЕЛЬСТВО И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В С. ЧАСТООЗЕРЬЕ В 1823 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.	82
НЕУПОКОЕВ И. В. БОРЬБА С БЕЗДОМНЫМИ СОБАКАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	87
НОВИКОВ И. К., ТОЛМАЧЕВА Е. В. ФАРФОРОВЫЕ КУКЛЫ II ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»	90
ПАВЛЕНКО Д. А., КОЗЕЛЬЧУК Т. В. ДЕТСТВО В ЭВАКУАЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА В. А. ЕСЕТОВА	96

ПЕТРОВ М. С. ПРОИЗВОДСТВО ТОКАРНОЙ ПОСУДЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОГО ОКРУГА (УЕЗДА) ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	101
ПИСАРЕВСКИХ Д. О. ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ НА ПРИМЕРЕ ФЛЕГОНТА МИРОНОВИЧА БАШМАКОВА.....	104
ПОДКОРЫТОВА С. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МУКОМОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РАЙОНЕ УСТЬЯ РЕКИ МИАСС В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА.....	106
РОЗОВА Н. А. ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ – ПАМЯТНИК КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	108
СЕРЕДКИН А. А., БЕЛЬСКАЯ Е. В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРЕТЬЕГО БАШКИРСКОГО КАНТОНА В 1840–1850 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА Г. ШАДРИНСКА).....	116
ТЕРШУКОВА Е. В. К ИСТОРИИ ЗАСТРОЙКИ КВАРТАЛА № 53 Г. КУРГАНА.....	118
УСАЧЕВ Е. В., НИКУЛИНА Д. А. К ОПЫТУ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО РЕЕСТРА БРАТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1921 ГОДЫ), НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	122
ШАЛЮТИН Б. С. АЛЕКСАНДР СПИЧКИН: ПЕДАГОГИКА (ОТ)ЛИЧНОСТИ.....	126

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АРТАМОНОВА А. М. КОМСОМОЛ ПРИТОБОЛЬЯ (1950–1960-Е ГГ.).....	130
БАТУЕВ С. В. Н. Д. ТОМИН – ЧЕЛОВЕК, ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТИ.....	138
БЕНЕДИКТОВ А. А. НАХОДКА НОТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КУПЦОВ СМОЛИНЫХ	140
БОРИСОВ С. Б. ЗАУРАЛЬСКИЙ БИБЛИОГРАФ-КРАЕВЕД ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БУРЛАКОВА: КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....	143
ГУЛЯЕВА М. Ю. КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК.....	149
ЗАХАРОВ Д. С. НЕОСУЩЕСТВЛЁННЫЙ ПРОЕКТ: ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ВЕТКА ШАДРИНСК – МИШКИНО – ЗВЕРИНОГОЛОВСКОЕ	152
ИВАНОВА Л. Ю. ЗАУРАЛЬЕ – КУЗНИЦА КАДРОВ ДЛЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ.....	154
КУЛАКОВА С. И. ГЕРМАН ТРАВНИКОВ: ГЕНИЙ МЕСТА И ГРАЖДАНИН МИРА.....	158
ПЕРМИНОВ А. Д. СТАТИСТИКА НАСЛЕДИЯ Ф. А. БРОННИКОВА В МУЗЕЯХ И НА АУКЦИОНАХ РОССИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	162
РАДЧЕНКО С. А. НАТАН РУБИНШТЕЙН: ВОСПИТАНИЕ НОМО SAPIENS.....	164
САЗОНОВА О. А. ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ СЕЛА ОЗЁРНОГО	167
СВИЩЕВА Е. Е. СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ФОНДА ДОКУМЕНТОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ Ф. И. ШАКИРОВОЙ).....	171
СЫРОВАЦКАЯ А. Д. ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ КУРГАНСКОГО ОБКОМА КПСС 1943–1991 ГГ. К ИСТОРИИ ВОПРОСА.....	173
ТОЛСТЫХ Н. Ю. НАЧИНАЛОСЬ С ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ: К СТОЛЕТИЮ ЛИХАЧЁВСКОЙ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ.....	176
ФИЛИМОНОВА Т. Н. ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БАРАБИНСКОГО СЕЛЬСОВЕТА.....	179

ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

БАЛМАСОВА О. В. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОРОВ	181
БЕЛОУСОВ А. Д. ЯКОВ ВОХМЕНЦЕВ: К ВОПРОСУ О ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ.....	184
ДАНИЛОВА Ю. Н. ПОЭТЫ – ФРОНТОВИКИ – УЧИТЕЛЯ	187
ДРАГУНОВА О. С. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ МОЛОДЁЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ А. Н. ЗЫРЯНОВА)	191
КАЗАНЦЕВ А. Г. ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «НАШ ВИКТОР ПОТАНИН» СОТРУДНИКАМИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ В. Ф. ПОТАНИНА	194
НОРКИН В. С. ЛИЧНОСТЬ И ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАУРАЛЬСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПИСАТЕЛЯ ПОМОРСКОГО СОГЛАСИЯ Г. Ф. ЛОГИНОВА (1898–1985).....	197
РАДЧЕНКО Н. В. УШЕДШАЯ СТАРИНА В ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ФОНДЕ.....	204
РЫЧКОВА Е. В. ЗАУРАЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-СТАРООБРЯДЕЦ В. ТРЕГУБОВ.....	207
УКРАИНЦЕВА Н. Е. ПЕСНИ КАЗАКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ВОИНСКОЙ ПЕСНИ.....	211
ЩУРОВА И. В., КАТАЙЦЕВА Н. А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ОЧЕРКАХ Б. Н. КАРСОНОВА.....	213
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	217

Научное издание

ЗЕМЛЯ КУРГАНСКАЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Курганская область в истории России»

12 апреля 2023 г.

Выпуск 23

Редактор Н. М. Быкова

Подписано в печать 14.10.2023
Печать цифровая
Заказ 50

Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 27,75
Тираж 100

Бумага 80 г/м²
Уч.-изд. л. 27,75

Библиотечно-издательский центр КГУ.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.

ISBN 978-5-4217-0670-0

9 785421 706700

